

**РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ
ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ
ОТДЕЛЕНИЕ ИСТОРИКО-
ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК
СЕКЦИЯ ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ РАН**

**ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ**

№ 43

Издаётся с сентября 1993 г.

**МОСКВА
2018**

ББК 83
Л 64

Главный редактор
А.Н. Николюкин – д-р филол. наук

Редакция:

А.И. Чагин – д-р филол. наук (зам. главного редактора)
Е.А. Цурганова – канд. филол. наук,
Т.Г. Юрченко (ответственный секретарь)

Редакционный совет:

В.Н. Аношкина – д-р филол. наук, *И.Л. Волгин* – д-р филол. наук, *Н.В. Королёва* – д-р филол. наук, *О.А. Коростелёв* – канд. филол. наук, *Т.Н. Красавченко* – д-р филол. наук, *И.В. Логвинова* – канд. филол. наук, *А.Е. Махов* – д-р филол. наук, *В.Т. Олейник* – канд. филол. наук, *П.В. Палиевский* – д-р филол. наук, *А.Н. Сенкевич* – д-р филол. наук, *Л.В. Скворцов* – д-р филос. наук, *В.Н. Терёхина* – д-р филол. наук, *В.М. Толмачёв* – д-р филол. наук, *Е.П. Чельышев* – академик РАН

Л 64 **Литературоведческий журнал № 43:** Науч. журн. / РАН. ИНИОН; Отд-ние ист.-филол. наук. Секция языка и лит.; гл. ред. Николюкин А.Н. – М.: ИНИОН, 2018. – 312 с.

В журнале публикуются научные статьи по истории отечественной и зарубежной литературы, по теории литературы, а также хроника литературной жизни и библиография по литературоведению.

The Journal of Literary History publishes articles and essays on the history of Russian and foreign literature, theory of poetry, as well as literary chronicle and bibliography. The manuscripts are reviewed. The articles by postgraduates are published gratis.

Номер журнала выходит к 100-летию рождения Александра Исаевича Солженицына (1918–2008) – русского писателя, публициста, социального и политического мыслителя, лауреата Нобелевской премии по литературе (1970), получившего широкое международное признание и оказавшего значительное воздействие на литературную и общественную жизнь страны. Публикуются статьи, посвященные осмыслиению роли писателя в истории отечественной культуры, общим проблемам, а также отдельным аспектам его творчества.

Для литературоведов, культурологов, преподавателей и студентов высших учебных заведений.

Журнал входит в систему elibrary.ru

ББК 83

© Литературоведческий журнал, 2018. Научное издание

СОДЕРЖАНИЕ

К 100-летию рождения

Александра Исаевича Солженицына

<i>В.Т. Олейник.</i> Жанровая специфика «Архипелага ГУЛАГа».....	5
<i>К.В. Душенко.</i> «Сто миллионов голов», или Цена революции.....	40
<i>М.М. Голубков, Е.В. Жуйкова.</i> Мистика vs рацио: Первая мировая война как объект исследования в эпопее А.И. Солженицына «Красное Колесо»	50
<i>Г.В. Хлебников.</i> К фактологической базе книг А.И. Солженицына о революции и Гражданской войне: Марина Цветаева о «революции» 1917 года. Из «Дневниковой прозы».....	68
<i>И.В. Логвинова.</i> Человек как «машина предательства» (А.И. Солженицын и Ю.В. Козлов).....	93
<i>А.М. Ранчин.</i> Матрёна А.И. Солженицына и праведники Н.С. Лескова	99
<i>А.Н. Николюкин.</i> Дневниковая проза: Тургенев и Солженицын (Заметка)	112
<i>А.Н. Стрижёв.</i> Мой Солженицын.....	115
Библиография	
<i>Николай Иванович Надеждин (1804–1856): Материалы к библиографии / Составление и вступит. слово М.А. Бирюковой и А.Н. Стрижёва</i>	156
<i>Коротко об авторах</i>	310

JOURNAL OF LITERARY HISTORY AND THEORY CONTENTS

To the 100-th anniversary of Aleksandr Isayevich Solzhenitsyn

<i>V.T. Oleynik.</i> «Archipelag GULAG» as a generic experiment	5
<i>K.V. Dushenko.</i> «A hundred million heads» or The price of revolution	40
<i>M.M. Golubkov, E.V. Zhiukova.</i> Mysticism vs ratio: Investigation of the First World War in the A.I. Solzhenitsyn's epic «Red Wheel»	50
<i>G.V. Kchlebnikov.</i> To the factual basis of A.I. Solzhenitsyn' books about the revolution and Civil war: Marina Tsvetaeva about the «revolution» of 1917. From «The Diary prose».....	68
<i>I.V. Logvinova.</i> A man as «machine of treachery» (A.I. Solzhenitsyn and U.V. Kozlov).....	93
<i>A.M. Ranchin.</i> A.I. Solzhenitsyn's Matryona and the righteous men in the works by N.S. Leskov.....	99
<i>A.N. Nikolyukin.</i> The diary prose by Tyrgenev and Solzhenitsyn (A note).....	112
<i>A.N. Strizhov.</i> My Solzhenitsyn	115
Bibliography	
<i>Nikolay Ivanovich Nadezdin (1804–1856): To the bibliography /</i> Comp. a. preface by M.A. Biriukova a. A.N. Strizhov	156
<i>Author Index</i>	310

К 100-ЛЕТИЮ РОЖДЕНИЯ АЛЕКСАНДРА ИСАЕВИЧА СОЛЖЕНИЦЫНА

В.Т. Олейник

ЖАНРОВАЯ СПЕЦИФИКА «АРХИПЕЛАГА ГУЛАГа»

Аннотация. В статье анализируются жанровые особенности весьма сложного в данном отношении произведения А.И. Солженицына, который сам именовал «Архипелаг» «опытом художественного исследования». Такого определения в современной жанровой классификации явным образом не имеется. Что имел в виду писатель? Скорее всего, этим определением он подчеркнул тот факт, что «Архипелаг» – произведение, которое находится на стыке реальной документалистики, историографии и публицистики, сплавленных воедино, однако художественным, т.е. беллетристическим началом. А посему художественная, причем со всей очевидностью – именно романическая – составляющая произведения должна считаться доминирующей.

Таким образом, имеются веские основания полагать, что речь идет об уникальном, в высшей степени экспериментальном русском романе последней четверти XX в. И дело, разумеется, не в самом термине, не в игре слов и определений. Просто взял в руки тяжелый том «Архипелага ГУЛАГа», мы должны будем раньше или позже догадаться, что держим нечто очень похожее на литературный «блокбастер» – полноразмерный, эпохальный роман, и что большая часть критериев и оценок, применявшихся к нему в течение почти полувека в нашей критике как к сочинению собственно документального характера, абсолютно неверна. В частности, в романе нет и быть не может фактических ошибок и фактографических неточностей, так как на научную истинность романы, даже романы, имеющие серьезную документальную основу, никогда не претендуют.

Ключевые слова: роман; автобиографический роман; роман-исповедь; философский роман; документальная проза; политический памфlet; интертекстуальный анализ; большевизм; культ личности; марксизм.

Oleynik V.T. «Archipelag GULAG» as a generic experiment

Summary. The article deals with the problem of genre specifications of this world-famous book, which is usually evaluated as a classic non-fiction. This point of view, however, seriously underestimates the purely fictional quality of the text: its intricate composition, its very rich imagery and the power of its emotional impact on readers. Besides non-fictional approach permits politically engaged critics to search for factual inaccuracies or even «errors» and «mistakes» in the text which is principally fictional – an experimental novel fundamentally based on real documents.

Keywords: novel; autobiographical novel; confessions; philosophical novel; documentary prose; political pamphlet; intertextual analysis; bolshevism; cult of the leader; marxism.

В критике, посвященной «Архипелагу ГУЛАГу», еще не устоялось сколь-либо определенного суждения насчет его жанровой природы. В данном факте нет ничего удивительного. Это произведение чрезвычайно своеобразно. Оно ни на что не похоже в истории русской литературы. Оно существует как бы само по себе, в единственном экземпляре, и при этом мало отвечает распространенным ныне представлениям о беллетристике как таковой, а тем более – жанровым ожиданиям, сложившимся в современной художественной литературе и в наших головах.

В связи с этим многие историки литературы склонны относить «Архипелаг ГУЛАГ» к разделу документалистики. Как правило, впрочем, уточняя, что эта документалистика является сугубо писательской, т.е. созданной опытной рукой большого мастера художественного слова. Так, в краткой аннотации, сопровождающей выходные данные в однотомнике, выпущенном в 2017 г. издательством «Альфа-книга», указано: «В одном томе собрана вся всемирно известная **документально-художественная эпопея** (курсив мой. – В. О.) о репрессиях, проводимых в годы советской власти, жертвой которых стал и сам автор»¹.

В принципе документальный подход к «Архипелагу ГУЛАГу» вполне допустим. В произведении действительно много цитат, биографических ссылок и сносок, обычно не свойственных беллетристике. Автор, безусловно, стремился к фактографической точности и достоверности изображаемых им событий и обсуждаемых проблем. Тем не менее это не означает, что текст «Архипелага ГУЛАГа» построен по преимуществу на логике

рациональных умозаключений. Они лишь придают своеобразие, особый колорит всей удивительной образности романа. В связи с этим собственно документальный подход, недооценивая художественный уровень данного произведения, дал основания целому ряду критиков и историков литературы оценивать его по критериям, к нему абсолютно не применимым. В частности, вся полемика о численности заключенных в тех или иных лагерях, о количестве погибших и интернированных и о тому подобных «отклонениях от истины» никакого филологического, литературного смысла не имеет.

А. Солженицын ориентировался на данные, которые были ему доступны. Он ничего не выдумывал, хотя как художник имел полное право включать воображение, а то и преувеличивать (гиперболизировать) отдельные детали для усиления эффекта. И даже если приводимые им данные несколько расходятся со сведениями, полученными при открытии части архивов, у нас нет и не может быть никаких оснований «обвинять» писателя в подобных «ошибках». Тем более что нет никаких гарантит насчет достоверности и полноты рассекрченных в конце XX в. архивных данных. Зная нравы нашего начальства и свойственные ему замашки, можно почти с полной уверенностью утверждать, что определенной части документов попросту не существовало в природе (не все расстрелы и потопленные баржи с людьми регистрировались), что какая-то часть документов была уже уничтожена, а многие – попросту сфальсифицированы.

Явным образом недооценили художественные достоинства «Архипелага ГУЛАГа» и авторы статьи о творчестве А.И. Солженицына в Википедии. В классификации всех его произведений наряду с повестями, рассказами, пьесами, стихотворениями, мемуарами, эссе и статьями указаны только три романа: «В круге первом» (1955–1958), «Раковый корпус» (1963–1966) и «Красное колесо» (1969–1991). «Архипелагу ГУЛАГу» в этой классификации досталось место в рубрике «Другое» наряду с «Русским словарем языкового расширения» (1990–2000) и монографией «Двести лет вместе» (2001–2002).

Это, конечно, абсурд. «Архипелаг ГУЛАГ» – великий русский роман, шедевр А. Солженицына. С ним писатель и вошел в историю мировой литературы. Причем значение творчества этого

русского художника слова отнюдь не ограничивается политической остротой и актуальностью его разоблачений подлинного отношения всемогущего государственного аппарата СССР к населению собственной страны.

Текст романа при первом знакомстве производит впечатление разнородной пестроты и даже эклектики, несколько напоминающая сшитое из разных кусочков деревенское одеяло. Но это впечатление обманчиво. При удалении на нужное расстояние все эти вставки теряют четкие контуры и сливаются в монолит единого повествования, подобно крупным мазкам на больших художественных полотнах. Это происходит потому, что в этих отступлениях и вставках нет ничего случайного или произвольного. Каждая из них необходима и находится строго на своем месте. Как щебень в цементе, приготвляемом для несущих конструкций, они лишь укрепляют общую структуру произведения. Попробуем выделить основные из этих несущих опор, которые обеспечивают художественное единство текста «Архипелага ГУЛАГа».

Во-первых, в романе отчетливо проступает историографическое или летописное начало. Писатель во что бы то ни стало стремился удержать в человеческой памяти, увековечить хотя бы часть того, что происходило на Архипелаге до него и во время его собственного пребывания там: «Идут десятилетия – и безвозвратно слизывают рубцы и язвы прошлого»². При этом он ни в коем случае не претендует на полноту и точность собранной им информации: «Я не дерзну писать историю Архипелага: мне не досталось читать документов»³. И тем не менее, подобно древнему летописцу, он ощущает себя обязанным рассказать все, что ему известно, ибо он не уверен, что «кому-нибудь когда-нибудь» доведется читать эти документы: «Свои одиннадцать лет, проведенные там, усвоив не как позор, не как проклятый сон, но почти полюбив тот уродливый мир, а теперь еще, по счастливому обороту став доверенным многих поздних рассказов и писем, – может быть, сумею я донести что-нибудь из косточек и мяса? – еще, впрочем, живого мяса»⁴.

Уже данное обстоятельство обусловило обилие в тексте романа отступлений исторического характера. Ведя читателей по малоизвестной им территории параллельного мира Архипелага, Солженицын прекрасно понимал, что для несведущих многие

темы, явления, события и реакции «туземцев-зэка» на них будут совершенно неясны без пространных экскурсов в историю того или иного вопроса. Однако существование Архипелага ГУЛАГа не только замалчивалось официальной пропагандой. Оно еще и мифологизировалось абсолютно лживыми рассказнями и легендами. Поэтому писателю, повествующему о быте и судьбах жертв Архипелага, заодно приходилось разоблачать все эти подлые выдумки, плотным коконом окутывавшие историю репрессий в СССР. Без пространного цитирования доступных писателю источников справиться с этой задачей было невозможно. Пытаясь доказать, что вся официальная советская версия террора – абсолютно лжива, Солженицын создал очень необычную технику повествования, которая свободно допускает вкрапления практически любого чужого текста и при этом – текста почти любого размера по мере возникающей необходимости, равно как и имевшихся в его распоряжении фотоматериалов. И делается это столь естественно и органично, что роман не рассыпается на куски, а напротив, обретает особую пластичность и совершенно поразительную интеллектуальную глубину.

Наличествуют в «Архипелаге ГУЛАГе» и признаки повествования автобиографического характера, хотя сам писатель предупреждает: «Эта книга не будет воспоминаниями о собственной жизни. Поэтому я не буду рассказывать о забавнейших подробностях моего ни на что не похожего ареста»⁵. Тем не менее он рассказывает об этих подробностях: «В ту ночь смершевцы совсем отчаялись разобраться в карте (они никогда в ней и не разбирались) и с любезностями вручили ее мне и просили говорить шоферу, как ехать в армейскую контрразведку. Себя и их я сам привез в эту тюрьму и в благодарность был тут же посажен не просто в камеру, а в карцер»⁶. Ситуация повторилась и в Москве, в которой спецконвой, нагруженный тяжелыми чемоданами с ворованным немецким барахлом, плохо ориентировался. Солженицын самолично вез их на метро с Белорусской станции до Лубянской своей Голгофы.

По сути, последовательное описание событий из разных периодов и этапов лагерной жизни автора и является тем композиционным стержнем, на который нанизываются весь тематический материал и вся проблематика «Архипелага ГУЛАГа». Роман

открывается арестом автора и заканчивается его ссылкой, освобождением и хлопотами, связанными с реабилитацией. Иное дело, что автобиографическое начало в этом произведении не является доминирующим. «Я» автора не выступает центром собственного мироздания, вокруг которого врачаются события и судьбы всех остальных персонажей. То есть судьбы тех зэка, с которыми автор встречался лично, как и тех, о которых он узнавал из рассказов других заключенных. В качестве персонажа автор представлен как один из великого множества «туземцев», населявших Архипелаг. Он – типичный их представитель, внешне неотличимый от большинства работяг. Он и внутренне, признав целесообразность их этики и основных экзистенциальных понятий, необходимых для выживания в крайне экстремальных условиях лагерей, противостоит всей их массе исключительно в качестве свидетеля и будущего летописца Архипелага, способного потрясти мир рассказом о страданиях и муках, выпавших на долю его обитателей.

«Архипелаг ГУЛАГ», разумеется, не является исповедью. Он не сконцентрирован на внутреннем мире автора или главного героя, на движениях его чувств и мыслей. Однако и это начало, пусть и пунктирно, пронизывает всю ткань произведения. Нечеловеческие условия сталинских лагерей не только калечат тело и душу писателя, они не только обучают его подвой науке выживать любой ценой, но и дают ему прочную моральную опору. Это происходит тогда, когда он осознает и принимает тот факт, что есть «край» – предел, который человек не должен перешагивать, «не выпадая из человечества». Он начисто отвергает уголовную аксиому: «Умри сегодня ты, а завтра – я». И с этого момента начинается путь его духовного просветления и возвышения. Человек имеет право делать все, чтобы выжить, но только не за счет жизни других, ни в чем не повинных людей.

С самого начала романа Солженицын не питал особых иллюзий относительно достоинств и недостатков своей собственной личности. Характеризуя первых своих сокамерников – трех танкистов в черных мягких шлемах, арестованных за то, что в подпитии они вторглись в баньку, где парились две забористые девахи, одна из которых оказалась фронтовой женой начальника контрразведки, он пишет: «Это были три честных, три немудрящих солдатских сердца – род людей, к которым я привязался за

годы войны, будучи сам и сложнее и хуже. Все три были офицерами»⁷ (курсив мой). Это, конечно, очень честное и даже смелое заявление. И в русской литературе с ее вековыми традициями покаяния такие утверждения встречаются крайне редко. Однако автор не догадывался, пока сам не прошел все круги ада, насколько он лично был близок к той пропасти, в которую угодили многие его современники: «Но, как советует народная мудрость: говори на волка, говори и по волку. Это волчье племя – откуда оно в нашем народе взялось? Не нашего оно корня? не нашей крови?

Чтобы белыми мантами праведников нешибко переполаскивать, спросим себя каждый: а повернись моя жизнь иначе – палачом таким не стал бы и я?

Это – страшный вопрос, если отвечать на него честно. Думаю, что, если бы во время вербовки в училища НКВД очень крепко нахали, – сломили бы и нас всех (студентов Ростовского университета). И вот я хочу вообразить: если бы к войне я был бы уже с кубарями в голубых петлицах – что б из меня вышло? Можнo, конечно, теперь себя обласкивать, что мое ретивое бы не стерпело, я бы там возражал, хлопнул дверью. Но лежа на тюремных нарах, стал я как-то переглядывать свой действительный офицерский путь – и ужаснулся». Он вспомнил, что был несправедливо строг к своим солдатам, что в первую очередь его заботили собственные удобства и безопасность; он требовал укладывать самые толстые бревна на свой блиндаж и считал естественным свое превосходство над рядовыми, поскольку на его погонах красовались капитанские звезды. Вспомнились и многие другие грехи: «Нарастает гордость на сердце, как сало на свинье»⁸.

В результате этих долгих и трудных размышлений Солженицын пришел к крайне неутешительному для себя выводу: «Я приписывал себе бескорыстную самоотверженность. А между тем был – вполне подготовленный палач. И попади я в училище НКВД при Ежове – может быть, у Берии я вырос бы как раз на месте?..

Пусть захлопнет здесь книгу тот читатель, кто ждет, что она будет политическим обличением. Если б это было так просто! – что где-то есть черные люди, злокозненно творящие черные дела, и надо только отличить их от остальных и уничтожить. Но линия, разделяющая добро и зло, пересекает сердце каждого человека...

В течение жизни одного сердца линия эта перемещается на нем, то теснимая радостным злом, то освобождая пространство расцветающему добру. Один и тот же человек бывает в свои разные возрасты, в разных жизненных положениях – совсем разным человеком. То к дьяволу близко. То к святому. А имя – не меняется, и ему мы приписываем все.

Завещал нам Сократ: познай самого себя!

И перед ямой, в которую мы уже собирались толкать наших обидчиков, мы останавливаемся, оторопев: да ведь это только сложилось так, что палачами были не мы, а они.

А кликнул бы Малюта Скуратов *нас* – пожалуй, и мы б не сплошиали!»⁹

Солженицын не просто рассказывает читателям о тяготах и лишениях заключенных в лагерях ГУЛАГа. Он в буквальном смысле создает эффект присутствия, погружая тех, кто открыл эту книгу, в тяжелую, смрадную, давящую атмосферу неведомого им мира Архипелага. Это еще одна причина, руководствуясь которой в качестве основной особенности поэтики романа Солженицын избрал фактографическую точность, историческую и бытовую достоверность любого элемента повествования. В «Архипелаге ГУЛАГе» господствует «правда факта». Она превосходит даже «правду жизни», если последняя конфликтует с тем, что уже установлено в качестве достоверных, подтвержденных фактов. «В этой книге нет ни вымышленных лиц, ни вымышленных событий. Люди и места названы их собственными именами. Если названы инициалами, то по соображениям личным. Если не названы вовсе, то лишь потому, что память людская не сохранила имен, *а все было именно так*»¹⁰ (курсив мой).

«Архипелаг ГУЛАГ», при всей его документальности и публицистичности, несомненно – роман. Экспериментальный русский роман второй половины XX в. Причем его новаторство не обусловлено отнюдь сугубо эстетическими или формальными поисками, а мотивировано экзистенциальными, практическими целями, которые именно временем – его эпохой – были поставлены перед гениальным писателем. Сам А.И. Солженицын, назвав «Архипелаг ГУЛАГ» «опытом художественного исследования» (курсив мой), по всей видимости, хотел подчеркнуть все-таки преобладающую роль не документально-научной, не собственно исторической или

же публицистической, а именно художественно-эстетической доминанты в этом произведении. И пусть нас не особо смущает термин «опыт». Это ведь не только «эксперимент», ставший главным инструментом современного научного познания мира, но и еще, по старинной традиции, – «проба, попытка» от французского слова *l'essai*, вошедшего и в русский язык как «эссе». Вспомним хотя бы эссеистику Монтеня – его прославленные «Опыты».

Еще менее должно нас удивлять употребленное писателем понятие «исследование». По большому счету всякое подлинно художественное сочинение – не что иное, как акт познания. Помимо вечно присущих литературе обязанностей просвещать, наставлять и развлекать, она всенепременно анализирует какие-то прежде неизвестные свойства внутреннего мира человека либо некую часть мира внешнего, окружающей нас реальности. Понятно, что обнаруживаемая в романе «Архипелаг ГУЛАГ» тяга к достоверности повествования, к его документальности обусловливалась отнюдь не только историческими обстоятельствами, но и особенностями писательского дара Солженицына, который, по всей видимости, пристрастия к лиxo закрученным искусственным сюжетам не испытывал. Почти наверняка писатель полагал, что сама жизнь – неистощимая выдумщица самых фантастических сюжетов. Надо только пристально всматриваться в ее течение, улавливая и осмысливая по мере возможности ее внутренние взаимосвязи, парадоксы, случайности и завихрения.

Чего-чего, а пристальности взгляда и неистощимого терпения А. Солженицыну было не занимать. Ограниченный несколькими квадратными метрами «жилого пространства» камер, карцера и бараков или же несколькими квадратными сантиметрами в плотном ряду конвоируемых колонн, преодолевая хроническое ощущение голода и физического истощения, механически безучастно принимая участие в монотонном каторжном ручном труде на «стройках социализма», не имея ни малейшей возможности планировать не только собственную жизнь, но и хотя бы один единственный день, писатель, четко регистрируя все происходившее вовне, тем не менее был преимущественно погружен в непрестанную работу мысли. Как бы скованный физически, лишенный почти всех житейских обязанностей, за исключением самых насущных, он обрел небывалую внутреннюю свободу. Его мозг все

время был занят осмыслением происходившего, а также переоценкой всей прошлой жизни на воле. Поэтому «Архипелаг ГУЛАГ» не мог не стать романом интеллектуальным и, более того, – романом философским в прямом и полном смысле данного определения.

Очутившись в центре земного ада, Солженицын естественным образом был обречен прежде всего размышлять над проблемой зла. «Как это понять злодеи? Что это такое? Есть ли это на свете?

Нам бы ближе сказать, что не может их быть, что нет их. Допустимо сказке рисовать злодеев – для детей, для простоты картины. А когда великая мировая литература прошлых веков выдувает и выдувает нам образы густо-черных злодеев – и Шекспир, и Шиллер, и Диккенс, нам это кажется отчасти уже балаганным, неловким для современного понимания. И главное: как нарисованы эти злодеи? Их злодеи отлично сознают себя злодеями и душу свою – черной. Так и рассуждают: не могу жить, если не делаю зла. Дай-ка я натравлю отца на брата! Дай-ка упьюсь страданиями жертвы! Яго отчетливо называет свои цели и побуждения – черными, рожденными ненавистью.

Нет, так не бывает! Чтобы делать зло, человек должен прежде осознать его как добро или как осмысленное закономерное действие. Такова, к счастью, природа человека, что он должен искать *оправдание* своим действиям.

У Макбета слабы были оправдания – и загрызла его совесть. Да и Яго – ягненок. Десятком трупов ограничивались фантазия и душевые силы шекспировских злодеев. Потому что у них не было *идеологии*.

Идеология! – это она дает искомое оправдание злодейству и нужную долгую твердость злодею. Та общественная теория, которая помогает ему перед собой и перед другими обелять свои поступки и слышать не укоры, не проклятия, а хвалы и почет. Так инквизиторы укрепляли себя христианством, завоеватели – возвеличиванием родины, колонизаторы – цивилизацией, нацисты – расой, якобинцы и большевики – равенством, братством, счастьем будущих поколений.

Благодаря идеологии досталось XX веку испытать злодейство миллионное. Его не опровергнуть, не обойти, не замолчать – и как же при этом осмелимся мы настаивать, что злодеев – не бывает?

А кто ж эти миллионы уничтожал? А без злодеев Архипелага бы не было»¹¹.

Противоречие? Без всяких сомнений – противоречие, обусловленное массовым заблуждением, свойственным нашей исторической эпохе. Почему злодеи Шекспира, Шиллера, Диккенса нам кажутся излишне нарочитыми и даже «балаганными»? Вовсе не потому, что мы шагнули далеко вперед по сравнению с XVII или XIX веками и стали настолько сложнее, что нас эти «примитивные» образы злодеев, созданные для простоты картины, уже не устраивают. Как раз наоборот. Шекспира, в частности, нисколько не интересовали идиоты, творящие зло по глупости, по бесчувственности, по привычке подчиняться приказам, по садистским своим наклонностям, по обычаю поступать как все или же по элементарной трусости. Такие злодеи, не вполне ведающие, что они творят, – явления заурядные, а потому и пошлые в своей заурядности. Шекспира, Шиллера и Диккенса интересовали личности, способные сами генерировать зло, идя как бы против человеческой природы, а вернее – против культуры, стремящейся прививать людям здравомыслие и тягу к человечности. По этой причине злодей-бунтарь должен ясно осознавать, насколько черна его душа. Подобно маньяку злодей-бунтарь не просто противопоставляет себя окружающим людям, он воспринимает их в качестве потенциальных своих жертв. В его сердце практически уже не происходит никакой борьбы добра со злом. Люди, обладающие подобным иммунитетом к добру, и представлялись Шекспиру основным препятствием на пути нравственного прогресса человечества. Поэтому нет ничего удивительного в том, что Шекспир демонизировал этот тип человеческих существ. Как, впрочем, и Шиллер, и Диккенс.

А Солженицын злодеев не демонизировал. Исключение он делал только для Сталина. Да и то лишь до начала «культурной революции» в коммунистическом Китае. Но даже в этом случае писатель помимо ужаса и чувства собственной беспомощности ощущал еще и неловкость, которую испытываешь, наблюдая слабую актерскую игру или понимая, что тебе лгут прямо в глаза. В масштабах сталинских злодеяний Солженицын нисколько не сомневался. Его смущала бутафорская безвкусница, с которой все эти злодейства оправдывались и прославлялись. «Высок, просторен, светел, с преображенiem окном был кабинет моего следователя

И.И. Езепова (страховое общество “Россия” строилось не для пыток) – и, используя его пятиметровую высоту, повешен был четырехметровый вертикальный, во весь рост, портрет могущественного Властителя, которому я, песчинка, отдал свою ненависть. Следователь иногда вставал перед ним и театрально клялся: “Мы за него жизнь готовы отдать! Мы – под танки за него готовы лечь!” Перед этим почти алтарным величием портрета казался жалким мой бормот о каком-то очищенном ленинизме, и сам я, кощунственный хулитель, был достоин только смерти»¹².

Казалось бы, глаза Солженицына не были зашорены. Он ясно видел и понимал, что в СССР под бесконечные мантры о святом равенстве и братстве построено изощренно иерархическое общество, управляемое партийной и силовой номенклатурой. Что власть этой номенклатуры и ее главы – Вождя, Отца народов – абсолютна и непрекаема. Что разница в социальном положении верхов и низов в СССР столь колossalна, что равной ей не найти на Руси и в самые глухие времена Средневековья, за исключением, возможно, только недолгого периода опричнины. Все время слушая по радио и читая в газетах заявления о том, что Коммунистическая партия и советское правительство сил своих не щадят во имя блага нашего народа, писатель ясно осознавал, что идет глухое истребление миллионов наших соотечественников.

Особенно потрясла Солженицына коллективизация 1929–1930 гг., когда миллионы земледельцев были «раскулачены» и сосланы в гибкие смертные места. «Раздувание хлесткого термина “кулак” шло неудержимо, и к 1930 г. так звали уже вообще всех крепких крестьян – крепких в хозяйстве, крепких в труде и даже просто в своих убеждениях. Кличку “кулак” использовали для того, чтобы размозжить в крестьянстве *крепость*. Вспомним, очнемся: лишь двенадцать лет прошло с великого Декрета о земле – того самого, без которого крестьянство не пошло бы за большевиками и Октябрьская революция бы не победила. Земля была раздана по едокам, *равно*. Всего лишь девять лет, как мужики вернулись из Красной Армии и накинулись на свою завоеванную землю. И вдруг – кулаки, бедняки. Откуда это? Иногда – от неравенства инвентаря, иногда – от счастливого или несчастливого состава семьи. Но не больше ли всего – от трудолюбия и упорства? И вот теперь-то этих мужиков, чей хлеб Россия и ела в 1928 г., бросили

лись искоренять свои местные неудачники и приезжие городские люди. Как озверев, потеряв всякое представление о “человечестве”, потеряв людские понятия, набранные за тысячелетия, – лучших хлеборобов стали схватывать вместе с семьями и безо всякого имущества, голыми, выбрасывать в северное безлюдье, в тундру и в тайгу»¹³.

Поначалу писатель был убежден, что это – злодейские происки Сталина, стремившегося истребить в населении всякую крепость, всякую хозяйственную и интеллектуальную самостоятельность как потенциально опасные для его личного всемогущества. В действительности так оно и было. Только Stalin, добиваясь абсолютной власти, не особо искал ленинизм. Лишь слегка его видоизменив и приспособив к востокализированным национальным российским да и грузинским традициям, тиран весьма последовательно реализовывал ленинскую программу. Устанавливая режим неограниченной личной власти, закавказский уголовник шаг за шагом при этом создавал первое в мире тоталитарное государство большевистского, советского (марксистского) типа. Причем он, безусловно, рассчитывал на мировое господство, широко расставляя шпионские сети, разворачивая массированную пропаганду и рассматривая территорию СССР как плацдарм, с которого со временем можно будет начать мировую революцию. Архипелаг ГУЛАГ был всего лишь одним из звеньев этого глобального плана. Но он и оказался самым слабым его звеном. С негодования и возмущения практикой порабощения и истребления пусть и не очень свободных, но, как правило, ни в чем не повинных людей во второй половине XX в. и началась история краха коммунистических режимов и всей марксистской идеологии.

В течение первых лет своего заключения Солженицын в его собственной подаче предстает убежденным марксистом-ленинцем: «Всего три недели пробыл Юрий Евтухович в нашей камере. Все эти три недели мы с ним спорили. Я говорил, что революция наша была великолепна и справедлива, ужасно лишь ее искажение в 1929 г. Он с сожалением смотрел на меня и пожимал нервные губы: прежде чем браться за революцию, надо было вывести в стране клопов! (...) Я говорил, что долгое время только люди высоких намерений и вполне самоотверженные вели советскую страну. Он говорил – одного поля со Сталиным, с самого начала.

(В том, что Сталин – бандит, мы с ним не расходились)... Из-за этих ежедневных споров, запальчивых по нашей молодости, мы с ним не сумели сойтись ближе и разглядеть друг в друге больше, чем отрицали»¹⁴. Ю. Евтухович не переубедил Солженицына, но все же несколько поколебал его пламенную веру. Гораздо более глубокое влияние на русского писателя оказал эстонский политик и государственный деятель Сузи Арно, осужденный за преступное желание добиться самоопределения для своей родины. «С ним я учусь новому для меня свойству: терпеливо и последовательно воспринимать то, что никогда не стояло в моем плане и как будто никакого отношения не имеет к ясно очерченной линии моей жизни. С детства я откуда-то знаю, что моя цель – это история русской революции, а остальное меня совершенно не касается. Для понимания же революции мне давно ничего не нужно, кроме марксизма; все прочее, что липло, я отрубал и отворачивался. А вот свела меня судьба с Сузи, у него была совсем другая область дыхания, теперь он увлеченно рассказывает мне все о своем, а свое у него – это Эстония и демократия. (...) И неизвестно – зачем мне, но все это начинает мне нравиться, все это и в моем опыте начинает откладываться. (Сузи обо мне потом вспомнит так: странная смесь марксиста и демократа. Да, диковато у меня тогда соединялось.)»¹⁵.

А. Солженицын интуитивно, силой догадки пытался постичь закономерности наблюдаемого вокруг кошмара, и надо сказать, что, как правило, он оказывался прозорливее многих маститых академиков общественных наук. Как мы уже отметили, он **первым** в «Архипелаге ГУЛАГе» высказал гипотезу о наличии взаимосвязи между злом в его современных ипостасях и вариантах и *идеологией*. Как идеологией фашизма, так и идеологией марксизма. Ибо только массовая идеология ненависти (ненависти национальной или расовой в случае с фашизмом и ненависти классовой, социальной у марксистов) способна порождать многомиллионные толпы зомбированных фанатиков, вызывая массовое оглупление и озверение людей, из которых без проблем набираются целые армии исполнителей-палачей для любых подлых дел.

Сопоставляя отдельные известные ему факты, «пламенный ровесник Октября» был вынужден признать, что установление советской власти в стране привело к нравственной порче населения. «Этот вовсе секретный, никак публично не проявленный поток

(несостоявшихся осведомителей) мы просили бы читателя все время удерживать в памяти – особенно для первого послереволюционного десятилетия: тогда люди еще бывали горды, у многих еще не было понятия, что нравственность – относительна, имеет лишь узоклассовый смысл, – и люди смели отказываться от предлагаемой им службы, и всех их карали без пощады. (...)

В 30-е годы этот поток непокорных сходит к нулю: раз требуют осведомлять, значит, надо – куда ж денешься? “Плетью обуха не перешибешь”. “Не я – так другой”. “Лучше буду сексотом я, хороший, чем другой, плохой”. Впрочем, тут уже добровольцы прут в сексоты, не отобъешься: и выгодно, и доблестно¹⁶.

Из той же оперы и упоминание о старинном обычая праздничных передач арестантам. В XIX в. русские люди осознавали свою человеческую взаимосвязь, действительно ощущали себя единым социумом, обществом. «Никто в России не начинал разговляться, не отнеся передачи безымянным арестантам на общий тюремный котел. Несли рождественские окорока, пироги, кулебяки, куличи. Какая-нибудь бедная старушка – и та несла десяток крашеных яиц, и сердце ее облегчалось. И куда же делась эта русская доброта? Ее заменила *сознательность!* До чего же круто и бесповоротно напугали наш народ и отучили заботиться о тех, кто страдает. Теперь это дико. Теперь в каком-нибудь учреждении предложите устроить предпраздничный сбор для заключенных местной тюрьмы – блюстителями это будет воспринято почти как антисоветское восстание! Вот до чего озверели»¹⁷.

При всей их внешней очевидной противоположности марксизм и нацизм явились прямой реакцией на быстрое развитие демократических процессов в середине XIX – начале XX в. в Западной Европе, в Канаде и США под влиянием стремительной индустриализации производства. Осознав потенциальное могущество этого джинна демократии, столь внезапно вырвавшегося на просторы Европы, двое молодых бородатых немцев-коммунистов объявили против него крестовый поход. С этой целью они и создали химеру Капитала как экономического варианта Сатаны с его бесчисленной челядью в виде хищных промышленных магнатов, всесильных банкиров и несметных полчищ разного рода мелких и средних предпринимателей – кровососов-буржуа, пиявок, насквозь пропитанных омерзительным, аморальным духом наживы и

жаждой чистогана и потому озабоченных исключительно эксплуатацией трудящихся масс, труд, пот и кровь которых они были готовы ежедневно потреблять. Своей задачей основоположники марксизма считали ни много ни мало полное истребление этого паразитического класса эксплуататоров. И создав с этой целью учение о «диктатуре пролетариата», К. Маркс и Ф. Энгельс вольно или невольно провозгласили историческую необходимость создания тоталитарного государства, так как социальный геноцид такого гигантского масштаба мог быть осуществлен только государственным аппаратом, причем не связанным никакими юридическими и моральными ограничениями.

Сражаясь с придуманным ими «капитализмом», основоположники марксизма поэтому противопоставляли ему отнюдь не «социализм с человеческим лицом», который оказался столь же чисто умозрительной химерой, а абсолютно реальный звериный лик тоталитарного государства, пожирающего граждан и все гражданское общество подобно гигантскому левиафану, а то и дракону. (Сам Солженицын, возможно, не без влияния Е. Шварца предпочитал вариант с драконом.) А потому и не было ничего удивительного в том, что все марксистские режимы, появлявшиеся на земле в течение XX в., оказывались в той или иной мере тоталитарными. «Теперь, видя китайскую культурную революцию (тоже на 17-м году после окончательной победы), мы можем с большой вероятностью заподозрить тут историческую закономерность. И даже сам Сталин начинает казаться лишь слепой и поверхностной исторической силой»¹⁸.

Таким образом, попав в тюрьму убежденным коммунистом, Солженицын за годы, проведенные в лагерях, совершил великий подвиг нравственного восхождения. Он отверг большевистский цинизм и аморализм, выдаваемый за «новую, пролетарскую мораль», и вернулся к этическим ценностям, выработанным человечеством за всю многовековую историю своего существования. «Большевизм – враг всего человечества»¹⁹, – заявил писатель, отважно объявляя ему войну в своем романе «Архипелаг ГУЛАГ».

Рассматривая это произведение в данном ракурсе, можно вполне обоснованно утверждать, что перед нами – подлинный идеологический роман, роман-памфlet, воплотивший историю

необычайно трудного, выстраданного самим автором очищения от абсолютно лживой скверны большевизма.

Точно установлено, что во время Второй мировой войны нацисты в своих концлагерях ставили на заключенных медицинские опыты. Бесчеловечно? Да, но, несомненно, не лишено определенной целесообразности! Разве можно сопоставить судьбу нескольких сотен тысяч человек, все равно обреченных на гибель, с той пользой, которую способны принести эти опыты всем последующим поколениям людей?! Такова логика тоталитарного мышления. И, честно говоря, совсем не верится, что в советских концлагерях таких опытов не ставили. Что могло им помешать? Раве что бесхозяйственность: отсутствие нужных кадров и оборудования. В любом случае советская медицина практически всегда содействовала пыткам, а не истязанием, позволяя арестантам умирать во время пыток, а затем оформляя фальшивые диагнозы в свидетельствах о смерти.

Наделавшая много шума и имеющая по сих пор серьезные последствия для ее соучастников гибель Сергея Магнитского, как и смерть многих других безымянных задержанных и заключенных в полицейских застенках современной России, насчитывает долгую – как минимум вековую – предысторию. А если точнее, то и традицию. И если мы полагаем, что события, описываемые в «Архипелаге ГУЛАГа», нас в принципе не касаются, что это очень старая история, то мы сильно ошибаемся. Как раз нам выпало расхлебывать все ту же кровавую кашу на ее финальной стадии. И пока неизвестно, сколько еще потребуется усилий и жертв.

Тоталитарный режим абсолютно бесчеловечен: «Прошел слух в 1918–20 годах, будто Петроградская ЧК и Одесская своих осужденных не всех расстреливали, а некоторыми кормили (живьем) зверей городских зверинцев. Я не знаю, правда это или навет, и если были случаи, то сколько. Но я не стал бы изыскивать доказательств: по обычанию голубых кантов я предложил бы им самим доказать нам, что это невозможно. А где же в условиях голода тех лет доставать пищу для зверинца? Отрывать у рабочего класса? Этим врагам все равно умирать – отчего же им смертью своей не поддержать зверохозяйство Республики и так способствовать нашему шагу в будущее? Разве это не целесообразно?

Вот та черта, которую не переступить шекспировскому злодею, но злодей с идеологией переступает ее – и глаза его остаются ясны.

Физика знает *пороговые* величины или явления. Это такие, которых вовсе нет, пока не перейден некий природе известный, природою зашифрованный порог. Сколько не свети желтым светом на литий – он не отдает электронов, а вспыхнул слабенький голубенький – и вырваны (переступлен порог фотоэффекта)! Охлаждай кислород за сто градусов, сжимай любым давлением – держится газ, не сдается! А переступлено сто восемнадцать – и потек, жидкость.

И видимо, злодейство есть тоже величина пороговая. Да, колеблется, мечется человек всю жизнь между злом и добром, скользит, срывается, карабкается, раскаивается, снова затемняется, но пока не переступлен порог злодейства – в его возможности возврат, и сам он – в объеме нашей надежды. Когда же густотою злых поступков или какой-то степенью их или абсолютностью власти он вдруг переходит через порог – он ушел из человечества. И может быть – без возврата»²⁰.

С удивительной проницательностью Солженицын уловил и технологию лингвистического программирования массового сознания пропагандистскими органами большевистского государства, которую он определил как «раздувание хлестких», но лишенных реального смысла терминов-кличек. Поток «раскулаченных», пишет он, «ничтожно мало содержал в себе тех “кулаков”, по которым **назван был для отвода глаз** (курсив мой). “Кулаком” называется по-русски прижимистый бесчестный сельский переворовщик, который богатеет не своим трудом, а чужим, через ростовщичество и посредничество в торговле. Таких в каждой местности и до революции-то были единицы, а революция вовсе лишила их почвы для деятельности. Затем, уже после 17-го года, по переносу значения “кулаками” стали называть (в официальной и агитационной литературе, отсюда вошло и в устный обиход) тех, кто вообще использует труд наемных рабочих, хотя бы по времененным недостаткам своей семьи. Но не упустим из виду, что после революции за всякий такой труд невозможно было не уплатить густо – на страже батраков стояли комбэд и сельсовет, попробовал

бы кто-нибудь обидеть батрака! Справедливый же наем труда допускается в нашей стране и сейчас.

Но раздувание хлесткого термина “кулак” шло неудержимо, и к 1930 г. так звали уже вообще всех крепких крестьян... Такое массовое движение (коллективизация) не могло не осложниться. Надо было освободить деревню также и от тех крестьян, кто просто проявлял неохоту идти в колхоз, несклонность к коллективной жизни, которой они не видели в глаза и о которой подозревали (мы теперь знаем, как основательно), что это будет руководство бездельников, принудиловка и голодаловка. Нужно было освободиться и от тех крестьян (иногда совсем небогатых), кто за свою удачу, физическую силу, решимость, звонкость на сходках, любовь к справедливости были любимы односельчанами, а по своей независимости – опасны для колхозного руководства. (Этот крестьянский тип и судьба его бессмертно представлены Степаном Чаусовым в повести С. Залыгина.) И еще в каждой деревне были такие, кто лично стал поперек дороги здешним *активистам*. По ревности, по зависти, по обиде был теперь самый удобный случай с ними рас считаться. Для всех этих жертв требовалось новое слово – и оно родилось. В нем уже не было ничего “социального”, экономического, но оно звучало великолепно: **подкулачник**. То есть я считаю, что ты – пособник врага. И хватит того! Самого оборванного батрака вполне можно зачислить в подкулачники! (Хорошо помню, что в юности нам это слово казалось вполне логичным, ничего неясного.)

Так охвачены были двумя словами все те, кто составлял суть деревни, ее энергию, ее смекалку и трудолюбие, ее сопротивление и совесть. Их вывезли – и коллективизация была проведена²¹.

Заметим, что в данном отношении в нашей стране мало что изменилось. Технология НЛП (нейролингвистического программирования), а попросту – компостирования мозгов бесконечным повторением бессмысленных терминов – до сих пор остается главным методом манипулирования общественным сознанием. Ушли в прошлое «кулаки», «подкулачники», «буржуи» и прочие «космополиты», но их заменили «иностранные агенты», «ограниченные контингенты войск», «национал-предатели», «укропы», «госдеповский обком», «русофobia», повсеместный «терроризм» людей, не имеющих никакого оружия и не призывающих оружие

применять, и многие другие столь же бессмысленные, искусственные штампы. Их единственная задача – подобно кривым зеркалам сильно искажать реальную действительность, причем выгодным для начальства образом.

Не избежал Солженицын в «Архипелаге ГУЛАГе» и извечной философской дилеммы: бытие или сознание. Примитивная привязка человеческого сознания к быту, к материальным условиям, к низшему уровню существования отлично вписывалась в марксистскую концепцию управления массами. Взяв контроль над производством и распределением жизненных ресурсов, как материальных, так и, собственно, культурных, всемогущее тоталитарное государство чисто теоретически вроде бы гарантирует себе контроль и над сознанием масс, еще усиливая его с помощью вездесущих средств массовой информации. На практике, однако, так не получилось ни в одной коммунистической деспотии. Даже в Северной Корее и то появились инакомыслящие, не желающие подчиняться всем идиотским требованиям очередного богдыхана-придурка.

В СССР в хрущёвско-брежневский период, как, видимо, и в сталинский, вне государственного идеологического контроля находилось порядка трети населения. Половина из них была представлена криминальной вольницей, а другая половина – людьми, умеющими мыслить собственной головой и понимающими, насколько речи коммунистических бонз и их многочисленных прихлебателей отличались от их реальных дел, от той политики, которую они проводили. Именно благодаря силе духа этих диссидентов (как досидентов, так и отсидентов) и началось постепенное разложение преступного советского режима. Диссиденты стремились добиться того, чтобы начальство само исполняло свои собственные законы. И это квалифицировалось как мятеж, как возмутительная антисоветчина.

С особенной остротой проблема совести и чести, разумеется, стояла в лагерях Архипелага. «Чехов еще и до наших ИТЛ разглядел и назвал растление на Сахалине. Он пишет верно: пороки арестантов – от их подневольности, порабощения, страха и постоянного голода. Пороки эти: лживость, лукавство, трусость, малодушие, наушничество, воровство. (Опыт показал каторжному, что в борьбе за существование обман – самое надежное средство.)

Но не десятерицю ли все это у нас?.. Так впору не возвращать, не защищать мнимое какое-то лагерное “возвышение”, а описать сотни, тысячи случаев подлинного растления. ... Да. Да. Но я этих бесчисленных случаев растления не стану рассматривать здесь. Они – всем известны, их уже описывали и будут. Довольно с меня признать их. Это – общее направление, это – закономерность. ... А как сохраняются в лагере истые религиозные люди? На протяжении этой книги мы уже замечали их уверенное шествие через Архипелаг – какой-то молчаливый крестный ход с невидимыми свечами. Как от пулемета падают среди них – и следующие заступают, и опять идут. Твердость, не виданная в XX веке! И как нисколько не картино, без декламации²².

«Так не вернее ли будет сказать, что никакой лагерь не может растлить тех, у кого есть устоявшееся ядро, а не та жалкая идеология “человек создан для счастья”, выбиваемая первым ударом нарядчика дрына?

Растлеваются в лагере те, кто до лагеря не обогащен был никакой нравственностью, никаким духовным воспитанием. (Случай – вовсе не теоретический, *за советское пятидесятилетие таких-то и выросли миллионы*) (курсив мой).

Растлеваются в лагере те, кто уже и на воле растлевался или был к тому подготовлен... Татьяна Фаликс пишет: “Наблюдения за людьми убедили меня, что не мог человек стать подлецом в лагере, если не был им до него”.

Если человек в лагере круто подлеет, так, может быть: он не подлеет, а открывается в нем его внутренне подлое, чему раньше просто не было нужды?

М.А. Войченко считает так: “В лагере бытие не определяло сознание, наоборот, от сознания и неотвратимой веры в человеческую сущность зависело: сделаться тебе животным или остаться человеком”... Да, лагеря были рассчитаны и направлены на растление. Но это не значит, что *каждого* им удалось смять»²³.

* * *

Всех нюансов устройства советского государства Солженицын тем не менее все-таки не смог разглядеть. По-видимому, сильно мешал марксизм, впитанный им, как говорится, с молоком

матери. Отвергнув большевизм, а затем и ленинизм, он остановился перед флагами, натянутыми Единственно Верным Учением. К марксизму Солженицына, впрочем, подмешивалась еще и идея русского мессианства: «Загадка, которую не нам, современникам, разгадать: для чего Германии дано наказать своих злодеев, а России – не дано?»²⁴

В этом нет и не было никакой загадки. Дело попросту в том, что нацизм был официально осужден, проклят и запрещен как бесчеловечная идеология. Пропаганда нацизма и в наши дни преследуется в качестве уголовного преступления. Марксизм этой процедуре подвергнут не был, несмотря на то что он ни на гране не гуманнее нацизма, а число его жертв – неизмеримо больше. *И марксизм гораздо лживее и подлее нацизма. Если нацисты сплошь и рядом* вполне откровенно, хотя и цинично разглагольствовали о своих истинных целях и планах, то марксисты всегда лгали и лукавили. Все их красивые слова о благе трудящихся и о счастье народа использовались ими только в виде морковок, висящих на палке прямо перед носами погоняемых глупых осликов. Так, крестьянам они обещали землю в собственность в тот же самый день, когда ими было принято решение о национализации всей земли в России.

Их интересовала исключительно полная концентрация власти в руках государственного аппарата и, соответственно, – в их собственных руках. Благо народа и карательные органы, мордующие этот народ, – вещи абсолютно не совместимые. «Революционный Военный Трибунал – это необходимый и верный орган Диктатуры Пролетариата, долженствующий через *нестыканное разорение, через океаны крови и слез* (курсив мой) провести рабочий класс...»²⁵ Таким образом, в брошюрах, издававшихся под грифом «секретно», большевики не скрывали, что они готовы разорить всю страну в неслыханных прежде масштабах, проливая при этом «оceanы крови и слез». Но вот цели, ради которых они лили потоки крови, формулировались ими по-идиотски лживо и неубедительно. Истребляя миллионы людей, они якобы планировали создать «мир свободного труда и красоты»²⁶. Это – глумливый свист на лужайке. Что это за «красота», ради которой могут быть пролиты «оceanы крови и слез»?! Не зря на Руси самых

страшных грабителей и убийц испокон веков называли «соловьями-разбойниками».

Большевикам, как и многим другим теоретикам-марксистам, всегда было глубоко наплевать на собственный народ. Они сами сплошь и рядом называли себя «интернационалистами» и потому готовы были всецело жертвовать национальными интересами как сугубо местными. Именно поэтому советское тоталитарное государство и сумело оберечь практически всех своих злодеев, которые, утратив привилегию убивать открыто, в наглую, тем не менее до сих пор остаются монополистами на убийства заказные и тайные. Благодаря этому они и считаются основными опорами режима.

В общей сложности после разоблачения «культа личности» осуждено и казнено в СССР было порядка 30 человек, виновных в социальном геноциде. Да и это, скорее, стало результатом внутриведомственной и внутриклановой борьбы разных групп коммунистической номенклатуры, нежели данью общепризнанной законности и справедливости.

«Что же за гибельный будет путь у нас, если нам не дано очиститься от этой скверны, гниющей в нашем теле? Чему же сможет Россия научить мир?»²⁷ Да, действительно, писатель как в воду глядел: мы уже очень долго стагнируем и все никак не можем очиститься от этой скверны, гниющей в теле нашего общества. Но вот переживать по поводу того, что Россия не сможет чему-то *научить мир*, едва ли стоит. России еще многому самой придется учиться у наиболее развитых стран мира.

«В немецких судебных процессах то там, то сям бывает дивное явление: подсудимый берется за голову, отказывается от защиты и ни о чем не просит больше суд. Он говорит, что череда его преступлений, вызванных и проведенных перед ним вновь, наполняет его отвращением и он не хочет больше жить.

Вот высшее достижение суда: когда порок настолько осужден, что от него отшатывается и преступник.

Страна, которая восемьдесят шесть тысяч раз с помоста судьи осудила порок (и бесповоротно осудила его в литературе и среди молодежи) – год за годом, ступенька за ступенькой очищается от него.

А что делать нам?.. Когда-нибудь наши потомки назовут несколько наших поколений – поколениями слюнтяев: сперва мы

покорно позволяли избивать нас миллионами, потом мы заботливо холили убийц в их благополучной старости. (...)

В Двадцатом веке нельзя же десятилетиями не различать, что такое подсудное зверство и что такое “старое”, которое “не надо ворошить”! Мы должны осудить публично самую *идею* расправы одних людей над другими! Молча о пороке, вгоняя его в туловоище, чтобы только не выпер наружу, – мы *сеем* его, и он еще тысячуекратно взойдет в будущем. Не наказывая, даже не по-рицая злодеев, мы не просто оберегаем их ничтожную старость – мы тем самым из-под новых поколений вырываем всякие основы справедливости. Оттого-то они “равнодушные” и растут, а не из-за “слабости воспитательной работы”. Молодые усваивают, что подлость никогда на земле не наказуется, но всегда приносит благополучие²⁸.

Что тут скажешь: все верно. Спорить не с чем. Но совершен-но непрекаемый вывод все-таки ошеломляет: «И неуютно же, и страшно будет в такой стране жить!»²⁹ Солженицын в начале 1970-х годов сумел яснее всех предвидеть то, что будет происходить в России в конце XX в. и в первые десятилетия XXI в. В связи с этим мы с полным основанием имеем право назвать «Архипелаг ГУЛАГ» романом-предостережением.

Несмотря на то что темы и события «Архипелага ГУЛАГа» полны подлинного трагизма, роман не свободен от иронии: «Да пощадит меня снисходительный читатель! До сих пор бестрепетно выводило мое перо, не сжималось сердце, и мы скользили беззаботно потому что все 15 лет находились под верной защитой то законной революционности, то революционной законности. Но дальше нам будет больно: как читатель помнит, как десятки раз нам объяснено, начиная с Хрущёва, “примерно с 1934 года началось нарушение ленинских норм законности”.

И как же нам теперь вступить в эту пучину беззакония?»³⁰

Впрочем, ирония эта довольно злая. Ее трудно отличить от мефистофельского сарказма. Гораздо мягче иронизирует Солженицын в другом эпизоде: дело Промпартии 1930 г. Это был один из хорошо отрепетированных ГПУ глумливо-показательных процессов. Когда в западной прессе появились предположения, что показания подсудимых против себя были получены с помощью пыток, обвиняемые поспешили опровергнуть эту «клевету»

с помощью совершенно смехотворных «аргументов»: «подсудимый Федотов – Заключение в тюрьму принесло пользу не одному мне!.. Я даже лучше чувствую себя в тюрьме, чем на воле.

Очкин – И я, и я лучше!»³¹

И уж совсем по-раблезиански смешон эпизод, взятый Солженицыным из воспоминаний Р.В. Иванова-Разумника. «Иванов-Разумник пишет, что в 1938 он сидел с Крыленкой в одной камере, в Бутырках, и место Крыленко было под нарами. Я очень живо это себе представляю (сам лазил): там такие низкие нары, что только по-пластунски можно подползти по грязному асфальтовому полу, но новичок сразу никак не приоровится и ползет на карачках. Голову-то он подсунет, а выпяченный зад так и остается снаружи. Я думаю, верховному прокурору было особенно трудно приоровиться, и его еще не исхудавший зад подолгу торчал во славу советской юстиции. Грешный человек, со злорадством представляю этот застрявший зад, и во все долгое описание этих процессов он меня как-то успокаивает»³².

Описание показательных публичных процессов в «Архипелаге ГУЛАГа», происходивших в СССР в 1920–1930-х годах, действительно можно назвать «долгим» – свыше 100 страниц. И это описание в произведении играет очень важную роль: автор не просто описывает эти процессы, он их анализирует, он их расследует с тщательностью Шерлока Холмса как самые подлинные, самые аутентичные свидетельства правового нигилизма, характерного для тоталитарного мышления и каким-то чудом сохранившегося и дошедшего до наших дней. «Вот попал к нам от доброхотов неуничтоженный экземпляр книги обвинительных речей неистового революционера, первого рабоче-крестьянского наркомвоена, Главковерха, потом – зачинателя Отдела Исключительных Судов Наркомюста (готовился ему персональный пост Трибуна, но Ленин этот термин отменил) (В.И. Ленин. Полн. собр. соч. Т. 36, с. 210), славного обвинителя величайших процессов, а потом разоблаченного лютого врага народа Н.В. Крыленко – нам надо суметь прочесть эту книгу. Другого не дано. А недостающее все, а провинциальное все надо восполнить мысленно»³³.

Когда мы сегодня удивляемся пыткам и бесчеловечному отношению в российских СИЗО и тюрьмах или недоумеваем, почему судьи не всегда стремятся на заседаниях выяснить истину, прини-

мая доказательства обвинения и отвергая аргументы, представляемые защитой, когда десятки видеокамер, зарегистрировавших момент преступления, вдруг оказываются одновременно неисправными и это никак не учитывается в суде, когда мы узнаем, что существует практика, согласно которой следователи могут потребовать подписки о неразглашении не только с адвокатов, осуществляющих защиту, но и с самих обвиняемых, мы должны понять, что власть до сих пор использует ржавую дубину судебного устрашения эпохи диктатуры пролетариата, созданную еще на самой заре советской власти.

Для того чтобы превратить суд в орудие террора, в инструмент, всемерно укрепляющий власть, юристы, обслуживавшие тоталитарное государство, должны были не просто отказаться от целого ряда юридических норм и аксиом, не говоря уже о процедурах. Им предстояло внедрить в головы масс целый ряд парадоксальных, а подчас и иррациональных истин. Во-первых, они отвергли понятие «вины», «персональной виновности» как буржуазный предрассудок. С точки зрения революционной законности гораздо важнее виновности или невиновности подсудимого была степень социального вреда или социальной опасности, которую он объективно мог представлять для общества нового типа. «Потому не нужны юридические тонкости, что не приходится выяснять – виновен подсудимый или невиновен: понятие *виновности*, это старое буржуазное понятие, вытравлено теперь... Люди не есть люди, а определенные носители определенных идей. Каковы бы ни были индивидуальные качества (подсудимого), к нему может быть применен только один метод оценки: это – оценка с точки зрения классовой целесообразности. Следует понимать: не то ложится тяжестью на подсудимого, что он уже сделал, а то, что он *сможет* сделать, если его теперь не расстреляют. Мы охраняем себя не только от прошлого, но и от будущего»³⁴. (Юстиниан с его циничным: «Незнание закона не освобождает от наказания», – просто отдыхает.)

Если подсудимые невиновны, «то почему именно их арестовали?» – задал на одном из процессов неотразимый вопрос обвинитель Крыленко (чей зад, как мы помним, затем подолгу торчал из-под нар). «Вот сила мысли! – комментирует Солженицын, – и за тысячи лет не догадывались обвинители: сам факт ареста уже

доказывает виновность! Если подсудимые невиновны – так зачем бы их тогда арестовали? А уж если арестовали – значит, виноваты!»³⁵

И вот ведь странно: откуда у современного российского правосудия такая неистребимая тяга к обвинительному уклону по отношению ко всем арестованным и посаженным на скамью подсудимых гражданам!?

На этом, пожалуй, мы и завершим рассмотрение следственной части романа «Архипелаг ГУЛАГ». В рамках статьи не рассмотреть даже всех юридических тем, освещаемых А. Солженицыным. Но вот одна сцена из глав, описывающих публичные судебные процессы, буквально завораживает: настолько точно она передает не только картину, но и самое атмосферу того времени – вкус, цвет и запах эпохи: «В зале заседаний государственного совета на уровне второго этажа идут окна, забранные листами жести с мелкими дырочками, а за окнами – неосвещенная галерея. Из зала никогда нельзя догадаться: есть ли кто там или нет. Хан незрим, и совет всегда заседает как бы в его присутствии. При отъявленном восточном характере Сталина я очень верю, что он наблюдал за комедиями в Октябрьском зале. Я допустить не могу, чтобы отказал себе в этом зрелище, в этом наслаждении.

Ягода – отъявленный уголовник. Этот убийца-миллионер не мог вместить, чтобы высший над ним Убийца не нашел бы в своем сердце солидарности в последний час. Как если бы Stalin сидел тут, в зале, Ягода уверенно настойчиво попросил пощады прямо у него: «Я обращаюсь к Вам! Я построил для Вас два великих канала!..» И рассказывает бытчик там, что в эту минуту за окошком второго этажа, как бы за кисею, в сумерках зажглась спичка и, пока прикуривали, увиделась тень трубки»³⁶.

* * *

Итак, попробуем обобщить наши наблюдения. Текст «Архипелага ГУЛАГа», безусловно, обладает такими качествами, как документальность и публицистичность. Но он ни в коем случае этими качествами не ограничивается. Напротив, они воспринимаются как составные, органические части гораздо более многозначной и, следовательно, более сложной образной структуры, способ-

ной не только оказывать глубокое эмоциональное воздействие на читателя, но и воссоздавать чрезвычайно сложную и противоречивую картину реальной жизни в объеме, практически недостижимом для пера документалиста или публициста.

Только художник силой своей интуиции, своего дара и всего своего жизненного опыта способен постигать то, что при отсутствии необходимой и достаточной информации недоступно разуму, не может быть изучено аналитически. Именно благодаря способности писателя «домысливать», «додумывать» роман «Архипелаг ГУЛАГ», используя информационную достоверность документа и мощную энергию публицистического пафоса, создал чрезвычайно убедительную и подлинно художественную панораму гнусностей, творимых «пролетарской диктатурой» в самые активные годы безумных массовых кровопусканий. Причем все это изуверство выдавалось за невиданный социальный эксперимент, за строительство «общества нового типа».

«Архипелаг ГУЛАГ» своей честностью и убедительностью потряс читательскую аудиторию не только России, но и всех цивилизованных стран. Благодаря этому роман практически сразу стал одной из тех очень редких книг, которым действительно удалось изменить облик мира. Достаточно указать хотя бы тот факт, что путч коммунистов в Португалии, протестовавших в 1975 г. против публикации «Архипелага ГУЛАГа» на португальском языке, был подавлен массовым движением общественности, потребовавшей его издания.

В жанровом отношении, как, надеюсь, нам удалось показать, «Архипелаг ГУЛАГ», с одной стороны, – очень свободный монтаж не только различных жанровых, но и разных видовых литературных компонентов. И по принципу этого монтажа он весьма похож на сборник или на антологию. Но, с другой стороны, – это лишь внешнее впечатление. На самом деле все разнородные элементы как бы спрессованы, а то и сплавлены в сложнокомпозитный монолит, излучающий кинетику единого замысла, крайне строго и последовательно реализуемого на всех уровнях произведения.

А. Солженицын по натуре писатель эпический. Он тяготел к роману, к поэтике больших полотен. У него и рассказы, даже «крохотки», обладают сказовой эпичностью. Они похожи на эскизы разных размеров, на эпизоды, как бы случайно выхваченные из

течения самой жизни и специально сжатые ввиду отсутствия необходимого времени и места, но способные разрастаться почти бесконечно. Однако при этом к канонам и законам главного эпического жанра Нового времени – классического романа писатель относится без должного пietета. Он свободно начиняет автобиографию кусками историографического трактата и даже статистическими отчетами; его исповедь способна сосуществовать с натуралистическими зарисовками арестантского быта, с яростными инвективами, а то и с сатирическим памфлетом; глубочайшие философские и социологические размышления, как и крайне неординарные психологические наблюдения, вполне выдерживают соседство с незамысловатыми байками и пустопорожним трепом лагерных «мужиков». И это, безусловно, – проявление художественной стратегии Солженицына.

Он разламывает рамки традиционного романа. У него фактически нет ни одного романа о любви как о прочном, сколь-либо долговечном чувстве, связывающем судьбы людей. И дело не только в том, что как арестант он сам боялся этих чувств, которые лично никак не мог бы защитить и которые, как путы, лишь мешали бы ему бороться за свою жизнь и личность. Конечно, этот страх играл определенную роль в формировании художественного мира Солженицына, но эту роль не следует преувеличивать. Гораздо важнее оказалось то, что мировоззрение писателя, познавшего ужасы советских лагерей, утратило многие из тех констант, которые традиционно формировали художественную логику классического романа. Его романы – это произведения, созданные именно в эпоху великих перемен и непосредственно для читателей этой эпохи.

В частности, он уже не мог считать, что человек – обычный человек – хоть в какой-то мере реально способен управлять своей судьбой: «Наша судьба угодить в смертную камеру не тем решается, что мы сделали что-то или чего-то не сделали, – она решается кручением большого колеса, ходом внешних могучих обстоятельств. Например, обложен блокадою Ленинград. Его высший руководитель товарищ Жданов что должен думать, если в делах Ленинградского ГБ в такие суровые месяцы не будет смертных казней? Что Органы бездействуют, не так ли? Должны же быть вскрыты крупные подпольные заговоры, руководимые немцами

извне? Почему же при Сталине в 1919 такие заговоры были вскрыты, а при Жданове в 1942 их нет? Заказано – сделано: открываются несколько разветвленных заговоров! Вы спите в своей нетопленной ленинградской комнате, а когтистая черная рука уже снижается над вами. И от вас тут ничего не зависит³⁷.

Вынул подозреваемый белый носовой платок у окна высымркаться – подал кому-то сигнал. Разговаривал с моряками – отмечено наружным наблюдением или донесено осведомителями. Был знаком с кем-то, внесенным в список «заговорщиков», – считай, до ареста остались считаные дни, и т.д. и т.п. Человек, осознающий мир как рулетку, как верчение колеса Фортуны (кстати, источник происхождения этого «большого колеса» в тексте Солженицына чрезвычайно важен, тогда как интертекстуального анализа его произведений до сих пор практически не существует), воспринимает жизнь как беспорядочное броуновское движение, происходящее под влиянием мощного силового поля зла. Кстати, почти все герои Солженицына в его романах похожи на броуновские частицы. Они беспорядочно движутся, иногда сталкиваясь друг с другом, на какое-то краткое время кружась друг подле друга, а то и сцепляясь, но затем их вновь разносит в разные стороны. Постоянный контакт обеспечивается только более или менее длительным пребыванием в одной камере, в одной бригаде, в одном бараке, в одной больничной палате. Все остальные человеческие контакты – эфемерны.

Эта модель мира воспроизведена не только в «Архипелаге ГУЛАГе». Она же доминирует и в «Раковом корпусе», и в «Круге первом», и в «Красном колесе». Однако именно в «Архипелаге» она подается с такой высокой степенью концентрации, что оказалась способной, как это ни странно для столь пессимистического мировосприятия, нанести смертельный удар всей коммунистической системе, построенной на лжи, на коварстве и варварстве.

От этого удара коммунизму, слава Богу, уже никогда не оправиться. Он должен быть окончательно осужден, проклят и заклеймен как в корне преступная, лженаучная теория. Его пропаганда должна преследоваться по закону. Однако его бессовестные адвокаты, не говоря уже о выродках, проповедующих «прелести сталинизма» в нашей стране, до сих пор пытаются очернить творчество великого писателя. С этой целью они пользуются двумя

своими основными инструментами – клеветой и ненавистью. Приведем только один пример того, как беспардонно и тупо они лгут, пытаясь очернить Солженицына. Тем более что этот случай типичный. Он дает ключ почти ко всем нападкам этого рода. Такова статья маршала СССР Василия Ивановича Чуйкова, в наши дни присутствующая в Интернете под заголовком «Разгромная критика “армейской” части “Архипелага ГУЛАГа”».

Автор – несомненно, заслуженный человек, сыгравший значительную роль в разгроме немецко-фашистских войск под Сталинградом. Понятно, что он был преданным сталинистом до конца своих дней. Но это не дает ему ни малейшего права клеветать без зазрения совести: «Когда я прочитал в “Правде”, что в наши дни нашелся человек, который победу под Сталинградом приписывает штрафным батальонам, не поверил своим глазам… Звание лауреата Нобелевской премии ко многому обязывает. На мой взгляд, оно не совместимо с невежеством и ложью»³⁸.

Но лжет сам маршал СССР: Солженицын победы штрафникам не «приписывал». Он лишь указал, что они тоже участвовали в этом сражении и тоже проливали кровь, «цементируя» ею «фундамент Сталинградской победы». Против чего тут можно возразить?

Что же касается «невежества», в котором маршал обвинил одного из самых образованных русских писателей второй половины XX в., то это, конечно, – верх нелепости. Суди, портянка, не выше голенища своих же прахорей.

Что же так возмутило Чуйкова в «Архипелаге ГУЛАГа»? Полагаем, следующее высказывание: «Прокачен был еще один важный поток офицеров и солдат, не желавших стоять насмерть и отступавших без разрешения; тех самых, кому, по словам бессмертного сталинского приказа № 227, Родина не может простить своего позора. Этот поток не достиг, однако, ГУЛАГа: ускоренно обработанный трибуналами дивизий, он весь гнался в штрафные роты и бесследно рассосался в красном песке передовой. Это был цемент фундамента Сталинградской победы. Но в общероссийскую историю он не попал»³⁹.

Ну во всероссийскую историю этот поток все-таки попал благодаря тому же «Архипелагу» и песне Высоцкого «В прорыв идут штрафные батальоны». Но Чуйков почему-то упорно не

желал признавать факта их существования. Он заявил: «Сколько надо иметь ядовитой желчи в сердце и на устах, чтобы приписать победу штрафным ротам, которых *до и во время Сталинградского сражения не было и в природе...* Я снова повторяю: в период Сталинградской эпопеи в Советской Армии *не было штрафных рот или других штрафных подразделений. Среди бойцов-сталинградцев не было ни одного бойца штрафника*⁴⁰ (курсив мой).

Следует поверить знаменитому полководцу? К сожалению, совершенно невозможно. Возьмем текст упоминаемого приказа № 227. Читаем резолюцию приказа: «ПРИКАЗЫВАЮ: Сформировать в пределах фронта от 1 до 3 штрафных батальонов по 800 человек. Сформировать в пределах армий от 5 до 10 штрафных рот до 200 человек в каждой, чтобы дать им возможность искупить кровью свои преступления перед Родиной. Нарком обороны СССР И. Сталин».

Этот приказ был подписан и разослан 28 июля 1942 г. Битва за Сталинград началась 13 сентября 1942 г. и закончилась 31 января 1943 г. Чуйков пытается убедить нас, что командующие фронтов и армий в течение полугода не удосужились исполнить приказ Наркома обороны?! Не смешите народ: маршал лжет, как сивый мерин. Что совсем не красит маршальского мундира, а заодно и непристойно пятнает его имя. Но, видно, очень уж убедительно просили Чуйкова высказаться «уважаемые люди», вернее, подлая номенклатура в больших чинах, всегда готовая на любой подлог.

Документы и факты свидетельствуют о том, что персональная травля Солженицына была организована на самых верхних этажах советской иерархии. В конце 1960-х – начале 1970-х годов в КГБ было создано специальное подразделение, занимавшееся исключительно оперативной разработкой Солженицына: 9-й отдел 5-го управления. Можно не сомневаться, что эти мастера разводки и клеветы перерыли все, что можно и нельзя, в поисках компромата на него. **И ничего не нашли**, кроме всякой чепухи. Типа разнотений в отчестве: Исаакович – Исаевич.

Сколько домыслов и сколько дури было наплетено по этому поводу литературоведами в штатском, обвинявшими Александра Солженицына в патологической склонности ко лжи. А всему виной – ошибка, допущенная паспортисткой в первом паспорте будущего писателя. Ошибку, которую он был вынужден воспроиз-

водить по этому паспорту во всех документах при поступлении в Ростовский университет. Затем, вероятно, Солженицын посчитал описку перстом судьбы и в таком виде – гораздо более удобо-произносимом – принял ее как своего рода писательский псевдоним. Никто ведь не обвинял во лжи Алексея Максимовича Пешкова, который всем известен стал как Максим Горький.

Яйца выеденного не стоят и все остальные гэбэшные обвинения, высказываемые в адрес Александра Исаевича: он никогда не старался «оклеветать советскую власть». Эта сверхчувствительная дамочка сама всегда была настолько обгажена с головы до ног кровью и дермом, что клеветать на нее не имело никакого смысла. Достаточно было просто говорить правду.

Солженицын не был «предателем родины»: по суду высланный с родины и лишенный советского гражданства в 1974 г., он почти 20 лет прожил апатридом, не попросив никакого иностранного гражданства, в отличие от великого множества нынешних записных «патриотов».

Не был Солженицын и лагерным «стукачом», хотя дал себя формально завербовать «куму», взяв псевдоним «Ветров», чтобы тот отвязался от него. Об этом он сам рассказал в «Архипелаге ГУЛАГа», продемонстрировав приобретенную в заключении способность дурить начальство, которое он, разумеется, и за людей особо не считал. Но ни одного доноса Солженицын не написал, и это, по всей видимости, стало причиной конфликта с администрацией и высылки его из марфинской «шарашки».

Солженицын никогда не предлагал США бросить атомную бомбу на СССР. Гэбэшники опять примитивно лгут, высасывая из пальца очередное обвинение в адрес великого писателя и подтасовывая реальную фактуру. Атомной бомбой в «Архипелаге» своим мучителям-охранникам грозили зэки, надеясь, что и на них найдется управа и что за свои зверства они могут ответить еще на этом свете. И вертухай в ответ помалкивали, понимая реальность существующей угрозы.

Не был Солженицын и «власовцем». Тем более – «литературным власовцем». Это – очередной тупой пропагандистский нейзогизм, вообще лишенный реального смысла. И это при том, что писатель не принимал официального гнусно-карикатурного образа генерала Власова и его солдат как «омерзительных предателей,

озабоченных только спасением своих шкур». Для Солженицына они были подлинно трагическими жертвами совершенно безвыходных обстоятельств. Жертвами, которые заслуживают гораздо большего человеческого понимания и сочувствия, чем все палачи и изувёры из ВЧК – ОГПУ – НКВД – КГБ – ФСБ вместе взятые.

-
- ¹ Солженицын А.И. «Архипелаг ГУЛАГ». Полное издание в одном томе. Под ред. Н.Д. Солженицыной. М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2017. 1279 с.: ил. С. 4. Все последующие цитаты из этого произведения приведены по данному изданию.
 - ² «Архипелаг ГУЛАГ». С. 7.
 - ³ Там же. С. 7.
 - ⁴ Там же. С. 7.
 - ⁵ Там же. С. 7.
 - ⁶ Там же. С. 27.
 - ⁷ Там же. С. 27.
 - ⁸ Там же. С. 110–111.
 - ⁹ Там же. С. 114.
 - ¹⁰ Там же. С. 8.
 - ¹¹ Там же. С. 117–118.
 - ¹² Там же. С. 95.
 - ¹³ Там же. С. 49.
 - ¹⁴ Там же. С. 145–146.
 - ¹⁵ Там же. С. 140.
 - ¹⁶ Там же. С. 43–44.
 - ¹⁷ Там же. С. 148.
 - ¹⁸ Там же. С. 57.
 - ¹⁹ Там же. С. 170.
 - ²⁰ Там же. С. 118.
 - ²¹ Там же. С. 49–50.
 - ²² Там же. С. 764–765.
 - ²³ Там же. С. 766–767.
 - ²⁴ Там же. С. 119.
 - ²⁵ Данишевский К.Х. Революционные военные трибуналы. М.: Издание Реввоентрибунала Республики, 1920. (Под грифом «Секретно»). С. 59.
 - ²⁶ Там же. С. 59.
 - ²⁷ «Архипелаг ГУЛАГ». С. 119.
 - ²⁸ Там же. С. 119–120.
 - ²⁹ Там же. С. 120.
 - ³⁰ Там же. С. 266.
 - ³¹ Там же. С. 258.

³² Там же. С. 258.

³³ Там же. С. 202–203.

³⁴ Там же. С. 204.

³⁵ Там же. С. 258.

³⁶ Там же. С. 268.

³⁷ Там же. С. 285–286.

³⁸ www.pravda.info/society/145679.html

³⁹ «Архипелаг ГУЛАГ». С. 64.

⁴⁰ www.pravda.info/society/145679.html

К.В. Душенко

**«СТО МИЛЛИОНОВ ГОЛОВ»,
ИЛИ ЦЕНА РЕВОЛЮЦИИ**

Аннотация. Вопрос о цене революции, измеряемой человеческими жизнями, рассматривается как сюжет русской литературы и европейской истории. «Сто миллионов» играют здесь роль некой символической цифры.

Ключевые слова: революционный террор; Достоевский; Солженицын; Марат; Карл Гейнцен.

Dushenko K.V. «A hundred million heads» or The price of revolution

Summary. The article deals with the price of revolution regarding human lives as it is represented in the Russian literature and European history. «A hundred million» plays here a symbolic role.

Keywords: terror of revolution; Dostoevsky; Solzhenitsyn; Marat; Karl Heinzen.

Тема цены «большевистского эксперимента» – центральная в «Архипелаге ГУЛАГе».

В I томе «Архипелага», законченном в 1968 г. и опубликованном в 1973 г., читаем: «По подсчетам эмигрировавшего профессора статистики И.А. Курганова, от 1917 до 1959 года без военных потерь, только от террористического уничтожения, подавлений, голода, повышенной смертности в лагерях и включая дефицит от пониженной рождаемости, – оно [внутреннее подавление] обошлось нам в... 66,7 миллиона человек (без этого дефицита –

55 миллионов). <...> Мы, конечно, не ручаемся за цифры профессора Курганова, но не имеем официальных» (ч. 3, гл. 1)¹.

Имелась в виду статья И. Курганова (наст. фамилия Кошкин) «Три цифры», впервые опубликованная в «Новом русском слове» (Нью-Йорк) 12 апреля 1964 г. Впоследствии эта статья неоднократно перепечатывалась и цитировалась.

«Ф. Достоевский, – писал Курганов, – еще в 1871 г. высказал предположение, что социальное переустройство общества может обойтись народу в сто миллионов голов». Собственные подсчеты Курганова превысили эту цифру: «...Население СССР потеряло в связи с событиями 1917–1959 гг. сто десять миллионов человеческих жизней», причем «в невоенное время, во время революции и революционного преобразования России народ потерял шестьдесят шесть миллионов семьсот тысяч человек»².

Эту цифру повторил Солженицын в интервью испанскому ТВ 20 марта 1976 г.: «Итак, всего мы потеряли от социалистического строя – 110 миллионов человек!»³.

Несколько дней спустя автор «Архипелага...» еще раз высказался на эту тему: «...Достоевский предсказывал, что социализм обойдется России в 100 миллионов жертв. Цифра казалась невероятной». Но «мы узнаем, что Достоевский если ошибся, то в меньшую сторону. Социализм обошелся нынешнему Советскому Союзу с 1917 по 1959 – в 110 миллионов человек». (Лекция для радио Би-би-си; передавалась по внутреннему британскому радиовещанию 24 марта 1976 г. Английский текст опубликован в «Times» от 2 апреля, русский текст – в «Вестнике РХД», 1976, № 117)⁴.

Месяц спустя Анатолий Кузнецов на радио «Свобода» развел тему пророчества:

«Но откуда взялась у Достоевского эта поистине апокалиптическая цифра в сто миллионов голов? Просто так, первое, что к слову пришло? Да нет, не думаю... Он глубоко понимал сущность грозящей катастрофы, много думал, прикидывал и эти “сто миллионов” написал либо совершенно трезво-обдуманно, серьезно, либо, если (как это у настоящего писателя часто бывает) оно как бы “само собой написалось”, это был голос интуиции художника, а это еще серьезнее. Интуиция художника может открывать или предугадывать такие вещи, которые наука, скажем, лишь через

сотню лет по всем правилам откроет, докажет⁵. («Сто десять миллионов», передача из цикла «Писатель у микрофона», 23 апреля 1976 г.).

В годы «перестройки» о «100 миллионах жертв» коммунистического строя писали многие авторы; вспоминали при этом и о «пророчестве» Достоевского.

Подсчеты Курганова были подвергнуты критике уже в эмигрантской печати; в настоящее время историки считают их безусловно завышенными.

Цифра, которая задним числом была сочтена «предсказанием» Достоевского, содержалась в романе «Бесы» (1871). Преподаватель гимназии Липутин говорит Верховенскому: «Они <...> держатся новейшего принципа всеобщего разрушения для добрых окончательных целей. Они уже больше чем сто миллионов голов требуют, для водворения здравого рассудка в Европе <...>» («Бесы», I, 3, 4)⁶.

Позднее тот же Липутин повторяет: «Нам вот предлагаю, через разные подкидные листки иностранной фактуры, сомкнуться и завести кучки с единственою целью всеобщего разрушения, под тем предлогом, что как мир ни лечи, все не вылечишь, а срезав радикально сто миллионов голов и тем облегчив себя, можно вернее перескочить через канавку» («Бесы», II, 7, 2)⁷.

Верховенский по этому поводу замечает: «“Сто миллионов голов”, это, может быть, еще и метафора, но чего их бояться, если при медленных бумажных мечтаниях деспотизм в какие-нибудь сто лет съест не сто, а пятьсот миллионов голов?»⁸.

Именно эта логика оправдания массового террора использовалась сперва якобинцами, а затем их последователями, включая большевиков.

Заметим, что в первом случае Липутин излагает мысли Кириллова, а во втором ссылается на «листки иностранной фактуры». Тем не менее обычно мысль о «ста миллионах голов» приписывают Шигалеву – главному теоретику среди «бесов» Достоевского.

Очевидно, что в «Бесах» «сто миллионов голов» – не предсказание, а заведомая гипербола или, как говорит Верховенский, «метафора». Смысл ее в том, что никакая цена, измеряемая в человеческих жизнях, не может быть слишком велика для построения

нового общества – общества, в котором от «свободы, равенства и братства» оставлено только равенство.

Ближайший источник «метафоры» указан комментаторами «Бесов». Это фрагмент «Былого и дум» Герцена (ч. V, гл. 37; опубл. в 1859 г.). Герцен своими словами излагает мысль немецкого республиканца Карла Гейнцена (1809–1880): «Достаточно избить два миллиона человек на земном шаре – и дело революции пойдет как по маслу»⁹.

Здесь же, беседуя с другом Гейнцена, Герцен замечает:

«– Зачем же <...> ваш приятель пишет такой вредный вздор? Реакция кричит, да и имеет право – что за Мара [т.е. Марат], переложенный на немецкие нравы, да и как требовать два миллиона голов?»¹⁰.

Ф. Энгельс еще в 1847 г. говорил о переходе Гейнцена «от либерализма к кровожадному радикализму»¹¹. После поражения революции 1848–1849 гг. Гейнцен эмигрировал в Лондон. Здесь в немецкоязычной «Deutsche Londoner Zeitung» от 9 и 16 ноября 1849 г. появилась его статья «Уроки революции» («Lehren der Revolution»), изданная также в виде брошюры.

23 ноября в лондонской «Таймс» было опубликовано письмо за подпись «Антисоциалист», автор которого, объявив Гейнцена «светочем немецкой социал-демократической партии», призывал министра внутренних дел «в 24 часа выслать из Англии лиц, проповедующих эти дьявольские доктрины». В письме, в частности, говорилось, что Гейнцен предлагает убить «два миллиона реакционеров» в ходе близящейся революции на континенте Европы¹². Автор письма добавлял: «Реакционер – это, надо думать, любой, со взглядами которого г-н Гейнцен не согласен»¹³.

3 декабря в «Таймс» появилась статья, в которой «Уроки революции» цитировались по письму «Антисоциалиста»¹⁴. Заметки в «Таймс» привлекли внимание французской и немецкой печати. В частности, христианский социалист Ф. Ламенне резко осудил Гейнцена в газете «Реформа» (Париж).

4 декабря Гейнцен послал в редакцию «Таймс» (а затем и в редакцию «Реформы») письмо с ответом на обвинения. Однако по-английски напечатать это письмо удалось только во второстепенном лондонском еженедельнике «The Reasoner» и одновременно, уже по-немецки, в эмигрантском журнале «Völkerbund»

(Женева). Выдержки из «Уроков революции» цитируются далее по этому письму.

«Возможно, – писал Гейнцен, – что предстоящее Европе великое революционное излечение (*die große Revolutionskur*) обойдется в несколько миллионов голов. Но стоит ли принимать в расчет жизнь двух миллионов негодяев [*Schurken*¹⁵] там, где речь идет о счастье двухсот миллионов людей?»¹⁶.

«Великое революционное излечение» наводит на мысль о формуле из «Бесов»: «Мир как ни лечи, все не вылечишь», хотя Достоевский не был знаком с оригинальным текстом брошюры Гейнцена.

Фраза о «жизни двух миллионов негодяев» приведена и в оправдательном письме Гейнцена. Тем не менее здесь же он, вопреки очевидности, утверждал: «...Я нигде не выдвигал требования, что должны пасть 2 000 000 голов. <...> Я лишь допустил “возможность”, что предстоящая европейская революция может стоить 2 000 000 голов, и присовокупил к этой возможности мнение, что даже столь великая жертва не будет слишком высокой ценой, если так, и только так может быть куплено счастье 200 000 000 людей»¹⁷.

В подтверждение правомерности такого подхода Гейнцен цитировал высказывание знаменитого историка Томаса Маколея по поводу английской колонизации Ирландии:

«...Поистине, более милосердно изгнать сотню тысяч человек сразу и заполнить образовавшуюся пустоту хорошо управляемым населением, нежели плохо управлять миллионами на протяжении множества поколений. Нам гораздо легче простить огромные тяготы, причиненные ради великой цели, чем бесконечный ряд мелких стеснений и притеснений, лишенных какой-либо разумной цели» (эссе «Сэр Уильям Темпл», 1838)¹⁸.

В наше время именно это высказывание Маколея приводится в доказательство того, что английский историк доходил до оправдания геноцида.

В приведенных выше словах Герцена имя Марата появилось недаром. Именно он был прародителем «метафоры» о «миллионах голов». Поначалу «друг народа» называл сравнительно умеренную цену за всеобщее благоденствие: «Пятьсот-шестьсот отрубленных

голов обеспечили бы вам покой, свободу и счастье» (памфлет «С нами покончено», 26 июля 1790 г.)¹⁹.

Вскоре цена возросла: «Возможно, потребуется отрубить пять–шесть тысяч голов; но, если бы даже пришлось отрубить двадцать тысяч, нельзя колебаться ни одной минуты» («Чудовищные недостатки конституции...», опубл. в газ. «Друг народа» от 16 дек. 1790 г.)²⁰.

Затем счет пошел на сотни тысяч голов: «...Свобода не восторжествует, пока не отрубят преступные головы двухсот тысяч этих злодеев» («Публицист», 7 апр. 1792 г.)²¹.

В конце 1795 г. той же риторикой воспользовался ультрапоялист граф Луи де Антрег (1753–1812). В разгар полемики с умеренным монархистом, графом Франсуа Монлозье, он заявил: «Монлозье находит меня неумолимым; он прав; я буду Маратом контрреволюции, я отрублю сто тысяч голов, и первой – его собственную»²².

В позднейшей публицистике и исторической литературе число голов, которые требовал отрубить Марат и его сторонники, доходило до 300, 500 и даже 600 тыс.²³ Но, по-видимому, именно Гейнцен первым повел счет на миллионы.

Правда, Гейнцен был готов заплатить жизнями 2 млн за «счастье 200 000 000 людей», т.е. Европы без России и Османской империи, тогда как Марат требовал 200 тыс. голов в одной только Франции, насчитывавшей тогда около 28 млн человек. «Сто миллионов голов», которых требуют «нигилисты» у Достоевского «для водворения здравого рассудка в Европе», намного превышали тогдашнюю численность населения Российской империи.

Едва ли не ближе всех к «метафоре» Достоевского подошел В. Белинский в один из моментов своих революционно-социалистических увлечений: «Я начинаю любить человечество маратовски: чтобы сделать счастливой малейшую часть его, я, кажется, огнем и мечом истребил бы остальную» (письмо к В.П. Боткину от 28 июня 1841 г.)²⁴. Разница только в том, что целью «истребления» у Белинского, как и у прочих последователей Марата, является «счастье», тогда как в «Бесах» истребление имеет целью исключительно равенство, причем «равенство в рабстве», по формуле Верховенского.

Через несколько лет после «Бесов» к той же теме, но в совершенно другом ключе обратился Салтыков-Щедрин. В цикле очерков «Помпадуры и помпадурши» читаем:

«— <...> Вспомни этих двух нигилисток, которых мы возили по городу!

— Но они были миленькие, Theodore!

— Миленькие! <...> D'un seul coup elles vous demandent cent milles têtes à couper! Excusez du peu! [Они сразу требуют ста тысяч голов! Ни больше, ни меньше!]» («Помпадур борьбы...», 1873)²⁵.

«— <...> Но ведь они сто тысяч голов требуют... ah! c'est très grave ça! [ах, это так ужасно!]»

— Сплетни, мой друг. У меня один нигилист поташным заводом заведовал (*mais un nigiliste pur sang, mon cher!*) [нигилист чистых кровей, мой дорогой!], так я с ним откровенно об этом говорил: “Правда ли, спрашиваю, господин Благосклонов, что вы сто тысяч голов требуете?” — “Никогда, говорит, ваше сиятельство, этого не бывало!..”» («Зиждитель», 1874)²⁶.

Очерк «Помпадур борьбы» полон аллюзий на события, связанные с Парижской коммуной. В комментарии к этому очерку упоминается о требовании, которое приписывалось коммунарам в буржуазной прессе: «Гильотинировать “сто тысяч голов” буржуазии»²⁷. Однако нам не удалось отыскать обвинений подобного рода. Более вероятно, что щедринские «сто тысяч голов», которых требуют «нигилисты», были ироническим откликом на «сто миллионов голов» Достоевского.

Казалось бы, Щедрин слишком легко отмахнулся от темы, поднятой нелюбимым им Достоевским. Но можно сказать и так, что он подошел к ней с другой стороны – в «Истории одного города». Этот исторический памфlet оказался, как мы полагаем, ничуть не менее пророческим, чем антиреволюционный памфlet Достоевского, хотя исходил из совершенно других предпосылок. В откликах современников на большевистскую революцию щедринские образы возникают едва ли не чаще, чем образы «бесов» Достоевского. Вот один из примеров: 30 декабря 1920 г. Николай Окунев, до революции умеренный либерал и сторонник конституционной монархии, записывает в своем дневнике: «Обращаю читателя к подлиннику и прошу его, не смущаясь тем, что Угрюм-Бурчеев гениально выдуман Щедриным как образец

зарвавшегося реакционера, – проверить меня: правда ли, что Советизацию устраивали не кто иные, как Угрюм-Бурчевы? Почитайте эту главу (13) [“Истории одного города”], да повнимательнее. Она стоит 13-й главы Откровения Иоанна Богослова»²⁸.

Ранее цифра «100 тыс.» – как возможное и допустимое число жертв русской революции – встречалась в прокламации «К молодому поколению», написанной Н.В. Шелгуновым и М.Л. Михайловым весной 1862 г.: «Если <...> пришлось бы вырезать сто тысяч помещиков, мы не испугались бы и этого»²⁹.

С формулой «100 миллионов голов» перекликается высказывание, приписанное Ленину во второй половине XX в.: «Совершенно неважно, если три четверти человечества будут уничтожены; важно лишь то, чтобы оставшаяся четверть была коммунистами».

Оно было приведено эмигрантом «второй волны» Николаем Трофимовичем Гончаровым на слушаниях в подкомитете Сената США по внутренней безопасности 14 июля 1954 г. и опубликовано в официальном издании «Congressional Record» под заглавием «Стратегия и тактика мирового коммунизма». Рональд Рейган цитировал это апокрифическое высказывание Ленина 30 с лишним лет спустя, осенью 1985 г.³⁰

XX век, можно сказать, приучил нас к цифре «100 млн жертв» как своего рода символической цифре.

Советский пропагандист 1960-х годов приводил эту цифру для обличения преступлений капитализма: «В мире сказок нет ни одного чудовища, которое уносило бы столько человеческих жизней, выпивало бы такое количество крови, <...> как капитализм. <...> За три с половиной столетия господства буржуазии человечество положило на алтарь войны более 100 миллионов жертв. Из них 85 миллионов приходятся на XX век, т.е. на период империализма»³¹.

Согласно американскому историку Дэвиду Стэннарду, автору книги «Американский холокост» (1992), в 100 млн жертв обошлась европейская колонизация Америки³². Эта малодостоверная цифра была принята рядом исследователей и получила известность в широкой печати.

В 1993 г. единогласным решением Конгресса США был создан Фонд памяти жертв коммунизма. В законе о его создании говорилось: «С 1917 года правители [коммунистических] империй

и вожди международного коммунизма во главе с Владимиром И. Лениным и Мао Цзэдуном были ответственны за гибель более 100 000 000 жертв беспрецедентного имперского коммунистического холокоста посредством завоеваний, революций, гражданских войн, [этнических] чисток, войн “чужими руками” [wars by proxy] и других насилиственных методов»³³.

Вероятно, и здесь цифра «100 млн» появилась не без идеиного влияния автора «Архипелага ГУЛАГа», а стало быть, косвенно – и Достоевского с его «Бесами».

¹ Солженицын А.И. Собрание сочинений: в 20 т. Вермонт; Париж, 1980. Т. 6. С. 12.

² Курганов И. Три цифры // Посев. – Франкфурт н/М., 1977. № 12. С. 54, 57.

³ Солженицын А.И. Публицистика: в 3 т. Статьи и речи. Ярославль, 1996. Т. 2. С. 451.

⁴ Там же. С. 287.

⁵ Кузнецов А.В. На Свободе. Беседы у микрофона, 1972–1979. М., 2011. С. 456–457.

⁶ Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений: в 30 т. Л., 1974. Т. 10. С. 77.

⁷ Там же. С. 314.

⁸ Там же. С. 315.

⁹ Герцен А.И. Собрание сочинений: в 30 т. М.: Академия наук СССР, 1956. Т. 10. С. 60.

¹⁰ Там же. С. 61.

¹¹ Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Изд. 2-е. М., 1955. Т. 4. С. 303. («Коммунисты и Карл Гейнцен».)

¹² Там же. 1956. Т. 7. С. 3. (Ф. Энгельс. «Немецкие социал-демократы и “Times”. Редактору “Northern Star”».)

¹³ Цит. по заметке: Neuestes // Allgemeine Zeitung. München, 1849. N 333. 29 November. P. 5190. (Перепечатно в ряде других немецких газет.)

¹⁴ Heinzen K. Letter by m. Charles Heinzen, to the editor of the «Times» // The Reasoner and Theological Examiner. London, 1850. N 3. Jan. 23. P. 23.

¹⁵ В английском авторском переводе «scoundrels».

¹⁶ Heinzen K. An den Herausgeber der Times. (Zugleich der «Reform» gewidmet) // Der Völkerbund. Genf. 1849. N 1 (Probennummer). 1. Dezember. S. 72.

¹⁷ Там же. С. 71; также: Heinzen K. Letter <...> to the editor of «The Times» [Окончание] // The Reasoner and Theological Examiner. London, 1850. N 4. Jan. 23. P. 28.

¹⁸ Heinzen K. Letter by m. Charles Heinzen... P. 28.

¹⁹ Марат Ж.П. Избранные произведения: в 3 т. М., 1956. Т. 2. С. 185.

- ²⁰ Там же. Т. 2. С. 235.
- ²¹ Там же. Т. 3. С. 292.
- ²² *Montlosier F. de. Souvenirs d'un émigré (1791–1798)*. Paris, 1951. P. 297.
- ²³ Напр.: *Noël F.-J.-M. Ephémérides politiques, littéraires et religieuses*: Paris, 1812. Т. 7. Р. 288; *Papon J.-P. Histoire de la Révolution de France...* Paris: Poulet, 1815. V. 3. Р. 336.
- ²⁴ *Белинский В.Г. Полное собрание сочинений: в 13 т.* М., 1956. Т. 12. С. 52.
- ²⁵ *Салтыков-Щедрин М.Е. Собрание сочинений: в 20 т.* М., 1969. Т. 8. С. 180.
- ²⁶ Там же. С. 208.
- ²⁷ Там же. С. 518.
- ²⁸ *Окунев Н.П. Дневник москвича: в 2 кн.* М., 1997. Кн. 2. С. 100.
- ²⁹ *Шелгунов Н.В., Шелгунова Л.П., Михайлов М.Л. Воспоминания.* М., 1967. Т. 1. С. 339.
- ³⁰ *Boller P.F.Jr., Boller J.G. They Never Said It: A Book of Fake Quotes, Misquotes, and Misleading Attributions.* New York; Oxford, 1989. Р. 70.
- ³¹ *Глаголев В.Ф. Почему обостряется борьба двух идеологий.* М., 1964. С. 36.
- ³² *Stannard D.E. American Holocaust: The Conquest of the New World.* New York; Oxford, 1992. Р. 268.
- ³³ *Legislation on Foreign Relations Through 2002.* October 2003. V. 1 B. Washington, 2003. P. 58.

М.М. Голубков, Е.В. Жуйкова

**МИСТИКА vs РАЦИО:
ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА КАК ОБЪЕКТ
ИССЛЕДОВАНИЯ В ЭПОПЕЕ
А.И. СОЛЖЕНИЦЫНА «КРАСНОЕ КОЛЕСО»**

Аннотация. В данной статье предпринимается попытка осмысления образа Первой мировой войны, созданного А.И. Солженицыным на страницах эпопеи «Красное Колесо». Эта книга ярко выделяется в ряду русской литературы, затрагивающей тему Первой мировой войны, тем, что в ней дан масштабный анализ этого исторического явления на разных уровнях и с различных точек зрения. Одним из самых продуктивных способов анализа всего многообразия представленных в эпопее взглядов на войну является подробное изучение позиции одного из главных героев эпопеи полковника Воротынцева, которая оказывается близка к позиции автора. Этот персонаж хотя и не относится к категории исторических деятелей, однако именно ему писатель «доверяет» самые сокровенные идеи, связанные с пониманием бессмыслицами вступления в эту войну России и ее пагубного воздействия на дальнейшее историческое развитие державы. По Солженицыну, именно с трагедии Первой мировой войны, в частности с самсоновской катастрофы, начинается «сползание в революцию», которое уже невозможно остановить. Кроме того, знаковой оказывается фигура П.А. Столыпина: конечно, хронологически он не мог быть участником событий Первой мировой войны, но именно убийство премьер-министра во многом предопределило дальнейший трагический ход событий.

В статье анализируются как конкретно-исторические, так и метафизические, онтологические причины Первой мировой войны, как они интерпретируются Солженицыным.

Ключевые слова: Солженицын; «Красное Колесо»; Первая мировая война; история XX в.; Столыпин; онтологическая вертикаль.

Golubkov M.M., Zhiukova E.V. *Mysticism vs ratio: Investigation of the First World War in the A.I. Solzhenitsyn's epic «Red Wheel»*

Summary. This article presents a reflection on the image of the First World War created by Alexander Solzhenitsyn in his epic «Red Wheel». In this book the First World War as a historical phenomenon is presented on different levels and from different perspectives. One of the most productive ways to analyse the diversity represented in the epic views on War is a detailed study Colonel Vorotyntsev's position, which turns out to be close to authentic. This character does not belong to the historical figures, but writer gives him to understand the futility of the entry into the War and its harmful effects on further historical development of Russia. According to Solzhenitsyn, the World War I, in particular, the General Samsonov's disaster begins «slipping into revolution» that is already impossible to stop. In addition, the emblematic Stolypin's figure has a great importance: chronologically, of course, he could not take part in the First World War, but the assassination of the Prime Minister is largely predetermined further tragic developments.

This article analyses the specific historical and metaphysical, ontological reasons for World War I, as Alexander Solzhenitsyn interprets them.

Keywords: Solzhenitsyn; «Red Wheel»; the First World War; history of the 20 th century; Stolypin; ontological vertical.

Традиционно в русском сознании любое знаковое историческое событие, сколь бы масштабным оно ни было, прежде чем войти в народную память, осмыслилось литературой и уже в этом ракурсе становилось достоянием национального опыта. В самом деле, восстание Пугачева мы видим так, как написал о нем в своих записках Петруша Гринев, войну 1812 г. мы знаем по эпопее Льва Толстого, о Петровской эпохе судим по роману Алексея Толстого. Вне этого, литературно-художественного, осмысления история не «обживается», не становится частью личного опыта всякого русского человека и частью общего коллективного опыта.

Именно такая судьба постигла одно из важнейших исторических событий XX в. – Первую мировую войну, Германскую, как называли ее в народе, Империалистическую, как именовали вслед за Лениным советские марксисты. Возможно, это связано с тем, что она явилась лишь первым звеном цепи столь же масштабных катализмов: война привела к революциям Февральской и Ноябрьской, большевикам удалось реализовать ленинский лозунг о превращении войны империалистической в войну гражданскую. Но дело не только в том, что последовавшие события заслонили

целых три военных года, с августа 1914 по февраль 1917 г. Дело еще и в том, что Первая мировая война не оказалась предметом русской литературы, не стала объектом художественной рефлексии того уровня, который мог бы объяснить это событие и укоренить его в народной памяти. Так, в «Тихом Доне» это лишь эпизод, который не выглядит столь уж масштабным на фоне тотального уничтожения народного бытия, которое принесла Гражданская война. И сами герои, представители казачьей жизни, вовсе не склонны видеть в ней событие, сопоставимое с Гражданской войной на Дону, какой в первую очередь и посвящен роман М. Шолохова. Ведь погибают почти все главные герои романа на Гражданской, а не на Германской войне. Не стала Первая мировая и главным историческим событием романа «Доктор Живаго» – Б. Пастернак показывает ее как фон, на котором разворачиваются отношения военврача Юрия Живаго и медицинской сестры Антиповой. Главным историческим событием оказывается там тоже Гражданская война. И это можно сказать, наверное, о произведениях всех крупных писателей первой половины XX столетия: обойти вниманием Первую мировую нельзя, но сделать ее главным предметом художественной рефлексии тоже по каким-то причинам не получается... Она затронута в «Жизни Клима Самгина», в «Чевенгуре», даже в «Зашите Лужина», пусть и мельком, штрихами. Но не осмыслена как глобальное историческое явление, переломившее течение национальной жизни, ни М. Горьким, ни А. Платоновым, ни В. Набоковым...

Произведение, способное вписать Первую мировую войну в контекст национально-исторической памяти, появилось позже, уже во второй половине XX столетия. Речь идет о десятитомной эпопее А.И. Солженицына «Красное Колесо». Задуманное еще в 30-е годы, завершенное в 90-е, начатое здесь (первые книги эпопеи вышли из-под пера писателя в самом начале 70-х годов), оконченное в изгнании, оно далеко не сразу попало к своему читателю, и в этом проявляется драматизм судьбы этой величайшей эпопеи, которая, впрочем, разделила судьбу и других произведений Солженицына. Он вернулся в читательский обиход очень поздно, едва ли не завершая длинный ряд писателей-изгнанников. В ситуации публикаторского бума рубежа 80–90-х, когда наблюдался последний (на сегодняшний день, хочется надеяться) поистине всенарод-

ный всплеск интереса к литературе, очень сложные, философски и художественно насыщенные произведения писателя оказались потеснены явлениями значительно менее значимыми в литературно-художественном отношении: место «Архипелага ГУЛАГа» заняли тогда «Дети Арбата», а «Красное Колесо» так и вообще почти что не заметили: не влезало в журнальные форматы, а до десятитомника 1993–1997 гг. было еще далеко. Поэтому Солженицын как будто опоздал, не нашел своего массового читателя, которого к середине 90-х годов уже и не было. Писатель оказался слишком сложным для общественного сознания 1990-х, таковым остается и сейчас, на исходе второго десятилетия XXI столетия. Поэтому и осмысление Первой мировой войны, предложенное писателем, не стало (еще?) общезначимым, оно (пока?) не отрефлексировано общественным сознанием.

Однако «Красное Колесо» – в первую очередь о Первой мировой, и оно ставит и предлагает ответы на вопросы, которые до Солженицына не ставились. Ведь, в сущности, это одно из самых загадочных и необъяснимых исторических событий, которое, однако, изменило прежние и предопределило будущие судьбы Европы. И эпопея Солженицына предлагает объяснения, предлагает разгадки, пусть и лежат они часто в сфере не рационального подхода к истории, а иррационального, даже мистического.

В самом деле, предпосылки и причины этой войны с трудом поддаются рациональному объяснению и ставят перед писателем, перед историком и вообще человеком, стремящимся осмыслить свое и национальное бытие в историческом контексте, много вопросов. Их неразрешенность проявляется хотя бы в том, что за прошедшие с ее начала 100 с лишним лет война так и не обрела своего окончательного, закрепленного названия. Их три, бытующих и по сей день: Первая мировая, Германская, Империалистическая. «В этой войне, из-под досужих перьев то Великой, то Отечественной, то Европейской, – не чувствовалось неотвратимости»¹, – скажет о ней один из любимых героев писателя, обращая внимание на отсутствие и целей, и, как следствие, номинации исторического события.

Подчас необъяснимыми предстают ее зигзаги, «сюжеты», повороты, такие, например, как братания солдат вражеских армий в позиционной войне, футбольные матчи на нейтральной полосе

команд противников, которые на следующий день сменяются взаимной ненавистью и взаимным уничтожением в штыковых атаках. Подобное непредставимо на фронтах Великой Отечественной войны, но в Германскую это было реальностью: смысл, цели, значение Первой мировой были непонятны ее участникам, как и не поняты они 100 лет спустя.

Самая важная из ее загадок: каковы ее цели, зачем и кому она была нужна? Особенно у нас, в России? Да и в Европе тоже.

Герой романа Маркеса «Любовь во время чумы» доктор Урбино, человек с европейским образованием, не может найти для себя ответ о смысле безумного и оголтелого саморазрушения, в которое погрузилась любимая им Европа в 1914 г. Житель Карибского региона, поборник европейского просвещения и прогресса, он с ужасом вдумывается в сводки военных действий, приходящие из-за океана. Буквально одной фразой Маркес обнаруживает полную растерянность доктора Урбино: он не способен ни объяснить войну, ни понять ее смысл. Война, к его ужасу, прервала стремительное ускорение Европы рубежа веков, и это ставит в тупик человека, Европой воспитанного и образованного.

Если герой Маркеса, заставший войну, и сам писатель, живущий 100 лет спустя, в равной степени бессильны объяснить ее логику, то мы оказываемся в еще более сложном положении: а зачем она была нужна России? Почему Россия одной из первых вступила в войну в августе 1914 г.? Ведь не на нас напали, напали мы: армия генерала Самсонова вторглась в Восточную Пруссию.

Традиционные для советской историографии трактовки причин войны вряд ли целиком их исчерпывают, и уж Солженицына, конечно же, никак не могли удовлетворить. Хрестоматийные и памятные еще со школьных лет представления о том, что она была вызвана «обострением коренных противоречий» между «крупнейшими империалистическими государствами», приведшим к военному столкновению «за рынки сбыта» и «источники сырья», никак не объясняют вторжение Российской империи в Восточную Пруссию и последовавший затем крах армии генерала Самсонова. Обладая неисчерпаемыми, как тогда казалось, демографическими и природными ресурсами, Россия не нуждалась ни в новых рынках сбыта (вполне достаточно было уже существовавших, делавших страну «житницей Европы»), ни в источниках сырья – столыпин-

ские реформы показывали, что важнейшей социально-политической задачей являлось освоение собственных территорий и их несметных богатств, а не завоевание новых.

Идея панславизма и защиты Сербии тоже не имеет никаких рациональных оснований: защитить Сербию, и значительно более эффективно, можно было не военными действиями, но последовательной внешней политикой, целенаправленными дипломатическими усилиями, а также всемерной экономической поддержкой, правильно организованными военными поставками – но не вторжением в Пруссию и бессмысленной с военно-политической точки зрения жертвой всей Второй армии.

Таким образом, вступление Российской империи в Первую мировую войну не было обусловлено ни сколько-нибудь очевидными и неоспоримыми причинами, ни какими-либо национальными целями, которые преследовала Россия. Она, скорее, руководствовалась интересами союзников, но, увы, не своими собственными.

Такая логика вплзания в войну во имя интересов союзников подвергается резкой критике полковником Воротынцевым, персонажем, по всей видимости, вымышленным, но очень важным для выражения авторской позиции. Персонаж с таким же именем и с такой же судьбой появится не только в «Красном Колесе», но и в пьесе «Пленники», вошедшей в драматическую трилогию «1945 год». Очевидно, что у Воротынцева был реальный прототип, но для того, чтобы отнести этот образ к историческим персонажам, все же нет достаточных оснований. Воротынцев – блестящий и образованный боевой офицер, стратег, рыцарь, к которому и автор, и читатель испытывают самую глубокую симпатию. Его точка зрения близка к авторской.

Отношение полковника к союзным странам резко негативное. Воротынцев считает, что Россия не обязана губить себя и проливать кровь своих солдат, чтобы спасать чужих, которые, к тому же, не всегда приходят на помощь ей самой: «Да что союзники сделали за весь Пятнадцатый год? А английская пехота – много ли дралась? С начала войны продвинулась на несколько сот метров. Очень уж себя берегут.

Или: кавказскую армию зачем гоним в ненужное безнадежное наступление по турецким горам? Что может быть бессмыслен-

нее нашего наступления в Турции? Горы, снег, суворовские богатыри и чудеса, взят Эрзерум! – а применить ничего нельзя, все зря.

Но выручает союзников под Салониками. Но выгодно для Англии в Месопотамии»².

В таком же ироническом ключе полковник перечисляет множество сражений, при которых русская армия бросалась на выручку союзникам, ввязываясь в безнадежные бои. Однако его собеседнику, полковнику, потом генералу Свечину, есть что ему возразить. К тому же, А.И. Солженицын подчеркивает, что тому из Ставки, может быть, и «справедливей» (т.е. с более высокой точки обнаруживается более объективная картина): «Это – измолотные бои. Французы под Верденом тоже, может быть, за двести тысяч потеряли»³.

Но полковник Воротынцев не сдает своих позиций. Он считает, что разница в том, что поражения союзных стран становятся известны всему миру, им сочувствуют, эти события потом войдут в историю; а наши солдаты и офицеры погибают молча и бесмысленно. Более того, многое в русской армии нарочно замалчивается, даже перед своими. Критика союзных стран ведется полковником Воротынцевым и по другим направлениям: он упрекает их в том, что они присыпают на подмогу оружие плохого качества, а сами забирают русских солдат целыми корпусами. И в этом Воротынцев склонен винить царя, его слабость, поскольку он мог бы отказать союзникам, но видит свои обязательства перед ними, зато не видит перед собственным народом. На это Воротынцев получает довольно сдержанную реакцию своего собеседника:

«А куда ж денешься? – со своим обычным спокойным пессимизмом возражал гологоловый, гололицый Свечин, обстриженные маленькие черные усыки под большим носом. – Алексеев поторговался с Государем, с французами, но 6 бригад по 10 тысяч пришлось дать. У союзников логика железная: поскольку недостаток вооружения не позволяет русским использовать все свои силы, то не нам должны добавить оружия, а мы должны свободный людской персонал уделить на их фронт. – Усмехнулся: – Как модный поэт читает по эстрадам: “Лишь через наш холодный труп пройдут враги, чтоб быть в Париже”»⁴.

Воротынцев называет французов – коммерсантами, полагая, что Франция их «купила». Когда он говорит об этом, перед глазами

полковника встает лицо царя: как же это возможно было допустить, ведь он знал обо всем, что происходит в отношении союзных стран. Воротынцев сравнивает поведение этих стран в период войны-предшественницы – Русско-японской, и снова ситуация оказывается не в пользу союзников:

«– Мы – вообще одни, никто с нами искренне, – выливал Воротынцев свою настоящую горечь. – И что когда-нибудь хорошего делали нам англичане или французы? Почему, собственно, они наши союзники? Как легко мы им простили крымскую войну! А японскую?

Ведь Англия была японским союзником, подарила Японии два броненосца с британским экипажем, продала три десятка вспомогательных пароходов, снабжала японский флот своим углем, на их угле Того вел все сражения. А у Франции с Англией было “сердечное согласие” – а с нами само собой тянулся союз против Германии, – как это? Где ж наше соображение? И сегодня же союзники наперебой отлевываются, что им, демократам, пришлось взять в союз такую гадкую реакционную Россию. В прошлом году Ллойд Джордж публично злорадствовал нашим отступлениям и потерям.

– Их друзья американцы – к нам открыто враждебны вторую войну. Зачем и почему мы с ними союзники?!»⁵.

Если в общих чертах выразить позицию полковника, то Воротынцев считает, что в этой войне мы должны думать не о союзниках, а о спасении своего народа:

«Это – интеллигентская кадетская фраза: что России будет несмыvableй позор, если она разстроит единство с союзниками. А эти союзники довольно на нас покатались, хватит. Да все войны всегда они вели для своей выгоды, а только мы болваны без толку суемся... Я иногда думаю, правда, что нас хитро впутали в эту войну: союзники нуждались осадить Германию, – а хорошо это сделать русскими руками: заодно и Россия крахнет внутри, раз она даже японской не выдержала. Они выиграют – они и победу захватят, мы – лишь бы им выволочили. Так пусть они свою победу берут, а нам нужно только не уничтожиться, перестать терять людей. Бывает болезнь, бывает усталость, когда дальше – ни шагу нельзя?»⁶.

Как отмечает сам А.И. Солженицын, во время подобных споров у Свечина и Воротынцева проступают две роли, два неизменных амплуа: Воротынцев в своих речах несдержан и горяч, он порицает и разоблачает, а Свечин ему противоположен по темпераменту – он больше мрачно помалкивает, изредка вставляя безнадежные факты, которые ему известны.

Но Воротынцев идет дальше критики стран Антанты, озвучивая, вероятно, чрезвычайно важные для автора идеи. Онironически переосмыслияет всю идею панславянского единства, расходящую в те годы. Панславизм на Балканах – вообще явление особого рода: южные славяне, в частности сербы, нередко обращались за помощью к Российской империи. Но Воротынцев считает идею возглавить панславянское единство ложной для России. Он предполагает, что из-за этого мы и столкнулись с немцами, пытаясь защищать братьев-славян. Но своим вмешательством, по мнению полковника, мы ничего хорошего не добились: и сербам не особенно помогли, и вторглись в ненужную нам войну:

«Третий год воюем за Сербию и Черногорию – и что? Они стерты с лица земли. И мы – шатаемся. Миллионы – в земле, два миллиона в пленау, если не больше, да крепости сокрушены, области отданы, – все для союзников! Почему Англия могла перебросить войска на материк через год – а мы должны были в две недели выложиться? А после Самсонова – можно было не переть на Германию, вопреки собственной доктрине, не перемолачивать кадровую армию? И румын в союзники нам навязали французы!»⁷

Осмысляя губительность войны и отсутствие в ней собственно русских целей, которые оправдывали бы народные жертвы, Воротынцев вспоминает, что Александр III сказал Бисмарку: «За все Балканы не дам ни одного русского солдата»⁸.

Показывая бесмысленность и ненужность войны, ее неоправданность какими-либо целями, Солженицын вводит в эпопею образ П.А. Столыпина.

Министр был убит задолго до начала действия «Августа Четырнадцатого», поэтому он выведен в специальной моногеройной ретроспективной главе. Для Солженицына было важно подчеркнуть, что если бы жив Столыпин (или если бы царь внял его идеям еще при жизни министра), то никакой войны бы не было. Полковник Воротынцев подслушивает разговор солдат о том, что

«начальство пора менять», и в этот момент его обжигает мыслью: «Им – послана была военная реформа после японской, они ее отбросили. Им послан был Столыпин, человек великого напряженья и дела, – они его отвергли, свергли, дали убить. (А если бы сегодня все было в твердых столыпинских руках – то и не было бы этой войны или не так бы она велась.)» Можно предположить, что, вероятно, это одна из любимых мыслей Солженицына, так как полковник многократно вспоминает министра в тяжелые минуты своей страны.

В позиции министра примечательно следующее: П.А. Столыпин считал, что нужно особое внимание уделять политике внутренней, поскольку во внешней он не видел никаких особых проблем. И поэтому все силы России необходимо было бросить на установление грамотной внутренней политики. Он был уверен, что внешняя политика выстраивается намного легче, да и к тому же на данный исторический момент она находится не в таком запущенном состоянии: стране в большей степени угрожают внутренние враги, чем внешние. Единственное, чего, по мнению министра, нужно было опасаться во внешней политике, так это войны, но и ее избежать было совсем не трудно: «Он был уверен, что правитель с самым посредственным разумом может остановить внешнюю войну во всякое время»⁹.

А.И. Солженицын обращает внимание на важный исторический эпизод: воспользовавшись слабостью России после войны с Японией, Австро-Венгрия в 1908 г. захватила Боснию и Герцеговину, объявив, что это сделано с согласия России. Одновременно с этим Германия требовала согласия на оккупацию и отказа от всей славяно-балканской политики. Это вызвало возмущение в русском обществе, но единственным способом, которым Россия могла ответить на немецкий ультиматум, была война. Но, по мнению Столыпина, войны-то как раз и необходимо было избегать, это самое опасное, что могло бы случиться с Россией: «А войной-то – хуже всего нельзя, Столыпин вник в военное министерство (оно, как и все, работало отдельно) и еще более убедился, в чем был убежден из соображений общих: воевать нам – никак нельзя, мы еще долго будем не готовы, для нас сейчас война – поражение, но еще раньше – революция. Вывод сам по себе был горек, но очень смягчен для того, кто и не намерялся воевать ни в коем

случае, да и не горел панславянской миссией никогда. Временный ущерб самолюбия был ничто перед громадностью внутренней построительной программы. Столыпин не мог вскрыть аргументы публично, он только разубедил Государя, уже решившегося на мобилизацию против Австрии: это потянет и войну с Германией и угрозу династии»¹⁰.

Следовательно, по Солженицыну, министр уже единожды предотвратил европейскую войну, готовую было развязаться. А то что во время событий Первой мировой войны полковник Воротынцев постоянно припоминает Столыпина, может говорить только об одном: если бы жив этот великий реформатор, то он бы и эту войну смог предотвратить.

Сумев с такой легкостью и быстротой уладить внешний конфликт, Столыпин в еще большей мере убедился в том, чтовести внешнюю политику намного проще, чем внутреннюю. Когда был назначен новый министр иностранных дел – Сазонов – Столыпин строго наказал ему ни в коем случае не вступать в будущие международные конфликты. Это было обязательным условием развития нашей страны: «России война совершенно не нужна, и во всяком случае нужно 10–20 лет внешнего и внутреннего покоя, а после реформ – не узнать будет нынешней России, и никакие внешние враги нам уже не будут страшны»¹¹.

Министр был убежден в том, что ничто не может заставить воевать мощную державу, если она этого не хочет: «Он не предвидел обстановки, которая позывней истребовала бы Россию к войне, чем аннексия двух славянских областей, – а вот не пошли, и обошлось, и не заметно, чтоб ущербнулся свет самодовлеющего светила. И не было у него раскаяния ни перед честью российского государства, ни перед английским неверным союзником, когда в октябре 1910 в Потсдаме на встрече с Вильгельмом они с Государем обязались не участвовать ни в каких английских интригах против Германии, за что и Германия обязывалась не поддерживать австро-венгерской агрессии на Балканах. При разумной русской внешней политике просто вообразить было нельзя, с кем бы и зачем России предстояло воевать»¹².

Безусловно, А.И. Солженицын не зря так подробно останавливается не только на деятельности министра, но и на его смерти, показывая убийство с четырех различных точек зрения (с позиции

самого Столыпина, его убийцы Богрова, из ложи царя и с точки зрения начальника Главного тюремного управления П.Г. Курлова).

Таким образом, на протяжении всей эпопеи А.И. Солженицын многократно подчеркивает, что одной из косвенных причин развязывания Первой мировой войны было убийство премьер-министра, который сделал бы все возможное, чтобы война не началась. И отчасти для этих целей, для подтверждения своей теории писатель вводит столыпинские главы, которые хронологически не соответствуют узловой концепции «Красного Колеса». С точки зрения писателя, П.А. Столыпин – это фигура, без которой разговор о Первой мировой войне был бы неполным. Это связано с пониманием автором своей задачи, которая заключается не в создании авторской версии военных событий, а в художественно-документальной реконструкции подлинной истории, выявляющей во всем подлинном объеме механику действия глобальных исторических и метаисторических законов, объективных факторов и таинственных мистических сил. Именно поэтому для него так важен мистический уровень осмысливания истории

Взгляды Воротынцева, политические ориентиры Столыпина, воссозданные в ретроспективной главе, множество различных политических векторов, существовавших в русской общественной жизни накануне войны и в первые годы войны, можно назвать рационально обусловленными, политически мотивированными (или немотивированными). В стремлении дать их с наибольшей очевидностью писатель внедряет в текст «Красного Колеса» огромный массив документального материала – это и отрывки из газет той эпохи, фрагменты переписки реальных исторических деятелей, таких, например, как Николай Второй и Вильгельм, стенограммы речей депутатов думы, политические лозунги и т.п. И этот массив документального материала обнаруживает удивительное явление: каждый журналист, политический деятель, публицист, автор частного письма или же прокламации ставит перед собой совершенно реальные и психологически обусловленные цели.

Чаще всего эти цели противоречат друг другу: Ленин всеми силами стремится развязать войну и раскрутить Красное Колесо, Николай предпринимает робкие попытки не допустить войны, Гучков жаждет свержения монархии, военный министр Сухомлинов пытается проводить армейские реформы, двор озабочен поис-

ками рычагов влияния на Государя, столица преисполнена патриотическим возбуждением. Каждый из реальных исторических лиц, образы которых создает писатель, преследует свои, и притом вполне понятные, психологически и идеологически обусловленные цели. Но самое удивительное состоит в том, что все их усилия, взаимодействуя и переплетаясь, с неизбежностью формируют некоторое единое силовое поле, которое втягивает Россию в пучину войны, засасывает в воронку грядущей катастрофы. Полифония множества голосов, звучащих в «Красном Колесе», противоречащие друг другу устремления общественных и политических деятелей незаметно для них самих и каким-то рационально непостижимым образом направлены к одному: стянуть страну в войну. Это парадоксальное соединение противоположных усилий к одному общему вектору дано осмыслить Воротынцеву: «И Гучков – чтобы избежать революции. И Нечволовов в другую сторону – чтобы избежать революции.

Все думают врозь. Все тянут врозь. А Россия – ползет по откосу»¹³.

Осознанно или неосознанно, Солженицын ориентируется на опыт Пушкина, в частности на трагедию «Борис Годунов», обращенную, как и «Красное Колесо», к одному из самых катастрофических эпизодов русской государственности. Трагедия включает в себя множество разных сцен, которые не связаны между собой ни героями, ни сюжетными скрепами, ни местом действия. Каждый из героев преследует свою цель, психологически и идеально мотивированную: таковы князь Шуйский, дворянин Пушкин, Годунов, Гришка Отрепьев, Марина Мнишек, воевода Мнишек... Шуйский, фальсифицируя заключение комиссии, подтверждает гибель царевича Дмитрия от несчастного случая (что в художественном мире трагедии противоречит очевидности), Годунов воцаряется, Отрепьев решается на безумную авантюру, Марина Мнишек, не придавая значения истинному происхождению своего будущего мужа, хочет поцарствовать на Москве и т.д. Совершенно очевидно, что цели всех героев находятся в противоречии, но их разнонаправленные действия приводят не к хаосу, но к странному и, казалось бы, алогичному соединению их усилий и с неизбежностью толкают страну к Смуте и польской интервенции. Показывая это парадоксальное взаимодействие разнонаправленных усилий

героев, совпадающих в некоем резонансе, Пушкин обнаруживает бытийный, мистический смысл конкретно-исторических событий. Таким образом, в трагедии Пушкина в основе драматургического конфликта лежит онтологический сюжет: нераскаянный грех детоубийства («нельзя молиться за царя Ирода: Богородица не велит») ведет ко все большему и большему умножению меры греха, в котором повинны абсолютно все персонажи трагедии – от центральных до эпизодических: и царь Борис, совершивший детоубийство, и боярин Шуйский, скрывший его в своих целях, и Гришка, идущий на обман, используя в своих целях последствия преступления Годунова, и баба с ребенком, кидающая его на землю в готовности бездумно выполнить боярскую волю и равнодушная к народной и своей собственной судьбе, как и стоящие с нею в толпе люди, неспособные выдавить из себя слезу, дабы показать отчаяние, и спрашивающие друг у друга луку, чтобы потереть глаза и имитировать слезы.

В. Непомнящий, размышляя о том, как через противоречивые устремления людей прокладывает себе путь Проведение, подчеркивает, что «сверхличное содержание действий героев редко совпадает с их субъективными побуждениями и мотивами, оно реализуется “вертикально”, поверх их личных целей, не согласуясь с ними, но пользуясь этими целями и субъективными побуждениями лишь как рычагами»¹⁴. Подробно анализируя композицию трагедии Пушкина, исследователь выделяет в ней столкновение между двумя сюжетами: «“нижним”, развивающимся по обычной причинно-следственной логике и складывающимся на основе того, чего хотят и что делают герои, – и “верхним”, в котором “хочет” и “делает” Промысел. Этот верхний “сюжет” развивается, говоря иными словами,teleологически – на основе высших целей»¹⁵.

Схожие представления о сюжетах «историческом» и «онтологическом», о том, как через разнонаправленные воли конкретных исторических деятелей и простых людей, слагая и сопрягая их, прокладывает себе путь Божественный замысел о русской судьбе, развивает В.Е. Хализев. «После убийства царевича Дмитрия (в качестве его неотвратимого следствия) темные дела совершаются как бы по собственной внутренней логике: и теми, кто располагает властью, и людьми из народа»¹⁶.

Этот пушкинский замысел (соединение противоположных, но в равной степени греховных усилий в странном резонансе, который и толкает исторические события к мистически предопределенному трагическому финалу) реализуется и в «Красном Колесе». Именно мистический смысл военной катастрофы августа 1914 г. и последующих событий обнаруживает писатель, показывая переплетения множества частных воли и устремлений.

Солженицын – религиозный писатель, при этом писатель светский, а не духовный. Мир, нас окружающий, он видит как Творение, выполненное глубочайшего смысла, в том числе и символического. Задача художника состоит в том, чтобы постичь в реальности, нас окружающей, Божий замысел о мире, глубинный символический смысл событий и явлений, свидетелями которых мы оказываемся, но истолковать которые далеко не всегда можем. В его эстетике соединяется несоединимое: с одной стороны, строгий документализм, принципиальный отказ от любого вымысла, который трактуется как излишество, способное исказить истинную картину событий, будь то описание гибели Матрёны (рассказ «Матрёнин двор») или же убийства Столыпина («Август Четырнадцатого»), с другой стороны, глубинная онтологическая символика, которую видит писатель в документально подтвержденных фактах. Важно прочесть в самой реальности Божьего творения ее скрытый, глубоко символический смысл.

Именно в этом аспекте воспринимает Солженицын историю. Все произошедшие события, кардинально поменявшие русскую жизнь, случились не без Божьего промысла. Осмыслением онтологических смыслов исторических событий формируется философия истории Солженицына. Поэтому особо важную роль в эпопее играют точки зрения на происходящие события тех героев, которым дано осмыслить онтологический смысл и мистические причины Первой мировой войны. Среди них – генерал Самсонов.

Для Солженицына, который сам был звуковым артиллеристом и участвовал в военных действиях во время Великой Отечественной войны, пройдя по тем местам, где погибла самсоновская армия, безусловно, стратегический уровень осмысления войны является очень важным. Но отнюдь не единственным и, пожалуй, не самым главным. Есть еще более высокий уровень осмысления событий Первой мировой войны – онтологический, уровень некоего

мистического прозрения. До этого уровня в абсолютном смысле поднимается незадолго до смерти генерал Самсонов. Именно он предчувствует трагедию армии, именно он видит провидческий сон накануне Успения Божьей Матери, когда некий голос пророчествует ему: «Ты успишь», что означает не «ты уснешь», как думает он поначалу, а «ты умрешь» – речь идет об Успении. В концепции писателя жизнь (и история) изначально, но скрыто мистична – мистика лежит в основе любого феномена. Для него как религиозного писателя и глубоко верующего человека направляющее и организующее начало божественных сил было очевидно.

Трагедия самсоновской армии стала в художественной концепции Солженицына отправной точкой, когда поражение в войне было предопределено. И снова – не зря именно Воротынцеву дано присутствовать при прощании генерала со своей армией. Этот мистический уровень, до которого уже поднялся генерал Самсонов (знак смерти лежит на его челе), ненадолго приоткрывается и полковнику Воротынцеву: он видит, что Самсонов – это «семипудовый агнец», которого бессмысленно принесли в жертву войне: «Только сейчас Воротынцев разглядел (как он в первый раз не заметил? это не могло быть выражением минуты!), разглядел отродную обреченность во всем лице Самсонова: это был агнец семипудовый! Поглядывая чуть выше, чуть выше себя, он так и ждал себе сверху большой дубиной в свой выкаченный подставленный лоб. Всю жизнь, может быть, ждал, ждал, сам не зная, а в сии минуты уже был вполне представлен»¹⁷. Несмотря на то что в большинстве случаев Воротынцев оценивает события в войне со стратегической точки зрения, автор наделяет его особой чуткостью и мистическим прозрением: он хоть и ненадолго, но поднимается на самый высокий уровень осмысливания трагедии войны – онтологический, который открывается генералу Самсонову перед смертью.

Есть еще один персонаж «Красного Колеса», который интуитивно приближается к мистическому уровню осмысливания событий. Это Ирина Томчак. В спорах с племянницей Ксеньей она пытается обосновать мистическую предопределенность войны, задумывается о ее глубинных онтологических смыслах.

«– Мне горько, Сенечка, что тебе все здесь стыдно и смешно. Правда, многое. Но зато и народная жизнь, самая твердь под

почвой. Тут – и хлеб рождается, не в Петербурге. Тебе – и посты лишние. А в постах – люди вырастают.

– Ну ладно, – жалобно просила Ксенья. И спорить было лень, а что-то и правильно.

– Я только хотела сказать, – как можно уступчивее вывела Ирина, – что мы очень легко смеемся, нам все смешно. Висит в небе комета с двумя хвостами – смешно. В пятницу было затмение солнечное – смешно.

А уж Ксенья вовсе не спорить хотела, сердитость ее как нахлестала, так и унесла. Она жмурилась на лиственно-солнечный потолок:

– Ну, правда же... Есть астрономия...

– Да астрономия пусть как угодно, – стояла Оря спокойно на своем. – А вот шел князь Игорь в поход – солнечное затмение. В Куликовскую битву – солнечное затмение. В разгар Северной войны – солнечное затмение. Как военное испытание России – так солнечное затмение.

Она – загадочное любила в жизни»¹⁸.

Упоминание кометы отсылает нас к знаменитому эпизоду из романа «Война и мир», где Пьер Безухов тоже видит комету Галлея, ставшую предвестником войны с Наполеоном, и осмыслияет ее как некий мистический знак.

Таким образом, в эпопее А.И. Солженицына представлены два уровня осмыслиения Первой мировой войны: конкретно-исторический, направленный на рациональную интерпретацию военно-политических событий, и мистический, не поддающийся рациональной интерпретации, но связанный с попыткой осмыслять войну и последовавшие за ней события как проявление Божественного промысла, ниспосланного испытания, вскрывающий онтологические корни исторических событий.

¹ Солженицын Александр. Красное Колесо: Повествование в отмеренных сроках. Август Четырнадцатого. Кн. 2 // Собрание сочинений: в 30 т. Т. 9. С. 127. Далее мы будем ссылаться на это издание с указанием названия узла, книги и страницы. Для этого будут использоваться сокращения: А-14 – Август Четырнадцатого, О-16 – Октябрь Шестнадцатого, М-17 – Март Семнадцатого, А-17 – Апрель Семнадцатого. Пример: А-14, кн. 2. С. 493.

- ² О-16, кн. 2. С. 15.
- ³ О-16, кн. 2. С. 16.
- ⁴ О-16, кн. 2. С. 15–16.
- ⁵ О-16, кн. 2. С. 18.
- ⁶ О-16, кн. 2. С. 26.
- ⁷ О-16, кн. 2. С. 17–18.
- ⁸ О-16, кн. 1. С. 129.
- ⁹ А-14, кн. 2. С. 197.
- ¹⁰ Там же.
- ¹¹ А-14, кн. 2. С. 198.
- ¹² Там же.
- ¹³ О-16, кн. 2. С. 441.
- ¹⁴ Непомнящий В.С. Пушкин. Избранные работы 1960–1990-х годов. Т. 1. Поэзия и судьба. М., 2001. С. 339.
- ¹⁵ Там же.
- ¹⁶ Хализев В.Е. Ценностный ориентиры русской классики. М., 2005. С. 67.
- ¹⁷ А-14, кн. 2. С. 389.
- ¹⁸ А-14, кн. 1. С. 43.

Г.В. Хлебников

**К ФАКТОЛОГИЧЕСКОЙ БАЗЕ КНИГ
А.И. СОЛЖЕНИЦЫНА О РЕВОЛЮЦИИ
И ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЕ: МАРИНА ЦВЕТАЕВА
О «РЕВОЛЮЦИИ» 1917 ГОДА.
ИЗ «ДНЕВНИКОВОЙ ПРОЗЫ»**

Аннотация. В статье рассматриваются факты, подтверждающие концепцию А.И. Солженицына о перевороте 1917 г.

Ключевые слова: А.И. Солженицын; М.И. Цветаева; переворот 1917 г.; дневники; реквизиционные отряды; большевики; коммунисты.

Kchlebnikov G.V. To the factual basis of A.I. Solzhenitsyn' books about the revolution and civil war: Marina Tsvetaeva about the «revolution» of 1917. From «The Diary prose»

Summary. The article examines the facts that support the concept of A.I. Solzhenitsyn about the coup of 1917.

Keywords: A.I. Solzhenitsyn; M.I. Tsvetaeva; the coup of 1917; diaries; requisitioning detachments; Bolsheviks; Communists.

*На месте прежних русских ратей
Царит один латышский полк.
Ликует банда красных братий,
И голос совести примолк.*

*Вся Русь в крови, в огне пожаров
И мчится бешено вперед,
Влача израненный народ
Под хохот пьяных комиссаров.*

Василий Григорьевич Ян

Изучая события 1917 г. и последующих лет в России, А.И. Солженицын обращает огромное внимание на доказательность и фактическую точность приводимых им сведений о грабежах и зверствах, совершаемых большевиками и коммунистами над обманом захваченной ими страной и его народом, не обходя молчанием и национальный вопрос: кто и как совершал противоправные действия, какие, в том числе и личные, интересы преследовал при этом. Среди использованных им документов были также многочисленные мемуарные и дневниковые источники, в разной мере доступные писателю в период работы над своими произведениями. Тем не менее часть из них (дневников) по разным причинам оказалась вне круга его внимания, иногда содержа в то же время впечатляюще яркий дополнительный материал, который может не только усилить и углубить доказательность положений художественных исследований А.И. Солженицына, но и расширить их фактический горизонт, введя новые событийные и психологические наблюдения.

С этой точки зрения тексты дневников М.И. Цветаевой, на долгие годы похороненные в самых закрытых тайниках спецхранилищ, интересны не только фактичностью, точностью, яркостью и живостью непосредственных наблюдений, тем, что они взяты из «гущи жизни» очевидцем происходящего, – что и само по себе бесценно. Но и тем, как тонко ей удается передать атмосферу общественного сознания тех лет, показать, какими настроениями, слухами, ожиданиями жили самые различные группы населения: одни – делавшие переворот и участвовавшие в нем, другие – претерпевающие его на собственной коже и безмерно страдавшие от «социального эксперимента», третий – преследовавшие

в «революции» и свои корыстные цели. Почему-то об этих предпочитали долгое время не говорить, умалчивать о них, словно таких никогда не было и быть не могло. Были, да еще какие! И сколько! Воспоминания современников, и Марины Цветаевой в том числе, не только показывают, кем и чем они были, какие интересы преследовали, но и что – можно предположить – вообще в каждом «революционере-большевике» был подобный частный интерес, своя маленькая подленькая цель, которую он, может быть, и сам себе открыто и прямо не высказывал, не признавался в ней, и тем не менее имел ее, радуясь и гордясь этим реальным и материальным преимуществом перед другими, не имевшими подобных «радостей»: кто повышенным пайком, кто, как главари переворота, севрюжкой и икоркой среди всеобщего голода и смертей детей, кто – служебной машиной с шофером, кто – безнаказанностью своеволия, а кто – всем этим сразу, да еще и «реквизированным» золотом и т.п.

Может быть, кто-то сочтет эти дневники чрезмерно эмоциональными. Другой, возможно, заметит, что это «женская реакция» на реалии жизни. Третий скажет: слишком натуралистично, не всем следует знать, лучше – в спецхран и т.д. Да, эмоциональная, да, женская, – и от этого еще более трагическая и правдивая. Да, натуралистично, как сама жизнь, из нее и взято М.И. Цветаевой.

Вот в нескольких предложениях описание ею поездки в поезде: просто и страшно, когда счет уже идет не на слезинки ребенка, а на десятки тысяч жизней живых людей, хитрой и коварной ложью, массовыми расстрелами разделенных и противопоставленных друг другу в искусственно раздуваемой и гибельной для всех гражданской войне, в которой все участники в конце концов и погибли.

ОКТЯБРЬ В ВАГОНЕ

(Записи тех дней)

Двое с половиной суток ни куска, ни глотка. (Горло сжато.) Солдаты приносят газеты – на розовой бумаге. Кремль и все памятники взорваны. 56-й полк. Взорваны здания с юнкерами и офицерами, отказавшимися сдаться. 16 000 убитых. На следующей

станции – уже 25 000. Молчу. Курю. Спутники, один за другим, садятся в обратные поезда...

ПИСЬМО В ТЕТРАДКУ

Если Вы живы, если мне суждено еще раз с Вами увидеться, – слушайте: вчера, подъезжая к Харькову, прочла «Южный Край». 9000 убитых. Я не могу Вам рассказать этой ночи, потому что она не кончилась. Сейчас серое утро. Я в коридоре. Поймите! Я еду и пишу Вам, и не знаю сейчас, – но тут следуют слова, которых я не могу написать.

…Известия неопределенные, не знаю, чему верить. Читаю про Кремль, Тверскую, Арбат, «Метрополь», Вознесенскую площадь, про горы трупов.

Трое суток – ни с кем ни звука. Только с солдатами, купить газет. (Страшные розовые листки, зловещие. Театральные афиши смерти. Нет, Москва окрасила! Говорят, нет бумаги. Была, да вся вышла. Кому – так, кому – знак.)¹.

Вот запись Цветаевой суждений о происходящем случайного попутчика, простого «мастерового», который не только понимает смысл и суть происходящего, движущие силы («всё эти отребья красные»), но и высказывает метафизические предположения о сверхъестественной, духовной сущности всего феномена «новой жизни» как «сомущения Антихристового» (и тем как бы перекликаясь с пророчеством Ф.М. Достоевского, видением М. Волошина и многих других).

Кто-то, наконец: «Да что с вами, барышня? Вы за всю дорогу куска хлеба не съели, с самой Лозовой с вами еду. Все смотрю и думаю: когда же наша барышня кушать начнут? Думаю, за хлебом, нет – опять в книжку писать. Вы что ж, к экзамену какому?» Я, смутно: «Да». Говорящий – мастеровой, черный, глаза, как угли, чернобородый, что-то от ласкового Пугачева. Жутковат и приятен. Беседуем. Жалуется на сыновей: «Новой жизнью

¹ Здесь и далее цит. по сноске: 1. Цветаева М.И. Дневниковая проза. Режим доступа. – http://rulibrary.ru/tsvetaeva/dnevnikovaya_proza/1 (Дата обращения: 18.01.2018.)

заболели, коростой этой. Вы, барышня, человек молодой, пожалуй и осудите, а по мне – вот все эти отребья красные да свободы похабные – не что иное будет, как сомущество Антихристово. Князь он и власть великую имеет, только ждал до поры до часу, силу копил. Приедешь в деревню, – жизнь-то серая, баба-то сивая. “Черт, шут”... Гляди, кочерыжками закидает. А какой он тебе шут, когда он князь рожденный, свет сотворенный. На него не с кочерыжками надо, а с легионами ангельскими”...

А это картина – описание встречи с провидцем-поэтом Максом Волошиным, видящим все развитие «революции» в ее главном, сути: кровь, кровь и кровь. Русских, России, народа, государства, нации.

КУСОЧЕК КРЫМА

Приезд в бешеную снеговую бурю в Коктебель. Седое море. Огромная, почти физически жгущая радость Макса В_{<олошина>} при виде живого Сережи. Огромные белые хлеба. Видение Макса В_{<олошина>} на приступочке башни, с Тэном на коленях, жарящего лук. И пока лук жарится, чтение вслух, С_{<ереже>} и мне завтрашних и послезавтрашних судеб России. – А теперь, Сережа, будет то-то... Запомни. И вкрадчиво, почти радуясь, как добрый колдун детям, картинку за картинкой – всю русскую Революцию на пять лет вперед: террор, гражданская война, расстрелы, заставы, Вандея, озверение, потеря лика, раскрепощенные духи стихий, кровь, кровь, кровь...

Контрапунктом к этому – татары, у которых время застыло и остановилось.

С Г_{<оль>}цевым за хлебом. Кофейня в Отузах. На стенах большевистские возвзвания. У столов длиннобородые татары. Как медленно пьют, как скрупо говорят, как важно движутся. Для них время остановилось. XVII в. – XX в. И чашечки те же, синие, с каббалистическими знаками, без ручек. Большевизм? Марксизм? Афиши, все горло прокричите! Какое нам дело до ваших машин, Лениных, Троцких, до ваших пролетариев новорожденных, до

*вашей буржуазии разлагающейся... У нас уразá, мулла, виноград,
смутная память о какой-то великой царице... Вот эта кипящая
смоль на дне золоченых чащечек...*

*Лунные сумерки. Мечеть. Возвращение коз. Девочка в мали-
новой, до полу, юбке. Кисеты. Старуха, выточенная, как кость.
Изваянность древних рас.*

Зарисовка матроса-попутчика, сознание которого – мешанина выдержек из «революционных» газет и пропагандистских выступлений, но который имеет «свое» поучащае-высокомерное понимание происходящего.

*Внезапно ввязывается, верней – взрывается – матрос:
«И все это вы, товарищи, неверно рассуждаете, бессознатель-
ный элемент. Эти-то образованные, да дворяне, да юнкера
проклятые всю Москву кровью залили! Кровососы! Сволочь!»
(Ко мне:) «А вам, товарищ, совет: поменьше о Христах да дачах
в Крыму вспоминать. Это время прошло».*

Мой защитник, испуганно: «Да они по молодости... Да какие у них дачи, – так, должно, хибарка какая на трех ногах, вроде как у меня в деревне... (Примиряюще:) – Вот и полсаложки плохонькие»...

*Об этом матросе. Непрерывная материцина. Другие (боль-
шевик!) молчат. Я, наконец, кротко: «Почему вы так ругаетесь?
Неужели вам самому приятно?»*

Матрос: «А я, товарищ, не ругаюсь, – это у меня поговорка такая». Солдаты грохочут. Я, созерцательно: «Плохая поговорка».

И тут же Цветаевой приводятся слова маленькой дочки, совсем из другого мира, уже оболганного, ошельмованного, оплевываемого и затоптанного солдатскими сапогами.

Молитва Али во время и с временем восстания:

*«Спаси, Господи, и помилуй: Марину, Сережу, Ирину, Любу,
Асию, Андрюшу, офицеров и не-офицеров, русских и не-русских,
французских и не-французских, раненых и не-раненых, здоровых
и не-здоровых. – Всех знакомых и не-знакомых» [см.: сноска 1].*

А здесь свидетельство того, кто и как работал в реквизиционном отряде, почему-то редко и мало кем вспоминаемая страница «великого октября». Глазами очевидцев. Сначала – посадка в вагон, народ и новые власти.

Москва, октябрь – ноябрь 1917

ВОЛЬНЫЙ ПРОЕЗД

Дорога на ст<анцию> Усмань, Тамбовской губ<ернии>.

Посадка в Москве. В последнюю минуту – точно ad разверзся: лязг, визг. Я: «Что это?» Мужик, грубо: «Молчите! Молчите! Видно, еще не ездили!» Баба: «Помилуй нас. Господи!» Страх, как перед опричниками, весь вагон – как гроб. И действительно, минуту спустя нас всех, несмотря на билеты и разрешения, выбрасывают. Оказывается, вагон понадобился красноармейцам. В последнюю секунду N, его друг, теща и я, благодаря моей командировке, все-таки попадаем обратно.

И сами ревизующие сознают, что занимаются чистым грабежом, но ведь прибыльно-то как и выгодно! М. Цветаева использует прием косвенного описания, *in extenso* приводя слова матери одного из реквизирующих, одновременно осуждающей сына и восхищающейся изобилием продуктов, отнятых у крестьян.

Трагически начинаю уяснять себе, что едем мы на реквизиционный пункт и... почти что в роли реквизирующих. У тещи сын-красноармеец в реквизиционном отряде. Сулят всякие блага (до свиного сала включительно). Грязят всякими бедами (до смертоубийства включительно). Мужики озлоблены, бывает, что поджигают вагоны. Теща утешает:

– Уж три раза ездила, – Бог миловал. И белой пуда-ами! А что мужики злобятся – понятное дело... Кто же своему доброму врагу? Ведь грабят, грабят вчистую! Я и то уж своему Кольке говорю: «Да побойся ты Бога! Ты сам-то, хотя и не из дворянской семьи, а все же и достаток был, и почтенность. Как же это так – человека по миру пускать? Ну захватил такую великую власть – ничего не говорю – пользуйся, владей на здоровье! Такая уж твоя звезда счастливая. Потому что, барышня, у каждого своя планида...

Так я сыну-то: «Бери за полночины, чтоб и тебе не досадно, и ему не обидно. А то что ж это, вроде разбоя на большой дороге. Пра-аво! Оно... барыняка, понятно: парень молодой, время малиновое, когда и тешиться, коли не сейчас? Не возьмет он этого в толк, что в лоск обирать – себя разорять! И корову доить – разум надо. Жми, да не выжимай. Да-а...

Оборотная сторона «революции» во всей красе встает из слов этой простой русской женщины, прекрасно понимающей, что, как, почему и для чего происходит.

«А уж почет-то мне там у него на пункте – ей-Богу, что вдовствующей Императрице какой! Один того несет, другой того гребет. Колька-то мой с начальником отряда хороши, одноклассники, оба из реалки из четвертого классу вышли: Колька – в контору, а тот просто загулял. Товарищи, значит. А вот перемена-то эта сделалась, со дна всплыл, пузырек вверх пошел. И Кольку моего к себе вы требовал. Сахару-то! Сала-то! Яиц! В молоке – только что не купаются! Четвертый раз езжу».

В разговорах, которые ведутся в вагоне, Марина Ивановна фиксирует в немногих словах и тему отношения солдат и некоторых офицеров к религии, иконам, Богу, показывая через ответы и реплики уровень компетентности высказывающихся.

Ночной спор о Боге. Ненависть солдат к иконам и любовь к Богу, – «Зачем доску целовать? Коли хочешь молиться, молись один!» Солдат – офицеру (типа бывшего лицеиста, пробор, картавит): «А Вы, товарищ, какой веры придерживаетесь?» Из темноты – ответ: «Я спирит социалистической партии».

Дневниковые записи пестрят колоритными описаниями приезда поезда, вербальными портретами действующих лиц, мизансценами обстоятельств, зарисовками индивидуальных особенностей языка, отражающих пореволюционную культуру вовлеченных в нее людей.

Станция Усмань. 12-й час ночи.

Приезд. Чайная. Ломящиеся столы. Наганы, пулеметные ленты, сплошная кожаная упряжь. Веселы, угощают. Мы, честные, все без сапог, – идя со станции чуть не потонули. Для тещи, впрочем, нашлись хозяйкины полусапожки.

Хозяйки: две ехидных перепуганных старухи. Раболепство и ненависть. Одна из них – мне: «Вы что же – ихняя знакомка будете?» (Подмигивая на тещина сына.) Сын: чичиковское лицо, васильковые свиные прорези глаз. Кожу под волосами чувствуешь ярко-розовой. Смесь голландского сыра и ветчины. С матерью нагло-церемонен: «Мамаша»... «Вы» – и: «Ну вас совсем – ко всем!»... Я, слава Богу, незаметна. Теща, представляя, смутно оговорилась: «С их родными еще в прежние времена знакомство водила»... (Оказывается, она лет 15 назад шила на жену моего дяди. «Собственная мастерская была... Четырех мастерий держала... Все честь честью... Да вот – муж подкузьмил: умер!».) Словом, меня нет, – я: при...

Напившись-наевшись, наши два спутника, вместе с другими, уходят спать в вагон. Мы с тещей (тещей она приходится приятелю N, собственно, и сбившего меня на эту поездку) – мы с тещей укладываемся на полу: она на хозяйкиных подушках и пепринах, я просто.

Просыпаюсь от сильного удара. Голос свахи: «Что такое?» – Второй сапог. – Вскакиваю. Полная тьма. Все усиливающийся топот ног, хохот, ругань. Звонкий голос из темноты: «Не беспокойтесь, мамаша, это реквизиционный отряд с обыском пришел!» Чирканье спички. Крики, плач, звон золота, простоволосые старухи, вспоротые перины, штыки... Рыщут всюду.

– Да за иконами-то хорошенко! За святыми-то! Боги золото тоже любят-то!

– Да мы... Да нешто у нас... Сынок! Отец! Отцом будь!

– Молчать, старая стерва!

Пляшиет огарок. Огромные – на стене – тени красноармейцев.

Оказывается, хозяйки чайной давно были на примете. Сын только ждал приезда матери: нечто вроде маневров флота или парада войск в честь Вдовствующей Императрицы.

Обыск длится до свету: который раз ни просыпаюсь – все то же. Утром, садясь за чай, трезвая мысль: «А могут отра-

вить. Очень просто. Подсыплют чего-нибудь в чай, и дело с концом. Что им терять?..

А расстреляют – все равно помирать!» И, окончательно убедившись, пью. В то же утро съезжаем. Мысль эта пришла не мне одной.

Еще портреты героев и действующих лиц «революции»: сначала – неопределенно-лично, но явно указывая национальность и социальную принадлежность, словно показывая слой участников преступления, а затем – конкретно и поименно, руководителей и исполнителей происходящего геноцида страны и его народа.

Опричники: еврей со слитком золота на шее, еврей – семьянин («если есть Бог, он мне не мешает, если нет – тоже не мешает»), «грузин» с Триумфальной площади, в красной черкеске, за гравенник зарежет мать...

Мои два спутника уехали в бывшее имение кн. Вяземского: пруды, сады... (Знаменитая по-зверскости расправа.)

Уехали – не взяли. Остаюсь одна с тещей и с собственной душой. Не помогут ни та ни другая. Первая уже остывает ко мне, вторая (во мне) уже закипает.

С чайником за кипятком на станцию. Двенадцатилетний, одного из реквизицирующих офицеров, «адъютант». Круглое лицо, голубые дерзкие глаза, на белых, бараном, кудрях – лихо заломленная фуражка. Смесь амура и хама.

Хозяйка (жена того опричника со слитком) – маленькая (мизгирь!) наичернюющая евреечка, «обожжающая» золотые вещи и шелковые материи.

– Это у вас платиновые кольца?

– Нет, серебряные.

– Так зачем же вы носите?

– Люблю.

– А золотых у вас нет?

– Нет, есть, но я вообще не люблю золота: грубо, явно...

Ах, что вы говорите! Золото – это ведь самый благородный металл. Всякая война, мне Иося говорил, ведется из-за золота. (Я, мысленно: «Как и всякая революция!») [см.: сноска 1].

Замечание, закавыченное в скобках, красноречиво показывает, что М. Цветаева видела и знает о происходящем гораздо больше, чем может и хочет записать как очевидец. Но и зафиксированного ею достаточно. Золото для всех этих бессребреников, «чистейших и честнейших рыцарей революции», кажется, как-то особенно, мистически притягательно, видно желание забрать его и присвоить себе любой ценой и у всех.

— А позвольте узнать, ваши золотые вещи с вами? Может быть, уступите что-нибудь? О, вы не волнуйтесь, я Иосе не передам, это будет маленькое женское дело между нами! Наш маленький секрет! (Блудливо хихикает.) — Мы могли бы устроить в некотором роде Austausch.

(Понижая голос:) — Ведь у меня хорошенъкие запасы... Я Иосе тоже не всегда говорю!.. Если вам нужно свиное сало, например, — можно свиное сало, если совсем белую муку — можно совсем белую муку.

Я, робко: — Но у меня ничего с собой нет. Две пустых корзинки для пшена... И десять аршин розового ситцу... Она, почти дерзко: — А где же вы свои золотые вещи оставили? Разве можно золотые вещи оставлять, а самой уезжать?..

Я, раздельно: — Я не только золотые вещи оставила, но... детей! (там же).

Она, рассмешенная:

— Ax! Au! Au! Какая вы забавная! Да разве дети — это такой товар? Все теперь своих детей оставляют, пристраивают. Какие же дети, когда кушать нечего? (Сентенциозно:) — Для детей есть приюты. Дети — это собственность нашей социалистической Коммуны... (Я, мысленно: «Как и наши золотые кольца»...)

Логика проста и прямолинейна, легко прочитывается М. Цветаевой: сейчас и ваши дети, и ваши золотые кольца — «это собственность нашей социалистической Коммуны», а поскольку мы ее представляем, олицетворяем, ее возглавляем, ею руководим, от ее имени действуем, то — наши, мои и Иоси; пока золото у нас — оно и у Коммуны, разницы никакой. По факту происходящего.

Убедившись в моей золотой несостоятельности, захлебываясь, рассказывает. Раньше – владелица трикотажной мастерской в «Петрограде».

– *Aх, у нас была квартирка! Конфетка, а не квартирка! Три комнаты и кухня, и еще чуланчик для прислуги. Я никогда не позволяла служанке спать в кухне – это нечистоплотно, могут волосы упасть в кастрюлю. Одна комната была спальня, другая столовая, а третья, небесного цвета, – приемная. У меня ведь были очень важные заказчицы, я весь лучший Петроград своими жакетками одевала... О, мы очень хорошо зарабатывали, каждое воскресенье принимали гостей: и вино, и лучшие продукты, и цветы... У Иоси был целый курильный прибор: такой столик филигранной работы, кавказский, со всякими трубками, и штучками, и пепельницами, и спичечницами... По случаю у одного фабриканта купили... И в карты у нас играли, уверяю вас, на совсем не шуточные суммы...*

И все это пришлось оставить: обстановку мы распродали, кое-что припрятали... Конечно, Иося прав, народ не может большие томиться в оковах буржуазии, но все-таки, имея такую квартиру...

Да, вот они – наверное, «лучшие из лучших»: кристально чистые и бескорыстно преданные делу рабочего класса и крестьянства, когда ни о какой меркантильности, тем более личной заинтересованности и думать нельзя – кощунственно! – Не то, что говорить, etc. – здесь одни «новые святые» Революции.

И вдруг один раз, однажды и случайно поехала М. Цветаева – и какое дикое совпадение! – тут совершенно нетипичная, особая ситуация, прямо-таки – невозможная! Или, напротив, может быть, самая обыкновенная и на каждом шагу встречавшаяся и встречающаяся? Как-то не очень верится в сплошные случайности да совпадения...

Вот бытовые сцены тех дней, будто выточенные из кости, а созданы несколькими точными словами.

Мытье пола у хамки.

– *Еще лужу подотрите! Повесьте шляпку! Да вы не так! По половицам надо! Разве в Москве у вас другая манера? А я,*

знаете, совсем не могу мыть пола, – знаете: поясница болит! Вы, наверное, с детства привыкли?

Молча глотаю слезы.

Вечером из-под меня выдергивают стул, ем свои два яйца без хлеба (на реквизиционном пункте, в Тамбовской губ^{<ерни>}!).

Пишу при луне (черная тень от карандаша и руки). Вокруг луны огромный круг. Пыхтит паровоз. Ветви. Ветер.

Теща: бывшая портниха, разудалая речистая замоскворецкая сваха («муж подкузьмил – умер!»). Хам, коммунист с золотым слитком на шее; мещанка-евреечка, бывшая владелица трикотажной мастерской; шайка воров в черкесках; подозрительные угрюмые мужики, чужой хлеб (продавать здесь на деньги – не хватит и коммунистической совести!)

Всячески пария: для хамки – «бедная» (грошевые чулки, нет бриллиантов), для хама – «буржуйка», для тещи – «бывшие люди», для красноармейцев – гордая стриженая барышня. Годнее всех (на 1000 верст отдаления!) бабы, с которыми у меня одинаковое пристрастие к янтарю и пестрым юбкам – и одинаковая доброта: как колыбель.

«Господи! Убить того до смерти – у кого есть сахар и сало!» (Местная поговорка.)

«Не было смирнее нашего города!» (Рассказ мужика по дороге в Усмань. – Не о всей ли России?)

Сегодня опричники для топки сломали телеграфный столб.

Что им инфраструктура страны, высокие для того времени технологии, системы коммуникации, связывающие структуры страны и граждан... Главное: себя погреть, накормить, обогатить, а как и за чей счет – об этом уже тогда мало думали, создавая precedents и формируя примеры, становящиеся со временем матрицами регулярных разрушительных действий. А о рабсиле позже и вообще перестали заботиться. И опять беспощадно точно М. Цветаева пишет о главном, ради чего – все. Все, что за пазухой, возле сердца: для них и тех, кто с ними, против всей страны и ее

народа. И таким у них – золото. Гениальная поэтесса показывает это и мизансценами, и вербально, прямо называя словами не раз и не два.

Хозяйка за чем-то наклоняется. Из-за пазухи выпадает стопка золота, золотые со звоном раскатываются по комнате. Присутствующие, было – опустив, быстро отводят глаза.

С утра – на разбой. – «Ты, жена, сиди дома, вари кашу, а я к ней маслица привезу!..» – Как в сказке. – Часа в четыре сходятся. У наших Капланов нечто вроде столовой. (Хозяйка: «И им удобно, и нам с Иосей полезно». «Продукты» – вольные, обеды – платные.) Вина что-то незаметно. Сало, золото, сукно, сукно, сало, золото. Приходят усталые: красные, бледные, потные, злые. Мы с хозяйкой мигом бросаемся накрывать. Суп с петухом, каша, блины, яичница. Едят сначала молча. Под лаской сала и масла лбы разглаживаются, глаза увлажняются. После грабежа – дележ: впечатлениями. (Вещественный дележ производится на месте.) Купцы, попы, деревенские кулаки... У того столько-то холста... У того кадушка топленого... У того царскими тысячью... А иной раз – просто петуха... [см.: сноска 1].

Ничем и никем не брезговали, настоящие коммунисты-большевики ленинского призыва, Троцкого закала. Хотя при этом сами грабители полностью сознавали, что отнимая у крестьян последний куль муки, спрятанный для членов своей – часто тогда еще многочисленной семьи, – они обрекают их на голод и смерть, в первую очередь самых слабых: детей, женщин, стариков, но это выражалось лишь в сарказмах, словах фальшивого сочувствия, ухмылках. Им смешно видеть слезы.

Рузман (семьянин) добродушен. Обнаруживая какой-нибудь запретный (запрятанный) плод, вроде куля муки, сам первый сочувствует:

– Ай-ай-ай! И семейство большое! Нельзя же, в самом деле, семь собственных детей, жену, бабушку и дедушку одним чистым воздухом питать!

Есть в нем и ценитель: так, хитро-скрытое и долго-сопротивлявшееся вызывает в нем любование.

— Такой плут этот Микишикин, такой плут! Ему бы только ликвидацией банков заведовать! И куда он это, вы думаете, он свои николаевские забальзамировал?!

Полегонечку (восьмой день!) вхожу, вживаюсь, уже делаю (лирически!) триумфы и беды, уже хозяйка, обеспокоенная долгим отсутствием мужа, — мне: «Что же это наши Иося нам изменяет?»

Я по самой середине сказки, mitten drinnen.

Разбойник, разбойника жена — и я, разбойниковой жены — служанка. Конечно, может статься — выхвачу топор... А скорей всего, благополучно растряся свои 18 ф^{унтов} пишена по 80-ти заградительным отрядам, весело ворвусь в свою борисоглебскую кухню и тут же — без отдыши — выдошусь стихом!

Такая вот работа у большевика была: народ грабить, с собой зовут — выгоду обещают под честное слово.

Зовут на реквизицию. (Так герцоги, в былые времена, приглашали на охоту!)

— Бросьте вы свои спички!.. (Сколько у вас осталось коробочек? Как — целых три даром отдали? Ах, ах, ах, какая непрактичная!) Едемте с нами, без спичек целый вагон муки привезете. Вам своими руками ничего делать не придется — даю вам честное слово коммуниста: даже самым маленьkim пальчиком не пошевельнете! И хозяйка, ревниво (не ко мне, конечно, а к мыслимым «продуктам»).

— Ах, Иося, разве это возможно! Кто же мне завтра посуду будет мыть, когда я на базар пойду за дрожжами!

(Единственный в этой семье покупной «продукт»).

Ограничение свободы — личной и гражданских, политических и экономических у завоеванных и грабимых — уже тогда чувствовалось и шло семимильными шагами, превращая вчерашних свободных людей, привыкших еще недавно прямо выражать свои мысли и мнения, — в сегодняшних рабов, которым бандиты с партбилетами уже тогда начинали затыкать рты, что затем выродится не только в физическое, но и в духовное рабство всей страны, куда хуже античного.

Сколько перемытой посуды и уже дважды вымытый пол! Чувство, что я определенно обращена в рабство. Негодная теща, в тон хозяйке, третирует. От моих вероломных Тезеев (хорош – Наксос!) вот уже вторая неделя – ни слуху, ни духу. У меня пока: 18 ф^{унтов} пшена, 10 ф^{унтов} муки, 3 ф^{унта} свиного сала, янтарь и три куклы для Али. Грозят заградительными отрядами.

Да, для таких, как М. Цветаева, – еще и загрядотряды, другое название для «реквизиционных», откровенно разбойно-грабительских: отнять выменянное, добываемое для детей. Искреннее слово и через 70 лет этой власти будет тяжко переносить. Срывались и тогда, когда враг таился меньше, чувствуя свою безнаказность, вооруженность перед разоруженными, выставляя наглость малограмотного хама перед вежливостью образованных и умных людей.

Разрываюсь от смеха и гнева. Вечер проходил как всегда. Входили, выходили, пощучивали, покуривали, обдумывали завтрашние набеги, подытоживали нынешние. Словом: мир. И вдруг: гром: Бог! Кто начал – не помню. Помню только свой голос:

– Господа, если его нет – за что же вы его так ненавидите?
– А кто вам сказал, что мы Господа Бога ненавидим?
– Или вы его слишком любите: вы неустанно о нем говорите.
– Говорим, потому, что многие в эти пустяки еще верят.
– Я первая! Дурой родилась, дурой помру. (Это теща прорвалась.)

Левит, снисходительно:

– Вы, мадам, – это вполне объяснимое явление, все наши мамаши и папаши веровали, но вот (пожатие плечей в мою сторону)... что товарищ в таком молодом возрасте и еще имев возможность пользоваться всеми культурными благами столицы...

Теща:

– Ну что ж, что из столицы? Вы думаете, у нас в Москве все нехристи, что ль? Да у нас в Москве церквей одних сорок сороков, да монастырей, да...

Левит:

— Это пережитки буржуазного строя. Ваши колокола мы перельем на памятники.

Я: — Марксу.

Острый взгляд: — Вот именно.

Я: — И убиенному Урицкому. Я, кстати, знала его убийцу.
(Подскок, — выдерживаю паузу.)

...Как же, — вместе в песок играли: Каннегиссер Леонид.

— Поздравляю вас, товарищ, с такими играми!

Я, досказывая: — Еврей.

Левит, вскипая: — Ну это к делу не относится!

Теща, не поняв: — Кого жиды убили?

Я: — Урицкого, начальника петербургской Чрезвычайки.

Теща: — И-иши. А что, он тоже из жидов был?

Я: — Еврей. Из хорошей семьи.

Теща: — Ну, значит, свои повздорили. Впрочем, это между жидами редкость, у них это наоборот — один другого покрывает, кум обжегся — сват дует, ей-Богу!

Левит, ко мне: — Ну и что же, товарищ, дальние?

Я: — А дальние покушение на Ленина. Тоже еврейка (обращаясь к хозяину, любезно). — Ваша однофамилица: Каплан.

Левит, перехватывая ответ Каплана: — И что же вы этим хотите доказать?

Я: — Что евреи, как русские, разные бывают.

Левит, вскакивая: — Я, товарищ, не понимаю: или я не своими ушами слышу, или ваш язык не то произносит. Вы сейчас находитесь на реквизиционном пункте, станция Усмань, у действительного члена Р.К.П. товарища Каплана.

Я: — Под портретом Маркса...

Левит: — И тем не менее вы...

Я: — И тем не менее я. Отчего же не обменяться мнениями?

Кто-то из солдат: — А это правильно товарищ говорит. Какая же свобода слова, если ты и икнуть по-своему не смеешь! И ничего товарищ особенного не заявляли: только, что жид жида уложил, это мы и без того знаем.

Левит: — Товарищ Кузнецов, прошу вас взять свое оскорбление обратно!

Кузнецов: — Какое такое оскорблечение?

Левит: – Вы изволили выразиться про идеиную жертву – жид?!

Кузнецов: – Да вы, товарищ, потишие, я сам член К~~оммунисти~~ческой партии, а что я жид сказал – у меня привычка такая!

Теща – Левиту: – Да что же это вы, голубчик, всхорохорились? Подумаешь – «жид». Да у нас вся Москва жидом выражается – и никакие ваши декреты запретные не помогут! Потому и жид, что Христа распял!

– Христ – ма – а??!

Как хлыст полоснул. Как хлыстом полоснул. Как хлыстом полоснули. Вскакивает. Ноздри горбатого носа пляшут.

– Так вы вот каких убеждений. Мадам? Так вы вот за какими продуктами по губерниям ездите. – Это и к вам, товарищ, относится! – Пропаганду вести? Погромы подстраивать? Советскую власть раскачивать? Да я вас!.. Да я вас в одну сотую долю секунды... [см.: сноска 1].

– И не испугалась! А сын-то у меня на что же? Самый что ни на есть большевик, почище вас будет. Ишь – расходился! Вот только змеем шипеть! Пятьдесят лет живу – такого страма...

Хозяйка: – Мадам! Мадам! Успокойтесь! Товарищ Левит пошутил, товарищ всегда так шутит! Да вы сами посудите...

Прозрение наступало уже тогда, когда еще было кому сравнивать еще недавно бывшее, новое, только появлявшееся – и какое, насколько страшное!

Сваха, отмахиваясь: – И судить не хочу, и шутить не хочу. Надоела мне ваша новая жизнь! Был Николаша – были у нас хлеб да каша, а теперь за кашей за этой – прости Господи! – как пес язык высуня 30 верст по грязи отмахиваем...

Кто-то из солдат: – Николаша да каша? Эх вы, мамаша!.. А не пора ли нам ребята, по домам? Завтра чем свет в Ипатовку надо.

Вернулись Ни зять. Привезли муки, веселые. И на мою долю полпуда. Завтра едем. Едем, если сядем.

А вот мнение другого участника революции, русского человека. Цветаевой интересно знать о нем все – и кто он, и что, его образование, знания, круг чтения, какая семья, как таким стал, как Стенька Разин (или без «как», для этого времени), и т.д. С таким она и пошутить не прочь.

Стенька Разин. Два Георгия. Лицо круглое, лукавое, веснушчатое: Есенин, но без мелкости. Только что, вместе с другими молодцами, вернулся с реквизиции. Вижу его в первый раз [см.: сноска 1] (...).

Говорим что-то о церквях, о монастырях.

– Вы вот, товарищ, обижаетесь, когда на попов ругаются, монашескую жизнь восхваляете. Я против того ничего не говорю: не можешь с людьми – иди в леса. На миру души не спасешь, сорок сороков чужих загубишь. Только, по совести, разве в попы да в монахи затем идут? За брюхом своим идут, за жизнью сладкой. Вроде как мы, к примеру, на реквизицию, – ей-Богу! А Бог-то при чем? Бога-то, на святость ту глядя, с души воротит. Изничтожил бы он свой мир, кабы мог! Нет, ты мне Богом не заслоняйся! Бог – свет: всю твою черноту пропущает. Ни он от тебя черней, ни ты от него не белей. И не против Бога я, товарищ, восстаю, а против слуг его: рук неверных! Сколько через эти руки от него народу отпало! Да разве у всех рассудок есть? Вот хотя бы отец мой, к примеру, – как началось это гонение, он сразу рассудил: с больной головы да на здоровую валят. Поп, крысий хвост, нашкодил – Бога вешать ведут. Не ответствен Бог за поповский зоб! И сами, говорит, премного виноваты: попа не чтили, вот он и сам себя чтить перестал. А как его чтить-то? Я, барышня, ихнего брата в точности превзошел. Кто первый вор? – Поп. Обжора? – Поп. Гулена? – Поп. А напьется – только вот разве – барышни вы, объяснить-то вам неприлично...

– Ну а монахи, отшельники?

– А про монахов и говорить нечего, чай, сами знаете. Слова постные, а языком с губ скромную мысль облизывают. Раскрои ему черепушку: ничего, кроме копченых там да соленых, да девок, да наливок-вишневок не удостовериишь. Вот и вера вся! Монашеское житие! Души спасение!

— *А в Библии, помните? Из-за одного праведника Содом спасу? Или не читали?*

— Да сам, признаться, не читал, — все большие я в младости голубей гонял, с ребятами озоровал. *А вот отец у меня — великий церковник. (Вдохновляясь:) Где эту самую Библию ни открои — так тебе 10 страниц подряд слепыми глазами и шпарит...*

А я вот еще вам хотел, товарищ, про монахов досказать. Монашки, к примеру. Почему на меня каждая монашка глазами завидует?

Я, мысленно: «Да как же на тебя, голубчик, не...»

Он, разгораясь:

— Жмется, мнется, глаза как колодцы. Да куда ж ты меня этими глазами тянемешь-то? Да какая ж ты после этого моленная? Кровь озорная — в монастырь не иди, а моленная — глаза вниз держжи!

Я, невольно опуская глаза: «Морализирующий Разин». (Вслух):

— Вы мне лучше про отца расскажите.

— О-тец! Отец у меня — великий человек! Что там — в книжках пишут: Маркс, например, и Гракхи-братья. Кто их видел-то? Небось, все иностранцы: имя — язык занозишь, а отечества нету. Три тысячи лет назад — да за семью за синими морями — тридевять земель пройдешь — в тридесятой, — это не хитро великим быть! А может, так, выдумки одни? Этот-то (взмах на стенного Маркса)... грибач косматый — вправду был?

Я, не сморгнув: — Выдумали. Сами большевики и выдумали. По дороге из Берлина — знаете? Вымозговали, пиджак надели, бороду — грибу распушили, по всем заборам расклеили.

— А вы, барышня, смелая будете.

— Как и вы.

(Смеется.) (...).

Был хорошим солдатом, пока не дали банк пограбить. Чувствует и ценит поэзию.

Два Георгия, спас знамя.

— Что вы чувствовали, когда спасали знамя?

— А ничего не чувствовал! Есть знамя — есть полк, нет знамени — нет полка!

Купил с аукциона дом в Климацах за 400 руб^{<лей>}. Грабил банк в Одессе — «полные карманы золота»! Служил в полку Наследника.

— Выходит он из вагона: худенький, хорошенъкий, и жалобным таким голоском: «А куда мне сейчас можно будет пойти?» — «Вас автомобиль ждет, Ваше высочество». Многие солдаты плачали.

Говорю ему стихи: «Царю на Пасху», «Кровных коней»...

— Это какой же человек сочинял? Не из простых, чай? А раскат-то какой! Аккурат как громом перекатило: — ...Пойла — стойла... А здорово ж ему бы нагорело за стойла за эти! А ялагаю — не в памяти писано, а? Убили отца, убили мать, убили братьев, убили сестер, — вот он и записа-ал! С хорошей жизни так не запишешь! А нельзя ли было бы, барышня, мне этот стих про стойла на память списать?

— Попадетесь.

— Я?!! — Рожса из вдохновенной делается грабительской. Я — да попасться? Нерожён еще пропад тот, через который я пропасть должен! Нерожён — непроложен! Да у меня, барышня, золотых часов четверо. (Руки по карманам!) Хотите — сверяйтесь! И все по разному времени ходят: одни по московскому, другие по питерскому, третья по рязанскому, а эти вот (ударяя кулаком в грудь) — по разинскому! (...).

После тещ, свах, пшен, помойных ведер, наганов, Марксов — этот луч (голос), ударяющий в эту синь (глаза!). Ибо читаю ему прямо в глаза: как смотрят! В васильковую синь: сгинь.

Стенька Разин! (...)

И опять вагон, поезда; заградотряды, оказывается, не страшны, для Каплана — они свои. И междуусобица между самими большевиками.

Завтра едем. Едем, если сядем. Грозят заградительными отрядами. Впрочем, Каплан (из уважения к теще) обещает дать знать по путям, что едут свои.

Утреннее посещение N (ночевал в вагоне).

— М^{<арина>} И^{<вановна>}, сматывайтесь — и айда! Что вы здесь с тещей натворили? Этот, в красной черкеске, в бешенстве! П полночи его работал. Наврал, что вы и с Лениным, и с Троцким, что вы им всем очки втирали, что вы тайно командированы, черт знает чего наплел! Да иначе не вывез бы! Контрреволюция, орет, юдофобство, в одной лульке с убийцами Урицкого, орет, качалась! Это теща, говорю, качалась (тещу-то Колька вывезет!). Обе, обе, орет, — одного поля ягодки! Ну потом, когда я и про Троцкого, и про Ленина, немножечко осел. А Каплан мне — так уж безо всяких: — «Убрайтесь сегодня же, наши посадят. За завтрашний день не ручаюсь». — Такие дела!

А еще, знаете, другое удовольствие: ночью проснулся — разговор. Черт этот — еще с каким-то. Крестьяне поезд взорвать хотят, слежка идет... Три деревни точно... Ну и гнездо, Марина Ивановна! Да ведь это же — Хитровка! Я волосы на себе рву, что вас здесь с ними одну оставил! Вы же ничего не понимаете: они все будут расстреляны!

Я: — Повешены. У меня даже в книжке записано.

Он: — И не повешены, а расстреляны. Советскими же. Тут ревизии ждут. Левит на Каплана донес, а на Левита — Каплан донес. И вот кто кого. Такая пойдет разборка! Ведь здесь главный ссылкой пункт — понимаете?

— Ни звука. Но ехать, определенно, надо. А тещин сын?

— С нами едет, — мать будто проводить. Не вернется. Ну, М^{<арина>} И^{<вановна>}, за дело: вещи складывать!

...И, ради Бога, ни одного слова лишнего! Мы уж с Колькой тещу за сумасшедшую выдали. Задаром пропадем!

Дальше то, что можно определить как описание кровавого балагана хаоса, в который ввергнута страна и люди, в котором все мешается со всем: правда с вымыслом, люди и вещи, железный порядок штыков и произвол импровизации еще живых людей, жизнь и нависающая над всеми смерть.

Сматываюсь. Две корзинки: одна кроткая, круглая, другая квадратная, злостная, с железными углами и железкой сверху. В первую — сало, пшено, кукол (янтарь, как надела, так не сняла),

в квадратную – полпуда *N* и свои 10 ф*унтов*. В общем, около 2 п*удов*. Беру на вес – вытяну!

Хозяйка, поняв, что уезжаю, льнет; я, поняв, что уезжаю, наглею.

– Все товарищ, товарищ, но есть же у человека все-таки свое собственное имя. Вы, может быть, скажете мне, как вас зовут?

– Циперович, Мальвина Ивановна.

(Из всей троичности уцелел один Иван, но Иван не выдаст!)

– Представьте себе, никак не могла ожидать. Очень, очень приятно.

– Это моего гражданского мужа фамилия, он актер во всех московских театрах.

– Ах, и в опере?

– Да, еще бы: бас. Первый после Шалятина. (Подумав): ... Но он и тенором может.

– Ах, скажите! Так что, если мы с Иосей в Москву приедем...

– Ах, пожалуйста, – во все театры! В неограниченном количестве! Он и в Кремле поет.

– В Крем...?!

– Да, да, на всех кремлевских раутах. («Интимно»): Потому что, знаете, люди везде люди. Хочется же поразвлечься после трудов. Все эти расправы и расстрелы...

Она: – Ах, разумеется! Кто же обвинит? Человек – не жертва, надо же и для себя... И скажите, много ваш супруг зарабатывает?

Я: – Деньгами – нет, товаром – да. В Кремле ведь склады. В Успенском соборе – шелка, в Архангельском (вдохновляясь): меха и бриллианты... (...) [см.: сноска 1].

Посадка.

Поезд. – Одновременно, как из-под земли: 12 с винтовками. Наши! В последнюю секунду пришли посадить. Сердце падает: Разин!

– Что, товарищ, небось сробы? Ничего! Ся – адем! Безнадежно, я даже не двигаюсь. Не вагоны – завалы. А навстречу завалам вагонным – ревущие, вопиющие, взывающие и глаголющие – завалы платформенные.

— Ребенка задавили! Ребенка! Ребенка —

Лежачая волна — дыбом. Горизонталь — в стремительную и обезумевшую вертикаль. Лезут. Втаскивают. Вваливаются.

Я — через всех — Разину:

— Ну? Ну?

— Ус — неем, барышня! Не волнуйтесь! Вот мы их сейчас!

— Ребята, осади, стрелять будем!

Ответный рев толпы, щелк в воздух, удар в спину, не знаю где, не знаю что, глаза из ям, взлет...

— А это что ж, а? Это что ж за птицы — за синицы?

Штыка — ами? Крестьянского добра награбили да по живому человеку ступа — ать?

— А спусти-ка их, ребята, и дело с концом! Пущай вольным воздухом продышатся!

Поняла, что села и едем. (Все ли? Озирнуться нельзя.) Постепенное осознание: стою, одна нога есть. А другая, «очевидно», тоже есть, но где — не знаю. Потом найду.

А гроза голосоврастет.

— Долго очень думать не приходится. Штык посадил, а мужик высадит! Что ж это, в самом деле, за насмешка, мы этой машины-то, небось, семнадцать ден, как Царства Небесного какого... А эти!..

Утешаюсь только одним: извлечь человека из этой гущи то же самое, что пробку из штофа без штопора: немыслимо. Мне быть выброшенной — другим раздаться. А раздаться — разлететься вагону. Точное ощущение предела вместимости: дальше — некуда, и больше нельзя.

Стою, чуть покачиваемая тесным, совместным человеческим дыханием: взад и вперед, как волна. Грудью, боком, плечом, коленом срашенная, в лад дышу. И от этой предельной телесной сплоченности — полное ощущение потери тела. Я — это то, что движется. Тело, в столбняке — оно. Теплушка: вынужденный столбняк.

— Господа — а — а... О — о — о... У — у — у...

Но... нога: ведь нет же! Беспокойство (раздраженное) о ноге покрывает смысл угроз. Нога — раньше... Вот когда найду ногу... И, о радость: находится! Что-то — где-то болит. При-

слушиваюсь. Она, она, голубушка! Где-то далеко, глубоко... Боль оттачивается, уже непереносима, делаю отчаянное усилие...

Рев: – Это кто ж сапогами в морду лезет?!

Но дуб выкорчеван: рядом со мной, как дымовой столб (ни чулка, ни башмака не видно), – моя насущная праведная вторая нога [см.: сноска 1].

И – внезапный всплеск в памяти: что-то темное ввысь! горит! Ах, рука на прощание, с моим перстнем! Станции Усмань Тамбовской губ~~ернии~~ – последний привет!

Москва, сентябрь, 1918

И.В. Логвинова

**ЧЕЛОВЕК КАК «МАШИНА ПРЕДАТЕЛЬСТВА»
(А.И. СОЛЖЕНИЦЫН И Ю.В. КОЗЛОВ)**

Аннотация. В статье рассматривается творческая перекличка А.И. Солженицына (роман «В круге первом») и Ю.В. Козлова (роман «Колодец пророков») в осмыслиении темы личного и общественного предательства как движущей силы истории.

Ключевые слова: русская литература XX в.; А.И. Солженицын; Ю.В. Козлов; поэтика.

Logvinova I.V. A man as «machine of treachery» (A.I. Solzhenitsyn and U.V. Kozlov)

Summary. The article focuses on the creative call of A.I. Solzhenitsyn (novel «In the first circle») and Yu.V. Kozlova (novel «The Prophet's well») in the understanding of personal and public betrayal as a force of history topics.

Keywords: Russian literature of the XX century; A.I. Solzhenitsyn; Yu.V. Kozlov; poetics.

В многоплановом, поднимающем многие философские и этические проблемы романе Ю.В. Козлова «Колодец пророков» (1996) звучит тема, являющаяся одной из вечных, ключевых тем в истории русской литературы, – тема совести и предательства. Очень интересно, что в подобном же ключе эта тема прозвучала ранее в романе А.И. Солженицына «В круге первом» (1968). Однако у Солженицына она не является в романе основной, она только затронута и брошена, как эпизод, связанный с работой Рубина над идентификацией голоса преступника; внимание автора сосредоточено в основном на

описании работы органов Госбезопасности, Марфинской шарашки и ее обитателей, лагерной системы. Основная тема совести и предательства как раз выступает в произведениях Ю.В. Козлова («Колодец пророков», «Геополитический роман»), и как раз при чтении этих книг невольно актуализируется в памяти эпизод романа «В круге первом», где речь идет о создании новой науки, фоноскопии, и об этической стороне научного прогресса.

Нам показалась интересной такая перекличка двух авторов в осмыслиении темы предательства, понимаемой ими по-разному. У Солженицына речь идет о сталинских лагерях и советской эпохе. У Козлова же действие романа происходит в 90-е годы, в период распада советской системы. Однако в обоих произведениях понятие предательства осмысляется главными героями в философском ключе.

Ю.В. Козлов определяет предательство однозначно. В его романе генерал Толстой провозглашает: «Человек <...> есть не что иное, как машина предательства. <...> Общественный прогресс, майор, – это движение по спирали предательства. Сначала они предали своих каменных идолов. Потом – богов, олицетворяющих природу. Потом этого со шрамом на губе... как его... Иисуса Христа. Они его вообще восприняли только через предательство!.. Человечество <...> посейчас изнывает от коллективного бессознательного стремления предать Христа. Машина предательства, майор, – движущая сила истории»¹.

Если рассматривать роман Солженицына сквозь призму проблемы предательства, то можно проследить мысль о предательстве, высказываемую уже в самом начале книги, когда накануне нового года лейтенант Кулешов случайно засек разговор государственного советника Иннокентия Володина с иностранным атташе. Тема предательства возникает при анализе этого эпизода. Вначале мы видим внутренний монолог Иннокентия, который собирается сообщить в иностранное посольство о готовящейся передаче советскому агенту Ковалю важных технологических деталей производства атомной бомбы. Иными словами, советский дипломат, случайно подслушавший эту секретную информацию, собирается предать Родину. При этом автор не осуждает его, а скорее оправдывает. Внутренний монолог Володина является отражением убеждений самого автора (если сравнить с эпизодами, в которых с явным неодобрением описывается советский режим, особенно

секретные «шарашки», в которых бесплатно эксплуатируется труд свободомыслящих ученых, попавших в сталинские лагеря). Володин мучается одним вопросом: «Позвонить или не позвонить? Сейчас обязательно? Или не поздно будет там?.. в четверг – в пятницу?... <...> Неужели есть средства дознаться, кто звонил из автомата? Если говорить только по-русски? Если не задерживаться, быстро уйти? Неужели узнают по телефонному сдавленному голосу? Не может быть такой техники...»³ Следующий эпизод показывает машину предательства в действии. Дипломат предал Родину, а лейтенант, прослушивающий телефоны посольства, остается ей верным, хотя у него и мелькнула мысль о предательстве: «Кулешов сперва подумал стереть запись и скрыть свою оплошность. Но тут же вспомнил, как начальник не раз говорил, что работа их поста дублируется автоматической записью еще в одном месте...»³ Описывая, как легко тоталитарная машина распоряжается человеческими судьбами (за отказ сотрудничать со следственными органами инженер-полковник Яконов пишет в своем настольном блокноте: «Нержина – списать»... Этот Нержин не захотел переходить в другую лабораторию потому, что был влюблен в сотрудницу Акустического отдела). Солженицын оправдывает предателей, которые работают против Советского Союза. Образы чекистов в романе напоминают марионеток в руках кукловода-Сталина. Они живут не своей жизнью, запуганные и ничтожные, разговаривающие казенным сухим языком, в отличие от зэков-ученых, которые иронизируют, шутят, ведут себя естественно и бесстрашно и на фоне чекистов выглядят чуть ли не героями. Образ предателя-дипломата Володина также написан в героическом ключе: юноша-интеллектуал, одетый во все «западное», из интеллигентной семьи со старинными альбомчиками и дорогими сердцу семейными преданиями и т.п. («Несколько суток просидел он так на скамеечке у распахнутых шкафов, дыша, дыша и отправляясь этим воздухом, этим маминым мирком, в который когда-то отец его, опоясанный гранатами, в черном дождевике, вошел по ордеру Чека на обыск. В пестроте течений, в столкновении идей, в свободе фантазии и тревоге предчувствий глянула на Иннокентия с этих желтеющих страниц Россия Десятых годов, последнего предреволюционного десятилетия, которое Иннокентия в школе и в институте приучили считать самым позорным,

самым бездарным во всей истории России. <...> Иннокентий понял, что был обокраден до сих пор⁴.) Невольно читатель должен сочувствовать этому персонажу, что и происходит при первом чтении романа. Читатель сочувствует и Володину, и ни в чем не повинному его товарищу, которому тот своим предательством разрушил карьеру, невольно потянув за собой в лагеря, поскольку товарищ тоже попал в список из пяти подозреваемых.

Так, объясняя задачу, которую предстоит решать Рубину, генерал выражается канцелярским языком: «Так вот, советское правительство и наши органы считают возможным оказать вам доверие. С этого магнитофона вы сейчас услышите государственную тайну мирового масштаба. Мы надеемся, что вы поможете нам изловить этого негодяя, который хочет, чтоб над его родиной трясли атомной бомбой...»⁵ Рубин в прошлом – такой же чиновник, как и его тюремщики. Солженицын кратко описывает историю его разжалования, вписывая ее между строк его внутреннего монолога при прослушивании магнитофонной записи разговора: «Его переполняло, разрывало. Разжалованный, обесчещенный – вот понадобился и он! Вот и ему сейчас доведется посыльно поработать на старуху-Историю. Он снова – в строю! Он снова – на защите Мировой Революции! Угрюмым псом сидел над магнитофоном ненавистный Смолосидов. Чванливый Бульбанюк. <...> Они были отвратительны Рубину, смотреть на них не хотелось. Их рвануть бы прямо тут же, в кабинете, ручной гранатой! Но так сложилось, что объективно на данном перекрестке истории они представляют собою ее положительные силы, олицетворяют диктатуру пролетариата и его отчество. И надо стать выше своих чувств! И им – помочь!»⁶ В конце романа мы узнаем, что за помощь Родине Рубина, вместо благодарности, снова отправили в лагеря. Такова, по Солженицыну, справедливость в советском государстве.

Не задумываясь о предательстве, убежденный коммунист и патриот Рубин тут же берется за работу: определить, кто из пятерых подозреваемых позвонил в посольство. И тут тема предательства приобретает новый разворот: кто из них является предателем – учений, взявшийся раскрыть имя преступника, расшифровав и идентифицировав его голос, или преступник, предупреждающий чужое государство о секретной операции, проводи-

мой агентом его Родины. При этом Солженицын делает акцент на азарте Рубина: «Азарт исследователя загорался в нем. По сути, это новая наука: найти преступника по отпечатку его голоса. До сих пор находили по отпечатку пальцев. Назвали: дактилоскопия, наблюдение пальцев. Она складывалась столетиями. А новую науку можно будет назвать голосо-наблюдение (так бы Сологдин назвал), фоноскопия. И создать ее придется в несколько дней»⁷. Автор не дает тут развернутых внутренних монологов ученого. Ему достаточно того, что Рубин – такая же часть государственной машины, как и его начальник и тюремщики. Совсем иначе выглядят Володин и Нержин, противостоящие системе.

В романе есть еще один эпизод, связанный с темой предательства. Это незавершенный спор Рубина с Нержиным. Рубин спрашивает: «Значит, пусть этот прыщ отдает бомбу Западу?..», на что Нержин замечает: «Бомба – на Западе, ее там изобрели, а вы воруете»⁸. «Ты согласен получить Хиросиму? На русской земле?» – спрашивает Рубин, на что Нержин ему отвечает: «А по-твоему – воровать бомбу? Бомбу надо морально изолировать, а не воровать»⁹. Подобная убеждению Нержина мысль звучит и в размышлениях Володина: «Ты не дал украсть бомбы Преобразователю Мира, Кузнецу Счастья? – значит, ты не дал ее Родине! А зачем она – Родине? Зачем она – деревне Рождество? <...> Им нужны дороги, ткани, доски, стекла, им верните молоко, хлеб, еще, может быть, колокольный звон – но зачем им атомная бомба?»¹⁰. В этих мыслях Володина звучит тот же идеализм, что и в вере Нержина в помощь ООН, если вдруг какая-то из держав начнет угрожать другой державе атомной бомбой. Вспоминая мысль Ю.В. Козлова о том, что человек – машина предательства, нужно понимать, что никакого идеализма в вопросах госбезопасности не должно быть. Поэтому слова Рубина о том, что Хиросима на русской земле не нужна, звучат реалистически и трезво. Рубин понимает, что такое предательство и какую роль оно играет в истории, поэтому он убежден, что предатель должен быть найден и наказан.

Мысль о собственном предательстве смутно возникает у Рубина, когда он, отобрав двоих подозреваемых из списка, докладывает начальнику, что осталось только разобраться, кто из них двоих звонил в посольство. На это начальник говорит, что на это нет времени, и арестуют обоих подозреваемых. На это Рубин возражает:

«Но один из них будет невиновен!»¹¹. Эта мысль остается без развития, хотя сквозь ее призму можно осмыслить весь роман Солженицына как роман о предательстве, совершающем и либералами, и патриотами. В романе намечена также тема предательства человека по отношению к самому себе. Так, Яконов, в душе будучи верующим человеком, но колеблющимся, стоя у развалин церкви, где когда-то встречался с любимой девушкой, по-видимому, переживает, что предал самого себя. А теперь он «был на вершине видимой власти. <...> Дома ждала его любящая жена, розово спали две прелестные девочки. Высокие в старом московском здании комнаты с балконом составляли его превосходную квартиру. Измерялась во многих тысячах его месячная зарплата. Персональная “победа” дожидалась его телефонного звонка. А он стоял, локтями припав к мертвым камням, и жить ему не хотелось»¹².

Таким образом, мысль о том, что человек – машина предательства, высказанная в романе «Колодец пророков», о человеке как «машине предательства», на наш взгляд, актуализирует и выносит на первый план мысль о предательстве в романе Солженицына «В круге первом» (если у Козлова тема предательства – ключевая, пронизывает все смысловые слои его произведений, то у Солженицына она звучит как одна из мыслей, высказанных по ходу описания тоталитарной системы госбезопасности и подробного описания жизни и быта узников сталинских лагерей).

¹ Козлов Ю.В. Колодец пророков: Роман. Повесть. Рассказы. М.: Молодая гвардия, 2003. С. 75.

² Солженицын А.И. В круге первом. М.: Дрофа, 2006. С. 36.

³ Там же. С. 41–42.

⁴ Там же. С. 459.

⁵ Там же. С. 269.

⁶ Там же. С. 270.

⁷ Там же. С. 272.

⁸ Там же. С. 363.

⁹ Там же. С. 363.

¹⁰ Там же. С. 639.

¹¹ Там же. С. 654.

¹² Там же. С. 197.

А.М. Ранчин

**МАТРЁНА А.И. СОЛЖЕНИЦЫНА
И ПРАВЕДНИКИ Н.С. ЛЕСКОВА**

Аннотация. В статье рассматривается преемственность между произведениями Н.С. Лескова о праведниках и рассказом А.И. Солженицына «Матрёнин двор». Солженицынский рассказ, несмотря на интертекстуальные связи с творчеством Лескова, отличается от лесковских произведений несколько иным пониманием праведности, в нем иная структура повествования: различаются соотношение рассказчик – изображаемый персонаж, трактовка оппозиции прошлое – настоящее, Лесков и Солженицын ориентируются на различные образцы в религиозной книжности: для Лескова это агиография, для автора «Матрёнина двора» – ветхозаветные сказания.

Ключевые слова: Н.С. Лесков; А.И. Солженицын; образы праведников; «Матрёнин двор»; литературная преемственность; интертекстуальные связи; нарративная поэтика; диалог, полемика.

Ranchin A.M. A.I. Solzhenitsyn's Matryona and the righteous men in the works by N.S. Leskov

Summary. The article discusses continuity between the works by N.S. Leskov about the righteous men and the story by A.I. Solzhenitsyn «Matryonin Place». Solzhenitsyn's story, in spite of its intertextual links with Leskov's work, is not similar to Leskov's works because of a slightly different understanding of righteousness. Work written by Solzhenitsyn has a different narrative structure: the correlation between narrator and depicted character; the opposition of the past to the present, which is unequally interpreted by Leskov and Solzhenitsyn; Leskov and Solzhenitsyn are oriented to various patterns in religious bookishness: for Leskov, this is hagiography, whereas for the author of «Matryonin's Place», Old Testament tales are the narrative pattern.

Keywords: N.S. Leskov; A.I. Solzhenitsyn; the images of righteous men; «Matryona's Place»; literary continuity; intertextual connections; the poetics of narration; dialog; polemics.

Сходство между героиней солженицынского рассказа «Матрёнин двор» и лесковскими персонажами, именуемыми автором праведниками, очевидно. Как еще в 1972 г. заметил Л. Ржевский, «предтеч Матрёны можно найти <...> у Н. Лескова: начиная с “Соборян” тема праведников сделалась одно время его главной темой»¹. Изначальное, авторское название «Матрёнина двора» – «Не стоит село без праведника», это же высказывание варьируется в заключительных строках рассказа: «есть она тот самый праведник, без которого, по пословице, не стоит село.

Ни город.

Ни вся земля наша»².

Это высказывание-пословица соотносится с предисловием Лескова к книге-цикlu «Праведники» – второму тому (1889) прижизненного собрания сочинений писателя в 12 томах. Предисловие к тому открывается эпиграфом «Без трех праведных несть граду стояния», который одновременно выступает в роли названия, так как предисловие не озаглавлено³. Солженицын вряд ли мог читать во второй половине 1950-х годов второй том лесковского прижизненного собрания, но он, несомненно, был знаком с его собранием сочинений в 11 томах, вышедшим в 1956–1958 гг. – незадолго до завершения работы над «Матрёниным двором» (1959). В составе этого собрания сочинений были переизданы и предисловие, и почти все остальные произведения Лескова из цикла «Праведники» (без сохранения единства цикла). Не вошли в состав собрания из этого цикла лишь «Пигмей» и «Русский демократ в Польше». Большинство произведений о праведниках, не включенных во второй том прижизненного собрания, в 11-томнике были также переизданы⁴.

Пословица, цитируемая Солженицыным, по-видимому, найдена им в словаре В.И. Даля, где имеет несколько иной вид: «Не стоит город без святого, селение без праведника»⁵. Источник лесковского эпиграфа, насколько мне известно, не установлен, но и он, как и пословица, воспроизведенная автором «Матрёнина двора», восходит к 18 главе Книги Бытия, в которой Авраам вопроша-

Господа, ради какого числа праведных, обитающих в городе, погрязшем в грехах, Бог пощадит эту обитель скверны.

Однако, несмотря на несомненную преемственность солженицынского рассказа по отношению к произведениям Лескова о праведниках (варьирование обоими писателями по существу одной и той же идеи о спасении земли / города / села – самый явный знак такой интертекстуальной связи), между солженицынским рассказом и этими произведениями обнаруживаются и разительные различия.

Персонажи произведений Лескова, включенных в цикл «Праведники», далеко не всегда могут быть восприняты как подлинные и безусловные выразители праведнического начала. Бескорыстный и бес tactный в своей настойчивости попрошайка Шерамур, мечтающий «пожрать» сам и накормить всех голодных бедняков, едва ли может быть безусловно причислен к числу праведников: автор именует его «чрева-ради юродивый» [VI; 244], прибегая к своеобразному оксюморону: юродивый (в церковном значении этого слова) по определению отвергает соблазны мира сего, предавая свою плоть крайним формам аскезы, умерщвляя ее. Не случайно Лесков завершает рассказ таким пассажем: «Пьеса кончена, и читатель может меня теперь спросить: зачем она попала в одну книгу с рассказами о трех праведниках, с которыми у Шерамура, по-видимому, нет ничего общего в природе? Такой вопрос очень возможен, и я, предвиж его, спешу дать мой ответ. Шерамур поставлен здесь по двум причинам: во-первых, я опасался, что без него в этой книжке не выйдет определенного числа листов, а во-вторых, если сам Шерамур не годится к праведным даже в качестве юродивого, то тут есть русская няня, толстая баба с шнипом, суд которой, по моему мнению, может служить выражением праведности всего нашего умного и доброго народа» [VI; 301]. Ответ повествователя на заданный вопрос оказывается всецело ироническим.

Центральный персонаж рассказа «Русский демократ в Польше» Самбурский, радеющий о государственном благе и разработавший проект, призванный превратить мятежную Польшу в лояльную российской власти провинцию, до праведника «не дотягивает». Образ Ивана Северьяныча Флягина из повести «Очарованный странник» наделен амбивалентными признаками⁶. Нарра-

тивная структура лесковской повести достаточно сложна: в ней есть главный герой – рассказчик – Иван Северьяныч Флягин – и повествователь обрамляющего, рамочного текста – один из слушателей флягинской истории; в терминах нарратологии В. Шмидта это, соответственно, вторичный и первичный нарраторы⁷. Вопрос о том, принадлежит ли выраженная безымянным первичным нарратором оценка Ивана-Измаила как «младенца», удостоенного подлинного понимания Божественной истины [IV; 513], также и плану повествования собственно авторскому (плану абстрактного автора в терминах В. Шмидта⁸), не может быть решен однозначно. В любом случае персонажу присущи не только праведнические или «потенциально праведнические» черты.

Негативные признаки свойственны лесковскому Левше – причем это не только личностные черты (невежество и забитость, оборотной, светлой стороной которой являются бессребреничество и преданность Отечеству). В мифологическом контексте негативной характеристикой героя, свидетельствующей о его принадлежности к темному, «изнаночному» миру, оказывается более искусное владение левой, а не правой рукой, причем левой рукой он даже крестится⁹.

Лесков многих из своих персонажей наделяет не только свойствами праведников, но и – весьма нередко – чертами, указывающими на маргинальность и эксцентричность, «юродственность». Таков герой рассказа «Однодум» солигаличский квартальный Александр Афанасьевич Рыжов, живущий на одно ничтожное жалование, но не принимающий подношений и по бедности не имеющий даже мундира. Таков Шерамур, не признающий необходимости платить за пищу. Маргинальность может проявляться и в повышенном, обостренном до предела чувстве справедливости, доводящем персонажа, постоянно сталкивающегося с ее попранием, до нервного расстройства и самоубийства (Николай Фермор в «Инженерах-бессребрениках»). Персонажи-праведники Лескова – в разной степени чудаки, «rarитеты», «кантики». И не случайно Лесков, изображая их, нередко прибегает к приемам, к нарративу, характерному для анекдота: такова, например, во многом история Рыжова, особенно конфуз, произошедший с солигаличским квартальным, когда он, ожидая генерал-губернатора Ланского, уселился белыми «штанцами» на свежевыкрашенный шлагбаум¹⁰.

Солженицынская поэтика в этом отношении иная. Над своей праведницей Матрёной он не смеется и не позволяет этого читателю – в ее изображении анекдотические элементы отсутствуют. Односельчане, как обычно и знакомые или соседи у Лескова, не узнающие и / или не почитающие праведника, считают бессребреницу Матрёну непрактичной дурочкой и относятся к ней с презрением, ее праведность остается им неведомой: «Не понятая и брошенная даже мужем своим, склонившая шесть детей, но не нрав свой общительный, чужая сестрам, золовкам, смешная, поглупому работающая на других бесплатно, – она не скопила имущество к смерти. Грязно-белая коза, колченогая кошка, фикусы...» [с. 148]. Непрактичная Матрёна в глазах односельчан *дурочка*, как и сострадательный парень Панька – герой лесковского рассказа «Дурачок», готовый ради другого отдать свою жизнь. Но она не смешна: она противопоставлена автором обществу не в своей эксцентричности и чудаковатости, а лишь в своем бескорыстии и чистосердечии. Как заметил А.Н. Архангельский, для героя-интеллигента повествователя Игнатьича «“хождение в народ” оборачивается приходом – к личности, воплотившей, выражаясь по соловьевски, не то, что народ мыслит о себе, а то, что Бог мыслит о народе. И потому – “народу” в его реальном историческом воплощении противостоящей...»¹¹.

По-разному интерпретирован Лесковым и Солженицыным мотив неизвестной праведности. У Лескова ее признание, как правило (но не всегда), совершается. Однако персонаж, замечающий праведные черты главного героя, очень часто не принадлежит к обществу, в котором этот праведник вырос и жил. Так, в «Однодуме» мысли и образ жизни Рыжова признает почтенными генерал-губернатор Ланской, от которого горожане ожидали Рыжову падения; и именно Ланской исхлопочет для него орден. Паньку, отпустившего пленного, которого ему велено было стеречь, поняли и оценили не односельчане, а «татарин» (казах) Хан-Джангар, заявивший: «А ведь Паньку, сдается, нельзя казнить, потому что в душе его, может быть, ангел был...», и его люди, которые «отвечали <...> все одним тихим голосом», что «он ведь, может быть, праведный»¹².

У Солженицына праведность Матрёны не была узана никем, кроме героя-рассказчика. Но его образ в финальных строках

рассказа как бы расщепляется: тот повествователь, который прибегает к торжественно, по-библейски звучащему обобщению о праведнике, без которого не стоит ни село, ни вся земля, – это скорее уже обладатель пророческой прозорливости и некая условная, высшая повествовательная инстанция, чем бывший зэк, а ныне учитель в сельской школе по отчеству Игнатьич.

И для Лескова, и для Солженицына характерна установка на документальность повествования¹³, которая обычно не является художественной игрой и основывается на использовании подлинного материала – на описании реальных событий и лиц. Однако в лесковском цикле произведений о праведниках и в солженицынском рассказе эта установка реализуется по-разному. Во-первых, по крайней мере в одном случае у автора «Праведников» эта установка приобретает все-таки именно игровой и мистифицирующий характер – в сказе «Левша»: ссылка писателя на цеховую легенду тульских мастеров является фальсификацией, а повествователь, чей рассказ стилизован под речь человека из народа, – литературной фикцией. В «Кадетском монастыре» фигура рассказчика (как можно понять, в прошлом выпускника кадетского корпуса, о котором он рассказывает) не объективирована, не конкретизирована и как бы сливаются с авторской повествующей инстанцией, так что у неискушенного читателя возникает соблазн соотнести старого рассказчика с самим Лесковым. Таким образом, достоверность излагаемого повествователем, принадлежащего, казалось бы, осведомленному лицу, оказывается под сомнением. Соотнесенность первичного нарратора в «Очарованном страннике» с автором диктуется фактом лесковской биографии: писатель посетил в 1872 г. Ладожские острова и описал монастырь на острове Коневец в очерке «Монашеские острова на Ладожском озере» (1873). Наивный читатель вроде бы вправе сделать вывод: это сам Лесков встретил на Ладожском озере своего героя. Однако если учитывать невероятный характер жизни Ивана Северьянач Флягина, напоминающей одновременно авантюрный роман, романтическую поэму, житие и волшебную сказку, главного героя «Очарованного странника» придется признать плодом авторского вымысла. Так что соотнесенность повествователя и автора не может не восприниматься также как род литературной игры.

В «Несмертельном Головане» автобиографический повествователь – всего лишь нарратор первого уровня, почти ничего не знающий и не помнящий о герое, которого признает скорее персонажем легенды, чем воспоминаний, претендующих на достоверность: «Он сам почти миф, а история его – легенда. Чтобы повествовать о нем – надо быть французом, потому что одним людям этой нации удается объяснять другим то, чего они сами не понимают» [VI; 351]. Действительно, в рассказе Лескова прослеживаются признаки жанра легенды¹⁴.

Только в рассказе «Пугало» повествователь может быть без затруднений соотнесен с самим автором (совпадения деталей из детства нарратора и Лескова многочисленны и весьма выразительны), а изложенная им история мужика Селивана понята как реальный случай. Однако читатель, не знающий биографии писателя, может понять фигуру повествователя как вымышленную.

Знаменательно, что в цикле Лескова «Праведники» реальные фигуры (квартальный Рыжов, администрация и наставники кадетского корпуса, выпускники Инженерного училища и др.) свободно уживаются не только с таким вымышленным, однако в принципе правдоподобным персонажем, как Иван Северьяныч Флягин, но и с персонажем очевидно фiktивным, полусказочным – Левшой.

Иной случай – «Матрёнин двор». Фабула рассказа и имя героини достоверны: автор поселился в доме у Матрёны Захаровой во Владимирской области (в деревне Мильцево) 21 августа 1956 г. 21 февраля 1957 г. Матрёна Захарова погибла под колесами поезда. Реален и упоминаемый в «Матрёнином дворе» поселок Торфопродукт¹⁵. Однако сами по себе эти совпадения литературной фабулы и реальности могли бы относиться лишь к генезису произведения, так как могут быть не замечены читателями. Но солженицынский рассказчик наделен чертами авторской биографии, причем это настолько выразительные детали, что мало-мальски осведомленный читатель, заинтересовавшийся судьбой нового автора, вошедшего в литературу с прежде запретными темами (лагерная тема в «Одном дне Ивана Денисовича», опубликованном раньше, чем рассказ о сельской праведнице, беспросветность советской совхозной жизни в «Матрёнином дворе»), должен был это совпадение осознать как значимое, продуманное. Начало «Матрёнина двора»: «Летом 1956 года из пыльной горячей пустыни

я возвращался наугад – просто в Россию. Ни в одной точке ее никто меня не ждал и не звал, потому что я задержался с возвратом годиков на десять. Мне просто хотелось в среднюю полосу – без жары, с лиственным рокотом леса. Мне хотелось затесаться и затеряться в самой нутряной России – если такая где-то была, жила» (с. 116) – пестрит указаниями на авторскую судьбу: здесь и освобождение в июне 1956 г. по хрущёвской амнистии после десятилетия, проведенного в лагерях и в ссылке, и упоминание о самой этой ссылке, проведенной в селе Берлик Кок-Терекского района в Южном Казахстане, и сообщение о поселении «в нутряной России» – во Владимирской области. Таким образом, если Лесков, отыскивая русскую праведность, придает своим художественным свидетельствам отчасти легендарный, а порой и амбивалентный характер, то Солженицын как бы документально удостоверяет существование неоспоримой праведницы в советском «обезбоженном» мире. Его рассказ – и свидетельство, и назидание. Авторский голос приобретает здесь тот убежденный, «авторитарный» (в не оценочном смысле) тон, который свойствен речи Пророка.

Для Лескова, изображающего своих праведников, важна своеобразная легендарно-эпическая дистанция между временем героя (относительно далекое прошлое) и временем рассказчика: эта дистанция, например, присутствует во всех произведениях цикла «Праведники», за исключением повести «Очарованный странник» (впрочем, и в нем юность Флягина – это давно прошедшее время барского крепостнического самодурства). Время первичного нарратора (объективированного в качестве персонажа – диегетического нарратора или нет, неважно), совпадающее с подразумеваемым временем автора и читателя-адресата, и время персонажа-праведника не совпадают, как в народной легенде или в героическом эпосе. Выше уже цитировались вступительные строки из рассказа «Несмертельный Голован». Можно привести также цитату из заключительной главки сказа «Левша»: «Теперь все это уже “дела минувших дней” и “преданья старины”, хотя и не глубокой, но предания эти нет нужды торопиться забывать, несмотря на баснословный склад легенды и эпический характер ее главного героя. Собственное имя левши, подобно именам многих величайших гениев, навсегда утрачено для потомства; но как олицетворенный народною фантазиею миф он интересен, а его

похождения могут служить воспоминанием эпохи, общий дух которой схвачен метко и верно» [VII; 57–58].

А в рассказе Солженицына повествователь и героиня при- надлежат к одному времени, они современники, пусть Матрёна и старше, а ее личность сформировалась еще в досоветскую эпоху (что для автора принципиально важно). Автор «Матрёнина двора» намеренно отвергает лесковский подход к феномену праведности как явлению полулегендарному и требующему способов описания, присущих легенде или эпической поэме.

По-разному трактуется двумя писателями оппозиция прошлое ↔ настоящее. Лесков в общем и целом отнюдь не идеализирует прошлое, к которому принадлежат большинство из его праведников. Для него важна именно легендарно-эпическая дистанция, но не ценностное наполнение прошлого. Мало того, в отдельных случаях – в рассказе «Человек на часах (1839 г.)», в «Кадетском монастыре», в «Левше» – это прошлое (царствование Николая I) нарисовано весьма мрачными красками. «Бережное отношение к национальному преданию не оборачивалось у Лескова апологией прошлого. Он был убежден, что “ныне не хуже, чем было прежде”»¹⁶.

Иначе у Солженицына. «В *Матрёнином дворе* мерзкому, эгоистичному, очерствевшему начальству противостоит простая женщина, в которой воплощена абсолютная самоотверженность, “русская женщина”, которая “не гналась за обзаводом... Не выбивалась, чтобы купить вещи и потом беречь их больше своей жизни... не скопила имущества к смерти. Грязно-белая коза, колченогая кошка, фикусы...”» (Ж. Нива)¹⁷. Начальство это – советское (как и вся обитающая геройню неприглядная и враждебная реальность), в то время как она, «бедная благами, но прямо восходящая к Блаженствам Нагорной проповеди»¹⁸, сформирована старым, дореволюционным временем. Временем, которое в воображении повествователя предстает неким подобием Золотого века, оборванным Первой мировой войной: «...и вспыхнул передо мной голубой, белый и желтый июль четырнадцатого года: еще мирное небо, плавущие облака и народ, кипящий со спелым жivismом. Я представил их рядом: смоляного богатыря с косой через спину; ее, румянную, обнявшую сноп. И – песню, песню под небом, какие давно уже отстала деревня петь, да и не споешь при меха-

низмах» (с. 133). Гибель же Матрёны для нового, советского мира – событие отрадное, вызывающее радость: можно вспомнить такую деталь символического кода в рассказе, как «красавица» (с. 121) с советского агитационного плаката, пропагандирующая чтение книг Белинского, – явная саркастическая отсылка (наступило-таки «желанное времечко!») к известным строкам из некрасовской поэмы «Кому на Руси жить хорошо»: «Эх! эх! придет ли времечко, / Когда (приди, желанное!) <...> Когда мужик не Блюхера / И не милорда глупого – / Белинского и Гоголя / С базара понесет?» Матрёна гибнет, и повествователь замечает: «Нет Матрёны. Убит родной человек. <...> Разрисованная красно-желтая баба с книжного плаката радостно улыбалась» (с. 141). Так оппозиция прошлое ↔ настоящее приобретает в «Матрёнином дворе» идейный смысл, которого нет у Лескова.

Наконец, Лесков и Солженицын ориентируются на разные семантические архетипы-образцы в религиозной книжности. У Лескова это житие: его герои ради искупления собственного греха (Иван Северьяныч Флягин, центральный персонаж повести «Очарованный странник», столкнувшийся с обрывом Грушеньку по ее просьбе), ради справедливости (герой «Пигмея»), спасения ближнего (рядовой Постников из «Человека на часах (1839 г.)», Панька из рассказа «Дурачок», заглавный герой рассказа «Павлин») или помощи ему (Селиван из рассказа «Пугало», герой рассказа «Несмертельный Голован», посещающий чумных больных¹⁹) рискуют собственной жизнью, обрекают себя на нищету и положение изгоев. Следуя заповедям и чувству справедливости, они обличают гордыню и неблагочестие (Рыжов из «Однодума»). Иногда, как преподобные в житиях, они уходят из мира в монастырь (Иван-Измайл Флягин в «Очарованном страннике», главный герой рассказа «Павлин»). Проявление праведности в их жизни – это подвиг.

Добротели же Матрёны – «тихие» – нестяжательство, бескорыстие, терпение, ее отличает «неброскость»²⁰. Она напоминает ветхозаветных праведников²¹, добродетели которых скорее декларируются, чем выявляются в сюжетах посвященных им сказаний; однако при этом сама праведность кроткой героини более ново-, чем ветхозаветная. Автор убежден: в жестоком мире, забывшем о Боге, сохранить эти свойства – уже подвиг.

Так, одновременно похоже и иначе, чем Лесков, Солженицын, вступая с ним в диалог и в полемику, формулирует и выражает свое понимание праведничества.

-
- ¹ Ржевский Л. Творец и подвиг: Очерки по творчеству Александра Солженицына. Frankfurt/Main: Посев, 1972. С. 70. Ср. также, напр.: Кононова С. Не стоит село без праведника. По рассказу А.И. Солженицына «Матрёнин двор» // Литература. 2006. № 18 (666).
- ² Солженицын А. Собрание сочинений: в 30 т. / Ред.-сост. Н.Д. Солженицына. Т. 1: Рассказы и Крохотки. М.: Время, 2005. С. 148. Далее «Матрёнин двор» цитируется по этому изданию, страницы указываются в скобках в тексте статьи.
- ³ Лесков Н.С. Собрание сочинений: в 11 т. Т. 6 / Подгот. текста и примеч. С.А. Рейсера. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1956. С. 640. Далее при цитировании произведений Лескова по этому изданию том (римской цифрой) и страницы (арабской цифрой) указываются в скобках в тексте статьи; курсив в цитатах воспроизводит выделения в оригинале.
- ⁴ О праведниках у Лескова и о понимании им праведничества см.: Хализев В., Maiorova O. Лесковская концепция праведничества // В мире Лескова: Сборник статей / Сост. В. Богданов. М.: Советский писатель, 1983. С. 196–232; Туниманов В. Рассказы и легенды Лескова о праведниках // Лесков Н. На краю света. Л.: Лениздат, 1985. С. 575–583; Горелов А.А. «Праведники» и «праведнический» цикл в творческой эволюции Н.С. Лескова // Лесков и русская литература: Сб. статей. М.: Наука: 1988. С. 39–59; Косых Г.А. Праведность и праведники в творчестве Н.С. Лескова 1870-х годов.: Дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 1999; Снегирева И.С. Типология характеров праведников в романе-хронике Н.С. Лескова 1870-х годов: Дис. ... канд. филол. наук. Орел, 2002; Долинина И.В. Художественный концепт праведный в творчестве Н.С. Лескова // Вестник гуманитарного факультета Ивановского химико-технологического университета: Научный журнал. 2008. Вып. 3. С. 243–250; она же. Концептуализация понятия «праведник» как принцип создания одноименного цикла в творчестве Н.С. Лескова // Известия высших учебных заведений. Серия «Гуманитарные науки»; Научный журнал. 2010. Т. 1. Вып. 1. С. 67–73.
- ⁵ Указано Е.М. Верещагиным и В.Г. Костомаровым: Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Язык и культура: Три лингво-страноведческие концепции: лексического фона, рече-поведенческих тактик и сапиентемы: раздел II. Аспект динамики: текст как носитель и источник национально-культурной информации: раздел III. Синтез статики и динамики: умозрение сапиентемы: моно-

- графия. М.; Берлин: Директ-Медиа, 2014. С. 305. Пословица восходит к Быт. 18 (там же. С. 308).
- ⁶ Майорова О. Опыт реинтерпретации «Очарованного странника» Н.С. Лескова // Русско-французский разговорник, или / ou *Les Causeries du 7 Septembre*: Сборник статей в честь В.А. Мильчиной / Ред.-сост. Е. Лямина, О. Лекманов. М.: Новое литературное обозрение, 2015. С. 352–363; Ранчин А.М. Трансформации агиографического кода в «Очарованном страннике» и принцип амбивалентности в поэтике Н.С. Лескова (журнал «Slověne=Словъне: International Journal of Slavic Studies», в печати).
- ⁷ См.: Шмид В. Нarrатология. М.: Языки славянской культуры, 2003. С. 79.
- ⁸ И соотносимому с ним плану абстрактного читателя; см. об этих понятиях: Шмид В. Нarrатология. С. 41–63.
- ⁹ См. об этом: Панченко А.М. Лесковский Левша как национальная проблема // Панченко А.М. О русской истории и культуре. СПб.: Азбука, 2000. С. 396–400.
- ¹⁰ См. об этой особенности изображения праведников у Лескова: Хализев В., Майорова О. Лесковская концепция праведничества. С. 225–230.
- ¹¹ Архангельский А.Н. О символе бедном замолвите слово... («Поэзия и правда» в малой прозе Солженицына) // Архангельский А.Н. У парадного подъезда: Литературные и культурные ситуации периода гласности (1987–1990). М.: Советский писатель, 1991. С. 254.
- ¹² Лесков Н.С. Полное собрание сочинений. 3-е изд. Т. 33. СПб.: Типография А.Ф. Маркса. 1903. С. 125.
- ¹³ О лесковской установке на документальность см.: Лужановский А.В. Документальность повествования – жанровый признак рассказов Н.С. Лескова // Русская литература. 1980. № 4. С. 150–157. Нужно, однако, иметь в виду, что эта установка имеет порой мистифицирующий характер;ср.: Ранчин А.М. Жизнь и мнения Николая Лескова, описанные его друзьями, знакомыми и недоброжелателями // Н.С. Лесков в воспоминаниях современников / Сост., подгот. текста, публ. воспоминаний О.А. Фрибес, А.Е. Зарина и Е.И. Зариной, comment. Л.И. Соболева; публ. фрагментов дневника С.И. Смирновой-Сазоновой и comment. к ним Л.С. Даниловой и В.В. Соминой; предисл. А.М. Ранчина. М.: Новое литературное обозрение, 2017. С. 10–11.
- ¹⁴ Ср. о рецепции Лесковым поэтики жанра народной легенды: Сухачев Н.Л., Туниманов В.А. Развитие легенды у Лескова // Миф – Фольклор – Литература. Л.: Наука, 1978. С. 114–136 (о «Несмертельном Головане» см. с. 115 сл.).
- ¹⁵ См.: Сараскина Л. Александр Солженицын. 2-е изд. М.: Молодая гвардия, 2008. С. 911, 423, 431–432.
- ¹⁶ Хализев В., Майорова О. Лесковская концепция праведничества. С. 199.
- ¹⁷ Нива Ж. Солженицын / Перевел с франц. Симон Маркиш в сотрудничестве с автором. London: Overseas Publications Interchange Ltd, 1984. С. 205.
- ¹⁸ Там же. С. 86.
- ¹⁹ Ср. об агиографическом подтексте «Несмертельного Голована»: Майорова О.Е. Рассказ Н.С. Лескова «Несмертельный Голован» и житийная традиция // Русская литература. 1987. № 3. С. 170–179.

- ²⁰ *Верецагин Е.М., Костомаров В.Г.* Язык и культура: Три лингвострановедческие концепции: лексического фона, рече-поведенческих тактик и сапиентемы: раздел II. Аспект динамики: текст как носитель и источник национально-культурной информации: раздел III. Синтез статики и динамики: умозрение сапиентемы: монография. С. 302–303.
- ²¹ Исследователями неоднократно указывалось на несомненную параллель между домом Матрёны, в котором нашлось место и козе, и кошке, и ковчегом праведного Ноя.

А.Н. Николюкин
ДНЕВНИКОВАЯ ПРОЗА:
ТУРГЕНЕВ И СОЛЖЕНИЦЫН
(Заметка)

Аннотация. В статье сопоставлены формы дневников И.С. Тургенева и А.И. Солженицына.

Ключевые слова: дневниковая проза; И.С. Тургенев; А.И. Солженицын.

Nikolyukin A.N. The diary prose by Turgenev and Solzhenitsyn (A note)

Summary. Solzhenitsyn's diary prose in comparison with that by Turgenev.

Keywords: diary prose; I.S. Turgenev; A.I. Solzhenitsyn.

Сопоставление формы дневников в прозе русских писателей позволяет сделать определенные заключения.

И.С. Тургенев написал рассказ, который памятен по завершающей его записи: «Сею рукопись. Читал И Содержание Онной Не Одобрил Петр Зудотешин».

Речь идет о повести «Дневник лишнего человека». Точнее было бы сказать, что это повествование о смерти Лишнего человека, как у Толстого есть «Смерть Ивана Ильича». История начинается в морозный мартовский день, когда 20 марта была сделана первая запись в дневнике: «Да, я скоро, очень скоро умру. Реки вскроются, и я, с последним снегом, вероятно, уплыву...» Лишний человек точно определяет, что ему осталось 14 дней. Это столь же достоверно, как затем Человек из подполья у Достоевского без-

ошибочно определяет: «Я человек больной... Я злой человек. Непривлекательный я человек». Оба антигероя сразу заявляют о своей сущности.

Записи мартовской погоды в дневнике Лишнего человека оттеняют его меняющиеся настроения: «Сегодня удивительная погода, — записывает он 21 марта. — Тепло, ясно; солнце весело играет на талом снеге; все блестит, дымится, каплет; воробы, как сумасшедшие, кричат около отпотевших темных заборов; влажный воздух сладко и страшно раздражает мне грудь».

И так продолжается день ото дня. «Сегодня опять холодно и пасмурно. Такая погода гораздо приличнее. Она под лад моей работе». И далее: «Опять зима, и снег валит хлопьями. Лишний, лишний... Отличное это придумал я слово».

Смерть так волнует автора, что гимну ей он посвящает всю последнюю запись от 1 апреля. С какой радостью самоотречения он восклицает: «Кончено... Жизнь кончена. Я точно умру сегодня. На дворе жарко... почти душно... или уже грудь моя отказывается дышать. Моя маленькая комедия разыграна. Занавес падает. Уничтожаясь, я перестаю быть лишним...»

XIX век переходит в XX. И вот один из его героев. «Один день Ивана Денисовича». Это одно из самых страшных сочинений о новом веке, об ужасах лагерной жизни в сталинские годы, настолько пропитано нравственной прочностью, что повесть эту можно назвать, понимая жизнь человека тех лет, — «Самый счастливый день Ивана Денисовича».

И Солженицын сам подводит итог счастья Ивана Денисовича Шухова в тот памятный «один день»: «На дню у него выдалось сегодня много удач: в карцер не посадили, на Соцгородок бригаду не выгнали, в обед он закосил кашу, бригадир хорошо закрыл процентовку, стену Шухов клал весело, с ножовкой на шмоне не попался, подработал вечером у Цезаря и табачку купил. И не заболел, перемогся. Прошел день, ничем не омраченный, почти счастливый». Не всякий писатель возьмется описать такое счастье своего героя.

И в «Одном дне...», и в ставшем вскоре известном рассказе «Матрёнин двор» есть одно повторяющееся, но по-разному звучащее слово «работа». Именно вокруг этого понятия и его значения для разных людей и складывается та нравственная основа сущно-

сти главных героев повести и рассказа. Вспомним, как Иван Денисович клал стену в здании, ему казалось бы чуждом, но как много это значило для него самого. В этом, собственно, и состоит разница между Лишним человеком и Человеком работающим.

Простой, доводящий до реальности описываемое стиль прозы Солженицына под стать дневниковой прозе Л.Н. Толстого в его «Севастопольских рассказах». Легко представить, что вызывающая подпись Петра Зудотешина в конце рассказа Тургенева сделана писателем, собственно, для себя самого, чтобы передать отношение к нему неприязненно настроенных крикливых и самоуверенных критиков.

А.Н. Стрижёв

МОЙ СОЛЖЕНИЦЫН

Аннотация. Статья представляет собой воспоминания автора о встречах с Солженицыным и размышления о нем.

Ключевые слова: Солженицын; воспоминания.

Strizhov A.N. My Solzhenitsyn

Summary. The article deals with the author's reminiscences and thoughts of Solzhenitsyn.

Keywords: Solzhenitsyn; memoirs.

*Светлой памяти
Елены Цезаревны Чуковской – посвящаю*

Правильно ли я вывел: Мой Солженицын? Для себя – правильно. Говорим же: Мой край родной. Он для всех, но что-то есть особенное, личное – для меня. Простор солженицынской прозы неохватен, а есть в нем и твой окоем. «Мой», стало быть, усвоено моей душой и возвысило чувства, и этот «мороз и жар восторга», о чем упоминалось встарь, пронизал насквозь собственное существование. Ведь сказала же Марина Цветаева: Мой Пушкин. Он тоже един для всех, но в чем-то принадлежит только ей. Солженицына у нас не навыкли еще читать – захваченность повседневьем застилает глаза, сбавляет зоркость. Но слово имеет особенность – созревать, и оно со временем поспеет во всем глубинном смысле. Великий национально мыслящий писатель усваивается эпохами, так

произойдет, несомненно, и с нашим последним огромного значения русским классиком. А.И. Солженицын, как живой литературный феномен, неодномерен; сама жизнь что-то выправляла и дополняла. И вот он теперь предстал единым слитком, в котором воплощены горечи наши, и радости. И наши упования.

На этих листках, что перед вами, я пытался пережить заново давние беседы с этим необыкновенно талантливым, живым, чутким и благородным человеком. Считаю, что мне в мою бытность весьма повезло – в чем-то обоюдно сопереживать, надеяться и веровать. Изложение ведется сбивчиво, не придерживаясь строгой последовательности, а в такт – как рвется из души. Не обессудьте!..

Первый звонок весны

Он прозвенел 13 марта 1974 г. и не был для меня неожиданным. Разнужданная советская пропаганда по очернению Александра Солженицына достигла, кажется, всех возможностей, а гнет сверху давил и давил на разные слои общества, расковывая низменные инстинкты, благоприобретенные за столько лет несвободы. Чувствовалось, что подступил час, когда возьмутся за тех, кто был в оперативной разработке органов безопасности. Уже и взялись сразу же после насильтвенного вывоза писателя за рубеж родной страны. Кто там в разработке числился, можно было представить – это, прежде всего, были личные друзья Александра Исаевича – их было совсем немного, кто удержал с ним связь, и более широкий круг из упрямых почитателей, кого не задавить угрозами и оголтелой ложью: как-то свыклись с брехней, но нависала опасность потерять работу.

В раздумьях такого рода шел я по лесу ближнего Подмосковья, где набирался впечатлений от свидания с природой – они необходимы были для написания очередной «Заметки фенолога» – уголок этот в «Вечёрке» вел постоянно уже ряд лет. Рядом шел Вовка Идиот, по фамилии Волков, легкий на подъем и совершенно полу-грамотный: писал по-смешному «жаравль», истощно кашляя и отрешенно озираясь. Раньше мы ходили в дальние леса, разводили костерок на снегу из сухих еловых веток и бересты, ели, что припасено в моем мешке, по стопке выпивали для согрева. Идиота я не стеснялся, плел всякое, иногда дерзкое по части властей.

А в этот раз ходили вблизи Москвы, и по времени чуть. Вернулся еще засветло. По дороге от метро к дому ко мне подошел какой-то мужчина средних лет и заговорил по-польски. Понял только, что спрашивает, как доехать до гостиницы «Украина». Я показал направление и номер троллейбуса, а вот он и подошел как раз. Неизнакомец стал упрашивать меня доехать с ним, а это было недалеко от моего дома. Он так густо пересыпал польскую речь между метиями, что мне показалась его просьба сущим пустяком. Надо заметить, все последнее время сам я стал каким-то бесчувственным ко всему, отрешенным от страха. За собой вины никакой не чувствовал, и честность, помноженная на убежденность, придавали правоте стойкость. Проще сказать: никакой боязни ни в чем остро не чувствовал. В душе даже таилась надежда быть на уровне справедливости. А разве она за ними?

Но вот и гостиница. Поляк приглашает зайти к нему в гости. Зашли в номер. Я, по глупости, расхрабрившись, стал читать в приличном русском переводе сонет Мицкевича «Буря», из Крымского цикла. «Все снасти сорваны, шум волн и блеск из туч...» Постоялец слушал хмуро и молчал. И вот на столе появилась бутылка вина, он принес две рюмки. В одну налил себе, в другую мне. Через минуту поляк кинулся к раковине и блеванул. А я ни с места, слабенько винцо, что мне будет? А надо было бы сбросить сильнейшую отраву, да ведь наивность и простодушие остановили. И сделалось плохо: почувствовал нарастающую слабость и сонливость. Хотел было прилечь на диване, но поляк настойчиво заговорил по-русски: пойдем, пойдем.

Подхватил меня и вывел на сквер. Дальше ничего не помню, сознание помутилось и сразу же оборвалось. Ни сновидений, ни хоть обрывков какой запомнить – провал полный.

Очнулся не пойму где. Большая комната и с десяток кроватей. Подумалось: вытрезвитель. Но почему же никого нет, ни души. Лежу один и без всего, совершенно в чем мать родила. Стал сообщажать, в голове очистилось, легко и прозрачно, вроде бы в горное озеро окунулся. Но ноздри забиты сукровицей. Надо шуметь, надо о себе заявить. Вошел какой-то тип, я ему настойчиво о своем требовании, а оно было коротко. Вот сейчас пойду в посольство Польши и заявлю, что под видом поляков агенты расправляются с неугодными. Агент настаивает не делать этого и советует успо-

коиться. На требование принести мое белье откликнулся, и вскоре на одеяло легли трусы и майка. Бросилось в глаза: все чисто и выглажено. И все остальное появилось. Слабость чувствовалась, но я пошел к выходу, там меня под руку взял врач – молодой парень, доброжелательный. Сказал, что выводят подышать свежим воздухом. В коридоре я взглянул в зеркало. На меня уставилось ободранное лицо, все в ссадинах. Врач говорит, что чудом я остался жив, пульс не прощупывался. Понятно стало, отчего сукровица забила ноздри, не сообразили вычистить. Стало быть, когда привезли сюда и стали на полу валтузить, раздевая, у меня началось сильнейшее кровотечение носом. Что со мной делали – сказать трудно. Залитое кровью белье агенты простиринули, высушили и прошлились по нему утюгом. На рубашке и брюках следов также не осталось. Вышел с врачом во двор, взял горсть снегу, умылся. Спросил: где я? Слышу: в Филях. Когда вернулись в помещение, пошел искать начальника. Им оказался полковник Юнусов, мужчина в летах и, видно, умудренный разными проделками «организов». О поляке и упоминать не было смысла. Вежливо пожелал бодрости. Восточный человек.

Выйдя из заведения, я пошел к остановке троллейбуса. В глаза бросилась расклеенная на щите «Вечерка». А внизу листа, как обычно, мой очередной этюд о природе. На этот раз под заглавием «Первый звонок весны». Так вот он как прозвенел для меня? Скорей домой, оказывается слабость в теле. Дома не хотелось перебирать отрывки из того, что было вчера. Как я явлюсь на работу с таким ободранным лицом, нужна правдоподобная версия, чтоб не приставали с вопросами. Ну, конечно же, свалился с крыши сарая, снег скидывал. В марте все это делают, и я не отставал: и с дачного дома, и с сарая сбрасывал захрясшие сугробы. Не удержался на высоте, вот и свалился. Поверили.

Прошло еще два дня, а на третий звонок Мужской голос приглашает явиться на Кузнецкий, в приемную КГБ. Вы, говорит, недавно ездили в Монголию, так вот нас интересуют некоторые монгольские ваши впечатления. Вопросы есть. Ничего разъяснять самому себе не надо – тягают на допрос. Шел другой стороной Кузнецкого, миновал Дом художника, зоомагазин, поравнялся с вывеской, перешел дорогу и в дверь. Открываю, а там уже тип, видать, в широченное окно наблюдал, как приближаюсь. Поздоро-

вался для вежливости, провел в кабинет. Там наскоро показал он свою ксиву. Успел только прочесть: Гусев Владимир Иванович, скорее всего, написанное в нем подставное. Усадил напротив себя за стол. И сразу в упор: вызвали меня не о монгольской поездке спрашивать, а его интересует только одно – Солженицын. Вначале вывалил грязи всякой, чтоб показать, какой писатель враг и хитрый злоумышленник. И прямой вопрос ко мне: как я отношусь к нему? Ответ я заготовил, на случай, заранее. Сказал, что к Александру Исаевичу отношусь с почтением, что попадалось читать – читал с интересом. Как человек он мне нравится, ничего плохого о нем сказать не могу. Следователя понесло на рязанский период жизни писателя, и о жене его тамошней, и о теще – сплетни всякие. Поскольку эта отдаленность меня не касается, следователь переключился на Чуковских. Тут и «Старуху Изергиль» – это, стало быть, их прозвище Лидии Корнеевны, и Люшу – Елену Цезаревну припел. Слушал я равнодушно. А на вопрос: зачем я к ним хожу? – ответил просто: Леночка мне нравится, давно ее знаю. Никогда Елену Цезаревну домашним именем Люша не называл, а только ласково – Леночка. А Лидию Корнеевну, человека весьма строгого, сам побаивался и лишь случайно виделся с нею. Когдато студентом читал ее серьезный труд по редактированию текста. Говорят, что лучшей книги на эту тему нет. Опер осклабился и резко прервал: «Мы, – говорит, – должны бы вас отправить в Лефортово, а пока вызвали на беседу. И знаем о вас все: и как вы уверяли как-то, что у нас руки по локоть в крови (показал), и как вы со всеми нами расправитесь, буде ваша воля: “не тратить пуль, а закрепить к рельсам и пустить поезд”, – понятно: все это доносил Вовка Идиот, с ним я ходил по московским лесам и нес, не зная что.

(Интересная деталь: полтора десятилетия спустя Вовка-Идиот, работяга заводской, со своими дружками с завода декабрьской ночью взломали двери нашей дачи и все, что подвернулось под руку, украли: икону, несколько старинных книг, мою кинокамеру, фотоаппарат, самовар с подносом и много всякой домашней мелочи. Красть, видно, было страстью бывшего детдомовца, такому ничего не стоило стать по совместительству и сексотом. На добро злом отвечал, за что и наказан был Всевышним: вскоре этот тип преставился в мир иной.)

«Всё о вас знаем» – в основном, это бытовуха, а что было у меня внутри, к тем тайникам никогда никого не подпускал, о том и не знали. Упомянул опер даже собаку мою, прозванную за толщину «Самоходным чувалом», полным, увесистым мешком. Главное, думаю, держаться того, что им известно, и не давать повода раскрывать неведомое. «Их не переговоришь, не переубедишь», – примерно, так наставлял Александр Исаевич всех, кто мог попасться на крючок госбезопасности. Взяли с меня подписку о неразглашении допроса на Лубянке, заметив под конец: «Великий конспиратор, Исаевич, обладает особым нюхом находить вот таких, как вы, отбившихся людей».

Вечером зашел к Леночке, спустились с шестого этажа вниз, скрылись в дальнем углу двора. Всё торопливо поведал ей о допросе и о том, отчего мое лицо ссадинами покрыто. Было холодно на мартовском ветру.

Через десять дней опять меня потянули «на беседу». Допрашивали в гостинице «Москва». Оказывается, в каждой гостинице у них своя ловушка. На этот раз все тот же опер разражался бранью, клеймил Александра Исаевича и песочил меня за верность ему. Под конец сунул мне какую-то состряпанную ими самими книжку, кажется, за подписью Решетовской. Всё гадкое старался не читать.

Ирина Ивановна

Знакомый голос в трубке: Александр Исаевич приглашает зайти к нему, домой. Иду, встречает приветливо, проходим в его кабинет. Усаживает подальше от окна, говорит, из дома, что напротив, подслушивают – уставил окно в окно, двор узкий. Первые числа ноября 1973 г., самая слежка, самый разгар травли, угроз и подстав. Уже многие из знакомых Классика сторонятся его, и сюда редко кто заглядывает; кроме меня, знаю, здесь бывает выдающийся математик Игорь Шафаревич. Но то титулованный академик, и с ним сладить не просто, а я, в общем-то, никто, пыль. Да ведь для Лубянки все, любящие Солженицына, – враги, пылинка и та мешает чекистской зоркости, споткнуться можно. Запомнилось: что когда входил в квартиру Александра Исаевича, в коридоре, кроме писателя, меня встретили Екатерина Фердинандовна, мама Наталии Дмитриевны, юноша лет шестнадцати Митя и седой

мужчина, теперешний муж тещи, его имя забыл. Все внимательны и дружелюбны, здесь никто не мечется, и так умиротворяющее действуют. Озабоченность чувствуется.

Александр Исаевич наедине разъяснил, зачем позвал. Он сказал, что травля, развернутая самыми верхами, может обернуться ему либо убийством его, или тюрьмой либо высылкой. Надо подготовиться ко всему. Родных, говорит, у меня никого нет, кроме Ирины Ивановны Щербак, его тети. Надо ее привезти из Георгиевска в Москву, чтоб собраться всей семьей. Александр Исаевич взял со стола два конверта; из того, что был открыт, вынул заготовленное к моему приходу письмо. Он дал мне его прочесть. В нем писатель с теплыми словами обращается к тете, чтоб она немедленно ехала в Москву, здесь он ждет ее. На четырех страницах письма есть и благодарности тете Ирине, и о ее стойкости в годы лишений сказано, и о том, что теперь она преклонных лет и к тому же слепая, и чем дальше, тем будет хуже ей без помощи и в решительном одиночестве. Собирайся и езжай с Александром Ивановичем – так Классик называл меня с некоторых пор. Точно таким же именем надо было и мне его именовать, если говорю по телефону при людях. Скажи «Александр Исаевич» при всех – сразу поймут, с кем общаешься, другого такого Исаевича нет и нет. Дочитав письмо, полюбовался и почерком писателя: буквы – чистый жемчужок, написаны некрупно, но твердо, четко и без помарок. Во всем характер и выдержка чувствуется. Второе письмо в запечатанном конверте, о чем оно, не знаю. Отдать в Минеральных Водах кому помечено. Ежели застанет ночь и приткнется негде будет – эти же люди помогут. Александр Исаевич протянул 200 рублей – на дорогу с Ириной Ивановной и на снедь ей к столу. Если откажется ехать, надо тете оставить столько-то денег, рублей 35, если оставишь больше – раздаст; ходят к ней просить разные соседи, какой-то спившийся старый чекист клянчит. Что везти к столу, перечислил: поляницу, немного дорожной рыбы – осетрину, конфеты. Попрощались по-брратски, и, обрадованный доверием Классика, прямо от него помчался на Курский вокзал за билетом. Вообще-то мне эти его расходы хотелось взять на себя, для меня они не были бы обременительными, но Александр Исаевич сказал: «Вы едете за моей тетей – и все прогонные от меня».

И вот я в вагоне. Место в купе – нижняя полка. Примостился, приготовился читать – с собой прихватил второй том Полного Достоевского, только что издан. На столик положил карманный атлас железных дорог: снабдил Александр Исаевич. Говорил, будешь проезжать станции, что-то полезно запомнить. В конце атласа, на последней странице, перед переплетом, записан номер домашнего телефона Классика – «Когда прибудете в Москву – звони, будем встречать». Осмотрелся, кто еще в купе: напротив внизу молодой военный, в форме, он молчал, старался и я быть равнодушным ко всему. На верхних полках какие-то девицы-тихони, они не визжали, что уже хорошо. С военным поздоровались, разговора не было. Уткнувшись в Достоевского, так молча просидел дотемна. Включили лампочку, и немного спустя стали разбирать постели, готовясь ко сну. Мой сосед, раздеваясь, сунул пистолет под себя, в кармане, что ль, у него он был? Лег я набок лицом к стенке, чтоб не видеть ничего, заснул. Потом занялся день, безмолвное чтение, разглядывание станционных вывесок. По атласу сверял, прикидывая, как далеко до Георгиевска. Разговоров ни с кем не вел, да и о чем? В голове возникали образы Достоевского, какие-то подробности из жизни его самого.

В Георгиевск прибыли ночью. Сосед в форме растворился. Кругом темь, пришлось усесться на вокзальной скамье, и даже пробовал прилечь. Но не лежалось, не сиделось, хотелось взглянуть на жилье Ирины Ивановны, тети Солженицына. Как чуть засерелось и рассвет прступил, сидеть было уже невмочь. Достал свою записную книжку, где на чистой странице рукой Александра Исаевича изображен план улицы и помечен дом, где ютилась Щербак. Это оказалось невдалеке от вокзала. В такую рань хотелось просто пройтись той улицей и взглянуть на жилище. Но не тут-то было, Ирина Ивановна уже была на ногах и не то бранилась с кошками, не то журила их. Подошел вплотную к тесному палисаднику, поздоровался. Произнес негромко: «Я от Сани, зовут меня Александр Иванович». Старица оживилась и вроде бы хотела всплеснуть руками, но воздержалась и стала возмущаться «голоногими» особами – без числа подкидывают ей к двери котят и кошек. А сердце у нее не каменное, последнее отдаст страждущим созданиям. Только вот люди вокруг лучше не делаются.

Позвала внутрь своей конуры – о ней уже был наслышан. Присели к столу, прикинул, как же она тут живет? Но ведь живет! Развернул письмо, написанное к ней ее Саней, велела читать: сама не видит букв. С первых же строк что-то громыхнуло у двери. Оказывается, приперлась старуха, с баулом, и после двух-трех слов плюхнулась рядом. Ирина Ивановна говорит, что это ее знакомая. Но зачем она так рано и с таким баулом? Прерывать чтение не стал, все как было дочитал до конца. На вопросы тети отвечал как знал. Спрашивала об Андрее Сахарове, о семье и детях. Вскоре старуха ушла, а я сказал, что скоренько схожу в гастроном и вернусь. Так и сделал. В гастрономе купил все перечисленное – и поляницу, и осетрину, и к чаю, припас кошкам – о них особое попечение.

После возвращения с покупками разговор наш продолжился. Ирину Ивановну повело на воспоминания из далекого прошлого, вспомнила и об Исае Солженицыне, его трагической кончине, и о Романе Щербаке, своем муже, и о его сестре, Таисии Захаровне, матери писателя, и о том, как во время последней войны, кажется, в 1942 г., пригрела ее, умирающую без приюта, и как усопшую перевезла на ослике на кладбище в Георгиевске (теперь, говорит, тут вместо кладбища играют в футбол). И как рос Саня, заменяя ей сына, – своих детей у нее не было, как кормила его грушами – хранила их в ящике под кроватью. Любила и любит своего племянника, страдает за него. Вот только зачем он с иудейками связался? И Решетовская, и новая жена – иудейки. Пустился я объяснять ей, что это она с чужих слов напраслину говорит. Наталия Дмитриевна из Терских казачек, ее предки служили на Терской Линии – так мне пояснял Александр Исаевич, зная болезненность тети. Да, и первая жена была русской. Кажется, убедил. Но не унималась бывшая-пребывшая госпожа – волнуется. Потом перешла на Рязань, куда ездила к племяннику в гости. Говорит, встречали неласково, когда ехали в автобусе по городу – они стояли от нее поодаль – стесняясь людей, разглядывающих заплаты на старухе. Если так это было, то, думается, Решетовская тому виной – к внешнему блеску тянулась, она ведь и в Переделкине появлялась в театральном блеске (со слов Елены Цезаревны), а сам-то Александр Исаевич – мудрый и внимательный. Ирина Ивановна о своем Сане говорила и тепло, и с какой-то внутренней радостью. И воз-

мущалась враньем, вся газетная брехня сюда докатывается в пересказе. Семь часов подряд был я в конурке И.И. Щербак, и как ни уговаривал ее ехать в Москву – отказалась. Попросил ее снабдить меня запиской об отказе ехать. Ирина Ивановна писать отказалась, а вот, говорит, возьми листок с подоконника – я буду говорить, а вы записывайте. Взял листок в клетку с подоконника и все, что диктовала мне тетушка Классика, записал точь-в-точь. Оставил ей письмо и денег, сколько предусматривалось, расцеловались на прощанье, надеясь еще свидеться, если позовет. Проводила до колышков крохотного палисадника.

И я пошел к вокзалу. Но не в Москву надо стремиться, а в Минеральные Воды, чтобы передать другое письмо. Адрес указан: Минеральные Воды, Розы Люксембург, д. 3, Михеев Александр Александрович. По приезде пустился в аэропорт, за билетом на самолет и узнать, сколько у меня свободного времени. Когда узнал, что до ближайшего отлета времени много, пошел искать Михеева. Остановился против д. 3 на той самой улице, стал вглядываться в окно. И вот показался мужчина старше средних лет, посмотрел на меня, я на него, слегка кивнул головой. Тут же отворилась дверь, и хозяин добродушно провел в сени (домик отдельный). Надо было только сказать: я от Сани – и все понятно. Михеев мне шепнул еще в коридоре, что он сразу догадался, от кого гость, – ждали и волновались – ведь что вокруг него делается, прямо-таки страшно. Письмо от Александра Исаевича передал, когда усадили за стол. Что было написано, так и не узнал, при мне читать не стали, да это и ни к чему. Радушию самого Михеева и его жены Марии Семёновны, кажется, не было конца. Кормили меня и наваристыми щами, и блинами со сливками, и компотом. Как откажешься, когда угощают от души? Переживаю, что Александру Исаевичу, должно быть, тяжело от таких нападок. Старался приободрить, как умел: не убьют, угрозами обойдется. На прощанье просили кланяться ему и передать вот этот гостинец – мешочек с сухофруктами; в полосатом мешочке, набитом под завязку, было килограммов пять южного гостинца.

К самолету подоспел вовремя. На случай, если б задержался, Александр Исаевич мне начертил на четвертушке листа подробный план Минеральных Вод, пометил и станцию, и столовую, и гостиницу, и площадь, и зачем-то Линейную улицу. Здесь же

расписание поездов и автобусов от Пятигорска до Георгиевска. Как заботливо все предусмотрено!

В Москве позвонил сразу же по приезде. Писатель велел идти к нему. Опять вижу его домашних: какие милые, озабоченные лица. Гостинец в прихожей кладу и вместе с Александром Исаевичем прохожу в его кабинет. Сидим не за столом, а как бы наскоро на стульях. Рассказываю хоть и сбивчиво, но по порядку. Записку от Ирины Ивановны передал поначалу, а в конце беседы положил билеты туда и обратно и остаток денег. Конечно, о моей поездке в Георгиевск органам было известно все – на допросе потом это и не упоминалось. Главное, излишне не скрытничать, не юлить, а держаться открыто и прямо – ведь ничего худого не делал, а дружить, по совести, не запретишь.

И снова Ирина Ивановна

После насильственного «выдворения» Александра Исаевича за пределы Родины в феврале 1974 г. власти продолжали поддерживать к нему предельно высокий градус озлобления в обществе. Прослушка и слежка за узким кругом его знакомых продолжались, говорить приходилось с оглядкой. Но и в открытую что-то делать было разумнее, чем темнить и скрытничать. Тем более умысла особого ни у кого не было. Но ведь как бесы перед заутреней ужесточаются, пугая засильем, так и подручные временщиков, включая штатных растлителей печатного слова, всю эту околовитературную шпану; журналистов, похоже, опустошила высылка державного светоча, и чад удушающий начал редеть.

Из Георгиевска поступило известие: Ирина Ивановна просит срочно подыскать ей жилье, и вправду: мыслимо ли особе слепой, престарелой оставаться одной в каморке? Собрались мы с Еленой Цезаревной ехать и на месте постараться что-то устроить. 18 августа 1974 г. мы уже в Георгиевске. Когда вошли к тетушке, она вроде бы обрадовалась и даже разговорилась. Меня узнала по голосу и помнит наше свидание. «Елена Чуковская», – отрекомендовал гостью. Елену Цезаревну усадила рядом на кровать, ощупала ладонями ее лицо и дружелюбно промолчала. Пока то да се, пришла какая-то баптистка, говорит, что она и ее единоверцы наведываются сюда и чем-то помогают. Баптистка шустрая, разго-

ворчиваю. Решили идти вместе покупать дом, адреса известны. Цены здесь заламывают немалые, а у нас 12 тыс., вроде бы сумма приличная. Была возможность увеличить ее, но от этого пришлось отказаться. В первый год изгнания Александр Исаевич прислал из Цюриха 10 тыс. франков на пополнение вспоможения Ирине Ивановне. Деньги присланы в Москву на имя Елены Цезаревны, но она опасалась их получать. При встрече как бы посетовала – брат или не брат? Мое мнение однозначно – не брат. Всем памятно «дело» Ольги Ивинской, получившей что-то от Нобелевской премии Б.Л. Пастернака. В результате – измывательства и длительный срок тюремного заключения. Стало быть, получать ни в коем случае нельзя, присланное вернуть обратно. Конечно, Елена Цезаревна все это лучше меня знала, а поделилась со мною как бы сомнениями, чтобы утвердиться в решимости – ничего не брат!

Осмотрели мы дом, еще по городу походили. И в дождь с грозой возвратились восвояси. Леночка по лужам шла босиком, и мне было радостно видеть ее ловкой и решительной.

Пришли к Ирине Ивановне, доложили, как да что, и о прощающемся доме подробности. Может быть, все это с подачи баптистки, с которой мы хотели расстаться на улице, но она уговорила нас взглянуть на ее обитель. Отворила дверь, и с порога мы увидели молельню: кружком сидят какие-то люди, баянист наигрывает мотив известной песни, голоса в лад выводят самодельные псалмы. Из духоты вырвались на волю – и легче стало.

Ирина Ивановна все расспрашивала нас о своем Сане. Поведали кратко, затем я попросил показать нам письмо Александра Исаевича, что привез тогда. Ирина Ивановна достала из-под матраца большую пачку его писем и велела пересчитать. Рассматривая, я взял то самое, заветное для меня, письмо и подложил к нему еще три, более ранних, с обширным текстом, остальные положил отдельно, чтобы посчитать. В основном, это были открытки, их было много, 31. Завернул в тряпицу, в чем они и хранились, передал Ирине Ивановне. А те письма, что отложил, попросил разрешения Ирины Ивановны взять с собой в Москву – должны уцелеть. Может быть, и все бы письма отдала Ирина Ивановна, но язык не поворачивался просить: как же ей совсем оставаться без теплых слов? Читать уже не могла, но хоть потрогает, развернув тряпицу. Увезти Ирину Ивановну в Москву все также было нельзя –

отказывалась, да и к кому теперь? Надежда на выезд за границу потеряна – власти злобствуют и все делают поперек тому, что могло бы утешить «врага народа».

Через некоторое время из Георгиевска сообщили: срочно заберите И.И.! Поехал за нею Вадим Борисов, верный долгу совести, преданный почитатель и знакомый Великого писателя. Интересно, что никаких писем Александра Исаевича у тети Ирины он не нашел, местная госбезопасность все выскребла. А те, что были у меня, – сохранились. Когда наш Классик триумфально вернулся домой, при первой же встрече я положил перед ним эти спасенные нами письма. «Аля, погляди, уцелели!» – Александр Исаевич показал на свои листки, разложенные на столике. Это ли не памятно!.. А с Ириной Ивановной далее произошло следующее. Когда Вадим Борисов привез ее в Москву и поселил у себя в тесной городской квартире при трех детях и жене, поначалу все как бы обустроилось. Но выезд тети к племяннику за границу органы защемили, и видов на разрешение никаких не было: как хочешь живи с ней. А Ирина Ивановна вдруг стала деспотичной, в ней проснулась прежняя барыня, когда она с богатейшим своим мужем Романом Щербаком каталась на собственном роллс-ройсе и повелевала; а то, что потом, целое полстолетие, бедствовала, устроившись техничкой, забылось. Требовала всего, да так настойчиво, что Вадиму Михайловичу ничего не оставалось, как устроить Ирину Ивановну Щербак в дом для престарелых, где она вскоре и скончалась. Так расправлялась жизнь с людьми редкостными. Позже, уже в перестроечные годы, Вадим Борисов стал на виду, его пригласили на престижную должность в журнал «Новый мир», а главное, он получил доверенность от Александра Исаевича вести издания Солженицына в России. И начали печататься долгожданные книги в Москве, их покупали нарасхват, мир писателя открылся перед людьми, да такой насыщенный размышлениями, многоцветный и живой, что остальная современная русская литература отодвинулась, а многое просто канализировалось. Но самому писателю «борисовские издания» были не по душе – ширпотребовский их вид умалял читателей, снижал градус восторга. Появились, правда, и подлинные типографские удачи. Так, вышел в замечательном оформлении «Архипелаг» в трех томах. К сожалению, Вадиму Михайловичу Борисову не привелось дожить до возвращения

А.И. Солженицына в Москву: он утонул на Балтийском взморье. Мне памятны дружеские встречи с ним и в журнале, и мимоходом – душевный был человек.

Слежка

Когда ее установили за мною, можно только догадываться. Вначале велась тайно, а потом с размахом и просчетами с их стороны. Замечать стал, что-то домашний телефон ерундит: при моем звонке возникали помехи. Не хотелось верить, что это – прослушка. Но вот раз, это уже было году в 1972-м, ко мне на работу, в редакцию аграрного журнала, где я ведал отделом науки, и как-то в разгар дружеской вечеринки бесцеремонно вкатился к нам «метр с кепкой», низкорослый телефонщик. Он что-то начал копаться в моем аппарате, что стоял на моем столе. Пока он занимался небольшой разборкой и сборкой, мне пришло на мысль угостить телефонщика. Я взял емкий, маленковский стакан и наполнил его доверху водкой – тогда ведь на таких сборищах в конце рабочего дня общались только подвыпивши: времена застойные, застольные. Когда телефонщик закрыл крышку аппарата, я предложил ему угощение, стакан этот, наполненный доверху, и закуску – на столе ее было немало. «Метр с кепкой» оживился и вроде бы даже обрадовался. Стакан мигом опрокинул, крякнул от удовольствия и легонько поддел на вилку кусок селедки. Угощеньице со стола ему пришлось по нутру, он подобрел и, наклонившись к моему уху, прошептал: «Как мне надоело тебе жучка ставить». Взглянул на телефон и ушел. Тут-то я, простодушный, понял недвусмысленно – прослушку отладили. Шум и гам в редакции продолжался.

А у Чуковских и того хлеще. «Бобик», сотрудник пятого отдела КГБ, под началом генерала Филиппа Бобкова, ударил Елену Цезаревну при входе в ее подъезд. В посылке с канцелярскими принадлежностями, присланной Лидии Корнеевне из Англии, бобики на почте обрезали кисточки фломастеров, и писать ими было нельзя. Пределов наглости нет: там хорошо знали, что Лидия Корнеевна из-за совсем слабого зрения может четко писать только фломастером, а его в Москве не сыскать. Подличали напропалую. Подспудно оперы занимались сбором компромата на всех, кто попал в поле их зрения. Ходили, краудучись, и подглядывали, про-

слушивали, и через своих людышек копили компромат. Подключили и каналы, для них легко открываемые, – просматривали личные дела в отделе кадров. В нашем издательстве побывал кто-то из их конторы – я это почувствовал, когда столкнулся с нашей кадровичкой, всегда дружелюбной и внимательной, а тут нескрываемо настороженной, с загадочной ухмылкой. Стало быть, совали ей свое удостоверение, изучали мое дело. А тут еще ни с того, ни с сего приперся на квартиру ко мне директор издательства Лёня Кобыляков, и с ним ищейка и его закадычный друг Виталий Замота. Первый – толстый, а второй истощенный и плоский. Попеняли жене, что вот какой я нехороший – высказывался одобрительно вслух о произведениях Солженицына; все клянут его, а сотрудник нашего аграрного журнала поддерживает. С тем и ушли.

Предстояло заняться подысканием дачи для Александра Исаевича. Ведь ни у Чуковских, ни у Ростроповича он уже оставаться не мог. Кольцом обложила Госбезопасность, сжимала его, подстраивая провокации. А у Классика уже семья своя, пошли дети. На словах Александр Исаевич пояснил, что подошло бы ему для дачного жилья и где именно. Непременные условия – чтобы недалеко от храма была река, и чтобы раздольный луг был – хочет на коне поездить. Первое мне было понятно – храм для души, река – тоже понятно, а верховая езда показалась избыточной мечтой. А потом подумалось: почему бы и не помечтать? Когда прикинул, где такое сочетание могло быть, оказалось, что все это было рядом со мною, в Черкизово, что на берегу Клязьмы (Пушкинский район). С него и начал искать подходящее скромное поместье, дачу. Черкизово – место памятное для писателя. Здесь, в Покровском храме, он передал на Запад «Архипелаг». Как бесы с Лубянки ни следили за ним, а в храме и бесы скололись: Александр Исаевич, само собою, в храме стоял без шапки, и точно такая же шапка была при нем, а в нее был зашит микрофильм рукописи. Во время службы он ту шапку незаметно сунул нужному соседу, плотно прижатому молящимися. На паперти после службы надвинул на голову шапку, в которой пришел, и злодеи хитрость не распознали («Бодался теленок с дубом»). Возможно, Александр Исаевич оглядывал и нашу Клязьму, и луг за нею.

Обошел я все Черкизово, подыскивая подходящий дом, выставленный на продажу. Ходил и день, и два, ничего не попа-

лось. Цена предполагалась высокая для этих мест, но вся беда, что люди поселка ютятся кучно и в жалких домишках. Как в 30-е годы возникла «Воронья слободка», когда сюда распихивали переселенцев с затопленных мест, – возникали водохранилища, да и канал Москва – Волга добавлял люду. Так с тех пор и жили в наскоро сколоченных хибарках. Одну из них, даже чуть получше видом, можно было бы и купить по сходной цене, но Александр Исаевич ее забраковал. Мы договорились с ним, что я буду ездить искать и вечером докладывать ему заклеенной запиской (кладу в письменный ящик). Ежели предложение подходящее, он едет и сам осматривает. Постепенно по Ярославке дошел до Хотьково. Ничего утешительного. Другой радиус ж. д., Киевский, он был близок к Александру Исаевичу. За Наро-Фоминском у него когда-то был домишко, непригодный для семьи, нужно подыскать в тех же местах более надежный. Опять еду на поиск, а что нахожу по расспросам – пишу об этом в записке. За Наро-Фоминском еще были живые хвойные леса, с огромными муравейниками, таких в зацветавших лесах не встретишь. Воздух смолистый, пользительный – самый бы раз здесь жить. Но вот беда: на продажу ничто не выставляется. А так хотелось помочь великому человеку. Вскоре вопрос о даче отпал сам собой. От той поры (апрель 1972) у меня сохранилась записочка Александра Исаевича. Вот она:

«Дорогой Александр Николаевич! За карту Тамбова – большое спасибо! Нужна ли губерния – выяснится на днях, а главное – насколько подробно? Дача продолжаетискаться. Сердечно жму руку!»

А. Солженицын».

Тогда же, в 1971 г. Александр Исаевич написали другое письмо, подлиннее. Приведу его полностью.

«Уважаемый Александр Николаевич!
Спасибо за календарь. По радио мне понравились чтения из него. Очень ценное приложение. Эпиграфы к главам – не органичные (в одном ряду Державин, Надсон и Багрицкий – ухо режет). Использование народного материала, мне кажется, у Вас хорошее, местами отличное.

Пользуясь Вашим любезным предложением, заказываю Вам требуемые погоды. Где указаны периоды, то не надо по дням, а – общая характеристика по несколько дней (дождливо, холодно, пасмурно, оттепель, морозы, метели и т.д.), а главные даты выделяю красным, где желательна предельная точность.

Этот список я мог бы и продолжить, но и сего не мало.

Стиль – старый.

*1916 г. 15.10–5.11 – Зап. Белоруссия (близ Барановичей),
Москва, Петроград.*

Конец октября – Кубань (под Армавиром); первые числа ноября – Тамбов.

1917 г. 23.2–5.3 – Петроград (ежедневно).

6.3–18.3 – // – – – (в общем).

27.2–18.3 – Москва, Ростов н/Д., Тамбов.

*1917 г. 13.4–7.5 – Петроград, Москва, Зап. Белоруссия
(между Минском и Барановичами).*

21.4–23.4 – Петроград (ежедневно).

Благодарю. Жму руку.

A. Солженицын

Еще отдельная благодарность за Ваш сборничек слов с. Щадей, очень интересно, сочно, мне как раз тамбовские слова оказались нужны».

Поясню подробностями некоторые места этого письма. Календарь, о котором упоминает Александр Исаевич, – это «Календарь русской природы», который я вел в журнале «Наука и жизнь» в 1968–1969 гг., затем он вышел в виде книги – ее-то я и поднес писателю. А чтения на радио велись из месяца в месяц весь 1971 г.: текст читал Юрий Яковлев, вахтанговец, а музыкальные номера исполнял оркестр Дома записи, на Качалова, угол Вспольного переулка. Но главное – голоса, весь русский год, все 12 передач сопровождали лучшие голоса Русского народного хора – пели Мордасова и Кладнина из Воронежа, Шура Стрельченко из Москвы и другие таланты. И эти золотые голоса России, да еще на фоне породистого, бархатного голоса Яковleva, – впечатляли. Бывало, что и до слез доводили. Оживало погребенное под советской шелухой истинное лицо народа. Просиял лик России, повеяло род-

ным. Но все это кому-то за нож вострый. Вскоре в «Литгазете» появилась статья-донос, написанная Александром Яковлевым, хромым бесом, погромщиком перестроенных лет, номенклатурным русофобом. Передач таких не стало, а редакцию «Русской музыки» закрыли.

Необходимые Александру Исаевичу погоды по возможности разыскивал и сообщал. Как обстояло с погодой в Москве и Петербурге в указанные числа, найти удавалось, а скажем, что было в Барановичах или в Армавире, вызывало затруднение – метеорологических летописей и даже фенологических наблюдений за эти сроки не было.

Тогда же, в 1971 г., я получил из рук Елены Цезаревны только что вышедший из печати в Париже большой том новой прозы А.И. Солженицына «Август Четырнадцатого». Когда стал читать, убедился – экземпляр уникальный: автор внес множество поправок от руки – их в общей сложности было 170 на 600 страницах текста. Чтение «Августа» мне доставляло огромное удовлетворение и пользу – ничего подобного до той поры не читал. Решил всю авторскую правку переписать. И так страницу за страницей прощупывал глазами, опечатки и поправки вносил в отдельную ведомость – там были указаны номера страниц и строк, что напечатано и что должно быть. Кто знает, как дело повернется, а эту авторскую правку надо для истории сохранить. Книгу вернул Елене Цезаревне, на прощание потянулся к ее руке, а когда она протянула ее – поцеловал в ладонь, покрытую язвами. Дело в том, что от бесконечных неприятностей, чинимых органами, у Леночки проявилась аллергия. Милая женщина явно страдала, но держалась, как и во всем, мужественно. Сказал утешительные два-три слова и ушел, унося с собою рукопись «Ракового корпуса», перепечатанного с автографа самой Еленой Цезаревной. И это чтение воспринималось мною всем существом. Даже партитура рукописи – ударения, укрупнявшие отдельные слова;тире, усиливающие ход мысли, сжатая строфика и подчиненные эмоциональному строю образы и внешне создавали особый авторский рисунок. Солженицын – стилист и великий мастер художественной прозы, новатор нового уровня отечественной словесности – все это надо было самому прочувствовать и оценить новый вклад в современный литературный процесс.

«Кубыть»

Что за слово такое – «кубыть»? А ведь оно обретается в наших тамбовских местах и всем понятно. Мужик-простота сторошился «правильной» речи, скругляя выражения подобно капле, стягивающейся к наименьшему объему. «Кубыть» – это «как будто», сказанное вспыхах, – черносочленному сеятелю не до полно-звучия. Вот и появились в говорах: мобуть – может быть, прасук – поросенок. На моей сторонке таких слов по селам было преизобилило, и стар и мал там понимали один другого, не считая свойские выражения за косноязычие. Короб народных говоров был так обширен, полнозвучен и так красочен, что тамбовские речения заняли значительную часть общенационального языкового богатства. Внешние сдвиги и потрясения, хула на все родное, подмена подлинных целей жизни подложными впрямую задевали даже глубинные крестьянские толщи, но живой запас слов отменить злодеи не сумели. Вот почему позднее поколение, уроженцы 30-х годов, еще застали стародавнюю русскую речь, так непременную в обиходе натурального хозяйства. Пятнадцать начальных лет я был погружен в эту языковую стихию и уже в Москву привез многое из детства. А когда стал писать о жизни нашей природы, часто, бывая в лесу и на просторах, возьму да запишу, что подвернется на память. Постепенно запас говоров родной сторонки рос, подсчитал – около 400 слов. Само собою, давались к ним и толкования.

Вот этот тамбовский говорок в своих записях я и осмелился подарить Александру Исаевичу ко дню его рождения. Чем же можно обрадовать такого чуткого писателя, как Солженицын, как не словами, подобранными в народе? Оказалось, что эти записи пришлись ему в пору и по душе: трудился над очередным томом свое эпопеи – там уже с «Августа Четырнадцатого» важный персонаж (Благодарёв) – из Тамбовской земли. Строчка из записочки А.И. Солженицына: «Еще отдельная благодарность за Ваш сборничек слов с. Щадей, очень интересно, сочно, мне как раз тамбовские слова и оказались нужны». Вот так – нужны, и я радовался пусть маленьким приношением для пользы. Недоумевал только, зачем Александр Исаевич изменил название моего села Тарадей на Щадей. Да, у нас никакой тары не делали и слово «тара» никогда

не было в ходу. А название – дославянское, и в языке мещеры, близком племени чудскому, звучало как «таралей» – речка в кустах. В современной огласовке – извращено по форме и смыслу, и только этимология подскажет о первородстве того и другого. Заметим, что на Тамбовщине, как, впрочем, и в других соседних губерниях, исконная топонимика рек, уроцищ и старожильческих мест связана с племенами, некогда жившими здесь и давно исчезнувшими. А язык сохранился, и «Щадей» тут ни при чем. Щи и доныне умеют варить, а с «тарой» не знаются – есть во что ссыпать или класть. Но прав Александр Исаевич, когда заподозрил в теперешнем названии моего села что-то не от народа, оно так бы и понимать, если с древностью не свериться. Да и формальное написание менялось со временем: в XVIII в., к примеру, писали Торадей. А изуродованное Тара-дэй смахивает на санскрит.

Уездный город наш Шацк ставлен Иоанном Грозным как крепость против Дикой степи и охранял с другими такими крепостями Москву от набегов крымчаков. Опора боевых дружины – стрельцы-храбрецы, они-то и обороныли город, окруженный рвами и высоким дубовым тыном в два ряда. Отсюда на Тулу тянулись непроходимые засеки: кондовый лес валили вершинами в сторону врага. Для своих делались сторожи и секреты. В эпоху царя Михаила Фёдоровича, в первую треть XVII в., таких крепостей по южной границе Московского Царства насчитывалось 25 и оборонный щит прикрывал русские просторы от Шацка до Симбирска. Воинское сословие – стрельцы – в затишье пахали, сеяли, разводили скот. Все села вокруг Шацка тем и жили. Отлаженный строй поколебался с окаянства Петра I: стрельцов свои же порубили, семьи верных ратников Правительницы Софии свели в податное, крепостное сословие, а на место стрельцов в охране границ заступило казачество. Ряд сел нашего уезда и по сию пору называются казачьими слободами. В последующие царствования тамбовские пустопорожние земли раздавались вотчинникам. Нетронутые степи преизбыточествовали дикой живностью: дрофами-дудаками, стрепетами, а по окладинам-болотам, среди заматерелой закраины, ватажились журавли, булькали цапли и тучами носились утки и пигалицы-чибисы. Полная чаша жизни виделась и по суходолам – там была пропасть красного зверя – волков, лисиц, зайцев, а в норах прятались барсуки, байбаки-сурки, земляные зайцы – тушкан-

чики. На пролетах пажити оглашались полчищами диких гусей. Вотчинники поначалу неохотно осваивали тамбовские земли, не хватало крепостных рук. Потом сообразили свозить сюда семьи из поволжских вотчин – и дело пошло. Но то уже было в женские царствования.

Наше село Тарадей принадлежало Кириллу Разумовскому, а с успешного царицы Елизаветы Петровны перешло в вотчинное владение дворян Ланских. В нашем селе Тарадей родился Василий Сергеевич Ланская (1754–1831), Тамбовский губернатор (1795–1803), сенатор, президент временного правления в Царстве Польском, с 1815 г. его наместник. Ланские долго владели нашим селом, вплоть до отмены крепостного права. Тогда дочь Наталии Николаевны Пушкиной от второго брака – Александра Петровна Ланская, в замужестве Арапова, – осела в Шацке и жила там до начала 1918 г., до большевицкого погрома, когда всех, кто не исчез вовремя, – законопатили, и о них ни слуху ни духу. Александра Петровна незаметно уехала к своей сводной сестре, Марии Александровне Гартунг, родной дочери Пушкина, в Петроград, и там в 1921 г. обе погибли от голода. После Ланских помещиком стал малохольный Терентьев, управляющий, бесцветная ничтожность, о его недалекости пояснит такой факт. В 1914 г., когда вскипала народная волна помочи солдатам на передовой, в Шацке создали Дамский комитет во главе с княгиней Елизаветой Волконской. Сам князь, Владимир Петрович, правая рука Царя, приближенный ко Двору после Саровских торжеств 1903 г., с головой ушел в патриотическую работу, и Комитет сам по себе успешно повел сборы. Шацкие дворяне делали щедрые взносы. Скажем, та же Александра Петровна Арапова внесла от себя 104 ценных предмета, об этом писала уездная газета «Шацкий Листок». А вот Терентьев внес для победы... третий том сочинений Брэма. В 1918 г. вышвырнутый прочь из имения в чем попало, он прятался по оврагам и кустам, а ночью побирался у знакомых крестьян на Планте – улица у нас такая на горе. Вскоре совсем сгас.

Составленный мною список говоров родного села Тарадей содержал, как упоминал, приблизительно 400 слов и кратких толкований к ним. Была приложена и старинная ландкарта Тамбовской губернии. За все Александр Исаевич выразил «теплые благодарности». В списке слов отмечены мои упущения: «ударений

нет, написание по слуховой догадке (хрен/б-тук), усеки, надысь, — как-то впутан современный жаргон, хороша бы запись во фразе». Вот последнее из пожеланий меня-то и всколыхнуло. Как составить такие фразы, должны ли они перетекать одна в другую, или подавать их отдельными примерами? Мне показалось, что лучше сладить непрерывный текст, в котором, как блестки, будут светиться самобытные слова. Изложение произвольное, но без придумок, а выхвачено из жизни, мне известной в оригинале. Время действия — первый год войны, а мне семь лет. Память как воск — любой нажим оставляет вмятину. Уседся я писать без всяких заготовок, без какого-либо событийного перечня. Получалась записка для одного человека, но зато какого! Александр Исаевич согревал мою душу своим творчеством, одним своим присутствием и теплым вниманием ко мне, неприметному и неяркому словеснику, — трудился в аграрном журнале. Но совесть велела держаться убеждений прямых, неложных, а всем наносным брезговать, от всего чуждого отказываться. Записку создавал с маxу. Благо дни отпускаемые, не подневольные. Напишу от руки — перо еле успевает оставлять строки, одну за другой. В конце дня сажусь за машинку, печатаю нешибко, двумя пальцами, — десятью так и не научился. За один присест, гляжу, восемь страниц получилось. За две недели создалась целая глава. Ее название «Калач приестся, а хлеб никогда». Сельская жизнь как есть, физиология быта без прикрас, если натурализм, то подлинный, как слышал, без оглядки на условность, и чтоб все горести и радости, как они были, сохранив аромат подлинника. Разумеется, меня повергало в недоумение, как быть с именами и прозвищами еще живых людей. Давал, почти не изменяя, так мне было легче припомнить поведение, характеры и быт селяков. Из вулкана действительности как бы выхвачен кусок магмы — жжется и светится. Слова не окаменевают эхом, а раздаются как вздох и произносятся навзрыд. Вообще рыданье, плач и боль крестьян трогали меня, и все это хлынуло из души на страницы. Раскованность позиции, доверительный тон и совершенная преданность правде жизни помогли мне лучше понять сказовый лад народной речи, ввести в прозу самородные крупицы краснолексия сеятеля и россыпи из обширного кошеля говоров, носимых самим сеятелем. Народная мысль и речь в устах крестьян бесписьменных, простодушных, была мне ближе и понятнее слов казенных,

навязших в принудиловке контор и училищ, – заходили ведь в избу и такие, кто прислуживал и выделялся. А у нас ничего из принудиловки нет, кроме нужды во всем, казенного измывательства и страха – фронт приближался.

Отпечатал главу, понес Елене Цезаревне, чтоб передала Александру Исаевичу. Через два-три дня говорит Е. Ц.: «Запиской доволен наш Классик, а язык ваш привел его в восторг». Лучшего поощрения для меня не могло быть. Сама она тоже прочла эту главу и, кажется, ближе мне стала. Так определились два светоха: Александр Исаевич и Елена Цезаревна, Солженицын и Чуковская. Вторую главу «Земное верстание» написал лишь на другой год, в отпускное время. И тоже в две недели, 65 машинописных страниц. Но передать Классику в Москве не смог, в конце 1973 г. был занят спешным заданием, и эту часть Записки посыпали уже в Вермонт, куда переезжали остальные Солженицыны. Письма, записки и нечто другое после допроса пришлось прятать подальше, этим «подальше» был амбар в поселке. Распихал бумаги в разных углах, уже не заботясь ни о чем, считая, что задание выполнено. Но шли годы, десятилетия. Атмосфера разряжалась, уже в Клубе медика состоялся вечер, посвященный Солженицыну, и за столом перед публикой сидели Лидия Корнеевна и ее дочь Елена. Чувствовалось, что люди стосковались по Классику, и враги прикусили языки. Вспомнилась мне и та самая записка, что писалась для него одного. Полез в амбар нашарить припрятанное. И каково же было недоумение, когда от полутора сотен страниц остались огрызки: вострые мыши съели пожелтевшую бумагу. Востроглазые серенькие мои читатели хорошенъко справились зубками, а из вороха остатков свили гнездо. Горевал, конечно, потом припомнил, что куда-то запихнул еще и оригинал, помаранный. Отыскался, стал перечитывать и слегка поправил. Главы поменял местами, дал общий заголовок: «Из малых лет» – из детства. Получилась как бы повесть о недавнем времени, проведенном в самой гуще крестьянской жизни. В книге А.И. Солженицына «Октябрь Шестнадцатого» уловил и нашиенские слова, и выражения: стало быть, пригодилась записка. Теперь она в виде повести стала памятником родному селу, исчезающему на глазах. Входит в книгу «Хроника одной души».

Замятин

До 1957 г. об этом писателе знал разве что понаслышке. Все мои помыслы были библиофильскими: без конца ходил по букинистам, разыскивая редкости или то, что считал редкостью. Под запретом была, по существу, вся новейшая литература, и перечень книг, не подлежащих приему, товароведы хранили особо – многостраничный пухлый том на глаза не попадался. Но основные имена, преимущественно из Русского Зарубежья, книжники-любители знали, а кое-кому на толкучке – собирались в центре Москвы, около магазинов старой книги, – их произведения удавалось обменять на что-нибудь редкое или модное. Мое увлечение с юных лет – Тютчевиана, собирая Тютчева и все о нем. Побывал, разумеется, в Муранове и даже в Овстуге – родовом имении Фёдора Ивановича на Брянщине. Собирал Иннокентия Анненского и «короба» прозы Василия Розанова, а еще русскую фольклористику и мифологию.

И вот Замятин прозвучал, да так живо, из уст Галины Андреевны Белой, нашей наставницы, особы яркой и ярой, одухотворенной словесностью и благосклонной к любознательным слушателям. Она-то и прочла нам, студентам, лекцию о Замятине, а потом принесла его книги из библиотеки Института мировой литературы, где сотрудничала после защиты диссертации. Когда я вник в повести этого писателя и прочувствовал его язык, склад речи – стало ясно: это наш, тамбовский, из Лебедяни. Захотелось побольше собрать его произведений, что оказалось совсем не просто. В крупнейших собраниях Москвы – в Румянцевской и представительной Исторической библиотеках – выдавали на руки совсем чуть, а что рассеяно в журналах его времени – путеводителя нет, нужна библиография. Загорелся делом – стал добывать редкости через книжных «стрелков», знаемых все на тех же толкучках и сшибающих здесь барыш. Правда, бывали тут и преданные ходебщики за книгами – одни из них подбирали поэтов Серебряного века, другие собирали рижские издания и, конечно, «нью», литературную клубничку. Со всеми дружил, теперь все «стрелки» знали, что мне нужно, и время от времени кое-что предлагали, за деньги или в обмен; сделка полюбовная. Книги, напечатанные за рубежом, и неведомо как оказавшиеся в руках москвича; роман «Мы» и сборник публицистики «Лица» – найдены, но цены кусались. Пришлось

отдать, что требовали; были приобретения из этого ряда и позже. Помогали добрые люди. В Пушкинском Доме библиограф Алексеев предоставил мне личную картотеку с росписью русской периодики на Западе. Библиографию составлял по крупиочке, по восьминочке. И получилось, наконец, лет через девять.

К 1967 г. составленная мною библиографий публикаций самого Евгения Ивановича Замятиня и литературы о нем была готова, объем ее – 30 машинописных страниц. А в это время Публичка – библиотека Салтыкова-Щедрина – разворачивала многотомное издание библиографических справок, посвященных прозаикам XX в. Вот, думаю, сюда и ткнусь. Запасся рекомендацией К. Федина – как-никак он знал моего героя; и повез я в Ленинград свой товар. И вроде бы договорился с дирекцией библиотеки о включении Замятиня в очередной том. Тамошние штатные библиографы, Н. Захарченко и Л. Шепелёва, одобрили мою разработку, присоединили к делу. Летним днем 1967 г. приехал из Москвы узнать, как обстоят дела. И что же? Вышли навстречу мои библиографы, и с ними еще одна, зовут Инной. Сообщают как бы с грустью: Замятиня не пропускает цензура. Не пропускает еще Пильняка и Солженицына, обе библиографии тоже готовы. И в разговоре проскальзывает досадная деталь. Оказывается, в Салтыковке собирали материалы по Замятину американский исследователь Алекс Шейн, и он попросил библиографов дать ему мои наработки. Они все мои 30 страниц машинописного текста – ему в руки, пусть пользуется, здесь все равно запрет. «Вы не против?» – спрашивают. Какой смысл «против», ежели труд ушел. Конечно, кошки заскребли душу, горько было. Утешался тем, что мои находки в дело пойдут. Важнее всего было сознавать: Е.И. Замятинным занимаются, и общими усилиями разомкнется глухота и немота вокруг опального и оболганного на Родине имени. Спустя год, в 1968 г., в США вышла в свет докторская диссертация Алекса Шейна, посвященная творчеству Замятиня, и в разделе «Библиография» я обнаружил все то, что разыскано было только мною, в частности профессиональные его статьи по кораблестроению, писатель ведь был инженером, строил суда на верфях. Двадцать лет спустя мы с Алексом подружились и вместе ездили в Лебедянь. Но к тому времени я охладел к Замятину и уже давно жил только Солженицыным.

Всколыхнуло меня Письмо Александра Исаевича к съезду писателей, в нем был развернут длинный свиток отторгнутых от народа даровитых мастеров слова, изруганных и поносимых. То было, кажется, в мае 1967 г. В этом свитке запрещенных властями имен упоминался и Замятин. Нашел рязанский адрес писателя, послал письмо.

Глубокоуважаемый Александр Исаевич!

Непредвзятое восхищение Вашей нравственной и гражданско-ской позицией освобождает меня от долгих признаний и объяснений. Скажу лишь: все, кто хочет столочить Вас, исчезнут чадом. Солженицын же останется совестью наших лет и будет передан следующим поколениям в цепи немеркнувших имен.

Одно звено этой цепи – Евг. Замятин – мне особенно дорого. Свои симпатии к нему я выражая кропотливым трудом – составляю библиографию его произведений, коплю материалы к жизнеописанию Евгения Ивановича. В этом и счастье обретаю.

Прочитав в Вашем Письме к съезду открытые слова об опальных литераторах, меня тронула Ваша уверенность в непре-менном возврате народу дорого имени Евг. Замятин. Спасибо Вашему зоркому сердцу, что оно чувствует справедливость! Если бы по-настоящему издать Замятина, то перед читающей публи-кой предстал бы автор 12 превосходных томов. Знают же – только толику.

Посылаю Вам в дар фотографию Евг. Замятина, отснятую в 25-м г. Напельбаумом, и его книжку («Нечестивые рассказы»). Посмотрите, пожалуйста. Если найдете нужным, напишите свое мнение об этом писателе (хоть несколько слов, я их буду хра-нить верно). – 3. VI. 1967 г.

Буквально через несколько дней получил драгоценный ответ от Александра Исаевича.

Глубокоуважаемый Александр Николаевич!

Вы растрогали меня присылкой книг Замятина и фотогра-фии его. До сих пор ни одной его книги я сам не имел, а только читал при случае. Вы поразили меня, что так много у него напи-сано. Во встречавшихся перечнях его вещей мне так и казалось, что – мало, не достает чего-то. Но чтоб двенадцать томов!

Может быть, Вы разрешиите мне когда-нибудь познакомиться?

Я читал его «Мы» (блестящая, сверкающая талантом вещь: среди фантастической литературы редкость тем, что люди – живые и судьба их волнует), сборник рассказов «Островитяне», да пьесу об инквизиции, название которой забыл. Вот, наверное, и все.

Присланное Вами прочту в ближайший месяц (это у меня экспресс-скорость, настолько мало на это времени). А пока спешу от души Вас поблагодарить.

Всего Вам доброго!

Рязань, 12.

Проезд Яблочкова, 1, кв. 11.

Вот когда подошел срок показать библиографию Замятину, да никому другому, а большому писателю. Пишу ему письмо.

Глубокоуважаемый Александр Исаевич!

Прилагаемый перечень вбирает основные публикации произведений Евг. Замятиня, хотя в таком состоянии он и не допечен: ряд книг посажены в специхран и мне пока недоступны. Библиография, как и краткая справочка о писателе, предназначены для совпечати (северная столица затевает издать путеводитель по творчеству отдельных литераторов, удастся ли его увидеть и как скоро – неизвестно), поэтому критическая часть покоится в основном на ругателях, вернее – и на ругателях. Схема списка – заданная, я бы предпочел хронологическую (для себя составил и такую).

Представляется, что 12-томник можно было сформировать так (каждый том получает название главного произведения, положенного в основу цикла):

Т. 1. Уездное (повести и рассказы).

Т. 2. На куличках (повести и рассказы).

Т. 3. Островитяне (повести и рассказы).

Т. 4. Мы (антиутопия + рассказы «пещерного цикла» + Большим детям сказки).

Т. 5. Нечестивые рассказы (состав тома шире, чем содержание одноименной книжки).

Т. 6. Закулисы (статьи о литературном мастерстве + брошиюра об Уэллсе).

Т. 7. Бич Божий (неоконченный роман, варианты + Наводнение).

Т. 8. Театр (пьесы, инсценировки).

Т. 9. Лица (воспоминания, лекции).

Т. 10. Р. Майер (+ инженерные статьи).

Т. 11. Неопубликованные материалы. Письма.

Т. 12. Письма.

Архив ЗамятинаОбъемен. Из отечественных хранилищ самые значительные – Институт мировой литературы и Библиотека Салтыкова-Щедрина. Эпистолярное наследство – несколько сот писем родным, близким и современникам – неотрывно от творческих исканий, от жизненных фактов писателя, поэтому ему в Собрании место – полтора последних тома.

В посылку положены пять книг Е.И. ЗамятинаОбъемен, в которых он участвовал. Здесь же найдете фотокопии двух статей («Я боюсь» опубликована в сб. «Дом Искусства», № 1, 1921; «О синтетизме» – в кн. Ю. Анненкова «Портреты», 1922). Возврат – не к спеху, когда не нужны станут. Библиографию (на 30 страницах) возвращать не надо.

Пьесы об инквизиторах – «Огни св. Доминика».

Желаю Вам, Александр Исаевич, нескудеющего здоровья, осуществления всех Ваших намерений.

А. Стрижёв.

Последний московский слух – о статье Ф. Бурлацкого и Л. Карпинского в «Комсомолке» (от 30 июня, стр. 4), за которую снят редактор этой газеты Б. Панкин и разжалованы авторы (Бурлацкий – политический обозреватель «Правды»). Статью расценели как поддержку Вашего письма к съезду.

13. VII. 1967 г.

Месяца через полтора получил коротенькую записку от Александра Исаевича. Послана им 2 сентября того же 1967 г.

Многоуважаемый Александр Николаевич!

*Я еще не был дома и не видел присланной Вами бандероли –
однако могу уверенно поблагодарить.*

«Нечестивые рассказы» прочел, скоро напишу Вам о них.

*Может быть, позвоню, если буду в Москве с просветом
времени.*

Всего доброго!

A. Солженицын.

Позвонил мне 23 ноября 1967 г. Встретились в редакции «Нового мира». Впервые воочию вижу знаменитого писателя. Он стоит у обширного окна, и в естественном свете я вижу его, высокого и доброжелательного. У стены напротив за столиком сидит, как послышалось, Анна Берзер. Не успели перемолвиться, как из кабинета показался Ефим Дорош, пригласил Александра Исаевича зайти. И вместе они закрылись для беседы: решалась судьба «Ракового корпуса». Через недолгое время Солженицын вышел, и мы отправились на Тверскую. Гляжу на него: лицо подвижное, как и сам весь подвижен. Глаза пронзительные, острые. Продолговатый овал лица окаймлен бородкой. Лоб раскроен шрамом.

Удивляется моему возрасту: «Думал, что вы старый библиофил, знаяший Замятину».

Выходим на улицу. Мокрый снег падает на матерчатую куртку писателя, на его шапку-мурмолку, на мои очки.

Спускаемся вниз по Тверской. Говорит о Замятине, восхищается его находками. Считает правильным его утверждение (в статье «О синтетизме»), что машинизированный век убыстряет, скимает стиль, как бы спрессовывает прозу. Но Солженицын предостерегает от увлечения «синтезированием» – не отбить бы читателя сложностями.

Говорит о влиянии Замятина на Дж. Орвелла («1984»): похож на «Мы», только более трагичен. Нет замятинской радости и искрометности. Интересуется отъездом Замятина, болезнью, почему так мало печатал.

В доме номер шесть, у Чуковских, Александр Исаевич вернулся ко мне замятинскую подборку книг, кроме «На куличках» (говорит, «расчертил», читая, и отдать не сможет. А я-то и рад, к делу пришлось). Спустя несколько дней (29 ноября) пишу Алекс-

сандру Исаевичу, стараясь поподробнее ответить на его устные вопросы. Вот эти строки.

Дорогой Александр Исаевич!

Тогда я впопыхах не успел ответить на Ваши вопросы: волновался на радостях. А ответить хотелось бы. Попробую покороче.

Как выехал Замятин?

Когда началась невероятная травля писателя, инспирированная сверху, Евгений Иванович嘗試ался объяснить, что «Мы» печатали там без его ведома (рукопись попала в Берлин к Гржебину в начале 20-х годов, предназначалась для 4-го тома Собрания, предпринятое концессионным издательством; вышло лишь 2 т.). Но маховик раскрутили, слушать было некому. В театре снимают с постановки «Атиллу», уже доведенную до премьеры, ни строчки не пропускает в свет Главлит. Замятин пишет письмо Рыкову, в котором говорит, что его как писателя приговорили к высшей мере наказания – к молчанию, излагает подробности нетерпимого положения, просит разрешения на выезд за границу, пока в России не установится нормальный общественный климат. После совета друзей Евг. Ив. решает обратиться с таким письмом не к Рыкову, выбрасываемому из седла, а к самому дядьке усатому, Сталину. В июне 1931 г. Замятин отнес Горькому письмо, а тот отдал его «в собственные руки». Максимыч убедил despota дать вольную опальному литератору. В ноябре 1931 г. Евг. Ив. вместе с женой покинул Петербург.

От чего умер Замятин?

Страдал от трех болезней – от грудной жабы, колитов и бессонницы («перетерлись нервы» – выраж. самого Е. И.). Особенно мучила бессонница, спал слишком мало. В разгар травли все это усилилось. И все же Замятин в отчаяние не впадал. («Но я еще крепко держу вожжи и погоняю себя», – пишет он летом 31-го из-под Сорочениц, где отдыхал в деревенской, тогда уже тревожной глухи.)

В таком состоянии и выехал. За границей добавилась ностальгия. Родственники говорили мне, что Евг. Ив. умер от сердца. Но совсем недавно Мих. Слонимский в разговоре сказал: Замятин скончался от рака, так показало вскрытие.

Чем мне дорог Замятин?

Бесстрашной искренностью, несгибаемой прямотой, когда разоблачает ложь затверженных формул. Замятин распознал гибельность тирании равенства, поведал об этом с нескрываемым осуждением, вступил в защиту свободы. Замятин остался революционером в ту пору, когда надобность в революционерах миновала, когда их стал уничтожать узурпатор. Я восхищаюсь этим человеком, хочу быть чем-то в его писательской судьбе на Родине.

Замятину мною было посвящено 10 лет жизни, занимался с 1957 по 1967 г. – время осознания и самоутверждения в чуждой действительности. Надо было по возможности отыскать современников писателя, побывать в его родной Лебедяни. И вот я уже взбираюсь на Тяпкину гору, в старину-стародавнюю здесь, на крутом берегу Днепра, прятался разбойник Тяпка, налетал с ватагой на торговые суда. Прошли века, и на Тяпкиной горе возвысилась славная Лебедянь, с ее Троицким монастырем, соборами и церквями, с ее конскими ярмарками и яблочным изобилием. Лавки ломились от снеди, горожане похвалялись выпечками, молочными скопами, придумками разных сластей. Но то было давно, а в феврале 1966 г., когда я приехал туда, жизнь там держалась скучная. Водит меня по слободам Петр Николаевич Черменский, известный краевед, историк Тамбовщины и друг детства Замятина. В Покровской слободе нашли дом Замятиных и совсем крошечную избушку его бабушки Анастасии. Надо было отыскать живых прототипов повестей лебедянского цикла, а кого уже не было в живых, пошли на кладбище и там, утопая в снегу, читали надгробные надписи. Позже я не раз наведывался в Лебедянь, но такого летописца ее прошедшей жизни, такого провожатого по городским слободам не встретил.

Поиски источников библиографии требовали прояснения многих вопросов по существу. Так завязалась переписка, собеседования с нужными людьми, архивные разыскания. Первым делом обратился с письмом к Корнею Ивановичу Чуковскому. Написано оно 15 мая 1965 г., и в нем поведал о мучившем меня вопросе. «Я составляю библиографию Е.И. Замятина, беллетриста-“еретика”. Предприятие больше для себя, но может пригодиться и для других. Мне необходима одна справка. В “Русском Современнике”,

сопредактором которого Вы были с первого по четвертый номер, публиковался “Паноптикум”. Тетрадь примечаний и мыслей Онуфрия Зуева – горестные заметы на полях книг разных авторов. Весь дух заметок напоминает замятинскую работу. Но поскольку полной уверенности у меня в этом нет – включить их в “путеводитель по Замятину” рискованно. Не соблаговолите ли Вы разъяснить мне, кто автор “Паноптикума”? На Вас вся надежда. Чтящий Вас А. Стрижев». Очень скоро, недели через полторы, получаю драгоценный ответ. Вот это письмо Корнея Ивановича.

Дорогой Александр Николаевич!

Вы угадали вполне безошибочно: «Паноптикум Онуфрия Зуева» составлялся Евгением Ивановичем. Материал для «Паноптикума» давали ему Н.О. Лернер, Ю.Н. Тынянов и я. Где-то в моем архиве хранятся исключенные из журнала страницы «Паноптикума». Словесное оформление материала принадлежит Евгению Ивановичу – ему одному.

Сейчас мне нездоровится, но если мне будет лучше, я с удовольствием разыщу и предоставлю Вам письма и записочки Е.И. Ведь мы редактировали с ним журналы «Запад», «Дом Искусства», «Современник» и ряд англ. книг.

Но сейчас даже это письмо и то мне далось с трудом. Простите, пожалуйста.

Желаю Вам успеха!

Ваш К. Чуковский. 17. V. 1965.

Это доброжелательное письмо Корнея Ивановича подвигло меня к поездке в Переделкино, чтобы показать знаменитому современному собраные мною фотографии Замятиня, копии изобразительных материалов – художественных портретов писателя, карикатур, в том числе злобных, и другой мелочевки. Собирал все это несколько лет, для этого отыскал по разным российским углам племянников Евгения Ивановича, вынужденных покинуть Лебедянь. В добротном альбоме, купленном в Риге, мною были расклеены увеличенные портреты и все, что накопилось в поиске. Взял и конверт с оригиналами – вдруг Чуковскому понадобится показать. В Переделкино поехал 16 июля 1967 г. Встретила меня секретарь Чуковского Клара, ей и вручил альбом на просмотр Корнею Ивановичу. Недолго мне пришлось ждать на скамейке

в саду, как на крылечке появилась Клара и позвала в дом. Иду за этой грациозной, высокой женщиной по лестнице, и на втором этаже, на веранде, подходим к Корнею Ивановичу.

— Вот на фотографиях везде он черный, а он был русый. Бывало, выйдет из воды — купались не раз — русак русаком. Манерничал на английский лад. Говорил «ол райт», курил трубку. Хлопотал за всех. То комнату Мандельштаму, или еще кому что.

«Мы» читал у Волошина в Коктебеле. Месяцев через пять после переворота он и Людмила Николаевна вознавидели новый режим. Маёвки справляли по старому календарю, у Ахматовой (Людмила Николаевна с Ахматовой была в большой дружбе). Декретное время не признавал. Часы так на два часа и опаздывали, показывая мифическое время.

Защищал со мною Лернера. Горький вдруг стал считать Лернера доносчиком Чека. Перестал ходить на собрания «Всемирной литературы». Я и Замятин пошли к Горькому, объявить, что Лернер ни при чем. Кажется, убедили. Но когда Горький пришел на собрание, то, снимая черные перчатки (уже обзавелся такими), только и выдавил:

— Я жалею, что вам об этом сказал.

И ушел.

Все поняли, что он остался при своем.

Замятин ходил к Горькому еще, все по тому же лернеровскому вопросу. Безрезультатно.

Некоторые факты, положенные Замятином в основу рассказов, рождались у меня на глазах.

В Холмках (под Псковом) у нас была колония. Жили: Замятин, Чуковский, Зощенко, Добужинский, Радлов и др. Там, между прочим, была княгиня Софья Гагарина, влюбленная в Замятина, а в нее был влюблен Добужинский. Ситуация. Но не об этом. Там же жил дьякон, который волочился за женой слесаря (работал день в неделю, остальные дни слонялся как бы выпить да за бабами). Слесарь взял и покрасил скамейку. Парочка — дьякон и жена слесаря — выкрасились в полоску. Эпизод вошел в рассказ «Икс».

Был нэпман Слонимский, отец нынешнего театрального критика, разбогател на портновском деле в 1915 г. Деньги прятал под половицку паркета, где и сгрызли их мыши. Эпизод попал в рассказ «Пещера».

Работали до упаду. Бывало, лежим на ковре, Замятин говорит:

– Кто этот поэт на букву ЭФ?

Ломаем голову. Потом оказывается – Тютчев – Ф.Т.

Составлял в «Современном Западе» хроникальный раздел – кропотливейшая работа. Это была выборка из иностранной периодики. Английский мы оба знали дилетантски. Лекции читал в Лесном, Политехническом институте и в Доме Искусств – везде небольшой группе. В Политехническом, кроме английского языка, преподавал техническую эстетику.

Себя не жалел, утомлялся очень, курил сильно. Всё удивлялся я, как он много читал. Долго переживал расстрел Гумилёва.

Пятый номер «Русского Современника» был подготовлен. Человек, который субсидировал журнал, под давлением властей отказался давать деньги.

Вначале цензура не разбирала, что к чему, пропускала спрятанный острый смысл. Затем утвердился цензурный гнет. На петербургские издательства давил литературный дядька из породы бешеных – Ионов, как его называли, Ионушка.

Предисловие Анненкова в «Портретах» редактировал я, тексты Бабенчикова и Кузмина – Замятин.

Дача «Всемирной» была под Сестрорецком.

Замятин запомнился очень общительным, компанейским. Мы были тогда легкими.

Корней Иванович еще раз просмотрел альбом, спросил: где оригиналы фотографий. А они были со мною: вынул из портфеля конверт, выложил содержимое на стол. Конечно, на некоторых оригиналах сказалось время, ведь родные писателя боялись преследования и прятали архив – письма, книги с дарственными надписями, фото, как могли, в Тамбове и Саратове, где жили после Лебедяни. К концу нашей беседы в комнату Корнея Ивановича вошли Лидия Корнеевна и дочь ее – Елена. Познакомились взглядаами. Ли迪ю Корнеевну я знал по ее превосходной книге, посвященной литературному труду. Позже, прочитав ее воспоминания о детстве, чистые и сильные внутренним порывом чувств, восхитился этой прозой, отмеченной высоким мастерством и мудростью. В фамильной оправе Чуковских Лидия Корнеевна – крупный бриллиант нашей словесности. В профиль лицом она напоминала Петра

Великого – так показалось. Елена хорошо дополняла эту семью в полном сборе. Узнав, что на днях я еду в Ленинград, Корней Иванович передал мне письмо к Вере Александровне Кюнер, секретарю «Всемирной литературы»; ее я собирался посетить. И посетил, конечно, потому что она первой значилась в моем списке живых сподвижников Замятиня. Из питерцев были в том списке и Елизавета Григорьевна Полонская, и Михаил Леонидович Слонимский, и дочь художника, Ирина Борисовна Кустодиева, и Ксения Александровна Куприна. Сверх того, был и на квартире Михаила Зощенко, беседовал с его вдовой, Верой Александровной, а из московских знакомых Евгения Ивановича первым делом сходил к маститому Константину Федину и Владимиру Лидину. Все они были радушны и заинтересованы в моем поиске. А ведь вел его, по существу, подпольно, как должно – от души, искренно.

К Ирине Борисовне Кустодиевой ходил вместе с племянником Замятина, Сергеем Владимировичем. Встретила веселыми рассказами о том, как отец чуть ли не ежедневно рисовал ее младенцем. Рисунки эти были известны. Один из них подарила на открытке с теплой надписью. Разговор пошел о Лебедяни, куда Замятин возил Бориса Михайловича, уже разбитого параличом. Наняли приличный дом, из его окна живописец рассматривал уличные сцены. За короткое время им было написано здесь шесть этюдов маслом. На стене у Ирины Борисовны вижу четыре, разглядываю, умиляясь: как живые ходят гуси на лугу, вот церковь, видная из окна. Всё непременно кустодиевское. Как же картины такого художника дома держать? Их место в музее. И мы с племянником Замятина устроили покупку Тамбовским художественным музеем этих лебедянских этюдов, написанных Кустодиевым за год до кончины.

Всякий интересный человек радовал меня и шел мне на встречу.

Возвращение

Россия, стоя, встречала возвращение Солженицына к себе. Да так, стоя, и держалась всю дорогу от Владивостока до Москвы. Сбегались люди к поезду на остановках, ликовали, глядя на Александра Исаевича, приветливо улыбающегося сквозь дверной проем.

Не Апостол свободы, не Пророк глобальных перемен ехал через всю свою страну. В восторженных глазах у многих стояли слезы от счастья видеть великого человека. Всполошились разве что плюралисты, им ведь истинный вожак русских – поперек горла. Но и Россия к моменту возвращения писателя была во многом обесмысленной, поверженной в нищету. Литературные плотины прорваны, и грохочущие потоки словес хлынули со всех сторон на обескураженного человека, разучившегося читать. Облюбовали книгу по понятию, руководясь пристрастиями кружков, движимых к смутно обозначенной цели. Потянулись к православным истинам, к идеям державности, к историческим корням. Солженицын стал востребован людьми всех уровней знаний после публикации его гражданской декларации «Россия в обвале». Какое предвидение, какая боль за свой народ! Александр Исаевич стал поистине народным глашатаем. Его публицистика обжигала пламенным словом, рождала новые мысли и вселяла в душу надежду на спасение. Просветительский трактат Солженицына «Двести лет вместе», крепкий выверенными мыслями и верный историзму двух народов, был исключительно важен для одного и другого, да так и понимался почти всеми, за вычетом национально обособленных. В суматохе тех лет основоположительные труды великого писателя усваивались отрывками, и для цельного их усвоения потребуется время, отодвигающее публику от центров кипения страстей. А деление на станы – правый и левый – привело к тому, что в правом утвердился фундаментализм, и часть правых сделалась даже правее правого смысла, да и в левом стане возобладали русофobia и нигилизм – чем хуже, тем лучше. Великий же писатель стоял за естественное возрастание силы и разума, за милосердие и совестливое отношение друг к другу, за дарование Божиего благословения на расстроенные души.

Радушна была наша встреча все в том же кабинете писателя, как 20 лет перед тем. Александр Исаевич подарил мне пластинку со своим голосом – читает «Пир победителей» – и с теплой надписью трактат «Россия в обвале».

А я принес ему его письма к тетушке, Ирине Ивановне Щербак, привезенные из Георгиевска в поездку с Еленой Цезаревной. Он все такой же подвижный и оживленный, как прежде, рыцарственный и благородный. При нем я всегда чувствовал некоторую

неловкость провинциала, закрытость из-за боязни сказать невпопад. Раз так и случилось: подмывало меня усомниться в необходимости одобрять им расстрел Белого дома. Сказал, вижу – не обиделся. И чего бы это мне лезть с упреком? Иногда лез некстати с уточнениями, совсем ненужными. Зато когда касалось моей записки о военном детстве, набросанной для него одного, Александр Исаевич, добродушно улыбаясь, восхищался языком и знанием крестьянского быта. Может быть, ему еще что-то нравилось в той записке «Из малых лет», главное – хвалил язык тамбовского села, язык моей родной сторонки. Рассказал я Солженицыну о том, как обиделись в моем селе на прозвища, которые я неприкрыто воспроизвел: никому не хотелось увидеть себя в зеркале как есть. Все ведь давно сделались другими, но и прошлое отменить нельзя. Для меня же было главным – показать жизнь обиходную, с болью и радостями, ежели перепадали…

В конце 1980-х, когда наметилось обрушение режима, я решился попробовать опубликовать свою записку о военном детстве. Понес в журнал «Москва», и к своему изумлению вскоре узнал: повесть там готовится к печати и всем понравилась. То, что не смущало Михаила Алексеева, человека старого закала, через месяц-два ополчило против меня, казалось бы, писателя из новой поросли, Владимира Крупина – он уселся в кресло бывалого литератора. Крупин, с показной набожностью, став начальником, с маxу отверг мою повесть. Получается: русский русского не разумеет и своим не помогает. Пусть прет серятина и словоблудие, зато это – ближе к его потугам. Вернули уже одобренную повесть, но я смирился с проделками Крупина не стал.

Завязалась дружба с Вадимом Борисовым. Человек он мягкий, симпатичный и добропорядочный. Пошел к нему в «Новый мир» с обширной подборкой «Замятин на фоне эпохи». Только что в этом журнале появилось нечто похожее по форме и важное по сути из жизни Николая Клюева, поэта самородного, умученного большевиками. Моя рукопись лежала в редакции без движения – там, по-видимому, раздумали помещать такие подборки. Зато когда ко мне лично обратился молодой учений из Германии, Рейнер Голд, с просьбой помочь ему с материалами по Замятину – работал над докторской диссертацией, посвященной произведениям литературного «еретика», – я обещал ему показать свою подборку.

Но она в «Новом мире», настойчивый немец – туда. Вадим Михайлович выдал докторанту мою рукопись, и вот через короткое время Рейнер Голд вручил мне солидную книгу, в которой на 600 страницах много раз даны подробные ссылки на мою подборку к Замятину. До сих пор с ним в друзьях. В ту пору, или чуть ранее, Елена Цезаревна передала мне копии писем Замятина К.И. Чуковскому, которые с немалым трудом достала в рукописном отделе РГБ. Сама же и сдавала туда оригиналы, но они пребывали в «подложке», не обработанными, и в таком виде не выдавались и не копировались. Наконец ксерокопии писем в руках, можно было бы с ними работать. Но комплект писем большой, и для плотного комментария у меня уже недоставало ни сил, ни времени. К тому же теперь к Замятину душа не лежала, как прежде, – перегорело. Пришлось письма вернуть Е. Ц. Но мне хотелось чем-то порадовать замечательного человека. В разговоре узнал, что Леночка собирается переиздать книжку Деда «Вавилонская башня», в полном виде, как задумывалось. Но вот беда – нет подходящих иллюстраций, чтоб были на библейскую тему и сделаны мастерски. Вспомнил, что у меня есть альбом старинных гравюр, счетом 84: рисунки художника Агина, гравюры на меди резал Гагарин. Альбом выпустила Академия Художеств в 1842 г., в год, когда вышли в свет «Мертвые души» с сотнями картинок все того же Агина. Принес библейские гравюры Елене Цезаревне, часть из них была окантована, так что стекло и окантовку пришлось снять. И вот она любуется графическим прочтением Библии, довольна. И я радуюсь, ведь эта милая женщина редко о чем просила, но щедрость ее для других была исключительной. Лишь бы на пользу шло, лишь бы к делу – так было целых 50 лет нашего дружества! 50 лет, и представить себе все невозможно, как переживал, смущался, радовался. С нею общаться легко, если к тебе доверие есть и во всем держишься прямо.

В середине 1990-х годов я, насколько мог ревностно, собирая тексты Леонида Федоровича Зурова, даровитого писателя Русского зарубежья, и все, что с ним связано. Когда в Москву прибыл багаж с частью архива Зурова, переданной Александру Исаевичу литературной наследницей Л.Ф., шотландкой Милицей Грин, надо было попросить А.И. Солженицына поработать с бумагами этого фонда. Разрешение было дано, и я отправился в центр, на Таганку.

Там знали, что приду, но показать рукописи не готовы – архив еще не был целиком распакован, – и для начала показали только опись. Но мне и этого было достаточно, чтобы составить представление о присланном. Однотомник этого талантливого беллетриста, составляемый мною, включал повести, рассказы, воспоминания самого Леонида Федоровича, а также литературу о нем и библиографию. Всё это вышло в свет отдельным томом Зурова в 1999 г., объемом 600 с лишним страниц. В России то было открытием имени, не только столь славного потом на Псковщине, родине писателя, но и известного всем буниноведам, утвердившимся повсеместно в России, знакомым с перипетиями эмигрантских лет Бунина и Зурова. К сожалению, кроме упомянутого однотомника отдельных собраний художественных произведений Зурова до сих пор не появлялось. Зато полная библиография творческого наследия этого даровитого мастера слова опубликована в бумажной и электронной версиях. Благодаря Елене Чуковской однотомник Зурова попал к Ричарду Дэвису, хранителю архива И.А. Бунина и Л.Ф. Зурова в Лидсе (Англия). Приблизительно в то же время мы с Еленой Цезаревной в числе других исследователей подписали протест против наглых требований замшелых отечественных литературоведов, замышлявших силой, с помощью правительственные чиновников, вернуть архив И.А. Бунина на Родину. Разве невдомек им, что Зуров, прямой наследник этого архива, настойчиво предлагал переместить все бумаги архива Ивана Бунина в Россию, не требуя за это никакой платы. Но у нас глухо отнеслись к этому, бездумно – табу. А за рубежом после 1971 г. архив изучали, берегли и по сию пору берегут другие люди, в другой стране. И не наглые требования надо выдвигать, а убедительно просить нашим архивистам Лидских архивистов о творческом содружестве. Такая работа теперь ведется, и сборники «И.А. Бунин. Новые материалы» (три выпуска) – тому свидетельство. А наш протест против литературных ханжей был опубликован в газете «Известия».

Вспоминая славную Елену Цезаревну, упомяну и о чисто домашней встрече. В середине 70-х Леночка посетовала, что вот не знает, как лучше озеленить могилу Корнея Ивановича. Это требует особого умения и особого подбора растений. В журнале «Цветоводство» работала моя знакомая, Татьяна Клевенская, скромный

и отзывчивый человек. Познакомил их, договорились о встрече в Переделкине. Таня привезла еще одного озеленителя. И вот мы на даче Корнея Ивановича. В возглавии стола кремень, Лидия Корнеевна. Были всякие предложения по составу трав, исключая красивоцветущие. Я предложил остановиться на барвинке, можно сказать, вечнозеленом: уходит под снег бодрым и ранней весной остается таким же. Его кожистые листья сменяются постепенно летом. Цветет неброско, голубыми цветками, не заглушая плотный ковер зелени. Ботаники называют барвинок «цветком Руссо» – дань «Исповеди», в которой Жан-Жак опоэтизовал барвинок, описывая поездку в Альпы, где его очаровательная спутница так восхитилась этим растением. В народе барвинок называют «гробовой травой» – издавна им украшают могилы. Можно было бы посадить еще функию: у нее прочные широкие листья с заметными жилками – вроде натруженной ладони. Каждый из нас что-то предлагал. Мое предложение понравилось, растения я передал сюда со своего участка. Лидия Корнеевна всех внимательно выслушала, поблагодарила, а напоследок расспросила Клевенскую о ее журнале «Цветоводство», кто и что пишет им. Когда о деле говорят – с Лидией Корнеевной легко общаться. Талантлива во всем.

Перейду к эпилогу. Начался он бодро, как это и всегда бывает. При встрече на квартире Солженицына – ее вернули писателю после изгнания – Александр Исаевич подготовил для меня маленькие поручения: что-то уточнить, что-то выписать; на листочках было написано, что именно. На расходы из Фонда дал средства. Поручения эти были совсем не обременительны для меня, но требовали частого посещения библиотек, куда все равно ходил. И дело вроде бы поначалу пошло. Но, как говорится, человек предполагает, а Бог располагает. По своей необдуманности я, не считаясь с возрастом, хватался на участке за тяжести и... надорвался. Предстояла операция, ушивали левосторонний разрыв. На это ушло недели две, да еще несколько дней после. И вроде бы все закончилось благополучно. «Вроде бы» обернулось новым испытанием, более суровым. Оказывается, правосторонняя надорванность спровоцировала ущемление. А это – все, ежели вовремя не попал на стол хирурга. Сложная операция окончилась, но ходить мог только по комнате. Да вот еще беда – пропал нормальный голос – стал

слабым и скрипучим. Только что вышел на работу – устроился в околоцерковное издательство «Паломник», где подбирал литературные материалы для детского журнала «Купель» и одновременно составлял книги благочестивых писателей и духовных подвижников – вот в такую-то пору раздался звонок, в трубке слышу голос Александра Исаевича. Мне хочется ответить на приветствие достойно и по делу. А у меня пересохло в горле, и я скрипучими словами пытаюсь сказать о немочи и о том, почему так долго не возникал. Не сумел только упомянуть, что надеюсь поправиться и тогда стану в строй. Подробности операции излагать, конечно же, излишне, особенно в редакции, где прислушиваются: Александр Исаевич в самом начале сотруднице, взявшей трубку, назвал себя и сказал, кого надо позвать. Изумление всеобщее, а я – никакой. Право, мне до сих пор весьма неловко за свою физическую несостоятельность и за скомканность разговора по моей вине. Александр Исаевич глухо попрощался, и телефон затих.

Ну, думаю, поправлюсь и все объясню. Но поправился лишь слегка, ноги меньше подкашиваются, а уверенной поступи нет. В «Румянцевскую библиотеку» не хожу, ступенчатый пандус там без перил, сойти не могу. В «Историчку» тоже путь заказан – метро с пересадками. Позже и вовсе приключилась беда – стал ни с того ни с сего падать в обморок. Три раза так припадки случались на улице, домой еле доводили добрые люди. С тех пор никуда не выхожу и занимаюсь дома, по возможности, – голова вроде бы не повредилась. А вот дойти до соседней улицы – проблема. Как-то раз Елена Цезаревна говорит по телефону, что для меня она держит два выпуска «Солженицынских тетрадей», как бы передать? Сама тоже не выходит – ноги не слушаются, при случае с кем-то передаст. А «с кем-то» не получилось, так и остался без тех заветных «Тетрадей». Поговорили еще, коротко повспоминали. А потом кончина славной Елены Цезаревны, женщины поистине святой, так сказали на ее похоронах. К моему несчастью, там я не мог быть и только переживал. В душе ношу образы этих двух по-своему совершенных людей, живших для других и меньше – для себя. Так смыкается бытие земное с небесной вечностью.

Август 2016 г.

БИБЛИОГРАФИЯ

НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧ НАДЕЖДИН (1804–1856): МАТЕРИАЛЫ К БИБЛИОГРАФИИ

Вступительное слово

Николай Иванович Надеждин (1804–1856), многосторонний ученый, видный литературный критик и теоретик художественных искусств, проявил себя еще и как талантливый этнограф и христианский религиовед – его труды внесли значительный вклад в освоение памятников народной культуры. Современники ученого отмечали в нем исключительное трудолюбие, сильный ум и склонность к тщательному изучению источников. Н.И. Надеждина по праву считали ведущим университетским педагогом, лекции его по теории изящных искусств студенты старательно записывали, отдавали ему на проверку; после исправления неточностей в записях лекции возвращались воспитанникам, после чего поступали на кафедру, где и сохранялись. Так в архивах до наших дней дошли записи, сделанные некоторыми слушателями молодого профессора, в том числе Константином Аксаковым. Впоследствии тепло вспоминали о нем слушатели: Иван Гончаров, Федор Буслаев, Николай Станкевич. Впервые в курс обучения студентов в Московском университете Н.И. Надеждин ввел, как предметы, логику и философию. С этого началось усвоение слушателями умозрительных понятий и научных философских терминов. Мыслящий педагог все глубже вникал в научные проблемы, не оставляя, впрочем, и литературных занятий. А начались они с юных лет, когда его самородный талант только что стал проявляться в глубинах русской действительности.

Село Белый Омут Зарайского уезда – родина Николая Ивановича Надеждина – и было обыкновенной глубинкой Приокской земли, связывающей Рязанскую и Московскую губернии. Семья будущего ученого – священническая в ряде поколений. Отец Иоанн служил в Преображенской церкви, был он сперва причетником и с течением времени наречен диаконом, а затем и священником. Духовное сословие – самое бедное на селе. Сами и пахали, и сеяли, и за дровами ездили, как все крестьяне. И в бесправии отличия не было – помещик мог сельского батюшку наказать по своему произволу. Несмотря на бедность и бесправие сельский священник Иоанн сам, как мог, постигал книжную премудрость: в его доме были светские книги, купленные им на ярмарках, зачитанные кем-то и даже без обложек, но новый их читатель все это бережно хранил и приохотил к чтению ребенка. Николенька с увлечением поглощал старую литературу, пора отдавать его и в учение. Десятилетние мальчики из духовных семей обычно поступали в духовное училище, а потом в семинарию. Николай Надеждин так все быстро схватывал из грамоты, что Рязанский архиепископ Феофилакт (Русанов) его быстро направил в семинарию. Но средств держать сына в губернском городе у отца Ивана не было, тогда этот просвещенный и хорошо пишущий полемические книги владыка распорядился, чтобы семинаристу Надеждину оставили на время учения жалование причетника, получаемое им в своем селе Белый Омут. На том и сошлись. Так стал Николай Надеждин семинаристом. Кстати, свою фамилию он получил в семинарии, а до того семья о. Иоанна прозвывалась по месту обитания – Беломутские. Владыка Феофилакт присвоил семинаристу фамилию «Надеждин», возлагая на воспитанника надежду. По латыни эта фамилия звучит как «Сперанский». Такова была практика духовных заведений.

Освоив быт губернского учебного заведения, Н. Надеждин именно здесь начал разворачивать свои редкие способности к языкам, отечественной словесности, к усвоению богословских предметов – риторики, философии, истории, географии. Поощрялись здесь переводы и переложения, увлечение классиками. В 1817 г. преосв. Феофилакт переведен в Грузию, а в Рязань назначен Сергий. Разумеется, Надеждин боялся, как бы новый начальник не лишил его причетнического дохода, присыпаемого из родного села.

Но преосв. Сергий все оставил как было. Получив от правления хороший аттестат и письменное ходатайство от начальства, 16-летний богослов Николай Надеждин был направлен в Москву, чтобы поступить в Духовную академию. Выдержав строгий экзамен, молодой богослов без труда прошел в классы высшего ученого заведения, на студенческую сносную жизнь рязанское начальство сохранило за ним причетническую плату, получаемую с родины от Преображенского храма. Учение в Духовной академии устремлялось в эту пору на новую высоту: воспитанники знакомились с трудами западных философов, с сочинениями Канта, Шеллинга и Фихте, делался упор на разработку источников и чтение подлинников на греческом и древнееврейском языках; схоластика предыдущих лет значительно ослабла. Философия веры примиряла церковное учение с накопленными знаниями о действительном мире. Выдающиеся ученые, профессора академии В.И. Кутневич и Ф.А. Голубинский, раскрывали перед студентами высокое значение науки, развивали в них тягу к основательному мышлению. Особо подчеркивалась в лекциях важность постижения начал древней мудрости. Федор Александрович Голубинский проникновенно и с поэтическим вдохновением излагал идеи древних философов Востока, раздвигая умственный горизонт слушателей. С живым одушевлением преподавалась в академии словесность, вводились в научный обиход образцы прозы и поэзии литераторов нового времени.

Талантливый самородок Николай Надеждин выделялся среди сверстников способностями к углубленным церковно-историческим исследованиям. Профессор Ф.А. Голубинский внимательно опекает его, приобщает к сотрудничеству. Для начала поручено юноше потрудиться над исследованием, посвященном символу Премудрости Божией, освоенному в Софийском храме Константинополя и чтимому издревле на Руси. Другое задание преподавателя Ф.А. Голубинского студенту Н. Надеждину – переложение «Гимнов Орфея», с пояснениями, сличением с античным оригиналом и немецким переводом Фосса – он считался образцовым. Со всем этим успешно справился юноша-богослов. В изящной словесности Надеждин тоже преуспевал, его русские тексты из латинских поэтов, Овидия и Лукреция, тоже получились отменными. Несколько охладевал, правда, Николай Иванович к церковному обряду,

к служению он не чувствовал стремления. Так оно и продолжилось. Отказываясь от пострига в монахи, студент Надеждин в 1824 г. на «отлично» сдал все экзамены, но в академии его не оставили – выслушивал монашество. Предстояло магистру-академисту удовлетвориться скромной званием словесника в родной Рязанской семинарии, куда его вернули с назначением на должность профессора риторики и стилистики. Живое общение на уроках и в беседах с учениками быстро сделало молодого педагога известным среди сотрудников заведения, но склонность его к насмешкам, да еще по отношению к духовному начальству, не могла здесь сходить с рук. Пришлось объясняться с епископом, выслушивать разного рода внушения. Надо было увольняться из семинарии и выходить из духовного звания. Получить «вольную» удалось лишь в октябре 1826 г. А дальше что?..

Магистр богословия Н.И. Надеждин крепко задумался: за какое дело ему срочно приниматься, чтобы не потеряться в Москве? Помог случай: молодой философ, к счастью, встретил здесь своего земляка – профессора Медико-хирургической академии И.Е. Дядьковского, которому он был по душе. Приютив Надеждина у себя на квартире, благодетель подыскал ему и место домашнего наставника в старомосковской семье Самариных – обучать подростка Юрия. Впоследствии тот станет знаменитым славяно-филом – Юрием Федоровичем Самариным. Дом Самариных славился не только богатством и доброжелательностью, но и высокой образованностью хозяев. Николай Иванович попал просто в эльдорадо ученых трудов западных мыслителей. Два года подряд он будет тут читать на европейских языках авторитетных историков, философов, ведущих критиков и экономистов. Любознательному академисту помог в усвоении и запас сведений, полученных им ранее. «Эти новые приобретения века настилались во мне на прочное основание, и дело шло своим чередом», – вспоминал Н.И. Надеждин в своей автобиографии. В французском переводе Гизо он читает все 15 томов исторических разысканий Гиббона «Закат и падение Римской империи» и 12 томов «Истории итальянских республик» Сисмонди, да и труды самого Франсуа Гизо всколыхнули интеллект прилежного Надеждина. «Всё это дало мне способы переработать прежний запас исторических моих сведений по новым взглядам. Но и прежнее было во мне заложено так

прочно, что не разрушилось, а только просветлилось и украсилось новою, облагородствованною физиономиею», – читаем в тех же автопризнаниях. В доме Самариных окончательно усовершенствовался в науке даровитый воспитанник академии, став на уровень самых образованных людей своего времени.

К середине 1820-х годов начинает меняться тональность журнальных публикаций. Так, в журнале «Мнемозина» (1824, ч. II) лучшими, чистейшими источниками нашей словесности названы летописи, народные песни и сказания. Вера и отечественные нравы помогут художнику возвысить творческий полет, сблизят его с читателем. «Московский телеграф» Полевого проповедовал идею божественной красоты, разлитую в бесчисленных и разнообразных формах, исключая застывших и окаменелых. Поэзия, скажем, есть самое свободное, неуловимое проявление взволнованной души. Но были тогда и защитники литературных канонов уже устарелых, изжитых. Один из таких упрямых староверов – профессор Московского университета Михаил Трофимович Каченовский (1775–1842), историк, переводчик, известный критик, академик с 1819 г. В истории нашей словесности М.Т. Каченовский больше известен как издатель журнала «Вестник Европы» (с 1805 г.), памятного острой полемикой с молодыми П.А. Вяземским, В.А. Жуковским и др., – спорили вместе о праве романтизма и мистицизма в поэзии. До появления «Московского телеграфа» конкурентов среди журналистов у Каченовского, по сути, не было, и «Вестник Европы» по-прежнему задавал тон в разглашении своих литературных пристрастий. Разумеется, оппозиция такому диктату постепенно зрела в молодых головах, накапливались силы для протesta и отпора литературному педанту. Вот при каких обстоятельствах выходец с Рязанчины профессор И.Е. Дядьковский, восторженный ценитель творческих задатков Н.И. Надеждина, пристроил его, 23-летнего уравновешенного земляка, сотрудником в «Вестник Европы» М.Т. Каченовского. Появился новый критик, со свежими силами и самостоятельным мышлением. С 1828 г. Надеждин помещает в «Вестнике Европы» ряд статей за подписью: «Никодим Надоумко», или «С Патриарших прудов». Резкий тон обзора современных литературных явлений, с заголовком «Сонмище нигилистов», задевал многих обидчивых поэтов, вызывал их на споры. Но даже и более спокойные и зрелые его критические

разборы, такие как «Граф Нулин», «Полтава» или седьмая глава «Евгения Онегина», вызывали в публике возмущение и неприятие критика. Читатели негодовали, не улавливая тепло, с каким писались эти разборы творений литературного кумира. Для многих оскорбителен был сам факт – сотрудник М. Каченовского, воспитанник духовных заведений, «поучает» светских служителей муз. Посыпались эпиграммы. Возмущали и настойчивый заносчивый тон, и невиданная разносторонняя эрудиция молодого критика, и его независимая поза журналиста.

Следующий год, 1830, для Н.И. Надеждина оказался решающим – он полностью ушел в науку, отступив подальше от литературных войн. В 1830 г. он напечатал на латинском языке свой крупный ученый труд «О происхождении, природе и судьбах поэзии называемой романтической», чтобы представить его на соискание докторской степени. Большие фрагменты этой работы печатались на русском языке в журналах «Вестник Европы» и «Атеней». При содействии профессора М.Т. Каченовского и личном вмешательстве министра К.А. Ливена богословскую степень Н.И. Надеждина, полученную в Духовной академии, приравняли к светской магистерской. Публичная защита диссертации состоялась в Московском университете 24 ноября, и после ее утверждения Ученым советом доктор Н.И. Надеждин мог преподавать на этико-филологическом отделении, где до него трудился классицист А.Ф. Мерзляков, крупный переводчик и словесник старого пошиба. Новому профессору поручено издавать «Ученые записки» университета, он стал секретарем Совета и вошел в состав ученых комиссий.

Самым замечательным начинанием профессора Н.И. Надеждина как издателя был, безусловно, выпускавший с 1831 г. журнал «Телескоп». Печатался он в Университетской типографии под началом ректора А.В. Болдырева.

«Телескоп» появился в пору закрытия ряда московских журналов: перестали выходить «Вестник Европы», «Московский вестник» и «Атеней». Оставались только «Московский телеграф», с колкостями Н. Полевого, и журнал современного просвещения «Телескоп» Н. Надеждина. Петербургская журналистика целиком в руках Н. Гречи и Ф. Булгарина, глашатаев старых, дряхлеющих позиций торгового принципа, чуждого новым запросам культуры.

Со свежими силами Надеждин берется делать свой «Телескоп» и приложение к нему – газету «Молва» – с позиции глубоко продуманной. Историзм в его публикациях отмечен новыми взгляда-ми, словесность – изящная литература и острые критика – привле-кают мастерской подачей искусствоведческих проблем, обзоры памятников прошлого написаны вдохновенно и тонко, с большим тактом и знанием дела. К «Телескопу» приникли самые зоркие зрите-ли – мыслящая публика и неравнодушные современники. А главное, журнал украшен произведениями М. Загоскина, А. Кольцова, Ф. Тютчева, К. Аксакова; памфлет А. Пушкина против Ф. Булгари-наставил точку в неприязненных отношениях поэта к сподвижнику Каченовского, журналисту и ученному. Глубокие, содержа-тельные лекции Н.И. Надеждина, его периодика обеспечили ему широкую известность в качестве руководителя наших идеалистов 1830-х годов.

Н.И. Надеждин много ездит по губерниям с проверкой каче-ства обучения в подведомственных школах, помогает учителям выправить их обеспечение в уездах. Тверская, Тульская, Рязанская и Московская губернии обследованы, и выводы доложены мини-стру Уварову. А за поддержку школьного дела и личное участие в улучшении обучения он отмечен Высочайшим благоволением и деньгами.

Ученое сословие – бедное, хотя работает не разгибаясь, с ним не считается избалованное общество, им помыкают двулич-ные аристократы-сановники и чиновники со связями. Вот и приходится университетским профессорам устраиваться еще и настав-никами детей в богатые дома. Один из них принадлежал семье Сухово-Кобылиных.

Этот дом славился в Москве, не столько хлебосольством, сколько как центр притяжения всех культурных сил. В салоне Сухово-Кобылиных постоянно встречались для бесед и жарких споров мыслители разного толка – историки, философы, литера-турные критики, театральные деятели. Хозяин дома, Василий Александрович, генерал, герой войны с Наполеоном, больше мол-чал, а душой общества была его жена, Мария Ивановна, урожденная Шепелёва. Приятная наружностью и острые на язык, приветливая и властная – настоящая наследница аристократов-крепостников – она к тому же отлично разбиралась в культурной ситуации мос-

ковского быта, владела познаниями в искусствах, особенно в театральном. К своим подрастающим детям Сухово-Кобылины приглашали наставников, в основном из профессоров университета, каждому из них предоставлялись отдельные комнаты в доме, будь то у Красных Ворот или в центре города, напротив Страстного монастыря. К Елизавете, взрослеющей девице, склонной к интересам многогранным, пригласили наставником профессора Николая Ивановича Надеждина, известного в их салоне своими дарованиями, остроумного, несколько насмешливого и весьма симпатичного и тактичного. Вместе со своей ученицей они переводили кое-что из французских новинок, занимались классиками, античными и европейскими, увлеченно вели литературные студии по русской словесности, читали новейшие стихи и прозу. С другими детьми занимались другие педагоги. Летом все отправлялись в подмосковную усадьбу Воскресенское, на роскошные угодья. Здесь, вдали от родительского присмотра, и состоялось объяснение 31-летнего Николая Ивановича с 19-летней Елизаветой Васильевной Сухово-Кобылиной (1815–1892) об их взаимном чувстве привязанности друг к другу, о мечтах быть навсегда вместе. Елизавета Васильевна преподнесла восторженному суженому кольцо, в знак нерассторжимой симpatии.

Но одно дело – чистые чувства, другое – предрассудки. Когда старшие Кобылины узнали о сговоре молодых людей, они пришли буквально в бешенство: как это возможно, чтобы их дочь, аристократка, да за этого поповича, по существу, разночинца! – никогда тому не бывать! В расчет не брали ни ученость, ни самовоспитанность Надеждина, ни его литературные таланты – он чужой по происхождению, и какое это замужество?! Для Николая Ивановича настала пора жестоких испытаний. Он полагал, и с ним соглашалась его избранница, что надо пока оставить науку и срочно устроиться на престижную светскую должность. Помочь могли бы его друзья, Княжевичи, близкие к придворным сферам. Весенними днями 1835 г. он в Петербурге в хлопотах по личным делам. Настроение его ужасное, задушевные друзья переживают вместе с ним: С.Т. Аксаков и М.П. Погодин – в Москве, братья Княжевичи и В.А. Жуковский – в Петербурге. В доме Кобылиных ему отказано, свой журнал «Телескоп» он поручил вести своему слушателю, Виссариону Белинскому, и друзьям-сотрудникам; от возможности

занять должность вице-губернатора его отговорили – без взяток не обойдешься, а он совестью не поступится. Надо ждать. Чтобы скрасить его долю, близкие ему люди советуют съездить за границу, успокоиться от терзаний.

В конце 1835 г. Николай Иванович прибыл во Францию. Острый, просвещенный взгляд на жизнь другого народа, неистребимая жажда знаний и новых впечатлений укрепили его силы и дух. Авторитетный профессор предметов классической древности, филологии и эстетики по мере знакомства с парижской действительностью отмечал в дорожном дневнике все, что видел, о чем размышлял. Описания яркие: под его пером оживали наблюдения из жизни разных слоев французского общества, а жизнь здесь не умолкала ни днем ни ночью – в стенах этого великого города творилась европейская культура. Скромность и даже бедность существования неимущего люда, пресыщенность богачей, стяжательство и расчетливость третьего сословия – мещан, характерная для французов всеобщая безунывность – ничто не оставалось незамеченным и неосознанным; Надеждин вкладывал в свои путевые записи как бы частицы себя – наблюдателя даровитого, движимого добросовестным познанием.

Статья «Впечатления Парижа» им посвящена современной французской литературе. Ведь Париж втягивал в свое чрево все таланты, в первую очередь литературные. Здесь возвышалась слава Бальзака, Гюго и Дюма, всходили на небосклон словесности созвездия талантов, особенно яркие среди стихотворцев – Беранже и Бодлер. В литературе отразились предпочтения французского общества, размежевавшегося на партии социалистов, сторонников общественных преобразований, и в противоположность им – роялистов, ратующих за возвращение монархии, и над всеми – крепчающая в силе буржуазия, требующая удовольствий и зреящих. И каждая из партий получила в руки соответствующие книги. Но нашего ученого больше интересовали мыслители, уцелевшие после очередной, июльской революции. И в первую очередь его привлекла личность историка и социолога Франсуа Гизо (1787–1874), чьи труды Николай Надеждин тщательно штудировал в доме Самариных.

И вот теперь он имеет возможность лично видеть и доверительно беседовать с этим мыслителем и прагматиком, и не в Сор-

бонне, где тот преподавал, а в небольшом его домике, где он скромно жил. Такого умного собеседника из России Франсуа Гизо увидел впервые, и встречей оба остались довольны. В литературе Франция по-прежнему оставалась законодательницей новых течений, модных приемов письма и изысканного вкуса. Не почувствовал здесь Н.И. Надеждин разве что тяги к коренным глубинам, находящимся в простонародной среде – первейшем сегменте любой цивилизации.

Возвратившись в Москву, ученый обнаружил, что его журнал «Телескоп» выходит вовремя и его линия выдерживается, дорожные впечатления о Париже спешно набирают – вышли в свет в январском номере «Телескопа» за 1836 г. Но пересуды о его интимных чувствах выносились из узкого круга на публику и задевали Н.А. Надеждина особенно больно. Злобная клевета, распускаемая в столице братом нареченной, Александром, обрастила дикими домыслами, чистые отношения молодых людей грязнились.

Близкие друзья Николая Ивановича, Михаил Максимович и Сергей Аксаков, убеждают Надеждина еще съездить в европейские края. Выбор пал на Германию, там на землях вдоль Рейна он воочию познакомится с древними памятниками культуры, о чем когда-то мечтал для оживления своих лекций по эстетике. Поездка ученого продолжалась с конца марта до середины апреля 1836 г. Свои путевые впечатления Надеждин заносит в дорожный дневник – записи вскоре легли в основу очерка «Путешествие по Рейну», напечатанного без подписи в «Телескопе» (№ 3, с. 494–573), носящего отпечаток его ума и таланта. Очерк «Путешествие по Рейну» насыщен множеством важных сведений, почерпнутых в длительном пути вдоль Рейна, посуху и по воде, пронизан восхищением этой великой немецкой рекой, взломавшей горные громады и вольно пересекающей исторические германские земли. Здесь зарождалась исконная немецкая цивилизация и возвышался, укрепляясь, народный дух, формировался характер нации. Русский ученый, энергичный и полный жажды побольше узнать, лично засвидетельствовал все виденное, сумел живо и колоритно передать непосредственные чувства изумления и восторга, полученные от встреч с величественными памятниками природы, поражающими воображение, и с теми шедеврами произведений мудрости и усилий труда человека, накопленными здесь за века. Этот вдохно-

венный очерк Н.И. Надеждина поистине стал кладезем для любознательного отечественного читателя, из него он почерпнул ценные реалии жизни природы того края и людей многих поколений, обитавших в благоприятной среде. Пафос всего, что увидел и почувствовал путешественник, мастерское письмо даровитого литератора так сильно ощущаются читателями, будто они сами побывали в горном kraю и воочию испытали вместе с путешественником это восхищение величием утесов с их гремящими водопадами и душевно насладились тишиной задумчивых долин. Позже, путешествуя по Славянским землям, автор еще рельефнее опишет виденное там, включая в текст и беседы с дружественными людьми. Но то будет потом.

А пока, когда он вернулся в Москву, для него продолжились нравственные испытания. И вот удар уже под самое сердце: Елизавету Васильевну увозит мать в Испанию, чтобы там выдать замуж. Мечта Н.И. Надеждина ускольззала, жизнь для него потускнела. И нареченная также мучилась под жестоким родительским гнетом, Елизавета Васильевна теряла самообладание, у нее участились нервные срывы. Вместо счастья, о котором так мечталось, оба получили страдания и... мучительную развязку – Елизавету Васильевну мать выдала замуж за французского графа Салиаса. Прилежная ученица Н.И. Надеждина вскоре начнет и сама писать, публикуя свои произведения под псевдонимом «Евгения Тур». Так что в истории писательского сословия эти русские таланты уже никому не разлучить.

Летом 1836 г. Николай Иванович Надеждин стал появляться в знаменитом Английском клубе, на Тверской. Там собирались не одни аристократы, но и московские профессора, мыслители разных направлений, видные литераторы и поэты. В беседах, а кто и за картами, просиживали за полночь. В этом-то клубе и состоялось сближение Петра Яковлевича Чаадаева с Николаем Ивановичем Надеждиным. Чаадаев негодовал, что написанные им «Философические письма» никто у него не берет – опасаются издавать, а почему – и сами толком не знают. Николай Иванович заинтересовался этим вопросом. И тут же получил из рук Петра Яковлевича пачку писем. Надеждин наскоро пробежал глазами одно из них и все взял с собой. Дома он внимательно прочел полученные письма, они пришли ему по душе парадоксальностью посылок, острые

проблемы прикрывались частными суждениями. Жесткая критика господствующей церкви, по его мнению, из-за пренебрежения элементами европейского прогресса, выработана идеологами католицизма. Это и все другое было сказано в первом философическом письме. Надеждин, с зароненным в него с юности скепсисом к общественному служению духовенства, убитый личным горем, в чем-то соглашался с Чаадаевым, а многое отвергал. Но потребность в обновлении гражданской позиции критиков, расширении общего горизонта их исследований чувствовал и сам. Вот и решил – письмо печатать, предварительно показав ректору, в чьем ведении находился университетский «Телескоп». Напечатано в октябре в 15 номере журнала. Крамольное письмо П.Я. Чаадаева взрывом отдалось по России. Его читали, возмущались, рассержен был и сам император Николай. Назначили строгое следствие, Н.И. Надеждина посадили на гауптвахту, «Телескоп» закрыли. Окончилось все это приговором: редактора сослать, автора философического письма П.Я. Чаадаева объявить сумасшедшим и держать дома под надзором врачей, ректора университета А.В. Болдырева допросить – и в отставку.

Николая Ивановича приговорили к ссылке в Усть-Сысольск, в край холода и заболоченных дебрей, с прожиточным пособием 40 коп. в день. Как ни тяжел был гнет, но ученый не пал духом. Он настраивал себя на то, чтобы жить полноценно и в тяжелых условиях и поменять все свои творческие устремления: от журналистики отказаться и сосредоточиться на краеведческих разысканиях, благо что право печататься у него не отняли. Здесь, в первозданных дебрях, он неустанно ходит, чтобы ближе узнать жизнь племени зырян (теперь его называют коми). Изучая быт зырян, он собирает сведения об охотничьем их промысле, рыбной ловле и о сборе ягод, грибов и орехов. Расспрашивает народных врачевателей: как и чем лечат? Особенно интересуют опального ученого язык и верования зырян, их представления о мире и то, как это выражено в натуре. Так создается принципиально новая его статья «Народная поэзия у зырян» – первый этнографический труд, посвященный дотоле малоизвестному российскому племени, затерянному в суровом нехоженом северном kraю. И вспоминается в связи с этим стихотворная строка Фета: «К зырянам Тютчев не придет». Тютчев-то и не пришел, а Надеждин во все судьбы сюда

пришел и здесь жил, занимаясь интенсивными поисками знаний о полюбившемся ему симпатичном племени.

Ученый мыслит широко. Он пишет обширные историософские статьи «Об исторической истине и достоверности», «Опыт исторической географии Русского мира» и обзор исторических трудов отечественных историков. Принципиальна и его публикация «С чего должно начинать историю?», напечатанная им в «Литературных прибавлениях к Русскому инвалиду» (1837, № 13–14). Ссыльный Надеждин, живший в плохо протопленном помещении и находящийся вне привычного интеллектуального общения, нашел в себе силы интенсивно сотрудничать в выпусках многотомного «Энциклопедического лексикона» Плюшара. Сотрудничество будет настолько плотным, что лишь для четырех томов (9–12) Николаем Ивановичем будет написано и опубликовано 120 статей на букву «В». Среди них монографические – «Великая Россия», «Восточная Кафолическая Церковь». Теперь для него вопросы религии, особенно православной, стали близки и жизненны. Историю страны, отечествоведение (этнографию), религию надо изучать и рассматривать в сочетании с истинными сведениями. Когда вспышка негодования властей по отношению к издателью «Телескопа» начала терять силу, пора было похлопотать и о послаблении режима ссылки. Благодаря заступничеству друзей и прощению самого узника опальному ученому Н.И. Надеждину было разрешено из совсем суровых условий первобытного края перебраться в губернский город Вологду. Отметинами холодов Крайнего севера остались серьезная простуда и ревматизм суставов ног. Некогда быстрый ходок, теперь Надеждин передвигался с помощью трости. Но душой Николай Иванович все такой же – увлеченный наукой и мыслящий широко, хотя его общение с людьми сужено и однообразно. В «Лексиконе» он пишет о северных реках Вымь и Вычегда, о самой Вологде и губернии отдельные разыскания.

Наконец пришло царское прощение. Через полтора года тяжелой ссылки ученому разрешили жить в столицах, чем он и не преминул воспользоваться. Пробыв недолго в Петербурге, Николай Иванович отправился в Одессу, где с помощью друзей мог продолжить журнальную деятельность: ему доверили вести выпуски «Одесского альманаха» – заглавного печатного рупора Новороссии. Не критика и эстетика теперь рассматривались им,

а настоящая и прошлая жизнь русского народа, его историческая судьба и достояние самобытной культуры. Яркие, впечатляющие очерки стали постоянно появляться на страницах «Альманаха», излюбленная тема – Крым, куда на Сакские грязи Николай Иванович ездил лечиться от ревматизма, тогда же он осмотрел и в подробностях изучил природные и культурные памятники полуострова, завязал знакомства с учеными людьми. Начиналась новая полоса в творческой биографии Н.И. Надеждина – этнографическая. Словом «начиналась» не совсем точно помечен этот период познания земных пределов как внутри Отечества, так и за его пределами. Еще будучи редактором московских изданий, он весьма обстоятельно поведал о своих впечатлениях от поездок по зарубежью. Но с Крыма открывался обширный цикл публикаций о научных разысканиях в сочетании с собственными впечатлениями – новый уровень познания края.

В Одессе Н.И. Надеждин, помимо чтения лекций в Ришельевском лицее и выпуска «Одесского альманаха», где помещались капитальные статьи по истории и древностям Новороссии, готовит к печати еще и книжки «Новороссийского календаря», насыщенные новыми важными сообщениями, интересными и за пределами этого края. А в апреле 1839 г. в Одессе возникло Императорское общество истории и древностей, которое сразу выдвинулось на второе место после московского – так велик был научный потенциал состава действительных членов и соревнователей этого учреждения, так четко была определена программа занятий и очерчен круг исследований, что общество смогло сразу же включиться в общие усилия познавать Родину. Николай Иванович Надеждин – душа этого научного содружества и личный друг Дмитрия Максимовича Княжевича, попечителя Одесского учебного округа и президента Одесского общества любителей истории и древностей. Тогда-то и возникла у них мысль посетить Сербию, родину отца Княжевичей, почувствовать дух этой славянской православной страны.

Поездку наметили на май-июнь 1841 г. Конечно, сообща они волновались и определяли пути следования. Ехали вдвоем: Дмитрий Максимович Княжевич и его сподвижник, Николай Иванович, задание – собрать сведения о предках этого рода, изучить прошлое славянского края, прочувствовать быт и культуру сербов. Сопро-

вождал гостей из России Вук Караджич, к тому времени уже прославленный фольклорист, знаток сербских народных песен. Незамысловатый экипаж двигался на юг Балканского полуострова, к отрогам Альпийских гор, пометивших хребтами и теснинами замкнутые долины с приютившимися там селениями. Границы Кроаты, военная граница – заслон южных славян против османов. Сила, выдержка и храбрость от века были присущи пограничным воинам. Их оплот Крбава и Лика – родина Княжевичей, и живут они здесь и славятся вот уже 500 лет.

Трогательны были встречи с родственниками Дмитрия Максимовича в селах Удбина и Мутиличи. Об этом хорошо рассказал Н.И. Надеждин в своем дорожном дневнике. Пограничник, по местному граничар, – «природный воин, и вместе не только оседлый домохозяин, но и свободный землевладелец». Живут граничары семейными общинами, с подчинением старейшим, или господарям, наблюдающим за внутренним бытом и благочестием родных. Здесь добрый порядок и согласие. Села одной местности объединяются в полки, имеющие свои отличия в одежде: так, Личский полк носит мундиры темного цвета. «В особенности насчет Личан, – говорит Н.И. Надеждин, – должно прибавить, что между своими братьями граничарами других полков они представляют как будто особое племя, особую породу, отмеченную резкими чертами, физическими и нравственными. Народ чрезвычайно рослый, статный и здоровый – созданы богатырями. Они готовы на всякий подвиг, не боятся никаких опасностей и препон. С тем вместе удивительно как просты и добродушны, когда не в поле, не перед врагом: они точно дети, у домашнего очага, среди своих семейств... Они беспрепредельно привязаны к своей родине, к отеческому языку и прародительской вере». Таковы односельчане отца Дмитрия Максимовича и всех братьев Княжевичей, нашедших свое место в братской России. По признанию самого Н.И. Надеждина, труд его о полной истории рода Княжевичей, составленный «со всею роскошью примечаний», доставил ему истинное удовольствие. Напечатан был в Одессе в 1842 г. крохотным тиражом, в основном для семьи Княжевичей. И первый экземпляр своей книжки Николай Иванович преподнес Елизавете Алексеевне, матери Княжевичей – этого славного обрусевшего рода. В дарственной надписи автор вывел: «Вам, праматери Княжевичей в России, посвящает описание

происхождения и распространения Рода Княжевичей исполненный безпредельной преданности к Вам и ко всем Вашим, Н. Надеждин».

Поездка в Сербию была для Дмитрия Максимовича прощальным визитом. Осенью 1842 г. по дороге в Санкт-Петербург, куда он повез бумаги по преобразованию Ришельевского лицея в Новороссийский университет, великий труженик просвещения Д.М. Княжевич внезапно скончался в полтавском селе Великая Буромка, имении дочери графа Сперанского. С потерей задушевного друга и сподвижника окончился Одесский период жизни Н.И. Надеждина. Предстоял Петербург и новое научное поприще.

Оно будет связано с подготовкой и выпуском «Журнала Министерства внутренних дел», издания многостороннего, с обширной программой материалов к познанию своего Отечества с его культурными и религиозными потребностями. С самого начала, с 1842 г., Н.И. Надеждин помещает в доверенном ему журнале капитальные статьи: «Северо-Западный край Империи в прежнем и настоящем виде», «Армяно-григорианская церковь» и «Гиржавский монастырь в Бессарабии», где он недавно побывал. Теперь ученый числится чиновником особых поручений. В его обязанности входит изучать состояние религиозных сект. Николай Иванович сосредоточил внимание на скопцах и собрал об их быте и изуверских обрядах порядочный материал. Затем для внутреннего пользования составлялась записка на имя министра Льва Алексеевича Перовского, печаталась в считанном числе экземпляров (до 20), после прочтения возвращалась в секретный отдел. Разрабатывались меры по искоренению вредоносных раскольнических сект, выявлялись главные их гнезда как внутри страны, так и за рубежом. Аналитические записки чиновников этого комитета министерства, в частности за подписью Павла Ивановича Мельникова (Печерского), сподвижника Надеждина, сохранились в архиве. Все они носят следы глубокого проникновения в суть разрабатываемых вопросов, предлагают продуманную систему мер по сдерживанию разворачивающего влияния сектантов. Деятельность секретного комитета была инициативной в Министерстве внутренних дел лишь в пору управления Л.А. Перовским (до 1852 г.), затем она ослабла, важные документы были расхищены, часть из них пропала совсем, некоторые позже всплыли за границей. Так,

в 1860 г. в Лондоне В. Кельсиев, корреспондент А.И. Герцена, публикует сборники правительственных сведений о раскольниках, и записка Николая Ивановича Надеждина 1846 г. «О заграничных раскольниках» появится там во втором сборнике. Так ценный для историков документ сохранился полностью, явившись копией подлинника.

Необходимо отметить заслугу Н.И. Надеждина в издании «Журнала Министерства внутренних дел». Это был солидный печатный орган, освещавший разные стороны русской жизни, причем в руках Надеждина он сделался журналом влиятельным и материалы, помещаемые в нем, носили принципиальный характер. В своих основательных статьях Николай Иванович исчерпывал взятую тему, все его публикации сработаны добротно, убедительно. Весьма ценные в познавательном отношении его объемное «Исследование о городах русских», а также «Новороссийские степи», «Город Зарайск в старину и ныне» и др. В руках ученого ведомственный журнал превратился в достойный научно-художественный орган, в нем публиковались крупные авторитеты из разных областей знания. Блестящая литературная обработка текстов – это несомненная заслуга редактора. Работа над внушильными томами журнала отнимала у Н.И. Надеждина основное время, зато и остались они образцовыми среди всех номеров выпуска. Не прерывал Н.И. Надеждин и свое сотрудничество в «Записках Императорского одесского общества истории и древностей».

В эти годы действительный тайный советник Николай Иванович Надеждин, чье статусное положение теперь поравнялось с генеральским, полностью перешел на путь познания жизни своего народа. Наука, двигателем которой он стал, – народоведение, или этнография, – только оформлялась. Ею усиленно стали заниматься ученые в стенах созданного Императорского русского географического общества (РГО). Н.И. Надеждин по праву может почитаться отцом-основателем этого замечательного научного учреждения. Здесь маститый ученый возглавил отделение Русской этнографии. В круг сподвижников вошли соратники по прежнему поприщу – Владимир Иванович Даля и Павел Иванович Мельников. Тогда же к ним подключился славист Измаил Иванович Срезневский. Необходимо было создать повременные издания общества, разработать

программу для сабирания этнографических сведений. Такую программу разработал Н.И. Надеждин, она была издана большим тиражом в 1847 г. и разослана во многие губернии, где вызвала горячее сочувствие в самых разных слоях населения. В результате в общество стали стекаться уникальные сведения о жизни простонародья, и эти сведения вплоть до нашего времени служат основой исследований по фольклору, быту сельских ремесленников и профессиональной лексике. Свой труд «Об этнографическом изучении русского народа» помещает во второй книге «Записок Русского географического общества» (1847). Для любителей доставлять этнографические описания в общество была издана программа отдельными листками и рассыпалась на места огромным тиражом. Н.И. Надеждин был составителем и редактором первого «Этнографического сборника» (1853), участвовал в «Вестниках» общества.

Познать свою Родину во всем ее историческом и духовном величии для людей мыслящих, любящих свое Отечество и свой народ, – задача насущная. Именно такой она и представлялась деятелям РГО со дня его основания. Физическая география, этнография, лексикология, статистика – все эти науки отвечали целям отечествоведения в России, сопровождая исследования для познания натуральной жизни народа в окружающем мире. Преемственность памяти и живая старина – все запечатлевалось учеными и доброхотами. И потекли в общество, в Петербург, в прямом смысле сокровища записей пословиц, поговорок, примет, народных загадок, духовных стихов, былин, а также говоры и толкования обиходной речи мастеров и землепашцев. Несметные сокровища пополнили ученый архив Русского географического общества, и основоположники этого всенародного направления навсегда останутся в истории как хранители народной души, богатой дарованиями.

Одна из важных статей Николая Ивановича Надеждина носит название «О русских народных мифах и сагах», с подзаголовком: «В применении их к географии, и особенно этнографии русской». Работа состоит из двух частей, и представлялась она перед действительными членами РГО в разное время: первая часть – на общем собрании 23 января 1851 г., а вторая – 30 ноября, год спустя. Разумеется, ученый поначалу дает определение: в чем заключа-

ется различие между мифами и сагами, и как они соотносятся с жанрами русского народного творчества? Прежде всего, миф – фантазия умозрительная; скажем, былички о нежити – все это плод воображения. А саги – повествования, с указанием конкретных персонажей и с пометой времени; мы это называем – былина или «бывальщина». К ним также относятся духовные стихи, такие как «Стих о Голубиной книге». Сказители пели былины, странники и калики переходящие – духовные стихи. Рассматривая «Стих о Голубиной книге», исследователь приводит строки о бел-горюч Латырь-камне и даже строки о море Латырь. Что за камень такой, что за море такое? Оказывается, обо всем этом прикровенно поведает «Голубиная книга». Латырь-камень – чудесная драгоценность янтарь, а море Латырь – Балтийское, где добывали загадочный янтарь с времен незапамятных, этот камень был знаком еще античным грекам, и назывался он там электрон, а в Прибалтике, к примеру у литовцев, его до сих пор называют гинтарас, созвучно нашему слову янтарь. Янтарное, или Балтийское, море после каждого шторма поставляло на отмели янтарь («всем камням отец»); его собирали и им дорожили. А корабельщики даже отправлялись за бел-горюч камнем к местам почти недоступным, к заповедным берегам, где открывали залежи сказочного камня «латырь», по-другому алатырь. Обо всем этом рассказывала «Голубиная книга» – древнейший памятник поэтического сказания наших пращуров о мире природы. Интересно, что в руках Н.И. Надеждина было два списка «Голубиной книги», великорусский и белорусский по происхождению, но одинаковые по содержанию. Ученый открыл источник, подтверждающий бытование географических понятий наших людей в отдаленные времена. Это касалось не только Балтики, а и моря Хвалынского (Каспийского), и Черного, исстари названного Русским.

Общее собрание Императорского РГО 30 октября 1852 г. с интересом слушало выступление председателя Отделения этнографии Н.И. Надеждина «О Русских народных мифах и сагах», а присутствующие тут великие князья, Константин, Николай и Михаил Николаевичи, лично выразили ученому свое восхищение занимательностью и достоинством прочитанной им лекции. Отмечалось также, что любопытные подробности, которыми она была обставлена, и одушевленное красноречивое изложение заслужили

у слушателей всеобщее одобрение. Текст этой статьи вскоре был напечатан в «Вестнике РГО», часть седьмая. Заканчивался труд обобщающим выводом автора: «В наших народных сказках и баснях, несмотря на то, что это басни и сказки или, лучше, потому именно, что это басни и сказки, Русский старинный человек высказывал сам себя во всей, как бы сказать, подлинности своей Русской натуры, со всеми особенностями и оттенками своих природных качеств. Изучать эту простую, искреннюю, задушевную исповедь Русского человека о самом себе, значит – изучать самого Русского человека, по самым верным данным, какие мы имеем о его давно минувшей старине». Далее Николай Иванович Надеждин остановился на светлых сторонах натуры русского человека, составлявших его прирожденное достояние: «Смышленность, предприимчивость, веселое, добродушное самодоверие, не переходящее, однако, в самонадеянную хвастливость, смирное терпение и благодушная покорность судьбе во всех житейских обстоятельствах, горячая любовь к Родине, приверженность к своей вере – вот качества, с которыми Русский человек безотлучно является в преданиях своей старины!»

Деятели Русского географического общества с самого начала результативно потрудились для сбора огромного свода народной мудрости и поэтических вымыслов, который не забыт и поныне. Без трудов могучей когорты «Ивановичей» – Владимира Ивановича Даля, Измаила Ивановича Срезневского, Павла Ивановича Мельникова-Печерского; все они были соработниками и друзьями Николая Ивановича Надеждина. Несколько выпал из когорты «Ивановичей» Александр Николаевич Афанасьев, автор «Поэтических воззрений славян на природу» и сборников русских сказок, но он также получил из рук «Ивановичей» немало важных текстов для своих книг.

Напряженная научная работа и личная неустроенность Н.И. Надеждина пошатнули его здоровье, и беда подступила внезапно – первый инсульт застал ученого на прогулке. Прервалось написание автобиографии для «Словаря профессоров Московского университета», подготавливаемого проф. С.П. Шевырёвым. В этом уникальном справочном издании помещались обширные сведения о ведущих преподавателях. Н.И. Надеждин было начато диктовать о начале своего пути в науку, но очередной инсульт все оборвал.

И «Словарь» Шевырёва вышел с короткой справкой о Н.И. Надеждине, составленной коллегами наспех, – подступала юбилейная дата, 100-летие Университета, и на большее времени не было. Прочувствованные воспоминания друзей ученого остались в некрологных статьях. Его обширное литературное наследство не забывалось, но и не собиралось долго. Только теперь появились тщательно подготовленные избранные сборники критических статей Н.И. Надеждина, посвященные литературоведению и эстетике. Эпистолярий и корпус произведений краеведческого и этнографического характера пока не освоен. О жизни ученого лучшей публикацией надо считать книгу филолога-пушкиниста Николая Кировича Козьмина (1873–1942) «Николай Иванович Надеждин. Жизнь и научно-литературная деятельность» (СПб., 1912), охватывающую ранний период его биографии. Теперь это имя стало привлекательным для исследователей отечественной словесности.

МАТЕРИАЛЫ К БИБЛИОГРАФИИ

1828

Промысл человеку. (Из Ламартина). (Стихотв.) // ВЕ. 1828. № 8. Апрель. С. 293–297. Подпись: Н. Надеждин.

О доброте // ВЕ. 1828. № 10. Май. С. 139–145. Подпись: Н.Н.

К республике (Из Горация книг. I. Од. 14). (Стихотв.) // ВЕ. 1828. № 14. Июль. С. 116. Подпись: Н.Н.

Награда Поэта. (Стихотв.) // ВЕ. 1828. № 14. Июль. С. 117–118. Подпись: Н.Н.

О происхождении, существовании и падении Итальянских торговых поселений в Тавриде // ВЕ. 1828. № 15. Август. С. 161–183; № 16. Август. С. 241–271; № 17. Сентябрь. С. 3–29; № 18. Сентябрь. С. 81–107; № 19. Октябрь. (Оконч.). С. 161–190. Подпись: Н. Надеждин.

Песнь Красоте. (Стихотв.) // ВЕ. 1828. № 17. Сентябрь. С. 30–36. Подпись: Н. Надеждин.

Прогулки по Москве (I–II) // ВЕ. 1828. № 17. Сентябрь. Смесь. С. 55–60. Подпись: Л.С. Июль. 1828; № 20. Октябрь. Смесь. С. 300–306. Подпись: Л.С. (Уст. Осовцов).

Жизнь Турнефора. (С Франц.) // ВЕ. 1828. № 20. Октябрь. С. 253–268. Подпись: С Француз. Н.Н.

Литературные опасения за будущий год // ВЕ. 1828. № 21. Ноябрь. С. 3–25; № 22. Ноябрь. С. 81–108. Подпись: Екс-студент Никодим Надоумко. Писано между студенства и вступления в службу, Ноября 22-го, 1828. На Патриарших прудах.

Ижица к Азу. (Стихотв.) // ВЕ. 1828. № 23. Декабрь. С. 187–194. Подпись: Н.Н., уполномоченный от Ижицы.

Отклик с Патриарших прудов. (Письмо Н. Надоумки к Редактору В. Европы) // ВЕ. 1828. № 24. Декабрь. Смесь. С. 300–304. Подпись: Никодим Надоумко. Декабря 22, 1828 г.

1829

Сонмище Нигилистов. (Сцена из литературного балагана) // ВЕ. 1829. № 1. Январь. С. 3–22; № 2. Январь. (Оконч.). С. 97–115. Подпись: Никодим Надоумко. Января 2, 1829 г. На Патриарших прудах.

Воспоминания. (Стихотв.) // ВЕ. 1829. № 1. Январь. С. 22–27. Подпись: Н. Надеждин.

[Рец.] Две повести в стихах: Бал и Граф Нулин. СПб. 1828 // ВЕ. 1829. № 2. Январь. С. 151–171; № 3. Февраль. С. 215–230. Подпись: С Патриарших прудов.

О высоком // ВЕ. 1829. № 3. Февраль. С. 193–215; № 4. Февраль. С. 307–326; № 5. Март. С. 27–49; № 6. Март. (Оконч.). С. 127–143. Подпись: Н.Н. (Белой Омут. 1828).

Заходящему солнцу. Рапсодия. (Из Козегартена). (Стихотв.) // ВЕ. 1829. № 4. Февраль. С. 303–305. Подпись: Н.Н.

Борский, соч. А. Подолинского. (СПб.: в тип. Х. Гинца. 1829) // ВЕ. 1829. № 6. Март. С. 143–151; № 7. Апрель. (Оконч.). С. 200–220. Подпись: С Патриарших прудов. Марта 22.

В типографский ящик Сына Отечества и Северного Архива (1. Образчик наказанного обезьянства. – 2. Ответы Екс-студента Надоумка Г-ну Рыцарю хозяйственного ящика.) // ВЕ. 1829. № 6. Март. Смесь. С. 152–162. Подпись: Ваш покорный слуга Екс-студент Н. Надоумко. Москва. Марта 26, 1829. На Патриарших прудах.

В типографский ящик господ издателей Сына Отечества и Северного Архива (1. Ипполит Междометный Николаю Ивановичу Гречу здравия желает. – 2. Чутье чутью разница. – 3. Замечание на замеченную молодость лет Критика с Патриарших прудов.) // ВЕ. 1829. № 7. Апрель. Смесь. С. 233–243. Подпись: 1. – И.М. Малые Лужники; 2. – С Патриарших прудов.

Хижина на горах Валдайских. (Сцена из Драматической поемы: Михаил Ярославич, Великий Князь Тверский.) (Стихотв.) // ВЕ. 1829. № 8. Апрель. С. 255–265. Подпись: Н.Н. (Белой Омут. 1827).

Полтава, Поэма Александра Пушкина. СПб. 1829 // ВЕ. 1829. № 8. Апрель. С. 287–302; № 9. Май. (Оконч.). С. 17–48. Подпись: С Патриарших прудов. 28 Апреля 1829.

О закрытии Типографского ящика, состоявшего при Сыне Отечества и Северном Архиве, и о прочем // ВЕ. 1829. № 9. Май. С. 57–66. Подпись: С Патриарших прудов. Мая 12.

Иван Выжигин, нравственно-сатирический роман. (Сочинение Фаддея Булгарина. IV части. СПб. В Тип. вдовы Плюшар. 1828 и 1829.) // ВЕ. 1829. № 10. Май. С. 114–133; № 11. Июнь. (Оконч.). С. 197–228. Подпись: С Патриарших прудов. Июня 15, 1829.

Ипполит Междометный Николаю Ивановичу Гречу и паки желает здравия // ВЕ. 1829. № 13. Июль. Корреспонденция. (2.) С. 67–68. Подпись: И.М.

Прогулки по Москве (III.) // ВЕ. 1829. № 13. Июль. С. 70–72; № 14. Июль. С. 139–146; № 15. Август. С. 211–218. (Уст. Осовцов.)

Посещение Театра // ВЕ. 1829. № 15. Август. С. 204–211. Подпись: Л. С. 17 Августа. 1829. (Уст. Осовцов.)

Ночь несчастного под новый год. (Из Картин Жан-Поля Рихтера) // ВЕ. 1829. № 15. Август. Проза. С. 199–203. Подпись: Н.Н.

Об упражнениях будущего оратора. (Из уроков, писанных для воспитанников Рязанской семинарии) // ВЕ. 1829. № 16. Август. С. 241–260. Подпись: Н.Н. Рязань. 1825 года. (Примечание: ошибка пагинации страниц – после С. 230 идет С. 241.)

Жалоба. (Стихотв.) // ВЕ. 1829. № 16. Август. С. 286–287. Подпись: Н.Н. 1826.

В день рождения. (Стихотв.) // ВЕ. 1829. № 16. Август. С. 287–290. Подпись: Н.Н. Июля 11, 1827. Голубино.

Елегия (С Франц.). (Стихотв.) // ВЕ. 1829. № 16. Август. С. 290–291. Подпись: Н.Н. 1827.

(Сообщено). [Диалог между А. и Б. о Сыне Отечества, Северном Архиве и Московском Телеграфе] // ВЕ. 1829. № 17. Август. С. 77–78. Подпись: Θ.В.

Жалоба. (Стихотв.) // ВЕ. 1829. № 20. Октябрь. Стихотворения. С. 291–292. Подпись: N.N.

Пропуски в Северной Пчеле // ВЕ. 1829. № 20. Октябрь. С. 312–313. Подпись: (Сообщено).

Библиографическое известие. [О польском переводе «Ивана Выжигина»] // ВЕ. 1829. № 20. Октябрь. С. 313–316. Подпись: Матюша.

Всем сестрам по серьгам. (Новая погудка на старый лад.) // ВЕ. 1829. № 22. Ноябрь. С. 102–139; № 23. Декабрь. С. 178–211. Подпись: Никодим Надоумко. С Патриарших прудов. 1829. Нояб. 23.

[Рец.] Иван Выжигин, нравственно-сатирический роман, сочинение Фаддея Булгарина. Четыре части. СПб. 1828 // Атеней. 1829. № 5. Май. С. 298–324. Подпись: Истома Романов. (Уст. Осовцов).

Гимны Орфея. (Воскурение Природе. Ароматы. – Воскурение Профирее. Стиракс. – Воскурение Нощи. Головни. – Воскурение Урану. Ливан. – Воскурение Протогону. Смирна. – Гимн Гекате. – Воскурение Ре. Ароматы. – Гимн Куретам. – Воскурение Звездам. Ароматы. – Воскурение облакам. Смирна.) // Русский Зритель. 1829. Ч. V. № XVII–XX. С. 143–164. Подпись: Н.Н.

Золотые стихи Пифагора // Русский Зритель. 1829. Ч. V. № XVII–XX. С. 165–169. Подпись: Н.Н.

1830

De origine, natura et fatis poëseos, quae Romantica audit. Dissertatio historic-critico elenchica. М.: в Унив. тип. 1830. (8) 146 и V стр. (Диссертация на степень доктора изящных искусств (по словесному отделению).)

Извлечения из «Диссертации о романтической поэзии» («De poëseos quae Romantica audit, origine, indole et fatis»). М., 1830 // Атеней. 1830. № 1. Январь. С. 1–33.

О настоящем злоупотреблении и искажении Романтической Поэзии. Отрывок. (Заключение полного «Опыта о Романтической Поэзии») // ВЕ. 1830. № 1. Январь. С. 3–37; № 2. С. 122–151. (Подпись: С Латинского Н.Н.).

[Рец.] История Русского Народа. Сочинение Николая Полевого. Том первый. М., 1829 // ВЕ. 1830. № 1. Январь. С. 37–72. Подпись: Н.Н. (Патриаршие пруды).

К портрету Хлопушкина. (I. Младой певец Фактыдурая!...). II. «О Гений гениев! Неслыханное чудо!...».) [Эпиграммы] // ВЕ. 1830. № 1. Январь. Изящная словесность. С. 73. Подпись: И. Орлино-Кохтев; П. Львино-Зубов.

[Рец.] Русские книги: 1. Древние и нынешние Болгаре в... отношении к Россиянам. Историко-Критические изыскания. Юрия Ванелина. Т. I. М. 1829. – 2. Крымские Сонеты Адама Мицкевича. Переводы и подражания Ивана Козлова. СПб. 1829. – 3. Радуга. Литтературный и музыкальный Альманах на 1830 год, изданный П. Араповым и Д. Новиковым. М. – 4. Альманах Анекдотов. 1830. СПб. // ВЕ. 1830. № 1. Январь. Смесь. С. 74–83. [Б. п.]

[Рец.] Русские книги: 1. Северные цветы на 1830 год. СПб., 1829. – 2. Денница, Альманах на 1830 год, изданный М. Максимовичем. М., 1830. – 3. Московский Альманах для юных (?) Русских граждан, или Новая ручная Енциклопедия. С картинками. М.: В Ун. тип. 1830 г. // ВЕ. 1830. № 2. Январь. Смесь. С. 162–173. Подписи: Н.Н. (№ 1 и 2), Л.С. (№ 3).

[Рец.] Русские книги: 1. Илиада Гомера, переведенная Н. Гнедичем. Ч. I и II, в СПб. 1829 // ВЕ. 1830. № 3. Февраль. С. 233–236. Подпись: А.Б.

[Рец.] Русские книги: 2. Юрий Милославский, или Русские в 1612 году. Ч. I, II и III. Москва. 1829. Соч. М.Н. Загоскина // ВЕ. 1830. № 3. Февраль. С. 236–242. Подпись: Л.С.

[Рец.] Русские книги: 3. Царское село, Альманах на 1830 год. Издан Н. Коншиным и Бароном Розеном. СПб. Печатано в Тип. Плюшара // ВЕ. 1830. № 3. Февраль. С. 243–248. Подпись: Н.Н.

Платон, Философ оригинальный, систематический. (Отрывок из Истории Философии) // ВЕ. 1830. № 5. Март. С. 9–18. (Подпись: Продолжение после.)

[Рец.] Русские книги. Невский Альманах на 1830 год. Издан Е. Аладьиным. СПб. // ВЕ. 1830. № 5. Март. С. 74–77. Подпись: Л.С.

[Рец.] Ниций, соч. А. Подолинского. СПб. 1830 // ВЕ. 1830. № 6. Март. С. 150–153. Подпись: N.N.

[Рец.] Евгений Онегин, роман в стихах. Глава VII. Сочинение Александра Пушкина. СПб. 1830 // ВЕ. 1830. № 7. Апрель. С. 183–224. Подпись: С Патриарших прудов. Апреля 5.

[Рец.] Русские книги: 1. Подарок детям на Святую Пасху 1830 года. Разговоры в пользу воспитания. СПб. 327 стр. – 2. Подснежник на 1830. СПб. 1830 // ВЕ. 1830. № 8. Апрель. С. 297–302. Подпись: Л.С.

[Рец.] 3. Димитрий Самозванец, исторический роман, сочинение Фаддея Булгарина. Ч. I, II, III и IV. СПб. 1830 // ВЕ. 1830. № 8. Апрель. С. 303–312; № 9. Май. С. 64–75. Подпись: Л.С.

[Рец.] Записки Москвича. Книжка третья. М., 1830 // ВЕ. 1830. № 9. Май. С. 75–76. Подпись: Пр. Пр.

Идеология по учению Платона // ВЕ. 1830. № 11. Июнь. С. 161–182. Подпись: Н.

[Рец.] Русские книги: 1. История Малой России. Ч. I, II и III. М., 1830. – 2. Селам, или язык цветов. СПб. 1830 года // ВЕ. 1830. № 12. Июнь. С. 296–307. Подпись: Л.С.

Метафизика Платонова // ВЕ. 1830. № 13. Июль. С. 3–22; № 14. Июль. С. 81–94. Подпись: Н.

Письмо П.С. Правдивина к Н.А. Надоумку. (О Втором томе Истории Русского Народа) // ВЕ. 1830. № 15 и 16. Август. С. 276–302. (Подпись: Окончание следует.)

О поваренном искусстве у древних Римлян. (Перевод с нем.) // ВЕ. 1830. № 19 и 20. Октябрь. С. 260–265. Подпись: С Нем. N.N.

Объявление. Телескоп, Журнал современного просвещения, издаваемый на 1831 год Николаем Надеждиным // ВЕ. 1830. № 19 и 20. Октябрь. С. 313–317. Подпись: Николай Надеждин, Доктор Етико-Филологических Наук.

О надписях на гробовых камнях в Марьиной Роще // ВЕ. 1830. № 23 и 24. Декабрь. С. 220–228. Подпись: Л.С.

Известия. Телескоп, Журнал современного просвещения, издаваемый на 1831 год Николаем Надеждиным. – Журнал мод и новостей, Молва // Дамский Журнал. 1830. Ч. 32. № 47 и 48. С. 91–95. Подпись: Николай Надеждин, Доктор Етико-Филологических Наук.

Предначертание исторически-критического исследования древне-Русской системы уделов ([Слово], Произнесенное вместо вступительной речи в торжественном собрании Общества, Мая 14, 1829) // Труды и Летописи Общества Истории и Древностей Российских. 1830. Ч. V. Кн. 1. С. 92–105. Подпись: Николай Надеждин.

Северные Цветы на 1830 год. СПб. 276, 131 с. [Альманах]. (Сообщено) // МВ. 1830. Ч. 1. № 1–4. С. 293–300. Подпись: Пилад Белугин 2.

Илиада Гомера, переведенная Н. Гнедичем. Две части. СПб.: в тип. Имп. Рос. Акад. Часть I. 354 с. Часть II. 362 с. // МВ. 1830. Ч. 1. № 4. С. 372–408. Подпись: -джд-.

[Надеждин Н.И., Погодин М.П., Томашевский А.Ф.]. Взгляд на кабинеты журналов и политические их отношения между собою // МВ. 1830. Ч. 2. № 5–8. С. 383–389; Ч. 3. № 9–12. Смесь. С. 84–92; Ч. 3. С. 181–187; Ч. 4. № 13–16. С. 310–323; Ч. 5. № 17–20. С. 209–221. Подпись: N.N.¹

Карелия, или Заточение Марфы Иоанновны Романовой. Описательное стихотворение, в четырех частях, Федора Глинки. СПб.: у издателя, книгопродавца Непейцына. VIII и 112 с. // МВ. 1830. Ч. 2. № 5. С. 57–68. Подпись: -ж-.

Нищий, соч. А. Подолинского (повесть в стихах). СПб.: в тип. К. Гинце. 1830. 45 с. // МВ. 1830. Ч. 2. № 5–8. С. 258–261. Подпись: N.N.

Четыре времени года Русского поселянина. Сельская поэма Федора Слепушкина. СПб.: в тип. Деп. Вн. торговли. 1830. 80 с. // МВ. 1830. Ч. 2. № 5–8. С. 261–264. Подпись: N.N.

¹ Согласно «Словарю псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей» (Т. 3. М., 1958. Сост. Масанов И.Ф.) в журнале «Московский вестник» в 1830 г. (части II–VI) использовался коллективный псевдоним «N.N.», настоящее имя: Надеждин Н.И., Погодин М.П., Томашевский А.Ф. Во второй половине 1830 г. редактор журнала М.П. Погодин был в отъезде и обязанности редактора исполнял Н.И. Надеждин.

Известия, замечания, анекдоты // МВ. 1830. Ч. 2. № 5–8. С. 308–310. Подпись: N.N.

Письмо к Издателю Московского Вестника о прививании болезней // МВ. 1830. Ч. 2. № 5–8. С. 382–383. Подпись: N.N.

Письмо о Петербургском театре к Издателю // МВ. 1830. Ч. 2. № 5–8. С. 96–102. Подпись: N.N. (СПб. 12 Февраля).

Одна глава из жизни Вильгельма Мейстера, Гёте // МВ. 1830. Ч. 3. № 9. Проза. С. 8–23. Подпись: Н...

Опыт перевода Горациевых Од, В. Орлова. СПб.: В Тип. Експед. Загот. Госуд. бум. 1830. 178 стр. в 8-ю д. // МВ. 1830. Ч. 4. № 14–16. С. 254–294. Подпись: (Измалково. Авг. 12, 1830).

Письмо к Издателю. [Об Истории Русского народа, Н. Полевого] // МВ. 1830. Ч. 4. № 13–16. С. 81–83. Подпись: N.N.

Телескоп, Журнал современного просвещения, издаваемый Николаем Надеждиным. – Журнал мод и новостей Мольва. [Объявление] (Ноября 19-го) // МВ. 1830. Ч. 5. № 17–20. С. 222–227. Подпись: Н.И. Надеждин, Доктор Этико-Филологических Наук.

Объявление. Телескоп, Журнал современного просвещения, издаваемый на 1831 год Николаем Надеждиным // ВЕ. 1830. № 19 и 20. Октябрь. С. 313–317. Подпись: Николай Надеждин, Доктор Этико-Филологических Наук.

1831

Телескоп¹

Вместо предисловия. Сцены из московских летописей // Телескоп. 1831. № 1. С. I–XVI.

Картина коронации. Из «Scènes Contemporaines» (Из «Современных сцен») // Телескоп. 1831. № 2. Раздел V. С. 199–221. [Б. п.] (Уст. С. Осовцов.)

¹ Статьи Н.И. Надеждина, опубликованные в журнале «Телескоп», представлены в соответствии с «Указателем содержания» (Наволоцкая Н.И. Библиографическое описание журнала «Телескоп» (1831–1836). М., 1985). Случаи, когда в авторстве Н.И. Надеждина имеются некоторые сомнения, Н.И. Наволоцкая в «Указателе» отмечает своим комментарием. В настоящей публикации пометки Н.И. Наволоцкой сохранены.

[Рец.] «Северные цветы» на 1831 год. СПб.: В тип. Департ. Народ. Просв. 1830 // Телескоп. 1831. № 2. Библиография. С. 226–233. [Б. п.] (Уст. Ю. Манн.)

[Рец.] «Заря». Альманах для юношества, изд. М. Марковым. СПб.: Тип. Н. Грече. 1831 // Телескоп. 1831. № 2. Библиография. С. 236–237. [Б. п.]

[Рец.] История романтизма во Франции. Соч. Ф.Р. Ториенкса. Париж. 1830 // Телескоп. 1831. № 2. Библиография. С. 238–242. [Б. п.] (Уст. Н. Наволоцкая.)

Уго Фосколо. (Перевод) // Телескоп. 1831. № 3. Раздел VII. Современная летопись. С. 358–382. [Б. п.] (Уст. В. Нечаева, Осовцов.)

[Рец.] Киргиз-кайсак. Повесть Ушакова в двух частях. М.: В тип. Н. Степанова // Телескоп. 1831. № 3. Библиография. С. 383–392. [Б. п.] (Уст. Манн, Осовцов.)

[Рец.] Герани, или Кастильская честь. Трагедия В. Гюго. Пер. Ротчева. СПб.: Тип. Карла Крайя. 1830 // Телескоп. 1831. № 3. Библиография. С. 400–410. [Б. п.] (Уст. Осовцов.)

[Рец.] Борис Годунов. Соч. А. Пушкина. Беседа старых знакомцев // Телескоп. 1831. № 3. Раздел VII. Критика. С. 546–574. Подпись: Н. Надоумко.

[Рец.] Сиротка. Литературный Альманах на 1831 год. М.: Тип. Селивановского. 1831; Денница. Альманах на 1831 год, изд. М. Максимовичем. М.: Тип. А. Семена. 1831 // Телескоп. 1831. № 3. Раздел VIII. Библиография. С. 574–583. [Б. п.]

[Рец.] Песни и романсы А. Мерзлякова. М.: Тип. Селивановского. 1830 // Телескоп. 1831. № 5. Раздел VIII. Библиография. С. 86–93. [Б. п.]

[Рец.] «Что такое хороший тон?». Северо-Американский роман. Пер. Константин Масальский. СПб.: Тип. Мед. Деп. Мин. В.Д. и Импер. Росс. Академии. 1831 // Телескоп. 1831. № 5. Раздел VIII. Библиография. С. 93–97. [Б. п.]

[Рец.] Граубинден, или берег волшебниц. Соч. Ганри (!) Цшокке. Пер. с франц. 2 части. М.: В тип. Н. Степанова. 1831 // Телескоп. 1831. № 5. Раздел VIII. Библиография. С. 97–98. [Б. п.] (Уст. Осовцов.)

[Рец.] Дорошенко. М.: Тип. Селивановского. 1830 // Телескоп. 1831. № 5. Раздел VIII. Библиография. С. 98–99. [Б. п.]

[Рец.] Новый французский журнал в Лондоне («*Precurseur*» – «Предтеча») // Телескоп. 1831. № 5. Раздел XI. Новости наук и искусств. С. 138–142. [Б. п.]

[Рец.] Странник. Соч. А. Вельтмана. Часть I. М.: Тип. С. Селивановского. 1831 // Телескоп. 1831. № 6. Раздел VII. Библиография. С. 240–245. [Б. п.] (Уст. Манн.)

[Рец.] Сочинения Д.В. Веневитинова Часть II. Проза. М.: Тип. С. Селивановского. 1831 // Телескоп. 1831. № 7. Раздел VII. Библиография. С. 383–386. [Б. п.] (Уст. Б. Смиренский, З. Каменский.)

[Рец.] Детский театр, или собрание новых комедий, опер и драм для детей. Соч. Бориса Федорова. Две части. СПб.: Тип. Департ. Внеш. Торгов. 1830 // Телескоп. 1831. № 7. Раздел VII. Библиография. С. 389–390. [Б. п.] (Уст. Осовцов.)

Изучение французского языка в сравнении с языком русским. Соч. Горация Гея. 2 тома. М.: Тип. А. Семена. 1831 // Телескоп. 1831. № 7. Раздел VII. Библиография. С. 390–392. (Уст. Наволоцкая.)

Вандализм парижан // Телескоп. 1831. № 7. Раздел VIII. Современная летопись. С. 419–423. (Уст. Нечаева.)

Захария Вернер. (Перевод из *Foreign Review*) // Телескоп. 1831. № 8. Раздел I. Современная летопись. С. 435–470. (Примеч. С.Л.) (Уст. Наволоцкая.)

[Рец.] Беглец. Повесть в стихах. Соч. А. Вельтмана. М.: Тип. А. Семена. 1831 // Телескоп. 1831. № 8. Раздел VI. Критика. С. 539–542. (Уст. Наволоцкая.)

[Рец.] Размышления о важнейших истинах религии, писанные для наследного принца Брауншвейг-Люнабургского знаменитым Иерузалемом. Пер. с нем. Т. Крыловым. Изд. III, вновь испр. Т. I–IV. СПб. 1831 // Телескоп. 1831. № 8. Раздел VI. Критика. С. 542–544. (Уст. Наволоцкая.)

[Рец.] Петр Иванович Выжигин. Нравоиспательный – исторический роман XIX в. Соч. Ф. Булгарина. 4 части с 2-мя картинаами и виньеткою. СПб.: Тип. А. Плюшара. 1831. – Смерть Ивана Выжигина. Нравственно-сатирический роман. Соч. А. Орлова с портретом Автора и родословною Ивана Выжигина. М.: Тип. Решетникова. 1831. – Хлыновские степняки Игнат и Сидор, или Дети Ивана Выжигина. Соч. А. Орлова. 2 части. М.: Тип. Н. Сте-

панова. 1831. – Хлыновские свадьбы Игната и Сидора, детей Ивана Выжигина. Сатир. роман А. Орлова // Телескоп. 1831. № 9. Раздел VII. Современная библиография. С. 98–110. (Уст. Осовцов.)

Суждение Венского журнала о «Юрие Милославском» Загоскина (№ 49, 1831) // Телескоп. 1831. № 9. Раздел IX. Новости наук искусств. С. 126–129. (Уст. Наволоцкая.)

Необходимость, значение и сила эстетического образования. [Пробная лекция Н.И. Надеждина, прочитанная в Московском университете в 1831 г.] // Телескоп. 1831. № 10. Раздел I. Науки. С. 131–154. Подпись: Н.Н. (Уст. П. Анненков.)

[Рец.] Наложница. Соч. Е. Баратынского. М.: Тип. А. Семена. 1831 // Телескоп. 1831. № 10. Раздел VII. Современная библиография. С. 228–239. (Уст. Манн.)

[Рец.] Шельменко, волостной писарь. Комедия в 2-х действиях. Харьков: Тип. Ун-та. 1831 // Телескоп. 1831. № 10. Раздел VII. Современная библиография. С. 242. (Уст. Наволоцкая.)

Память Августа Лафонтена // Телескоп. 1831. № 10. Раздел VIII. Современная летопись. С. 249–255. (Уст. Наволоцкая.)

Благодетельное пожертвование П.Н. Демидова для поощрения отечественного просвещения // Телескоп. 1831. № 10. Раздел IX. Новости наук и искусств. С. 255–259. (Уст. Козмин.)

[Рец.] Достопамятности Венева монастыря. Сост. Сахаров. М.: Тип. С. Селивановского. 1831 // Телескоп. 1831. № 11. Раздел VII. Библиография. С. 382–384. (Уст. Наволоцкая.)

[Рец.] Цветущее состояние Всероссийского Государства, в каковое начал, привел и оставил неизреченными трудами Петр Великий... Две книги. Собрano из архивов И. Кириловым. М.: в Унив. Тип. 1831 // Телескоп. 1831. № 12. Раздел VII. Библиография. С. 498–507. (Уст. Наволоцкая – коммент.)

[Рец.] Русские в своих поговорках. Рассуждения и исследования об отечественных пословицах и поговорках, И. Снегирева. Кн. 1. М.: в Унив. Тип. 1831 // Телескоп. 1831. № 12. Раздел VII. Библиография. С. 507–515. (Уст. Наволоцкая – коммент.)

[Рец.] Анекдоты о Балакиреве, бывшем при Дворе Петра Великого шутом, с его портретом. Соч. А.Д. М.: в Унив. Тип. 1831 // Телескоп. 1831. № 12. Раздел VII. Библиография. С. 515. (Уст. Наволоцкая – коммент.)

[Рец.] Несколько замечаний на последнюю польскую революцию. СПб.: в тип. А. Смирдина. 1831. (Quarterly Review) // Телескоп. 1831. № 12. Раздел VII. Библиография. С. 518–527. (Уст. Наволоцкая – коммент.)

Параллель старого и нового света, относительно плодородия. (Из Revue Britannique) // Телескоп. 1831. № 12. Раздел VIII. Современная летопись. С. 527–533. (Уст. Наволоцкая – коммент.)

[Рец.] Рославлев, или Русские в 1812 году. (М.Н. Загоскина). Критика. Статья I // Телескоп. 1831. № 13. Раздел VII. Критика. С. 77–93. (Уст. Козьмин, Манн и др.)

[Рец.] Одесский альманах на 1831 год, изданный П. Морозовым и М. Розбергом. Одесса: в Город. Тип., 1831 // Телескоп. 1831. № 13. Раздел VIII. Библиография. С. 96–101. (Коммент. Наволоцкой.)

[Рец.] Мертвый осел и обезглавленная женщина. 2 части. Перевод с фр. М.: в Универс. тип., 1831 // Телескоп. 1831. № 13. Раздел VIII. Библиография. С. 101–104. (Коммент. Наволоцкой.)

[Рец.] Крестная маменька, комедия-водевиль в одном действии, Скриба, Локруа и Шабо. Перевел с фр. Д. Ленский. М.: в тип. А. Семена, 1831 // Телескоп. 1831. № 13. Раздел VII. Критика. С. 104–105. (Уст. Осовцов.)

[Рец.] (Literatur Blatt). Жизнь Шиллера, составленная из семейственных воспоминаний, собственных его писем и известий друга его, Кернера. Часть Первая. 1830. // Телескоп. 1831. № 13. Раздел VIII. Современная библиография (иностр. кн.). С. 105–108. Подпись: L.B. (Коммент. Наволоцкой.)

[Рец.] Рославлев, или Русские в 1812 году. (М.Н. Загоскина). Критика. Статья II // Телескоп. 1831. № 14. Раздел VII. Критика. С. 216–235. (Уст. Козьмин, Манн и др.)

[Рец.] Речи, произнесенные в торжественном собрании Импер. Моск. Университета, июля 3 дня 1831 года, с приложением краткой годовой истории оного. М.: в Универ. Тип., 1831 // Телескоп. 1831. № 14. Раздел VIII. Библиография (русск. кн.). С. 236–239. (Уст. Наволоцкая – коммент.)

[Рец.] Избранный немецкий театр. Перевод Ал. Шишкова 2-ого. Том 1. М.: в Унив. Тип., 1831 // Телескоп. 1831. № 14. Раздел VIII. Библиография (русск. кн.). С. 239–245. (Уст. Осовцов, Манн.)

[Рец.] Повести Генриха Щокке. Перевод с нем. Три части. СПб.: в тип. А. Плюшара, 1831 // Телескоп. 1831. № 14. Раздел VIII. Библиография (русск. кн.). С. 245–246. (Уст. Осовцов.)

[Рец.] Брат и сестра, или Любовь всему научит. Комедия-водевиль в одном дейст. Соч. П. Григорьева. СПб.: в тип. И. Байкова, 1831. – Брат за брата, или Нет правила без исключения. Комедия-водевиль в одном действ. Соч. П. Григорьева. Музыка, соч. Жучковского. СПб.: тип. И. Байкова, 1831 // Телескоп. 1831. № 14. Раздел VIII. Библиография (русск. кн.). С. 246–247. (Уст. Осовцов.)

[Рец.] Кот Бурмосеко, любимец Халифа Ал-Мамуна. Восточная повесть, изд. В. Ушаковым. М.: в тип. Н. Степанова, 1831 // Телескоп. 1831. № 15. Раздел VII. Библиография (русск. кн.). С. 387–388. (Коммент. Наволоцкой.)

[Рец.] На взятие Варшавы. Три стихотворения. В. Жуковского и А. Пушкина. СПб.: в Воен. Тип., 1831. // Телескоп. 1831. № 16. Раздел VII. Библиография (русск. кн.). С. 507–509. (Коммент. Наволоцкой.)

[Рец.] Последний новик, или Завоевание Лифляндии в царствование Петра Великого. Истор. Роман. Соч. И. Лажечникова. Ч. I и II. М.: тип. С. Селивановского. 1831 // Телескоп. 1831. № 16. Раздел VII. Библиография (русск. кн.). С. 509–514. (Коммент. Наволоцкой.)

[Рец.] Новый Выжигин на Макарьевской ярмарке, или Не любо не слушай, другим не мешай. Нравоописательный роман XIX века. Соч. Ив. Гурьянова. М.: в тип. Решетникова, 1831 // Телескоп. 1831. № 16. Раздел VII. Библиография (русск. кн.). С. 514–516. (Коммент. Наволоцкой.)

Разгар полемики во Франции // Телескоп. 1831. № 16. Раздел IX. Современная хроника. С. 540–544. (Коммент. Наволоцкой.)

Замечания на выходки «Северной Пчелы» против Философического взгляда на холеру («Телескоп» № 11) // Телескоп. 1831. № 16. Раздел XI. Смесь. С. 554–564. Подпись: (сообщено). (Коммент. Наволоцкой.)

[Рец.] Церковная история, излагающая все достопамятные в Церкви происшествия от Рождества Христа Спасителя до 1778 года. С фр. на Российской язык переведена и на многие места примеч. дополнена Казанского Собора протоиереем Иоанном Бед-

ринским. СПб.: в тип. Имп. Восп. Дома. 1831 // Телескоп. 1831. № 17. Раздел VII. Библиография (русск. кн.). С. 97–102. (Коммент. Наволоцкой.)

[Рец.] Украинский альманах. Харьков: в Университетской Тип., 1831 // Телескоп. 1831. № 17. Раздел VII. Библиография (русск. кн.). С. 104–106. (Коммент. Наволоцкой.)

(Literatur-Blatt) Критическое и апологическое рассуждение о бискайском языке, составленное одною духовною особою Байонской Епархии. Байона, 1830. (Пер. Н. Надеждин) // Телескоп. 1831. № 17. Раздел VIII. Библиография (иностр. кн.). С. 107–112. Подпись: L.B. (Коммент. Наволоцкой.)

[Рец.] Краткие записки адм. А. Шишкова, веденные им во времена пребывания его при блаженной памяти Государе Императоре Александре I в бывшую с Французами в 1812 и последующих годах войну. СПб.: в тип. Имп. Рос. Академии, 1831. – Записки 1814 года, А. Михайловского-Данилевского. СПб.: в тип. Деп. Внеш. Торг., 1831 // Телескоп. 1831. № 18. Раздел VII. Библиография (рус. кн.). С. 256–260. (Коммент. Наволоцкой.)

[Рец.] О умственном воспитании детского возраста. Соч. Доктора Ястребцева. М., тип. А. Семена, 1831 // Телескоп. 1831. № 19. Раздел VI. Библиография (рус. кн.). С. 409–419. (Коммент. Наволоцкой.)

[Рец.] Логика, выбранная из Клейна А. Галичем. СПб.: в тип. А. Смирдина, 1831. = Система логики. Соч. Фридриха Балмана, перевод с нем. Ч. I. СПб.: тип. Карла Края, 1831 // Телескоп. 1831. № 20. Раздел VI. Библиография (рус. кн.). С. 550–558. (Коммент. Наволоцкой.)

[Рец.] Вечера на хуторе близ Диканьки. Повести, изданные Пасичником Рудым Паньком. Первая книжка. СПб.: в тип. Департ. Нар. Просв., 1831 // Телескоп. 1831. № 20. Раздел VI. Библиография (рус. кн.). С. 558–563. (Уст. Манн.)

[Рец.] Странник. Соч. А. Вельтмана. Ч. II. М.: в тип. С. Селивановского, 1831 // Телескоп. 1831. № 20. Раздел VI. Библиография (рус. кн.). С. 563–564. (Коммент. Наволоцкой.)

(Morgen-Blatt). Наблюдения над Египетскою породою людей. Пер. Н. Надеждин // Телескоп. 1831. № 20. Раздел VIII. Новости наук и иск. С. 579–580. Подпись: М.В. (Коммент. Наволоцкой.)

Театр. Горе от ума, комедия в 4-х действ., А. Грибоедова // Телескоп. 1831. № 20. Смесь. Раздел IX. Театр. С. 586–600.

[Рец.] Парижский цирюльник. Соч. Поль-де-Кока. IV части. СПб.: в тип. И. Глазунова, 1831 // Телескоп. 1831. № 21. Раздел VI. Библиография (рус. кн.). С. 126–127. (Коммент. Наволоцкой.)

[Рец.] Человек южный и человек северный. Письмо Фридриха Барона де ла Мотт-Фуке к барону Алекс. Гумбольдту, относительно соименного сочинения Бонстеттена. Берлин, 1831 // Телескоп. 1831. № 22. Раздел VII. Библиография (иностр. кн.). С. 283–285. (Коммент. Наволоцкой.)

(Morgen-Blatt). Ожесточение парижской черни против машин. Пер. Н. Надеждин // Телескоп. 1831. № 22. Раздел IX. Современная хроника. С. 295–296. Подпись: М.В. (Коммент. Наволоцкой.)

[Рец.] Каталог книг библиотеки Импер. Моск. Ун-та, сост. помощником библиотекаря Ф.Ф. Рейсом. Т. I. М.: тип. МИУ, 1831 // Телескоп. 1831. № 23. Раздел VII. Библиография (рус. кн.). С. 411–416. (Коммент. Наволоцкой.)

[Рец.] Марина Мнишек, княжна Сендормирская, жена Дмитрия Самозванца. Ист. Роман, относящийся ко временам царя Бориса Годунова, Лжедмитрия, царя Василия Шуйского и междуцарствования, служащий доп. Романа Дмитрий Самозванец. Соч. Ив. Гурьева в 4-х частях. М.: тип. А. Семена, 1831 // Телескоп. 1831. № 23. Раздел VII. Библиография (рус. кн.). С. 416–419. (Уст. Осовцов.)

[Рец.] Власка, девка Богемская, романтич. Трагедия в 5 действ., взятая из известного романа, соч. Фан-дер-Фельдом, под заглавием «Богемская девичья война». СПб.: тип. Н. Греча, 1831. – В прозе и в стихах, русское сочинение. СПб., тип. И. Байкова, 1831 // Телескоп. 1831. № 23. Раздел VII. Библиография (рус. кн.). С. 420–421. (Коммент. Наволоцкой.)

[Рец.] Двадцатипятилетие Европы в царствование Александра I. Две части. СПб.: тип. А. Плюшара, 1831 // Телескоп. 1831. № 24. Раздел VII. Библиография (рус. кн.). С. 555–557. (Уст. Осовцов.)

[Рец.] Были и небылицы и гражданское первоначальное учение. Соч. Екатерины II. Издано с предисл. С. Глинкою. М.: тип.

С. Селивановского, 1831 // Телескоп. 1831. № 24. Раздел VII. Библиография (рус. кн.). С. 557–558. (Коммент. Наволоцкой.)

[Рец.] Подарок милым братцам. Пер. с фр. М.: тип. кн. Львова, 1831 // Телескоп. 1831. № 24. Раздел VII. Библиография (рус. кн.). С. 558–560. (Коммент. Наволоцкой.)

От издателя // Телескоп. 1831. № 24. С. 584–586.

Молва

Некрология Московских Журналов // Молва. 1831. № 1. С. 1–5. [Б. п.] (Уст. Козмин.)

Слухи о новых книгах // Молва. 1831. № 1. С. 5–6. [Б. п.] (Уст. Козмин.)

Театральные новости // Молва. 1831. № 1. С. 6–7. [Б. п.]

Заграничные известия // Молва. 1831. № 1. С. 7–8. [Б. п.]

Новое поколение Русских Журналов // Молва. 1831. № 2. С. 4–6; № 3. С. 1–3; № 4. С. 3–5; № 5. С. 6–8. [Б. п.]

Аnekдоты и замечания // Молва. 1831. № 1. С. 6–81. Подпись: Изд.

Журнальные отметки // Молва. 1831. № 4. С. 5–7. [Б. п.]

Объявление // Молва. 1831. № 5. С. 14. Подпись: Анемподист Щупальце. (Уст. Осовцов.)

Литературные слухи // Молва. 1831. № 6. С. 11–16. [Б. п.]

Московские новости // Молва. 1831. № 6. Прибавление к Молве. С. 1–4. [Б. п.]

Чрезвычайное прибавление к Молве // Молва. 1831. № 6. Прибавление. С. 5–6. [Б. п.]

Журнальные отметки // Молва. 1831. № 7. С. 5–8; № 8. С. 4–6; № 18. С. 11–15; № 22. С. 7–10; № 22. С. 8–10; № 35. С. 141–142; № 43. С. 264–265. [Б. п.] (Уст. Козмин.)

Объявление // Молва. 1831. № 10. С. 15. [Б. п.]

Известия и замечания // Молва. 1831. № 11. С. 8–10. [Б. п.]

Памятник Мерзлякову // Молва. 1831. № 12. С. 1. [Б. п.]

Разные известия. [О новом романе Виктора Гюго «Собор Парижской Богоматери»] // Молва. 1831. № 18. С. 7. (Уст. Козмин.)

Введение в новейшую Русскую Грамматику // Молва. 1831. № 19. С. 1–9. Подпись: А. Буков. (Уст. Козмин, Осовцов.)

От издателя // Молва. 1831. № 23. С. 14–15. [Б. п.]

- Библиографические редкости. (Сообщено) // Молва. 1831.
- № 24. С. 13–15. Подпись: Юст Ижицын. (Уст. Осовцов.)
- Благотворение // Молва. 1831. № 25. С. 1; № 39. С. 194 [Б. п.]
- Литературная новость // Молва. 1831. № 27. С. 7–9. [Б. п.]
- (Уст. Козмин.)
- Литературные новости // Молва. 1831. № 28. С. 23–27. [Б. п.]
- Литературное недоумение // Молва. 1831. № 29. С. 35–39. [Б. п.] (Уст. Козмин.)
- От издателя Молвы и Телескопа // Молва. 1831. № 30. С. 44–60; № 31. С. 74–78. Подпись: Издатель Молвы и Телескопа.
- Журнальная отметка жителя Восточной Сибири // Молва. 1831. № 32. С. 91–94. Подпись: Симеон Долбило, Пустынник Саянских Гор. (Уст. Козмин.)
- Журнальная отметка // Молва. 1831. № 38. С. 189–191. Подпись: Артельщик Гостинного Двора. (Уст. Козмин.)
- Литературные надежды // Молва. 1831. № 40. С. 217–218. [Б. п.] (Уст. Козмин.)
- Учебное заведение профессора Павлова // Молва. 1831. № 40. С. 221–222. [Б. п.]
- Любопытное открытие. – Наивность судьи. (Истинный анекдот) // Молва. 1831. № 41. С. 229–230. (Уст. Козмин.)
- В Литературную Управу благочиния, просит надворный советник Читаев с товарищи о нижеследующем. [Об Истории Русского Народа Н. Полевого] // Молва. 1831. № 41. С. 230–232. (Уст. Козмин, Осовцов.)
- Московские записки. [Приезд Государя Императора в Москву] // Молва. 1831. № 43. С. 257–260; № 44. С. 274–276; № 45. С. 289–293; № 46. С. 305–308. [Б. п.] (Уст. Козмин.)
- Литературный слух // Молва. 1831. № 43. С. 263–264. [Б. п.] (Уст. Козмин.)
- К Издателю Молвы // Молва. 1831. № 43. С. 265–266. Подпись: Артельщик Гостинного Двора. (Уст. Козмин.)
- Повестка // Молва. 1831. № 48. С. 343. Подпись: Подлинное скрепил И. Теряев, Ученый Секретарь Юпитера Громовержца. (Сообщено). (Уст. Козмин.)
- Важное известие // Молва. 1831. № 49. С. 361–362. (Уст. Козмин.)

Замысловатая загадка. (Письмо к Издателю.) // Молва. 1831. № 51. С. 392–396. Подпись: Житель Пустынь Саратовских Иволгин. (Уст. Козмин.)

Из Литературной управы благочиния // Молва. 1831. № 52. С. 403–409. Подпись: Геннадий Самоучкин. (Уст. Козмин, Осовцов.)

Юрий Милославский. Романтическое представление в пяти сутках (?), взятое из романа г. Загоскина, соч. кн. Шаховского. – Филипп, или Фамильная гордость. Комедия-водевиль в одном действии, соч. Скриба, Мельвиля и Баярда, переведенная г. Ленским. Спектакль на Большом театре, в бенефис г. Щепкина // Молва. 1831. № 7. С. 13–14. [Б. п.] (Уст. Осовцов.)

Праородительница. Романическая трагедия в пяти действиях, в стихах, соч. Грильпарцера, перевод с нем. Ободовского. – Бандит, или Разбойник на бале. Романическая комедия-водевиль в двух действиях, с франц. Спектакль на Большом театре, в бенефис г. Мочалова // Прибавление к Молве. 1831. № 8. С. 1–7. [Б. п.] (Уст. Осовцов.)

Театр // Молва. 1831. № 17. С. 10–14. [Б. п.] (Уст. Осовцов.)

Театр. Невеста. Комическая опера в трех действиях, соч. Скриба, перевод г. Ленского, музыка Обера. – Знакомые незнакомцы. Комедия-водевиль в одном действии. Спектакль на Большом театре, в бенефис г. Бантышева // Молва. 1831. № 21. С. 6–12. [Б. п.] (Уст. Осовцов.)

Фра-Диаволо, или Разбойники в Терачине. Опера в трех действиях. Соч. Скриба и Варнера, перевед. с франц. г. Зотовым; музыка Обера. – Старый гусар, или Пажи Фридриха II. Опера-водевиль в трех действиях, перевед. с франц. г. Ленским; музыка разных авторов. – Возвращение князя Пожарского в свое поместье. Большой аналогический дивертисман, поставленный г. Глушковским. Спектакль на Большом театре, в бенефис г-жи Над. Репиной // Молва. 1831. № 23. С. 10–14. [Б. п.] (Уст. Осовцов.)

Деревенский поэт, или Любовь хитра на выдумки. Комедия в трех действиях, пер. с франц. – Зефир и Флора. Балет. Спектакль на М. театре // Молва. 1831. № 24. С. 8–9. [Б. п.] (Уст. Осовцов.)

Пово (а) ра дипломаты. Комедия-водевиль в одном действии, соч. Рошефора, Бертелеми и Масона, пер. с франц. А.Н.П. – Братья матросы, или Отец поневоле. Опера-водевиль в одном

действии Ф.А. Кони, сюжет заимст. с франц.; музыка разных авторов. – Я – мой брат. Комедия в одном действии с куплетами, перевед. с нем. Ф.А. Кони. – Девишка, или Филаткина свадьба, следствие яма и посиделок. Комическая опера в одном действии, соч. А. Княжнина, музыка А. Титова. Спектакль на Б. театре, в бенефис г. Живокини // Молва. 1831. № 24. С. 9–13. Подпись: 1. 19. (Уст. Осовцов.)

Тереза, или Женевская сирота. Мелодрама в трех действиях. – Три десятки, или Новое двухдневное приключение. Опера в трех действиях, перевед. с франц. А.И. Писаревым; музыка А. Верстовского и А. Алябьева. Спектакль на Б. театре, в бенефис г. Орлова // Молва. 1831. № 25. С. 9–16. [Б. п.] (Уст. Осовцов.)

Иосиф. Большая опера в трех действиях, соч. Дювала, перевод Льва Брандта, музыка соч. Мегюля. – Зефир, или Ветреник, сделавшийся постоянным. Балет в одном действии, соч. Дюпора, поставленный Глушковским. На Малом театре // Молва. 1831. № 30. С. 60–62. [Б. п.] (Уст. Осовцов.)

Театр // Молва. 1831. № 33. С. 109–110. [Б. п.] (Уст. Осовцов.)

Ночь на Новый год. Новая комедия в трех действиях, перелож. из повести Цшокке В. Мещериновым. – Молод и стар, женат и нет. Комедия-водевиль в двух действиях, перевед. с франц. Н.Ф. Павловым. – Сват Гаврилыч, или Сговор на яму. Интермедия с хорами и танцами. Спектакль на Большом театре, в пользу г-жи Кавалеровой // Молва. 1831. № 38. С. 184–187. [Б. п.] (Уст. Осовцов.)

Фра-Диаволо, или Разбойники в Терачине. Опера в трех действиях, музыка Обера. – Странствующие лекаря. Опера-водевиль в одном действии. Спектакль на Большом театре // Молва. 1831. № 38. С. 187–189. [Б. п.] (Уст. Осовцов.)

Севильский цирюльник. Комедия в четырех действиях. – Две записки. Водевиль в одном действии. Спектакль на Малом театре // Молва. 1831. № 40. С. 218–221. [Б. п.] (Уст. Осовцов.)

Вольные судьи, или Времена варварства. Историческое представление в (?) в четырех действиях. – Два мужа. Комедия-водевиль в одном действии, перевод г. Ленского. – Нина, или Сумасшедшая от любви. Балет в двух действиях. Спектакль на Б.

театре, в пользу г-жи Ришард театре // Молва. 1831. № 41. С. 232–235. [Б. п.] (Уст. Осовцов.)

Мария Стюарт. Трагедия. – Станислав. Водевиль. На Малом театре театре // Молва. 1831. № 43. С. 267–268. [Б. п.] (Уст. Осовцов.)

1832

Телескоп

Вступление в новый год // Телескоп. 1832. № 1. Раздел I. Современная летопись. С. 5–10. (Коммент. Наволоцкой.)

[Рец.] Книга сто одного. 3 части. Париж, у Лявока // Телескоп. 1832. № 1. Раздел VII. Критика (Новости иностр. лит.). С. 126–133. (Коммент. Наволоцкой.)

[Рец.] Летописи Отечественной литературы. Отчет за 1831 год // Телескоп. 1832. № 1. Раздел IX. Критика (Отеч. Лит.). С. 147–159. (Уст. Ю. Манн.)

Игнатий Лойола, основатель иезуитского ордена. Пер. Н. Надеждин // Телескоп. 1832. № 2. Раздел IV. Науки. С. 207–260. (Коммент. Наволоцкой.)

[Рец.] Северные цветы на 1832 год. СПб.: тип. Деп. Внеш. Торг. 1832 // Телескоп. 1832. № 2. Раздел VII. Критика. (Летопись Отеч. Лит.). С. 295–304. (Коммент. Наволоцкой.)

[Рец.] Марфа Посадница Новгородская, трагедия в 5 д., в стихах М. Погодина. М.: тип. университета. 1830 // Телескоп. 1832. № 2. Раздел VII. Критика. (Летопись Отеч. Лит.). С. 304–313. (Уст. Манн.)

[Рец.] Неистовый Роланд Л. Ариоста. Пер. Раича. Ч. I. М.: тип. Лаз. Инст. Вост. Яз. // Телескоп. 1832. № 4. Раздел VII. Летопись Отеч. Лит. С. 588–603. (Уст. Манн.)

[Рец.] Людовик XI, трагедия, в 5 действ., в стихах, Казимира Делявиня // Телескоп. 1832. № 5. Раздел VI. Новости иностр. лит. С. 78–106. (Уст. Манн.)

[Рец.] Всеобщее начертание теории изящных искусств Бахмана. Ч. I, пер. с нем. М. Чистяков. М.: тип. Лаз. Инст. Вост. Яз. 1832 // Телескоп. 1832. № 5. Раздел VII. Летопись Отеч. Лит.

C. 106–125.; № 6. Раздел V. Новости отеч. слов. С. 229–249; № 8. Раздел VII. Летопись Отеч. Лит. С. 535–543. (Уст. Манн.)

Современное состояние сатиры во Франции. Бартелеми и Барбье // Телескоп. 1832. № 6. Раздел VI. Современная летопись. С. 250–262. (Коммент. Наволоцкой.)

[Рец.] Статистическая записка о Москве. Соч. В. Андросова. М.: тип. С. Селивановского. 1832 // Телескоп. 1832. № 7. Раздел V. Летопись Отеч. Лит. С. 388–413. Подпись: (сообщено), N.N. (Коммент. Наволоцкой.)

[Рец.] Учебная книга натуральной философии Окена. Изд. II, перераб., Иена, у Фромана. 1831 // Телескоп. 1832. № 8. Раздел VI. Новости иностр. лит. (Немецкая словесность). С. 509–534. (Коммент. Наволоцкой.)

[Рец.] Последняя глава Евг. Онегина. Соч. А. Пушкина. СПб.: тип. Деп. Нар. Просв. 1832.; Стихотворения Ал. Пушкина. III часть. СПб.: тип. Деп. Нар. Просв., 1832; Стихотворения Виктора Теплякова. М.: тип. С. Селивановского. 1832 // Телескоп. 1832. № 9. Раздел VII. Летопись Отеч. Лит. С. 103–123. (Уст. Осовцов.)

Парижские литературные журналы // Телескоп. 1832. № 11. Раздел VIII. С. 411–420. (Уст. Козмин.)

В. Менцель. Венские театры. (Пер. Н. Надеждина) // Телескоп. 1832. № 13. Раздел VIII. С. 138–144. (Коммент. Наволоцкой.)

[Рец.] Клятва при Гробе Господнем. Русская быль XV века. Соч. Н. Полевого. Ч. I–III. М., тип. МИУ, 1832. – Шемякин суд, или Последнее междуусобие удельных князей русских. Истор. Роман XV стол. в 4-х частях. Соч. П. Свирина. СПб.: тип. Н. Степанова, 1832. – Стрельцы. Истор. Роман. Соч. К. Масальского, изд. II. 4 части. СПб.: тип. Деп. Нар. Просв., 1832. – Последний новик, или Завоевание Лифляндии в царствование Петра Великого. Ист. Роман. Соч. И. Лажечникова. Ч. III. М.: тип. А. Семена, 1832 // Телескоп. 1832. № 14. Раздел VI. Летоп. отеч. слов. С. 233–246. (Уст. Манн.)

[Рец.] Краткий курс словесности, приспособленный к прозаическим сочинениям. Василия Плаксина. СПб.: тип. Х. Гинца, 1832 // Телескоп. 1832. № 15. Раздел VI. Летопись Отеч. Лит. С. 365–373. (Коммент. Наволоцкой.)

Французская словесность // Телескоп. 1832. № 16. Раздел V. Новости иностр. лит. С. 485–524. (Уст. Осовцов.)

Обозрение происшествий в Московской губернской гимназии, со времени преобразования ее по новому уставу (1831, июля 1–15 окт. 1832) // Телескоп. 1832. № 16. Раздел VII. Современная летопись. С. 532–537. Подпись: сообщено. (Коммент. Навоцкой.)

[Рец.] Повести Михаила Погодина, 3 части. М.: тип. С. Селивановского, 1832. – Вечера на хуторе близ Диканьки. Повести, изд. Пасичником Рудым Паньком. Кн. II. СПб.: тип. А. Плюшара, 1832. – Андрей Безымянный. Старинная повесть. СПб.: тип. III Отд. Собств. Е.И.В. Канц., 1832. – Досуги инвалида. Ч. I и II. М.: тип. Н. Степанова, 1832 // Телескоп. 1832. № 17. Раздел V. Летопись Отеч. Лит. Критика. С. 97–108. (Уст. Осовцов, Манн.)

[Рец.] Путешествие к святым местам в 1830 году. Ч. I и II. СПб.: тип. III Отд. Собств. Е.И.В. Канц., 1832 // Телескоп. 1832. № 18. Раздел V. Летопись Отеч. Лит. С. 244–254. (Коммент. Навоцкой.)

[Рец.] Русский Жилблаз. Похождение Александра Сибирякова, или Школа жизни. Соч. Геннадия Симоновского. 2 части. М.: тип. С. Селивановского, 1832. – Семейство Холмских, некоторые черты нравов и образа жизни, семейной и одинокой, русских дворян. 6 частей. М.: тип. А. Семена, 1832 // Телескоп. 1832. № 19. Раздел V. Летопись Отеч. Лит. Критика. С. 376–385. (Уст. Осовцов, Манн.)

[Рец.] Стихотворения Дениса Давыдова. М.: тип. А. Семена. – Замечания на некрологию Н.Н. Раевского, изд. при «Инвалиде» 1829 года. С прибавлением его собственных записок на некоторые события 1812 года, в коих он участвовал. Соч. Дениса Давыдова. М.: тип. А. Семена, 1832 // Телескоп. 1832. № 20. Раздел V. Летопись Отеч. Лит. Критика. С. 500–510. (Уст. Манн.)

[Рец.] Le roi s'amuse. (Король забавляется). Драма Виктора Гюго // Телескоп. 1832. № 20. Раздел VII. С. 539–551. (Коммент. Навоцкой.)

Объявление. «Телескоп», журнал современного просвещения, на 1833 г. и «Молва», газета мод и новостей // Телескоп. 1832. № 20. С. 555–558.

[Рец.] Походные и путевые заметки, веденные во время Польской кампании 1831 г. СПб.: тип. А. Плюшара, 1832 // Теле-

скоп. 1832. № 21. Раздел VI. Летопись Отеч. Лит. С. 106–113. (См. М. Поляков. – Н. Наволоцкая.)

(*Revue Britannique*). О Гёте и его веке (отрывок). Пер. Н. Надеждин // Телескоп. 1832. № 24. Раздел VII. Современная летопись. С. 552–560. Подпись: Сообщено. (Коммент. Наволоцкой.)

Молва

Русская библиография. Месяцеслов на 1832 год. СПб. 166 // Молва. 1832. № 1 (1 янв.). С. 1–3. [Б. п.]

Русская библиография. Альциона, Альманах на 1832 год. Издан Бароном Розеном. СПб. 1832 // Молва. 1832. № 2 (5 янв.). С. 5–8. [Б. п.]

Русская библиография. Цинтия, Альманах на 1832 год. М. 274 // Молва. 1832. № 3 (8 янв.). С. 9–10. [Б. п.]

Русская библиография. Конрад Валленрод, историческая повесть Адама Мицкевича. Перевел с польского А. Шпигоцкий. М. 1832 // Молва. 1832. № 4 (12 янв.). С. 13–14. [Б. п.]

Театр // Молва. 1832. № 4 (12 янв.). С. 14–16; № 7 (22 янв.). С. 26–27; № 8 (26 янв.). С. 29–32; № 10 (2 февр.). С. 37–40; № 13 (12 февр.). С. 49–52; № 43 (27 мая). С. 169–170. [Б. п.]

От издателя // Молва. 1832. № 4 (12 янв.). С. 16; № 43 (27 мая). С. 172; № 58 (19 июля). С. 229–232. [Б. п.], подпись: Н.Н.

Русская библиография. Невский Альманах на 1832 год, издан Е. Аладьиным. СПб. 1832. 354 // Молва. 1832. № 5 (15 янв.). С. 17–19. [Б. п.]

Московские записки // Молва. 1832. № 5 (15 янв.). С. 1; № 44 (31 мая). С. 174–175; № 68 (23 авг.). С. 272; № 69 (26 авг.). С. 275; № 70 (30 авг.). С. 280; № 71 (2 сент.). С. 284; № 78 (27 сент.). С. 311–312; № 82 (11 окт.). С. 326; № 94 (22 ноября). С. 374. [Б. п.]

Русская библиография. Полярная Звезда, карманная книжка на 1832 год. М. 1832. 157 // Молва. 1832. № 6 (19 янв.). С. 21–23. [Б. п.]

Русская библиография. Басни Алексея Зилова. Часть 2. М. 1832. 58 // Молва. 1832. № 7 (22 янв.). С. 25. [Б. п.]

Русская библиография. Элизиум, альманах на 1832 год. Соч. П. Иовского. М. 1832. 316 // Молва. 1832. № 9 (20 янв.). С. 33–35. [Б. п.]

Русская библиография. Двенадцать спящих бутошников. Соч. Е. Фитюлькина. М. 1832. 46 // Молва. 1832. № 11 (5 февр.). С. 41–43. [Б. п.]

Новый образ воззрения на предметы. Журнальная отметка // Молва. 1832. № 11 (5 февр.). С. 43–44. [Б. п.]

Русская библиография. Послание Марье Петровне Охлестышевой. Соч. Гр. Хвостова. СПб. 1832. 8 // Молва. 1832. № 16 (23 февр.). С. 61–62. [Б. п.]

Русская библиография. Кардинал де Ришелье. Исторический роман. Соч. Г. Джемса. Пер. с Франц. М. 1832. 4 части // Молва. 1832. № 17 (26 февр.). С. 65–66. [Б. п.]

Четыре месяца зимней Москвы (Ноябрь, декабрь 1831 и январь, февраль 1832) // Молва. 1832. № 18 (1 марта). С. 70; № 19 (4 марта). С. 75–76. [Б. п.]

Русская библиография. Товарищи Черной Шали. Исторический роман, извлеченный из Русских летописей Сен-Тома. Перевод Актера Баранова. М. 1832. 4 части // Молва. 1832. № 19 (5 февр.). С. 73–74. [Б. п.]

Литературные новости, слухи и надежды // Молва. 1832. № 18 (1 марта). С. 70–72; № 19 (4 марта). С. 73–75; № 20 (8 марта). С. 77–78. [Б. п.] (Уст. Козмин.)

Московские известия // Молва. 1832. № 20 (8 марта). С. 84; № 48 (14 июня). С. 192; № 56 (12 июля). С. 223–224; № 78 (27 сент.). С. 310; № 79 (30 сент.). С. 313. [Б. п.]

Русская библиография. Стихотворения Василия Романовича. СПб. 1832. 170 // Молва. 1832. № 24 (22 марта). С. 93–96. [Б. п.]

Русская библиография. Повести Бальзака. Пер. с Франц. В.Б. и Л.К. 2 части. СПб. 1832. – Толки Московских жителей о Комете 1832 года, изданные Д. Сиговым. М. 1832. 27. – Бабушкин Кот, или Заклинательница, повесть в стихах. Соч. Софии. М. 1832. 21 стр. // Молва. 1832. № 26 (29 марта). С. 101–104. [Б. п.]

Русская библиография. Вор, комедия-водевиль. Соч. Е. Агадурова. М. 1832. 32 стр. // Молва. 1832. № 27 (1 апр.). С. 105–107. [Б. п.]

Некрология. [Фердинанд Христиан фон-Лодер, знаменитый анатомик и врач-философ] // Молва. 1832. № 29 (8 апр.). С. 113–116. [Б. п.]

Первый день Святыя Пасхи // Молва. 1832. № 30 (12 апр.). С. 118. [Б. п.]

Смесь // Молва. 1832. № 31 (15 апр.). С. 122–123. (Уст. Козмин.)

[Дополнение к некрологу К.Ф. Калайдовича] // Молва. 1832. № 32 (19 апр.). С. 126. Подпись: Изд.

Литературный слух. (Письмо к Издателю.) // Молва. 1832. № 32. С. 128. Подпись: Москвич. (Уст. Козмин.)

Журнальные заметки // Молва. 1832. № 34 (26 апр.). С. 135. Подпись: (сообщено). (Уст. Козмин.)

Гулянье 1-го Мая // Молва. 1832. № 35 (29 апр.). С. 144. [Б. п.]

Русская библиография. Жених Мертвец, повесть в стихах. Соч. Софии М. М. 1831. 20 стр. – Раскольник или Ве (и?) слоухие. Старинная повесть. Соч. А. Орлова. М. 1831. 44 стр. // Молва. 1832. № 37 (6 мая). С. 145–147. [Б. п.]

Театр // Молва. 1832. № 39 (13 мая). С. 153–154. Подпись: Н.Н. (сообщено).

Русская библиография. Русские Песни и Романсы Сергея Глинки. М. 1832. 119 стр. // Молва. 1832. № 40 (17 мая). С. 157. [Б. п.]

Русская библиография. Феномен, Альманах на 1832 год. Изд. А. Пуговошниковым и П. Соболевым. М. 1832. 88 стр. // Молва. 1832. № 44 (31 мая). С. 173–174. [Б. п.]

Происхождение московских слухов // Молва. 1832. № 46 (7 июня). С. 181–183. [Б. п.] (Уст. Козмин.)

Некрология. [Проф. Николай Николаевич Сандунов] // Молва. 1832. № 47 (10 июня). С. 185. [Б. п.]

Русская библиография. Императрица Мария Феодоровна, в Богоугодных Ее Заведениях. С нем. перевел Евгений Ган. СПб. 1832. 103 стр. // Молва. 1832. № 47 (10 июня). С. 185–186. [Б. п.]

Некрология. [Почт-Директор Московского Почтамта Иван Александрович Рушковский] // Молва. 1832. № 48 (14 июня). С. 189. [Б. п.]

Спектакль в Нескучном саду // Молва. 1832. № 48 (14 июня). С. 191–192. [Б. п.]

Русская библиография. Об Органах Души. Соч. Доктора Ястребцова. М. 1832. 31 стр. – Сибирь. Думы Е.К. СПб. 1832. 50 стр. // Молва. 1832. № 51 (24 июня). С. 201–203. [Б. п.]

Оружейная Палата (Июля 1-го) // Молва. 1832. № 54 (5 июля). С. 213. [Б. п.]

Русская библиография. Торжественное воспоминание царственных добродетелей блаженныя памяти Государыни Императрицы Марии Феодоровны и незабвенных щедрот, Ее Императорским Величеством всемилостивейше оказанных Московском Коммерческому Училищу. М. 1832. 130 стр. – Начертание Жития Епископа Воронежского Митрофана, С.А.Д.М. 1832. 23 с. // Молва. 1832. № 54 (5 июля). С. 213–216. [Б. п.]

Театр. Горе от Ума, комедия в 4 действиях, в стихах, соч. А.С. Грибоедова. Дивертизман. 4 июля. Малый театр // Молва. 1832. № 55. С. 217. Подпись: N.N. (Уст. Осовцов.)

От Издателя Телескопа и Молвы // Молва. 1832. № 57 (15 июля). С. 228. [Б. п.]

Предостережение [Об «Истории Русского Народа» г. Полевого] // Молва. 1832. № 59. С. 235–236. [Б. п.] (Уст. Козмин.)

Замечание // Молва. 1832. № 60 (26 июля). С. 239. [Б. п.]

Письмо к издателю Молвы // Молва. 1832. № 64 (9 авг.). С. 253–255. Подпись: Иван Дергунов. (Уст. Осовцов.)

Литературные новости и слухи // Молва. 1832. № 67 (19 авг.). С. 267–268; № 68 (23 авг.). С. 271–272. [Б. п.] (Уст. Козмин.)

Литературная новость // Молва. 1832. № 69 (26 авг.). С. 276. [Б. п.]

Русская библиография. Неизменяемая Пасхалия, или весь Пасхальный на 7980 лет оборот. Приведенная в сей порядок Коллежским Советником А.А. Рубан. М. 1832. 34 с. // Молва. 1832. № 69 (26 авг.). С. 273–274. [Б. п.]

Московские известия // Молва. 1832. № 79 (30 сент.). С. 313. [Б. п.]

Извещение // Молва. 1832. № 80 (4 окт.). С. 320. Подпись: Иван Дергунов. 1832. Сентября 1. (Уст. Осовцов.)

Похвальная предусмотрительность // Молва. 1832. № 81 (7 окт.). С. 323. Подпись: Иван Дергунов. 1832. Октября 1. (Уст. Осовцов.)

Нечто о Московских Ведомостях // Молва. 1832. № 82 (11 окт.). С. 326–328. [Б. п.]

Отечественное известие // Молва. 1832. № 84 (18 окт.). С. 333–334. [Б. п.]

Извещение. Телескоп, журнал современного просвещения, на будущий 1833 год. – Молва, газета мод и новостей // Молва. 1832. № 94 (22 ноября). С. 373–374; № 105 (30 дек.). С. 419–420. Подпись: Н. Надеждин.

Московская сцена // Молва. 1832. № 98 (6 дек.). С. 392. [Б. п.]

Московская сцена // Молва. 1832. № 100 (13 дек.). С. 398–400. Подпись: N.N.

Замечание на № 288 Северной Пчелы // Молва. 1832. № 101 (16 дек.). С. 401–402. [Б. п.]

Русские ученые новости // Молва. 1832. № 102 (20 дек.). С. 407. [Б. п.]

1833

О современном направлении изящных искусств: Слово, произнесенное в торжественном собрании Московского университета, июля 6 дня 1833 г., орд. проф. теории изящных искусств и археологии Николаем Надеждиным. М.: Унив. тип. 1833. 60 с. (Отт. из кн. «Речи, произнесенные в торжеств. собрании Моск. ун-та июля 6-го дня 1833 г.» М. 1833.)

О современном направлении изящных искусств. Речь Профессора Надеждина, произнесенная в торжественном собрании Университета, 1833 Июля 6 // Ученые Записки Императорского Московского Университета. 1833. Ч. I. С. 95–114; С. 236–253; С. 396–446.

Телескоп

Тысяча восемьсот тридцать второй год. (1832 год) // Телескоп. 1833. № 1. Раздел I. Современная летопись. С. 5–16. (Уст. Манн.)

Русская журналистика // Телескоп. 1833. № 1. Раздел VII. Критика, отеч. Словесность. (Литературная Расправа). С. 152–158; № 2. Раздел VII. Критика. Отеч. Слов. С. 300–307; № 4. Раздел VII.

(Лит. Расправа). С. 572–576; № 6. Раздел VI. (Лит. Расправа). С. 233–239. (Коммент. Наволоцкой.)

[Рец.] Лукреция Борджа, драма Виктора Гюго // Телескоп. 1833. № 2. Раздел V. Новости иностр. лит. С. 266–285; № 3. Раздел VI. Новости иностр. лит. С. 409–426; № 4. Раздел V. Новости иностр. лит. С. 550–559. (Уст. Осовцов.)

(Quarterly Review). Поэзия индустанская и санскритская. Пер. Н. Надеждин // Телескоп. 1833. № 3. Раздел I. Науки (история). С. 311–336; № 4. Раздел II. С. 454–483. (Коммент. Наволоцкой.)

[Рец.] Новоселье // Телескоп. 1833. № 5. Раздел V. Критика, Отеч. Словесность. (Лит. Расправа). С. 92–108. (Уст. Манн.)

Проект исторического музеума в Париже // Телескоп. 1833. № 5. Раздел VII. Смесь. С. 134–136. (Уст. Осовцов.)

Театр // Телескоп. 1833. № 6. Раздел VIII. Московские записки. С. 259–274. (Уст. Осовцов.)

(Revue Germanique). О.Л.Б. Вольф. Немецкая словесность в девятнадцатом столетии; извлечения из нового сочинения. Пер. Н. Надеждина // Телескоп. 1833. № 9. Раздел IV. С. 83–103; № 10. Раздел IV. Современная летопись. С. 214–238; № 12. Раздел III. Соврем. Летопись. С. 494–514. Подпись: R.G. (Коммент. Наволоцкой.)

Основания физики, Михаила Павлова // Телескоп. 1833. № 9. Раздел V. Критика (Летописи Отч. Просвещ.). С. 103–114. [Б. п.] (Уст. З. Каменский.)

Объявления о «Телескопе» и «Молве» на 1834 год // Телескоп. 1833. № 17. С. 134.

Молва

Московские собрания в 1833 году // Молва. 1833. № 1 (3 янв.). С. 2–4. Подпись: ---ай---ай; № 2 (5 янв.). С. 6–8; № 3 (7 янв.). С. 10–12; № 4 (10 янв.). С. 14–15; № 6 (14 янв.). С. 22–24; № 7 (17 янв.). С. 26–27. Подпись: -АЙ-АЙ. (№ 7 от 17 янв. 1833. – Уст. Манн.)

Театр в Торопце // Молва. 1833. № 4 (10 янв.). С. 15–16; № 5 (12 янв.). С. 17–19. Подпись: А. Буков. (Уст. Осовцов.)

Московские записки // Молва. 1833. № 6 (14 янв.). С. 21. [Б. п.]

Русский театр // Молва. 1833. № 7 (17 янв.). С. 25–28; № 8 (19 янв.). С. 29–32. [Б. п.]

Русская библиография. Неистовый Орланд, Л. Ариоста. Перевод Раича. Часть 2. М. 1833. 254 // Молва. 1833. № 10 (24 янв.). С. 37–38. [Б. п.]

Парижские кофейные дома // Молва. 1833. № 14 (2 февр.). С. 54–56; № 15 (4 февр.). С. 57–60. [Б. п.] (Уст. Осовцов.)

Видение инока // Молва. 1833. № 19 (14 февр.). С. 73–74. Подпись: А. Буков. (Уст. Осовцов.)

Письмо старого юноши // Молва. 1833. № 25. С. 97–100. Подпись: Пора Костям на Место. (На № 25 за 1833 г. есть ссылка у Осовцова.)

Библиографическая редкость. Материалы для Вспомогательных Наук Истории. Кн. 1. (Для Хронологии). М. 1833. 76 // Молва. № 25. С. 97–99. [Б. п.]

Старые девушки. (Отрывок из нового романа Софии Ге, выходящего под заглавием: Физиология Смешного) // Молва. 1833. № 29 (9 марта). С. 114–116. Подпись: Азбукин; № 30 (11 марта). С. 118–120 (оконч.).

Русская библиография. Гимн Иисусу Христу. 1832 года. Стихотворение Графа Хвостова. СПб. 1833. 8 // Молва. 1833. № 28 (7 марта). С. 109–111. [Б. п.]

Русская библиография. Басни Алексея Зилова. Часть III и IV. М. 1833 // Молва. 1833. № 30 (11 марта). С. 117–120. [Б. п.]

Русская библиография. История Тибета и Хухунора... Часть I и II. Переведена с Китайского Монахом Иакинфом. М. 1833 // Молва. 1833. № 31 (14 марта). С. 121–122. Подпись: N.

Русская библиография. Всеобщая История. Гимназический курс. Соч. проф. Беттигера. Пер. с немецкого. М. 1832 // Молва. 1833. № 32 (16 марта). С. 125–128. [Б. п.]

Русская библиография. Княжна Меншикова. Исторический Роман. М. 1833. 124 // Молва. 1833. № 34 (21 марта). С. 133–134. [Б. п.]

Русская библиография. О пользах путешествий для испытаний Природы, особенно в отношении к России. Извлечение из письма к Н.Н., читанное 1832 года, Декабря 17 в Публичном заседании Общества Испытателей Природы М.Н. Макаровым. М. 1833. 26 // Молва. 1833. № 35 (21 марта). С. 137–139. [Б. п.]

Русская библиография. Вступление на престол Князя Александра Тверского. Историческая повесть, в стихах. Соч. К. Бахтунова. М. 1833. 56 // Молва. 1833. № 37 (28 марта). С. 145–146. [Б. п.]

Московские новости // Молва. 1833. № 40 (4 апр.). С. 158–160. [Б. п.]

Литературные слухи // Молва. 1833. № 41 (6 апр.). С. 162–164. [Б. п.]

Русская библиография. История Древних и Новых Литератур, Наук и Изящных Искусств. Соч. А. Жарри де Манси. Перев. И. Милашевич. М. 1832. 2 части // Молва. 1833. № 41 (6 апр.). С. 160–164. [Б. п.]

Московские записки // Молва. 1833. № 42 (8 апр.). С. 166–167; № 44 (13 апр.). С. 173–176. [Б. п.]

Русский театр. (Письма в Петербург) // Молва. 1833. № 44 (13 апр.). С. 173–176. (Письмо I. 11 апреля.) [Б. п.]; № 45 (15 апр.). С. 177–180. (Письмо II. Апреля 14.) [Б. п.]; № 46 (18 апр.). С. 181–184. (Письмо III. Апреля 17.) [Б. п.]; № 47 (20 апр.). С. 185–188. (Письмо IV. Апреля 19.) [Б. п.]; № 48 (22 апр.). С. 189–191. (Подпись: П.Щ. Апр. 21); № 50 (27 апр.). С. 197–200. (Подпись: П.Щ. Апр. 25.) (Уст. Осовцов.)

От П.Щ. Письмо к Издателю // Молва. 1833. № 56 (11 мая). С. 221–224. Подпись: П.Щ. Мая 10. (Уст. Осовцов.)

Примечание к статье С. Шевырёва «Об игре Г-жи Каратыгиной» // Молва. 1833. № 57 (13 мая). С. 225. Подпись: Изд.

От Издателя // Молва. 1833. № 49 (25 апр.). С. 196.

Русская библиография. Книга Наума о Великом Божием Мире, изданная Михаилом Максимовичем. М. 1833. 96 // Молва. 1833. № 59 (18 мая). С. 233–234. [Б. п.]

Монастырка, соч. Антония Погорельского. СПб. Часть I (изд. 2) и II // Молва. 1833. № 63 (27 мая). С. 249–250. [Б. п.]

Русская библиография. Рассказы Сибиряка, соч. В. Соколовского. М. 1833. 132 // Молва. 1833. № 66 (3 июня). С. 261–263. [Б. п.]

Русская библиография. Всеобщее Начертание Теории Изящных Искусств Бахмана. Часть II. Перев. с Немецкого Михаил Чистяков. М. 1833. 149 // Молва. 1833. № 67 (6 июня). С. 265–266. [Б. п.] (Уст. Манн.)

Русская библиография. Историческое описание Памятника, сооруженного в воспоминание убиенных при взятии Казани

воинов на горе Зилантовой. Казань. 1833. 95 // Молва. 1833. № 69 (10 июня). С. 273–274. [Б. п.]

Русская библиография. Были и небылицы Казака Владимира Луганского. Книжка первая. СПб. 1833. 201 // Молва. 1833. № 71 (15 июня). С. 281–282. [Б. п.]

Русская библиография. Поселянка. Повесть в стихах. Сочинение А.Б. Часть I. 1833. 92 // Молва. 1833. № 73 (20 июня). С. 289. [Б. п.]

Русская библиография. Поездка к Ледовитому морю. Докт. Фр. Белявского. М. 1833. 92 // Молва. 1833. № 85 (18 июля). С. 337–340. [Б. п.]

Русская библиография. Размышления о Природе. М. Максимовича. М. 1833. 123 // Молва. 1833. № 110 (14 сент.). С. 437–440. [Б. п.]

Театр // Молва. 1833. № 112 (19 сент.). С. 445–448; № 124 (17 окт.). С. 493–496; № 137 (16 ноября). С. 545–548. [Б. п.]

Русская библиография. Андрей Бичев, или Смешны мне люди! Комедия. Соч. Э. Перцова. СПб. 1833. 75 // Молва. 1833. № 113 (21 сент.). С. 448–452. [Б. п.] (По предположению Ю. Манна.)

От Издателя [В ответ на «выходку» Северной Пчелы против Речи о современном направлении Изящных Искусств] // Молва. 1833. № 114 (23 сент.). С. 453–456; № 115 (26 сент.). С. 457–460; № 116 (28 сент.). С. 461–464. Подпись: Н. Надеждин.

Русская библиография. Стихотворения Надежды Тепловой. М. 1833. 64. – Сновидение. Фантасмагория. Соч. Княжны Екатерины Шаховской. М. 1833. 64 // Молва. 1833. № 117 (30 сент.). С. 465–467. [Б. п.]

Библиография. Кощей Безсмертный. Былина Старого Времени. Соч. А. Вельтмана. 3 части. М. 1833 // Молва. 1833. № 123 (14 окт.). С. 489–492. [Б. п.]

Библиография. История Русского Народа. Соч. Николая Полевого. Том IV. М. 1833 // Молва. 1833. № 130 (31 окт.). С. 517–529; № 134 (9 ноября). С. 533–536; № 135 (11 ноября). С. 537–540. [Б. п.]

Молва и слухи // Молва. 1833. № 132 (4 ноября). С. 527–528. [Б. п.]

Библиография. Записки об Енисейской Губернии Восточной Сибири 1831 года, составленные Ст. Сов. И. Пестовым. М. 1833. № 247 // Молва. 1833. № 139 (21 ноября). С. 553–556. [Б. п.]

Последние дни кардинала Мазарини // Молва. 1833. № 140 (23 ноября). С. 557–560. Подпись: С Франц. А. Буков. (Уст. Осовцов.)

От Издателя // Молва. 1833. № 141 (25 ноября). С. 564.

Объявление. Телескоп с Молвою // Молва. 1833. № 143 (30 ноября). С. 571–572.

Библиография. Торквато Тассо, большая драматическая фантазия, в стихах. Соч. Н.К. СПб. 1833. 174. – Торквато Тассо, драма. СПб. 1833. 108 // Молва. 1833. № 147 (9 дек.). С. 584–588; № 148 (12 дек.). С. 589–592. [Б. п.] (Уст. Осовцов.)

Театр. Торквато Тассо, драма // Молва. 1833. № 149 (14 дек.). С. 593–595; № 150 (16 дек.). С. 597–600. [Б. п.] (Уст. Осовцов.)

Библиография. Руководство к познанию Истории Литературы, составленное В. Плаксиным. СПб. 1833. 352 // Молва. 1833. № 154 (26 дек.). С. 703–706; № 156 (30 дек.). С. 621–623. [Б. п.]

1834

Телескоп

Обозрение русской словесности на 1833 год // Телескоп. 1834. № 1. Раздел I. Соврем. Летопись. С. 5–16. (Уст. Манн.)

(L'Europe Litteraire). Из Гейне. О Гете и Шиллере. (Пер. Н. Надеждин) // Телескоп. 1834. № 3. Раздел I. Критика. С. 129–143. (Коммент. Наволоцкой.)

История моего приятеля Алексея Ивановича Лирова // Телескоп. 1834. № 8. II. Изящная словесность. С. 468–486. Подпись: X. (Коммент. Наволоцкой.)

Здравый смысл и барон Брамбеус // Телескоп. 1834. № 19. Раздел I. Критика. С. 131–175. Статья I; № 20. Раздел IV. С. 246–276. Статья II; № 21. Раздел III. Критика. С. 317–335. (Оконч.). Подпись: Издатель «Телескопа» и «Молвы».

(Из Дерпт. Летоп. Лит, Стат. и Иск-ва...). Ульман. Латышские народные песни. (Пер. Н. Надеждин) // Телескоп. 1834. № 20.

Раздел III. Критика. С. 234–245. Подпись: D.F. (Коммент. Наволоцкой.)

Малороссийские пословицы и поговорки, собран. В.Н.С., Харьков, тип. университета, 1834. Письмо к издателю // Телескоп. № 21. Раздел IV. Критика. С. 336–348. Подпись: I. Мастак. 1834. 3 мая. (Коммент. Наволоцкой.)

Описание минеральных вод естественных и искусственных, составленное из сочинений лучших новейших писателей Францем Белявским, для врачующих и врачующихся. М.: 1834. Письмо к врачующим // Телескоп. 1834. № 24. IV. Критика. С. 523–552. Подпись: Доктор Правдоумко. (Уст. Козмин.)

[Рец.] Описание древних русских монет. М.: тип. С. Селивановского, 1834 // Телескоп. 1834. № 41. XVII. Критика. С. 285–290. Подпись: Пав. Строев. (Уст. Козмин.)

Ответ на письмо к врачующим г. Правдоумка. (Тел. 1834. № 24) // Телескоп. 1834. № 42. XX. Антикритика. С. 346–364. Подпись: Доктор Вразумко. (Уст. Козмин.)

(Revue de Deux Mondes). Карл Дильте. Александр Манциони. Пер. Н. Надеждин // Телескоп. 1834. № 46. IV. Знаменитые современники. С. 71–87; № 47. VII. Знаменитые современники. С. 153–170; № 48. X. Знаменитые современники. С. 237–252. (Коммент. Наволоцкой.)

От издателя // Телескоп. 1834. № 49. После С. 386.

Итальянские импровизаторы. Пер. Н. Надеждин // Телескоп. 1834. № 50. XVII. Науки. С. 405–415. Подпись: В. а.д. Г. (Коммент. Наволоцкой.)

Ответ доктора Правдоумки на антикритику доктора Вразумки («Телескоп», 1834, № 42) // Телескоп. 1834. № 51. XXIII. Рекритика. С. 501–530; № 52. XXVII. Рекритика. С. 592–609. Подпись: Доктор Правдоумко. (Уст. Н. Козмин.)

От издателя. «Телескоп» и «Молва» в 1835 г. // Телескоп. 1834. № 52. Б. стр.

Молва

Литературная хроника // Молва. 1834. Ч. 7. № 1. С. 8–11; № 2. С. 24–27. [Б. п.]

[Рец.] 1. Месяцеслов на 1834 год. СПб. При Имп. АН. (8). 315. – 2. Денница. Альманах на 1834 год. М.: в Унив. Тип. (16). 240 // Молва. Ч. 7. № 1. С. 11–14. [Б. п.]

От издателя // Молва. 1834. Ч. 7. № 7. С. 112; Ч. 8. № 52. С. 431–434.

Литературные новости // Молва. 1834. Ч. 7. № 10. С. 145–147. [Б. п.] (Уст. Козьмин.)

Библиотека для Чтения. Критика // Молва. 1834. Ч. 7. № 8. С. 119–126; № 10. С. 150–158. [Б. п.] (Уст. Козьмин.)

Библиография. Детский театр. СПб. 1834. 73. – Друг молодых людей, или повести для юношества, соч. Дессента. Пер. с франц. СПб. 1834. Часть I. 240. – Детская книжка для воскресных дней. СПб. 1834. 140. – Городок в табакерке, детская сказка дедушки Ирина. СПб. 1834. 51 // Молва. 1834. № 10. С. 169–171. [Б. п.]

Библиография. Рассказы о бывалом и не бывалом. Соч. Н. Мельгунова. 2 части. М. 1834 // Молва. 1834. № 12. С. 182–185. [Б. п.]

Критический взгляд на статью под заглавием: Скандинавские Саги, помещенную в первом томе Библиотеки для Чтения. Соч. Сергея Скромненки. М. 1834. 74 // Молва. 1834. № 13. С. 206. (Уст. Козьмин.)

Библиография. Княжна Милуша, сказка. Соч. Павла Катенина. СПб. 1834. 159 // Молва. 1834. Ч. 7. № 14. С. 218–220. [Б. п.]

Литературная заметка. [О переводах с Русского языка на Немецкий г-жи Каролины фон Яниш. Приведен отрывок из «Бориса Годунова» Пушкина в переводе на немецкий, в стихах] // Молва. 1834. Ч. 7. № 15. С. 227–230. [Б. п.]

Московские записки // Молва. 1834. Ч. 7. № 17. С. 255–257; № 18. С. 271–274; № 19. С. 287–289. [Б. п.]

Журнальные заметки // Молва. 1834. Ч. 7. № 21. С. 314–316. [Б. п.]

Театральная хроника. Бенефис Лобановых // Молва. 1834. Ч. 7. № 21. С. 323–327. Подпись: Я Незакулисный. Мая 22. (Уст. Осовцов.)

Библиография. Речь о рисунке вообще и необходимости для оного науки проекции линий, говоренная на торжественном акте Московского Дворцового Архитектурного Училища, Учителем

Проекции Линий, Иваном Михайловым, Мая 8 дня 1834. М. 1834. 17 // Молва. 1834. Ч. 7. № 22. С. 334–336. (Уст. Козмин.)

Новоселье. Часть вторая. 1834. СПб. 575 // Молва. 1834. Ч. 7. № 22. С. 336–343; № 23. С. 349–352. (Уст. Козмин.)

Библиография. Русские песни Н. Цыганова. М. 1834. 68 // Молва. 1834. Ч. 7. № 23. С. 352–354. [Б. п.]

Московские записки. Музыка г. Глинки // Молва. 1834. Ч. 7. № 24. С. 361–362. [Б. п.]

Библиография. Записки в стихах, В.Л. Пушкина. М., 1834. 71. – Воспоминания институтки. СПб. 1834. 95 // Молва. 1834. Ч. 7. № 24. С. 365. [Б. п.]

Литературная новость. [О романе г. Гречи «Черная Женщина»] // Молва. 1834. Ч. 7. № 24. С. 366–370. Подпись: -нский. (Уст. Осовцов.)

Журналные отметки // Молва. Ч. 7. № 25. С. 379–380. [Б. п.]

Библиография. Давид Игоревич, князь Владимирский, или 1097 год. 4 части. Соч. Рудневского. М., 1834. – Иноки, или Вторичное покорение Сибири. Соч. Глухарева. М. 1834. 22. – Усердные сват, или Похвальные речи жениху и невесте. Соч. Федора Кузмичева. 1834. М. 30 // Молва. 1834. Ч. 7. № 26. С. 395–396. [Б. п.]

Московские записки. [Торжественный акт в Московском Университете 5 июля] // Молва. 1834. Ч. 8. № 27. С. 1–4. [Б. п.]

Библиография. Полное собрание сочинений графа Д.И. Хвостова. Том VII. СПб. 1834. 279. – Искусство предупреждать и гасить пожары... М. 1834. 82 // Молва. 1834. Ч. 8. № 28. С. 19–20. [Б. п.]

Библиография. Гимнастика для юношества... Перевод с франц. СПб. 1834. 126 // Молва. 1834. Ч. 8. № 29. С. 27–28. [Б. п.]

Данилыч. Случайная сцена из современного быта // Молва. 1834. Ч. 8. № 31. С. 52–58. Подпись: Инкогнито. [О новом стихотворении Кукольника «Петр Великий под Фридрихштатом».]

Библиография. Стихотворения Александры Фукс. Казань. 1834. 192. – Лирические стихотворения Виктора Гюго. Перевел с франц. М. Сорокин. СПб. 1834. 101 // Молва. Ч. 8. № 31. С. 63–64. [Б. п.] (Уст. Козмин.)

Музыкальная библиография. Кавказский певец. Музыка сочинение Алябьева. В Москве, в Музыкальном магазине Грессера

и Миллера. Литогр. Ф. Бартольди. 42 // Молва. 1834. Ч. 8. № 32. С. 75–76. [Б. п.]

Московские записки [Об экзаменах в Московском Университете] // Молва. 1834. Ч. 8. № 34. С. 101–102; № 39. С. 197–205. [Б. п.]

Легчайший способ прославиться // Молва. 1834. Ч. 8. № 34. С. 105–107. Подпись: Бррр-усъ. (Уст. Осовцов.)

Журнальные заметки // Молва. 1834. Ч. 8. № 36. С. 143–146. Подпись: Литтературный Буточник. (Уст. Козьмин, Осовцов.)

Библиография. Арифметика, составленная Павлом Цветковым. М. 1834 // Молва. 1834. Ч. 8. № 37. С. 159. [Б. п.]

От Издателя // Молва. 1834. Ч. 8. № 37. С. 160.

Московские записки. [«Г. Министр Народного Просвещения, Сергей Семенович Уваров, прибыл в Москву...»] // Молва. 1834. Ч. 8. № 39. С. 179–182. Подпись: N.; № 42. С. 243–247. [Б. п.]

Публичный курс Французской литературы К. Дюрана // Молва. 1834. Ч. 8. № 40. С. 206–208. [Б. п.]

Отечественные известия // Молва. 1834. Ч. 8. № 41. С. 219–220.

Библиография. Тарас, или Умных учит дурак. Соч. А. Орлова. М. 1834. 28. – Тяжба купцов Продувалы и Облизалы, или Стряпчий Труболет, а кого он в руки приберет, того и обдерет. Соч. А. Орлова. М. 1834. 36. – Правда Божия. Соч. А. Орлова. М. 1834. 12 // Молва. 1834. Ч. 8. № 41. С. 222–223. [Б. п.]

От Издателя // Молва. 1834. Ч. 8. № 41. С. 241.

Литературные известия // Молва. 1834. Ч. 8. № 46. С. 305–306. [Б. п.]

Библиография. Историческое обозрение ойратов или калмыков... Сочинено монахом Иакинфом. СПб. 1834. 255 // Молва. 1834. Ч. 8. № 46. С. 307–308. [Б. п.]

Примечание к «Извещению» о Музыкальном Журнале: Эолова Арфа, издаваемом Г. Варламовым // Молва. 1834. Ч. 8. № 50. С. 403. [Б. п.]

От Издателя // Молва. 1834. Ч. 8. № 52. С. 431–434. Подпись: Издатель Телескопа и Молвы. Декабря 29. 1834.

1835

Письма в Киев (к М.А. М[аксимови]чу) о русской литературе. Письмо I. Куда девалась наша поэзия? // Телескоп. 1835. № 1. Критика. С. 149–158. (Уст. Ю. Манн.)

Мечты и дело. О первобытных народах в России // Телескоп. 1835. № 4. С. 594–609. Подпись: Владислав Отваженко.

Доктор Надеждин. От издателя // Телескоп. 1835. № 13. Смесь. С. I–III.

Метеорологические наблюдения над современною русскою литературою. I. О Мирном и дружелюбном направлении нашей журналистики. – II. Журнальная политика // Телескоп. 1835. № 17, 18, 19, 20. С. 386–391. (Коммент. Наволоцкой.)

Литературные известия // Телескоп. 1835. № 17, 18, 19, 20. С. 391–392. (Коммент. Наволоцкой.)

От издателя // Телескоп. 1835. № 21–24. (Часть XXX). После «Оглавления тридцатой части». 1 с.

Молва

Московские записки. О возобновлении заседаний Общества любителей Российской Словесности // Молва. 1835. № 1. Стб. 3–5. [Б. п.]

Литературные новости и слухи // Молва. 1835. № 1. Стб. 13–14; № 3. Стб. 50–51; № 5. Стб. 81–83; № 7. Стб. 115–116. [Б. п.]

Отечественные известия. [О кончине литератора В.Н. Берха] // Молва. 1835. № 2. Стб. 21. [Б. п.]

Новые книги. Три повести. Николая Павлова. М. 1835. 412 // Молва. 1835. № 4. Стб. 55–58. [Б. п.]

Журналистика // Молва. 1835. № 4. Стб. 58–62; № 5. Стб. 83–87; № 8. Стб. 133–136; № 9. Стб. 149–151. [Б. п.]

О бенефисе г. Щепкина // Молва. 1835. № 7. Стб. 116–120; 217 (Уст. Осовцов.)

Отечественные известия. Институт восточных языков в С.-Петербурбурге // Молва. 1835. № 10. Стб. 153–156. [Б. п.]

Литературная хроника. Московский Наблюдатель // Молва. 1835. № 14. Стб. 224–227. Подпись: Марта 31. [Б. п.]

Письмо I. К Г. Издателю Телескопа. – Письмо II. К Г. Издателю Телескопа. – Письмо III. К Г. Издателю Телескопа // Молва. 1835. № 16. Стб. 261–263; № 17. Стб. 273–276; № 19. Стб. 319–321. Подпись: П.Щ. (Уст. Осовцов, Ю. Манн считает авторство Надеждина в письмах 1835 года спорным.)

Извещение от Редакции Телескопа и Молвы. [Об отъезде Издателя за границу] // Молва. 1835. № 24.25.26. Стб. 469–470. [Б. п.]

Всякая всячина. Ярославль из моих окон // Молва. 1835. № 10. Стб. 163–167. Подпись: А. Иволгин. Ярославль. Стрелка.

Ярославские воспоминания. (Посвящается Н.И.Б.) // Молва. 1835. № 27–30. Стб. 50–57. [Б. п.] (Продолжение обещано.)

От Издателя // Молва. 1835. № 50. Стб. 381–382. Подпись: Доктор Надеждин. Москва. 1835, Декабря 26.

1836

[Сост. Н.И. Надеждин]. Сорок одна повесть лучших иностранных писателей: (Бальзака, Бальоль, Блюменбаха, докт. Гаррисона, Е. Гино, Гофмана, А. Дюма, Ж. Жанена, Ваш. Ирвинга, Кинда, Крузе, И. Мока, Сентина, Тика, Цшокке, Ф. Шаля [и др.]). В 12 ч. Изданы Николаем Надеждиным. Ч. 1–12. М.: тип. Н. Степанова. 1836. (12 т.; стр. 287–261–259–287–275–276–262–263–227–246–251–236).

Телескоп

Европеизм и народность в отношении к русской словесности // Телескоп. 1836. № 1. Соврем. Летопись. С. 5–60; № 2. Соврем. Летопись. С. 203–264.

Выдержки из дорожных воспоминаний. Впечатления Парижа // Телескоп. 1836. № 1. Соврем. Летопись. С. 172–202. (I.); № 5. Соврем. Летопись. С. 81–119. (II.)

Энциклопедический Лексикон. СПб.: тип. А. Плюшара, 1835, 4-е тома (А – Б) // Телескоп. 1836. № 2. Критика. С. 353–392. (Уст. Козьмин.)

Выдержки из дорожных воспоминаний. Путешествие по Рейну. I // Телескоп. 1836. № 3. Соврем. Летопись. С. 494–562. Подпись: (Н.Н.). (Уст. Козьмин.)

История поэзии. Чтения адъюнкта Московского университета Степана Шевырева, Т. I. М.: тип. А. Семена, 1835 // Телескоп. 1836. № 4. Критика. С. 665–716.

(*Revue de Deux Mondes*). Статистика французского книгопечатания в 1835 году. (Пер. Н. Надеждин) // Телескоп. 1836. № 6. Соврем. Летопись. С. 288–302; № 7. Соврем. Летопись. С. 420–436; № 8. Соврем. Летопись. С. 542–576.

Для Г. Шевырева. Пояснения Критических замечаний на его «Историю Поэзии». Статья I // Телескоп. 1836. № 8. С. 577–638.

Краткий обзор положения Ногайских татар, водворенных в Мелитопольском уезде Таврической губернии. (Обработка Н. Надеждина – уст. Наволоцкая) // Телескоп. 1836. № 9. Соврем. Летопись. С. 3–23; № 10. Соврем. Летопись. С. 210–230; № 11. Соврем. Летопись. С. 269–297. Б. п.

Речи, произнесенные в Торжественном собрании Императорского Московского университета, 9 июня 1836 г. М.: в университ. тип. // Телескоп. 1836. № 9. Критика. С. 106–138. Подпись: Н.Н. (Уст. Козьмин.)

Не для г. Шевырева, а для читателей. Последнее слово об «Истории поэзии» // Телескоп. 1836. № 11. Критика. С. 393–434.

Post scriptum (Реплика на ст. Шевырева в седьмой книжке «Московского Наблюдателя») // Телескоп. 1836. № 11. Критика. С. 433–434. Подпись: Н.

Барон д'Эккштейн. Понятия язычников о Вере. (Пер. Н. Надеждин) // Телескоп. 1836. № 12. Науки и иск. С. 435–456. (Уст. Наволоцкая.)

Основания физики Михаила Павлова. М.: тип. Н. Степанова. 1836. Ч. I и II // Телескоп. 1836. № 12. Критика. С. 554–580. Подпись: Н. (Уст. Козьмин.)

Общий очерк природы по теории профессора Павлова // Телескоп. 1836. № 13. Науки и иск. С. 63–80. Подпись: -й-къ. (Коммент. Наволоцкой.)

Из Раумера. Мнение иностранца о русском правлении. (Пер. Н. Надеждина) // Телескоп. 1836. № 15. Соврем. Летоп. С. 384–389. (Уст. Наволоцкая.)

Университет на бумаге, без чтений, без классов, без студентов // Телескоп. 1836. № 15. Соврем. Летоп. С. 390–418. (Коммент. Наволоцкой.)

Ж.П. Шарпантье. Абельярд и Элоиза. Из истории литературы средних веков. (Пер. Н. Надеждин) // Телескоп. 1836. № 16. Науки и иск. С. 419–435. (Уст. Наволоцкая.)

(Revue Germanique). Обозрение немецкой литературы в первую половину текущего (1836) года. (Пер. Н. Надеждин) // Телескоп. 1836. № 16. Соврем. Летоп. С. 545–550.

Молва

Отечественные известия // Молва. 1836. Ч. 11. № 1. С. 3–7; № 2. С. 55–58; № 3. С. 81–82; № 4. С. 105–107. [Б. п.]

Московские записки // Молва. 1836. Ч. 11. № 6. С. 135–137; Ч. 11. № 8. С. 209–211 (О Н.В. Гоголе и «Ревизоре»); Ч. 11. № 11. С. 299–300 (О кончине проф. П.С. Щепкина.) [Б. п.]; Ч. 12. № 15. С. 67–69. Подпись: А.Б.В.

Театральная хроника // Молва. 1836. Ч. 11. № 1. С. 44–53. Подпись: (Н.).

[Рец.] Энциклопедический Лексикон. Том пятый. БАР – БИН. СПб. 1836, в тип. А. Плюшара. 572. (8). – Описание старопечатных книг Славянских, находящихся в библиотеке Московского первой гильдии купца и общества Истории и Древностей Российских благотворителя Ивана Никитича Царского. Издал Павел Строев. М.: в тип. Селивановского. 1836. 454. (8) // Молва. 1836. Ч. 11. № 9. С. 242–249. Подпись: (Н.).

Театральная хроника [О «Ревизоре» Н.В. Гоголя] // Молва. 1836. Ч. 11. № 9. С. 250–264. Подпись: А.Б.В.

Признаки мыслительности и жизни в Московском Наблюдателе. [Ответ на статью С.П. Шевырёва «Издатель Телескопа на Аустерлицком мосту»] // Молва. 1836. Ч. 11. № 10. С. 269–277. Подпись: Молва.

[Рец.] Воспоминания о Сицилии, А. Черткова. Часть I. М.: в тип. А. Семена. 1836. XXXI и 256. – Письма о Богослужении Восточной Церкви. СПб.: в тип. III отд. Е.И.В. канцелярии. 1836. 86 // Молва. 1836. Ч. 11. № 9. С. 290–294. Подпись: (Н.).

Мечта об итальянском театре в Москве // Молва. 1836. Ч. 12. № 16. С. 95–98. Подпись: А.Б.В.

История крестовых походов. Часть четвертая, содержащая в себе продолжение войн христиан против турков, общие рассуждения о состоянии Европы во время и после крестовых походов, с исчислением медалей крестоносных монархов и с четырьмя чертежами. Сочинение г. Мишо, члена Академии французской. Перевел с франц. Иван Бутовский. СПб.: в типогр. Военной, 1836. 780 // Молва. 1836. № 13. С. 12–18. Московские записки // Молва. 1836. № 15. С. 67–69.

1837

Об исторических трудах в России // БДЧ. 1837. Т. 20. № 1–2. (Т. 20). Раздел III. Науки и художества. С. 93–136.

Об исторической истине и достоверности // БДЧ. 1837. Т. 20. № 1–2. (Т. 20). Раздел III. Науки и художества. С. 137–172.

Новый курс философии. Сочинение Е. Жерюзе. Перевод с Франц. СПб.: в тип. Департамента Внешней Торговли. 1836. (8). 258 // Литературные Прибавления к Русскому Инвалиду. 1837. № 1 (2 янв.). С. 5–6. [Б. п.]

Опыт исторической географии Русского мира. Статья первая // БДЧ. 1837. Т. 22. № 6. Отд. III. Науки и художества. С. 27–79.

С чего должно начинать историю? // Литературные Прибавления к Русскому Инвалиду. 1837. № 13. С. 123–125; № 14. С. 132–134.

Очерки Швейцарии // Литературные Прибавления к Русскому Инвалиду. 1837. № 22 (29 мая). С. 207–212; № 23 (5 июня). С. 217–221; № 24 (12 июня). С. 227–231.

1838

Об исторических трудах в России // Журнал для чтения воспитанникам военно-учебных заведений. 1838. № 40. С. 342–378; № 41. С. 38–75.

Статьи в Энциклопедическом Лексиконе Плюшара (Т. 9–12)¹.

Энциклопедический Лексикон. Т. 9. Вар. – Вес. СПб. 1837. 552 с.

1. Вар. (слово Сирийское и Халдейское). С. 3. – 2. Варфоломеевская ночь. С. 11–27. – 3. Введение (*introductio*). С. 156. – 4. Введение Пресвятой Богородицы во храм. С. 156–157. – 5. Вводное предложение. С. 157–158. – 6. Вводные слова или речи. С. 158. – 7. Веельзевул. С. 204. – 8. Веельфегор. С. 204. – 9. Веймарское Великое Герцогство. С. 220–222. – 10. Веймарское княжество. С. 222–223. – 11. Веймар. С. 223. – 12. Вейссе, Христиан Феликс. С. 229–232. – 13. Веии, один из двенадцати окружных городов древней Этрурии. С. 236–237. – 14. Великая Россия. С. 261–276. – 15. Великая седмица. С. 279–280. – 16. Великая четыредесятница. С. 280–281. – 17. Великая Церковь. С. 281. – 18. Великие поклоны. С. 282. – 19. Великий, прилагательное. С. 282–283. – 20. Великий господин. С. 283. – 21. Великий канон. С. 284. – 22. Великий Князь. С. 284–285. – 23. Великий Первосвященник. С. 288–290. – 24. Великий Устюг. С. 291–296. – 25. Великий Царь. С. 296. – 26. Великое, в смысле нравственном. С. 312. – 27. Великое Герцогство. С. 312. – 28. Великое Княжество. С. 312. – 28. Великомученик и Великомученица. С. 313. – 29. Венадад. Под этим именем в Библии упоминается несколько царей древнего Сирийского царства. С. 340–341. – 30. Веневитинов, Дмитрий Владимирович. С. 367–368. – 31. Венеды, многочисленный народ, издревле рассеянный по всему пространству Европы. С. 369–373. – 32. Вениамин Румовский. С. 417. – 33. Вениамин, монах. С. 419. – 34. Вениамин, двенадцатый и последний сын патриарха Иакова. С. 419. – 35. Вениаминово колено, или потомство Вениамина, сына Иакова. С. 419–420. – 36. Венды, древнее Славянское народонаселение северо-восточной Германии. С. 428–435. – 37. Вергиний Роман. С. 448. – 38. Верина, Элия, супруга Византийского императора Льва I. С. 471. – 39. Вероника или Береника, Иудеянка, которая, по преданию <...> отерла платком или убрусом лицо Спасителя, когда он шествовал на Голгофу. С. 494. – 40. Веррес, Каий Корнелий,

¹ Всего статей Н.И. Надеждина за подписью «Н.Н.» в Энциклопедическом Лексиконе: Т. 9–45, Т. 10–56, Т. 11–15, Т. 12 с доп. – 8. Итого: 45 + 56 + 15 + 8 = 124 статьи.

пропретор, или губернатор Сицилии, перешедший в потомство с клеймом позора и проклятия в речах Цицерона. С. 496–497. – 41. Веррий Флакк, отпущенник Августа, славный в свое время грамматик или профессор словесности. С. 498. – 42. Версификация, иначе стихосложение. С. 501–518. – 43. Вер Люций Элий Цезоний Коммод, император Римский в сотовариществе Марка Аврелия. С. 536–537. – 44. Веселейл, художник, избранный самим Богом для устроения скинии, кивота и всех других утварей ветхозаветного богослужения. С. 538. – 45. Веспасиан, Тит Флавий Сабин, император Римский. С. 542–544. (Подпись: Н.Н.)

Энциклопедический Лексикон. Т. 10. Вес – Вку. СПб. 1837.

1. Вестриций Спуринна, лирический поэт, современник Плиния Младшего. С. 13–14. – 2. Вестфальский мир. С. 16–20. – 3. Весь. С. 29–30. – 4. Ветилии, Бетильи, священные камни у древних Финикиян. С. 34–35. – 5. Ветилуя, город Иудейский, спасенный от Олоферна. С. 35. – 6. Веттурино. С. 38. – 7. Ветурия, мать К. Марция Кориолана. С. 38–39. – 8. Ветхий деньми, Атик-Иомин. Так называет Пророк Даниил Бога. С. 39–40. – 9. Вечери Братства, или вернее Вечери Любви, Агапы. С. 47–48. – 10. Вечерня, церковная служба. С. 48–49. – 11. Вечерня Сицилийская, ужаснейшая сцена кровопролития в истории средних веков. С. 49–57. – 12. Вечеря Господня, Вечеря Тайная. С. 57–58. – 13. Вещественники, материалисты, еретики, которые разделяли учение Гермогена о сущности вещества или материи Богу. С. 58–59. – 14. Вещество, в философском смысле. С. 59. – 15. Вещь. С. 59–60. – 16. Вефиль, Бет-Эль, место, а впоследствии город Земли Обетованной. С. 60–61. – 17. Вефорон, Бет-Хорон, города Земли Обетованной. С. 61. – 18. Вефсан, Бет-шеан, один из знатнейших городов Земли Иудейской. С. 61. – 19. Вибии, одна из известных плебейских фамилий в Риме. С. 66. – 20. Вибий Крисп, Римский оратор. С. 66. – 21. Вибий Панса Кай, Римский консул. С. 66. – 22. Вибий Флор Люций и Вибия Хелидон, супруги поэты. С. 66–67. – 23. Вигиланций, священник Барселонский, в конце IV века. С. 20. – 24. Вигиланция, сестра императора Юстиниана I, мать Юстина II. Шафарик весьма правдоподобно считает это имя Славянским: «Бегленица». С. 77. – 25. Вигилии. Бдение. С. 77. – 26. Вигилий, папа Римский. С. 77–79. – 27. Вигилий, епископ Таппский в Африке, жил в конце V столетия.

С. 79–80. – 28. Вигилий, Святой. С. 80. – 29. Вигилий, прозванием Диакон. С. 80. – 30. Викарий. С. 116. – 31. Викторина, или Виктория Аврелия. С. 125. – 31. Викторин, Святой. С. 125–126. – 32. Викторин, Фабий Марий, знаменитый ритор и грамматик IV века. С. 126. – 33. Виктор, несколько пап и антипап носили это имя. С. 128–129. – 34. Виктор Секст Аврелий, историк Римский IV века. С. 130–131. – 35. Виктор Секст Аврелий по прозванию Младший или Меньшой. С. 131. – 36. Виктор Публий, писатель IV века. С. 131. – 37. Виктор Клавдий Марий. С. 131. – 38. Виктор, епископ Капуйский. С. 131–132. – 39. Виктор, епископ Мавританийского города Картенны. С. 132. – 40. Виктор, епископ Тиннуны. С. 132. – 41. Винды, немецкое название Славян, обитающих в южной части прежде бывшего Австрийского округа Германской Империи, нынешней Каринтии, Краине и Штейермарке. С. 262–264. – 42. Виргилий, Публий Марон, знаменитейший Римский поэт. С. 353–368. – 43. Виргилий, причтенный Римско-католическою церковью к лицу Святых. С. 368–369. – 44. Вириат, храбрый Лузитанец, едва не отстоявший своего отечества от Римлян упорным сопротивлением их силе, за полтора века до Р.Х. С. 375–376. – 45. Висконти, древняя Ломбардская фамилия, игравшая важную политическую роль в Италии средних веков, собственно в Милане. С. 402–425. – 46. Виссарион, Иоанн, прежде православный архиепископ Никейский, потом кардинал Римской Церкви и патриарх по титулу Царьграда. С. 431–433. – 47. Виталиан, папа Римский. С. 440. – 48. Виталиан Флавий, происхождением Скиф. С. 440–441. – 49. Вителлески, Джоанни, епископ Реканати, после Флорентийского собора патриарх Александрийский по титулу. С. 454–455. – 50. Вителли, фамилия, некогда владычествовавшая в Читта де Кастелло, прославилась в конце XV и начале XVI вв. С. 455–456. – 51. Вителлий, Авл, император Римский. С. 456–458. – 52. Вителлий, Римский юристконсульт времен Август. С. 458. – 53. Вителлий, К. Эвлогий. С. 458. – 54. Виченца, главный город Виченцкой провинции в Венецианской губернии. С. 491–494. – 55. Вифания, иначе Спасо-Вифанский монастырь, второклассный мужской и вместе училищный монастырь Московской епархии, в трех верстах от Троице-Сергиевой лавры. С. 516–519. – 56. Вкус (в эстетическом смысле) – способность судить об изящном в явлениях. С. 544–548. (Подпись: Н.Н.)

Энциклопедический Лексикон. Т. 11. Вла – Вон. СПб. 1838. 478 с.

1. Власти, один из девяти чинов ангельских. С. 101. – 2. Власти, духовные сановники. С. 101. – 3. Вникание. С. 107. – 4. Внимание. С. 107–108. – 5. Внятие. С. 109–110. – 6. Богуличи или Богулы. С. 121–124. – 5. Вода Святая. С. 132–133. – 6. Вода обличения клятвенная. С. 133–134. – 7. Вода очищенная. С. 134. – 8. Водоосвящение или Водосвятие. С. 145–146. – 9. Возбуждение страстей. С. 229–233. – 10. Возглас, на церковном языке, заключение молитв, громогласно произносимое священником. С. 235. – 11. Возглашение, риторическая фигура. С. 235. – 12. Воздвижение Честного и Животворящего Креста Господня. С. 236–238. – 13. Возложение рук, обряд. С. 256–257. – 14. Вознесение Иисуса Христа. С. 259. – 15. Возрождение. С. 272–273. (Подпись: Н.Н.).

Энциклопедический Лексикон. (Посвященный Его Величеству Государю Императору Николаю Павловичу). Т. 12. Воо – Вяз. СПб. 1838.

Вымь, река, впадающая в Вычегду. С. 229–231. – 2. Вычегда, река. С. 247–250. (Подпись: Н.Н.).

Дополнение к 12-ому тому. 3. Вологда, губернский город. С. 394–402. – 4. Вологодская губерния. С. 402–420. – 5. Восточная кафолическая Церковь. С. 420–454. – 6. Вселенский Патриарх. С. 454. – 7. Вселенские соборы. С. 454–472. – 8. Вход в Иерусалим. С. 474–477.

1839

Светлейший князь Потемкин-Таврический, образователь Новороссийского края // Одесский альманах на 1839 г. Одесса: в Городской тип. 1839. С. 1–96.

Светлейший князь Потемкин-Таврический, образователь Новороссийского края. Одесса: Гор. тип. 1839. [2], 96 с., 1 л. ил.

Русская Алгамбра // Одесский альманах на 1839 г. Одесса: в Городской тип. 1839. С. 371–487.

Народная поэзия у Зырян // Утренняя Заря. Альманах на 1839 год, изданный В. Владиславлевым. СПб.: Тип. Е. Фишера. 1839. С. 260–282.

Тоска Луны. (Стихотв.) // БдЧ. 1839. Т. 36. Ч. 2. № 70. Отд. I. Русская словесность. С. 140–142. Подпись: Надеждин.

1839–1840

Литературная летопись Одессы // Одесский альманах на 1840 г. Одесса: в городской тип. 1839. С. 1–39. [Б. п.]

Прогулка по Бессарабии // Одесский альманах на 1840 г. Одесса: в городской тип. 1839. С. 308–447.

1840

Палладий Роговский, первый русский доктор // СО. 1840. Т. IV. С. 598–628. Подпись: Н. Надеждин. Одесса. 1840.

О важности археологических и исторических исследований Новороссийского края преимущественно в отношении к истории и древностям русским // Торжественное собрание Одесского ОИД 4 февраля, 1840 г. Одесса: в городской тип. 1840. С. 25–58.

Прогулка по Бессарабии // Журнал для чтения воспитанникам военно-учебных заведений. 1840. Т. 26. № 101. С. 7–70; № 102. С. 157–220.

1841

N. Nadeschdin. Die Mundarten der russischen Sprache (Статья о наречиях русского языка. На немецком языке) // Jahrbücher der Literatur. Wien (Вена). 1841. Bd. XCV. S. 181–240.

Сила воли. (Воспоминание путешественника) // Сто русских литераторов. Издание книгопродавца А. Смирдина. Т. II. СПб.: в тип. Бородина и Ко. 1841. С. 396–558. (На с. 396 – портрет Н.И. Надеждина, на с. 398 - иллюстрация к повести, выполненная Т.Г. Шевченко).

Письмо из Вены о Сербских песнях [Известие об издании В. Караджича, с отрывками песен] // Москвитянин. 1841. Часть III. № 6. Славянские известия. С. 514–525.

1842

Род Княжевичей. Одесса: Гор. тип. 1842. 102 с. 1 л. фронт. (портр.); 2 л. ил. Посвящ. Елисавете Алексеевне Княжевич. (В экземпляре РГБ – автограф Н.И. Надеждина: «Елисавете Алексеевне Княжевич. Вам, праматери Княжевичей в России, посвящает описание происхождения и распространения “Рода Княжевичей” исполненный беспредельной преданности к Вам и ко всем Вашим Н. Надеждин. 29 марта 1842. Одесса».)

Геродотова Скифия, объясненная через сличение с местностями. Одесса: Гор. тип. 1842. 114 с. (Примечание: Отт. из «Зап. Одес. о-ва любителей истории и древностей». Т. 1. 1844.)

О местоположении древнего города Пересечена, принадлежавшего народу Угличам. Одесса: Гор. тип. 1842. [2], 14 с. (Примечания: Из «Зап. Одес. о-ва истории и древностей». Т. 1. 1844. С. 235–256.)

Черногорцы. (Из воспоминаний путешественника) // Утренняя Заря. Альманах на 1842 год, изданный В. Владиславлевым. СПб.: Тип. III Отд. Собственной Е.И.В. канцелярии. 1842. С. 209–254.

Записка о путешествии по южно-славянским странам // ЖМНП. 1842. Ч. XXXIV. Отд. II. С. 87–106.

Письмо к издателям. 16 марта 1842. [О критическом разборе двух брошюр (1. Несколько слов о том, пишут ли Сербы буквами своего изобретения? Соч. Дмитрия Тирола; 2. Болгарские книжники, или Какому Славянскому племени принадлежит Кирилловская азбука? Соч. Василия Априлова), напечатанном во 2-й книжке «Сына Отечества» за 1842 год в разделе «Критика» С. 1–8] // СП. 1842. № 77 (7 апр.). С. 306–307; № 78 (8 апр.). С. 310–311. Подпись: Н. Надеждин. Одесса, 16-го марта 1842.

1843

Армяно-григорианская церковь. СПб. 1843. [1], 51 с. (Отт. из ЖМВД. 1843.)

Избрание верховного патриарха католикоса армяно-григорианской церкви. СПб. 1843. 52 с. (Отт. из ЖМВД.)

Новороссийские степи // ЖМВД. 1843. Ч. I. С. 5–73. [Б. п.]

Новое образование Северо-Западных губерний Империи // ЖМВД. 1843. Ч. I. Смесь. С. 146–147. [Б. п.]

Племя русское в общем семействе славян // ЖМВД. 1843. Ч. I. С. 163–170. [Б. п.]

Северо-Западный край Империи в прежнем и настоящем виде // ЖМВД. 1843. Ч. I. С. 207–241; С. 382–449. [Б. п.]

Гиржавский монастырь в Бессарабии // ЖМВД. 1843. Ч. II. С. 167–199. [Б. п.]

Пустынь преподобного Нила // ЖМВД. 1843. Ч. II. С. 395–421. [Б. п.]

Атлас Подольской Губернии // ЖМВД. 1843. Ч. II. С. 311–353. [Б. п.]

Права состояния разных классов народонаселения области Бессарабской // ЖМВД. 1843. Ч. III. С. 48–64. [Б. п.]

Состав и устройство городов в губерниях Остзейских // ЖМВД. 1843. Ч. III. С. 383–428. [Б. п.]

Армяно-григорианская церковь // ЖМВД. 1843. Ч. III. С. 187–237.

Избрание верховного патриарха католикоса армяно-григорианской церкви // ЖМВД. 1843. Ч. III. С. 331–382. [Б. п.]

Состав и устройство Земской Полиции в губерниях Остзейских // ЖМВД. 1843. Ч. IV. С. 209–242. [Б. п.]

1844

Какие реки образуют Северную Двину? // Санкт-Петербургские Ведомости. 1844. № 233 (12 окт.). Смесь. С. 1049–1050.

Краткий обзор правительственных действий Министерства Внутренних Дел за 1842 год. Из всеподданнейшего отчета Господина Министра // ЖМВД. 1844. Ч. V. С. 313–344.

Примечание к статье А. Леопольдова «Очерк Саратовского уезда по 1843 год» // ЖМВД. 1844. Ч. V. С. 448–449.

Исследования о городах Русских // ЖМВД. 1844. Ч. VI. С. 3–52; Т. VII. С. 207–256, 323–364.

Примечание к статье П. Иосселиана «Туземные города, существовавшие и существующие в Грузии» // ЖМВД. 1844. Ч. VI. С. 377–378.

Москва и С.-Петербург, сравненные в отношении к их населению // ЖМВД. 1844. Ч. VI. С. 295–306. [Б. п.]

На что должно обращать внимание при исчислении народонаселения? // ЖМВД. 1844. Ч. VI. С. 457–469. [Б. п.]

Примечание к статье «Заметки о самоедах. Из дорожного дневника В.Н. Латкина» // ЖМВД. 1844. Ч. VII. С. 3–4.

Освящение дома Римско-Католической Духовной Академии // ЖМВД. 1844. Ч. VII. С. 99–107. [Б. п.]

Геродотова Скифия, объясненная чрез сличение с местностями // Записки Одесского Имп. ОИД. Т. 1. Одесса. 1844. Отд. 1. Рассуждения и исследования. Разд. I. Археология. С. 3–114.

О местоположении древнего города Пересечена, принадлежавшего народу Угличам // Записки Одесского Имп. ОИД. Т. 1. Одесса. 1844. Отд. 1. Рассуждения и исследования. Разд. III. География. С. 243–256.

[Рец.] *Skythien und die Skythen des Herodot, und seine Ausleger, nebst Beschreibung des heutigen Zustandes jener Länder, von Dr. F.L. Lindner* (Скифия и Скифы Геродота, и его толкователи, с описанием нынешнего состояния тех стран. Д. Фридриха Людвига Линднера, королевско-Баварского Советника Посольства). С четырьмя картами. Штутгарт. Издание Э. Швейцербarta. 1841 // Записки Одесского Имп. ОИД. Т. 1. Одесса. 1844. Отд. 2. Сборник материалов. Разд. IV. Современная библиография. С. 393–431.

Славянская надпись в Килийской церкви Святого Николая // Записки Одесского Имп. ОИД. Т. 1. Одесса. 1844. Отд. 2. Сборник материалов. С. 292–300.

[Рец.] Путешествие чрез Южную Россию, Крым и Одессу, в Константинополь, Малую Азию, Северную Африку, Мальту, Сицилию, Италию, Южную Францию и Париж, в 1836 и 1837 годах. Н.С. Всеволожского. Том 1. М.: в тип. А. Семена. 1839 // Записки Одесского Имп. ОИД. Т. 1. Одесса. 1844. Отд. 2. Сборник материалов. Разд. IV. Современная библиография. С. 438–441.

Отчет о путешествии, совершенном в 1840 и 1841 годах по Южно-Славянским землям. (Читан в торжественном собрании Общества 22 марта 1842 г.) // Записки Одесского Имп. ОИД. Т. 1. Одесса. 1844. Отд. 2. Сборник материалов. Разд. V. Путешествия и розыски по поручениям общества. С. 518–548.

Филологические Наблюдения протоиерея Г. Павского над составом русского языка. СПб. 1841 и 1842. Три рассуждения, в трех книгах // ОЗ. 1844. Т. 34. № 6 (июнь). Отдел V. Критика. С. 33–48. (Статья первая); Т. 35. № 8 (август). Отдел V. Критика. С. 17–32. (Статья вторая). Подпись: Н.Н.

Сафонов С., Надеждин Н., Григорьев В. Дмитрий Максимович Княжевич. Некролог. СПб.: тип. Министерства внутренних дел. 1844. XXIV с. (Отд. отт. Чрезвычайное прибавление к «Запискам Одесского ОИД». 1844. Т. 1.)

1845

Учреждение Губернских Правлений // ЖМВД. 1845. Т. IX. С. 177–187. [Б. п.]

Объем и порядок обозрения народного богатства, составляющего предмет хозяйственной статистики // ЖМВД. 1845. Т. IX. С. 5–39, 269–290. [Б. п.]

Город Кишинев. (Составлено из материалов, собранных на месте под руководством покойного Попечителя Одесского Учебного Округа, Тайного Советника Д.М. Княжевича, при непосредственном содействии Местного Начальника, Военного Губернатора, Генерал-Лейтенанта П.И. Федорова) // ЖМВД. 1845. Т. IX. С. 94–119. [Б. п.]

Краткий обзор правительственныех действий Министерства Внутренних Дел за 1843 год. Из всеподданнейшего отчета Господина Министра // ЖМВД. 1845. Т. XI. С. 414–454. [Б. п.]

Краткий обзор правительственныех действий Министерства Внутренних Дел за 1844 год. Из всеподданнейшего отчета Господина Министра // ЖМВД. 1845. Т. XII. С. 450–484. [Б. п.]

Исследование о скопческой ереси. СПб. 1845. 384 + 120 с., 6 л. ил., портр.

Базель. (Из путевых записок) // Иллюстрация. 1845. № 20 (25 авг.). С. 307–310. Подпись: Н. Н.-Ь.

1846

Новое общественное устройство С.-Петербурга // ЖМВД. 1846. Т. XIV. С. 345–412. [Б. п.]

Объявление от Русского Географического Общества // ЖМВД. 1846. Т. XV. С. [1–4] (без пагинации страниц). [Б. п.]

Краткий обзор правительственных действий Министерства Внутренних Дел за 1845 год. Из всеподданнейшего отчета Господина Министра // ЖМВД. 1846. Т. XVI. С. 409–454. [Б. п.]

Общие городские выборы в С.-Петербурге, по новому устройству // ЖМВД. 1846. Т. XVI. С. 311–354. [Б. п.]

Гротта-Феррата // Картины Русской Живописи, изданные под редакциею Н.В. Кукольника. СПб. 1846. С. 35–70.

Изображение Божией Матери // Картины Русской Живописи, изданные под редакциею Н.В. Кукольника. СПб. 1846. С. 171–192.

Русские путешественники к Святым местам // Картины Русской Живописи, изданные под редакциею Н.В. Кукольника. СПб. 1846. С. 219–272.

1847

Мещанское сословие в Москве (за 1845 год). Из сведений, собранных на месте, по распоряжению Министерства В.Д. // ЖМВД. 1847. Т. XVII. С. 71–86. [Б. п.]

Общественное хозяйство городов империи (Статья I. Краткий исторический очерк отечественного законодательства по городовому хозяйству. – Статья II. Новый порядок издания годовых росписей С.-Петербурга и Москвы) // ЖМВД. 1847. Т. XVIII. С. 278–302; Т. XIX. С. 3–23. [Б. п.]

Об этнографическом изучении народности русской. (Читана в годовом собрании Русского Географического Общества 29 ноября 1846 года) // Записки РГО. Кн. 2. СПб. 1847. С. 61–115.

Краткий обзор правительственных действий Министерства Внутренних Дел за 1846 год. Из всеподданнейшего отчета Господина Министра // ЖМВД. 1847. Т. XX. С. 449–482. [Б. п.]

1848

Общественное хозяйство городов империи (Статья III. Обороты городских сумм по С.-Петербургу и Москве в последнее пятидесятилетие) // ЖМВД. 1847. Т. XX. С. 5–39. [Б. п.]

Город Зарайск в старину и ныне. СПб. 1848. 32 с.

Город Зарайск в старину и ныне // ЖМВД. 1848. Ч. XXI. Кн. 3. С. 371–402.

Путевые заметки о некоторых губерниях средней России. [О состоянии важнейших сухопутных сообщений в 6-ти около-Московских губерниях: Тверской, Ярославской, Владимирской, Рязанской, Тульской и Калужской] // ЖМВД. 1848. Ч. XXII. С. 293–327; Ч. XXIII. С. 3–32; 199–228. [Б. п.]

Примечания Редакции ЖМВД (Н.Н. Надеждина и К.А. Неволина) к статье М.П. Погодина «Розыскания о городах и пределах древних Русских княжеств с 1054 по 1240 год» // ЖМВД. 1848. Ч. XXII. С. 293–327; Ч. XXIII. С. 70–146; 429–471; Ч. XXIV. С. 91–127; С. 185–211.

Краткий обзор правительственных действий Министерства Внутренних Дел за 1847 год. Из всеподданнейшего отчета Господина Министра // ЖМВД. 1848. Т. XXIV. С. 363–426. [Б. п.] [С. 363: «На подлинном отчете собственною Его Императорского Величества рукою написано: “Читал с удовольствием”».]

Об исследованиях Сарай, Бывшего столицею Золотой Орды // Москвитянин. 1848. Ч. 1. № 1. Разные известия. С. 36–38. Подпись: N.N. (в оглавлении номера).

[Рец.] Статистические очерки России, соч. К. Арсеньева. СПб. 1848 // Москвитянин. 1848. № 8. Критика. С. 25–33. Подпись: N.N. (в оглавлении тома).

Этнографическая программа Русского Географического Общества. 1848. Отдельные листки. [Корректура Этнографической программы РГО опубликована: Васкул А.И. Этнографическая программа Русского географического общества // Русский фольклор. Материалы и исследования / ИРЛИ (Пушкинский дом) РАН. Отв. ред. М.В. Рейли. СПб.: Наука. 2012. Т. 36. С. 468–471].

1848–1849

Мысль поэта. (Слова Н.Н.) // Варламов А.Е. Собрание романсов и песен [для пения (сол., хор.) с сопровождением фортепиано]. Ч. 1. М.: Муз. магазин Ю. Грессера, [1848–1849]. 186 с. (По указ.).

1849

Предисловие к статье «Тверская губерния в 1783 и 1846 годах» // ЖМВД. 1849. Ч. XXVI. С. 228–230.

Краткий обзор правительственных действий Министерства Внутренних Дел за 1848 год. Из всеподданнейшего отчета Господина Министра // ЖМВД. 1849. Т. XXVIII. С. 349–428. [Б. п.] [С. 349: «На подлинном отчете собственною Его Императорского Величества рукою написано: “Читал с удовольствием”».]

1850

Городские выборы в С.-Петербурге // ЖМВД. 1850. Ч. XXX. С. 227–268. [Б. п.]

Краткий обзор правительственных действий Министерства Внутренних Дел за 1849 год. Из всеподданнейшего отчета Господина Министра // ЖМВД. 1850. Т. XXXII. С. 315–413. [Б. п.] [С. 315: «На подлинном отчете собственною Его Императорского Величества рукою написано: “Читал с удовольствием”».]

1851

Новое разделение и устройство составных частей Восточной Сибири // ЖМВД. 1851. Ч. XXXVI. С. 147–156. [Б. п.]

Известие о жизни и трудах преосвященного Иакова, архиепископа Нижегородского и Арзамасского // Географические Известия. 1850. Отд. IV. Смесь. С. 664–667.

1852

852–1852. Тысячелетие России // ЖМВД. 1852. Ч. XXXVII. С. 5–10. [Б. п.]

О сооружении памятника князю Дмитрию Михайловичу Пожарскому // ЖМВД. 1852. Ч. XXXIX. С. 269–271. [Б. п.]

Примечания к статье М.П. Погодина «О месте погребения Князя Дмитрия Михайловича Пожарского» // ЖМВД. 1852. Т. XL. С. 64–65. Подпись: Ред.

[Рец.] Филологические наблюдения над составом Русского Языка,protoиерея Г. Павского. 1850. Четыре части // Вестник Имп. РГО. 1852. Ч. 6. Отд. IV. Библиография. С. 109–120.

Инструкция Этнографическая // Свод инструкций, составленных для Камчатской Экспедиции, предпринимаемой Императорским Русским Географическим Обществом. СПб. 1852. С. 17–30.

1853

[Рец.] Записки Императорского Русского Географического Общества. Книжка VIII, содержащая в себе исследование К.А. Неволина о пятинах и погостах Новгородских в XVI веке, с приложением карты. СПб. 1853. (Прочитана в одном из заседаний Отдела Этнографии) // Вестник Имп. РГО. 1853. Ч. 8. Кн. 3. Отд. VI. Библиография. С. 47–52.

[Надеждин Н.И., Кавелин К.Д.] Предисловие [К Этнографическому Сборнику. Вып. 1] // Этнографический Сборник. 1853. Вып. 1. С. V–X. [Б. п.] («Редакциею первых четырех этнографических описаний, заключающихся в этом выпуске, заведывал Действительный Член Н.И. Надеждин, а редакциею последних семи – Действительный Член К.Д. Кавелин».)

От редакции. [Предисловие к статье А. Преображенского «Приход Станиловский на Сити. Ярославской губернии Моложского уезда»] // Этнографический Сборник. 1853. Вып. 1. С. 125–130.

Предисловие к статье «Горные Черемисы в Казанской губернии», составленной по сведениям свящ. Михаила Кроковского // ЖМВД. 1853. Ч. XLI. С. 221–224. [Б. п.]

Примечания к статье «Историческая записка о городе Каменце-Подольском» // ЖМВД. 1853. Ч. II. Отд. 3. С. 1–48. [Б. п.]

Краткий обзор правительственных действий Министерства Внутренних Дел за 1852 год. Из всеподданнейшего отчета Господина Министра // ЖМВД. 1853. Ч. III. С. 253–298. [Б. п.]

1854

Рязань и ее Кремль. (В объяснение картинки) // ЖМВД. 1854. Ч. V. Отд. 5. Смесь. С. 28–32. [Б. п.]

Морское ополчение в 1854 году // ЖМВД. 1854. Ч. VI. Отд. 4. Современная летопись. С. 1–7. [Б. п.]

С.-Петербургское морское ополчение // ЖМВД. 1854. Ч. VII. Отд. 4. Современная летопись. С. 48–56. [Б. п.]

Рижское морское ополчение // ЖМВД. 1854. Ч. VIII. Отд. 4. Современная летопись. С. 1–4. [Б. п.]

1856

Автобиография (неоконченная) с дополнениями П.С. Савельева и со списком работ Надеждина // Русский Вестник. 1856. Т. 2. № 1. Март. С. 49–78.

Письма М.А. Максимовичу (6). 1839–1840 // Москвитянин. 1856. Т. I. № 3. С. 227–233.

1857

О Русских народных мифах и сагах, в применении их к географии и особенно к этнографии русской // РБ. 1857. Кн. III. С. 1–20; Кн. IV. С. 19–63.

1858

Георгий Черный по рассказам очевидцев // РБ. 1858. IV. Часть вторая. Смесь. С. 19–50.

1859

Заметка о Каменных бабах Н.И. Надеждина. (С примечаниями П.С. Савельева) // Известия Императорского Археологического Общества. Том 1. СПб. 1859. Ст. 165–168. [Примечание П.С. Савельева: «Эта заметка, найденная в бумагах покойного Надеждина, была написана им для бывшего министра внутренних дел графа Л.А. Перовского, и вследствие ее сделаны министром запросы о местонахождениях каменных баб начальствам разных губерний, от которых и получены сведения, напечатанные в извлечении в III томе Записок Археологического Общества (стр. 205–220) в статье о каменных бабах».]

1860

О заграничных раскольниках (Надеждина. 1846) // Сборник правительственныех сведений о раскольниках, составленный В. Кельсиевым. Лондон. 1860. Выпуск 1. С. 75–137. (Приложение к Записке Надеждина. С. 139–165.)

1862

Исследование о скопческой ереси. (Сочинение Надеждина. Напечатано по приказанию г. Министра внутренних дел. 1845) // Сборник правительственныех сведений о раскольниках, составленный В. Кельсиевым. Выпуск третий о скопцах. Лондон. 1862. 392 с. (разд. паг.)

1864

Письма Н.И. Надеждина к Ю.Н. Бартеневу // РА. 1864. № 1. Ст. 41–48.

1872

Далматинский епископ Венедикт Кралевич. (Записка Н.И. Надеждина, доставлена П.И. Мельниковым) // РА. 1872. № 2. Ст. 441–744.

1876

План полного собрания сведений, относящихся к расколам и раскольникам, представленный Н.И. Надеждиным министру внутренних дел графу А.А. Перовскому // Братское Слово. 1876. Кн. 2. Отд. II. С. 118–138.

1879

Спасение жизни Императора Николая Павловича. (С предисловием П.И. Мельникова) // РА. 1879. № 1. С. 140–141.

1881

Письма М.А. Максимовичу (15). 1835–1849. (Вступ. статья и прим. С. Пономарева) // Полярная Звезда. 1881. № 4. С. 3–31.

1884–1885

Из писем Н.И. Надеждина. (Письма Е.В. К-ой [Е.В. Сухово-Кобылиной] (10). 1834–1835. – Письмо неизвестному. Отрывок. 26 авг. 1834. (Ком. А.П. Добролюбского) // Труды Рязанской Учен. Арх. Комиссии. 1884–85. (Журналы заседаний Рязанской ученой архивной комиссии за 1883–1885 гг.). Т. I. Вып. I. Рязань. 1885. С. 55–60. (Прилож. С. 11–16); С. 14.

1885

Письма Е.В. Сухово-Кобылиной (8). 1834–1835. – Отрывки из дневника Н.И. Надеждина // РА. 1885. № 8. С. 573–583.

1886

Перевод Н.И. Надеждина из Шиллера: «Илиада, эпиграмма на Вольфистов» (МВ. 1830. № 4. С. 385) // Пономарев С.И. К изданию Илиады в переводе Гнедича. СПб.: тип. Акад. Наук. 1886. С. 142. [Данный перевод не указан в издании Гербеля «Шиллер в переводе Русских писателей». – Примеч. С.И. Пономарева.]

1887

Письмо Н.И. Надеждина [В.В. Григорьеву] (Одесса, 18 апреля 1842 г.) // Веселовский Н.И. Василий Васильевич Григорьев по его письмам и трудам, 1816–1881. СПб.: Имп. Рус. археол. о-во. 1887. [4], 288, 105 с., 1 л. портр., 2 л. факс. Приложения: С. 076–077.

Полтава, Поэма Александра Пушкина. (ВЕ. 1829. № 8–9). – Две повести в стихах: Бал и Граф Нулин. (ВЕ. 1829. № 3) // Зелинский В.А., сост. Русская критическая литература о произведениях А.С. Пушкина. Хронологический сборник критико-библиографических статей. Ч. II. М. 1887. С. 167–185, 194–203. (То же: Изд. 3-е. Ч. 2. М. 1905.)

1889

Письмо Ю.Н. Бартеневу (отрывок) // ИВ. 1889. № 8. С. 328–329.

Вечера на хуторе близь Диканьки. Повести, изданные Пасичником Рудым Паньком. Первая книжка. СПб.: в типогр. Департ. Нар. Просв. 1831. [«Телескоп». 1831. Ч. V. Отдел VI]. – [Вечера на хуторе близь Диканьки. Повести, изданные Пасичником Рудым Паньком. Книжка вторая. СПб. 1832]. Летописи отечественной литературы. (Отрывок). [«Телескоп». 1832. № 17. Ч. XI] // Зелинский В.А., сост. Русская критическая литература о произведениях Н.В. Гоголя. Хронологический сборник критико-библиографических статей. Ч. I. (1829–1842). М. 1889. С. 6–9, 16. (Изд. 2-е. М. 1900. С. 6–10, 18.)

1892–1896

Письма (17). Отрывки // Барсуков Н. Жизнь и труды М.П. Погодина. Т. III. СПб. 1890. С. 266, 323, 335; Т. V. 1892. С. 51–56, 325–326, 435, 436; Т. VI. 1892. С. 330, 331; Т. IX. 1895. С. 423; Т. X. 1896. С. 44–48, 456, 457. (М.А. Максимовичу (3). 24 авг. 1848 – б. д.; М.П. Погодину (13). 1840–1842; С.П. Шевыреву. Б. д.)

1894

Прошение Феофилакту, архиепископу Рязанскому // Труды Рязанской Учен. Арх. Комиссии. 1884–85. Т. IX. Вып. I. С. 55–58.

1895

Путевые письма Измаила Ивановича Срезневского из Славянских земель. 1839–1842. (С приложением карты). СПб. 1895. С. 188, 213, 252, 335, 351. (Н.И. Надеждин – по Указ.)

1900

Статьи Н.И. Надеждина: 1. Литературные опасения за будущий год. – 2. Сонмище Нигилистов. – 3. Две повести в стихах: Бал и Граф Нулин. – 4. О настоящем злоупотреблении и искажении Романтической Поэзии. Отрывки [из докторской диссертации]. – 5. Летописи отечественной литературы. Отчет за 1831 год. – 6. Из статьи о переводе на рус. яз. «Всеобщего начертания теории изящных искусств» Бахмана // ПСС В.Г. Белинского в двенадцати томах. (Под ред. и с примеч. С.А. Венгерова.) СПб.: тип. М.М. Стасюлевича. Т. I. 1900. Приложения. С. 453–542.

1904

Письма А.А. Краевскому (2). 25 ноября 1838, 24 февр. 1839. («Из переписки Н.И. Надеждина». Вступ. статья и прим. Н. Козмина) // РС. 1904. № 5. С. 393–399.

1905

Письмо В.В. Ганке. 9 мая 1843 // Письма к Вячеславу Ганке из славянских земель. (Изд. В.А. Францев). Варшава. 1905. С. 808–809. (Материалы для истории славянской филологии.)

Письмо А.А. Краевскому. 29 янв. 1840. (Вступ. статья и прим. Н.К. Козмина) // Известия ОРЯС Имп. АН. 1905. Т. X. № 4. С. 303–311.

1907

Лекции по археологии и теории изящных искусств // ЖМНП. 1907. Новая серия. Часть IX (июнь). С. 281–325; Часть X (июль). С. 26–71.

Евгений Онегин, роман в стихах. Глава VII, сочинение Александра Пушкина. – «Борис Годунов». Сочинение А. Пушкина. Беседа старых знакомцев // Русская критическая литература о произведениях А.С. Пушкина. Хронологический сборник критико-библиографических статей. Собрал В. Зелинский. Изд. 3. М. 1907. Часть третья. С. 19–41; С. 83–104. (То же: Изд. 2-е. Ч. 3. М. 1901.)

В чем состоит народная гордость? [Ответ на «Философическое письмо» Чаадаева]. (Публ. и вступ. заметка Н. Козмина) // РС. 1907. № 8. С. 237–258.

1909

Два ответа Надеждина Чаадаеву (I. «Так названное «Философическое письмо», помещенное в 15 книжке Телескопа за нынешний год, возбудило самое сильное и самое естественное негодование...». – II. В чем состоит народная гордость? Из письма к N.N.) // Лемке М. Николаевские жандармы и литература 1826–1855 гг. По подлинным делам третьего отделения собств. Е.И. Величества канцелярии. Изд. 2. СПб. 1909. Приложение IV. С. 592–607.

Письма Д.Н. Болговскому (2). 10 февр. – 31 авг. 1837 // Лемке М. Николаевские жандармы и литература 1826–1855 гг. Изд. 2. СПб.: С.В. Бунин. 1909. С. 459–461.

1911

Письма М.А. Максимовичу (5). 1837–1840. Отрывки // Русский филологический вестник. 1911. № 2. С. 340–342, 353, 355.

Письмо В.Г. Белинскому (1836) // Русская мысль. № 6. Отд. II. С. 42.

1912

Отрывок из рукописи: «Две главы исторической повести» // Н.К. Козмин. Николай Иванович Надеждин. Жизнь и научно-литературная деятельность. 1804–1836. СПб. 1912. С. 1.

Отцу моему. — Благодетелю. — Послание к сочинителю посланий графу Хвостову. — Реестр книг. [Стихи о книгах в отцовской библиотеке. Отрывки.] (Неизданные юношеские стихотворения Н.И. Надеждина) // Н.К. Козмин. Николай Иванович Надеждин. Жизнь и научно-литературная деятельность. 1804–1836. СПб. 1912. С. 3–6.

Прошение Феофилакту, архиепископу Рязанскому. (Юношеское стихотв., отрывок) // Н.К. Козмин. Николай Иванович Надеждин. Жизнь и научно-литературная деятельность. 1804–1836. СПб. 1912. С. 7.

Рассуждение о предметах поэзии. (Неизданное стихотв. 1818 г.) // Н.К. Козмин. Николай Иванович Надеждин. Жизнь и научно-литературная деятельность. 1804–1836. СПб. 1912. С. 12.

Преложение канона в день пятидесятницы, с посвящением: «Господину нашему Преосвященному Епископу Сергию Рязанскому и Зарайскому и Кавалеру – всепокорнейший раб Рязанской Семинарии низшего отделения Николай Надеждин». (Неизданное стихотв. 1817 г., отрывок) // Н.К. Козмин. Николай Иванович Надеждин. Жизнь и научно-литературная деятельность. 1804–1836. СПб. 1912. С. 14.

Речь на прибытие Архипастыря в Белоомут. (Отрывок) // Н.К. Козмин. Николай Иванович Надеждин. Жизнь и научно-литературная деятельность. 1804–1836. СПб. 1912. С. 14–15.

Письмо домой, отцу, от 23 января 1824 г. (Неизд., отрывок) // Н.К. Козмин. Николай Иванович Надеждин. Жизнь и научно-литературная деятельность. 1804–1836. СПб. 1912. С. 19–20.

Лекции по археологии (I. Об изящных искусствах и их делении. — II. О происхождении изящных искусств. — III. Об индийских памятниках изящных искусств. — IV. О финикийских памятниках изящных искусств. — V. Об ассирийско-аввилонских памятниках изящных искусств. — VI. О еврейских памятниках изящных искусств. — VII. О греческих памятниках изящных искусств. — VIII. Об этрусских памятниках изящных искусств) // Н.К. Козмин.

Николай Иванович Надеждин. Жизнь и научно-литературная деятельность. 1804–1836. СПб. 1912. С. 265–311.

Лекции по теории изящных искусств (I. Философия изящного. – II. Об идее красоты. – III. Аналитика изящного. – IV. О высоком. – V. О гении) // Н.К. Козмин. Николай Иванович Надеждин. Жизнь и научно-литературная деятельность. 1804–1836. СПб. 1912. С. 312–349.

Отрывки из дневника Н.И. Надеждина и писем к Е.В. Сухово-Кобылиной // Н.К. Козмин. Николай Иванович Надеждин. Жизнь и научно-литературная деятельность. 1804–1836. СПб. 1912. С. 459–506.

Н.И. Надеждин – Е.В. Сухово-Кобылиной. [Письма] // Чеботаревская А.Н. Любовь в письмах выдающихся людей XVIII и XIX века: Избранные Письма. (Предисл. Федора Сологуба). М. 1913. С. 337–343.

1931

[Эпиграммы Н.И. Надеждина]. К портрету Хлопушкина. (I. «Младой певец Фактыдурая!..». – II. «О Гений гениев! Неслышенное чудо!..») // Эпиграмма и сатира: Из истории литературной борьбы XIX века. М., Л.: Academia. 1931. Т. 1. 576 с. (По указ.).

1934

Письмо М.П. Погодину, в соавторстве с С.Т. Аксаковым и А.Ф. Томашевским. (Ком. М. Цявловского) // ЛН. 1934. Т. 16–18. С. 712.

1953

А.Б.Б.: Театральная хроника. [О «Ревизоре» Н.В. Гоголя. (Молва. 1836. № 9)] // Н.В. Гоголь в русской критике. Сборник статей. Подгот. текста А.К. Котова и М.Я. Полякова. Вступ. статья и прим. М.Я. Полякова. М.: Гослитиздат. 1953. С. 316–322. (Уст. Осовцов.)

1956

Юрий Милославский. Романтическое представление в пяти сутках (?), взятое из романа г. Загоскина, соч. кн. Шаховского. – Филипп, или Фамильная гордость. Комедия-водевиль в одном действии, соч. Скриба, Мельвиля и Баярда, переведенная г. Ленским. Спектакль на Большом театре, в бенефис г. Щепкина. (Молва. 1831. № 7) // Аксаков С.Т. Собрание сочинений. Т. 3. М. 1956. (Подг. текста и примеч. Машинского). С. 529–530. (Уст. Осовцов.)

Праородительница. Романическая трагедия в пяти действиях, в стихах, соч. Грильпарцера, перевод с нем. Ободовского. – Бандит, или Разбойник на бале. Романическая комедия-водевиль в двух действиях, с франц... Спектакль на Большом театре, в бенефис г. Мочалова. (Прибавление к Молве. 1831. № 8) // Аксаков С.Т. Собрание сочинений. Т. 3. М. 1956. (Подг. текста и примеч. Машинского). С. 531–535. (Уст. Осовцов.)

Театр. (Молва. 1831. № 17) // Аксаков С.Т. Собрание сочинений. Т. 3. М. 1956. (Подг. текста и примеч. Машинского). С. 537–538. (Уст. Осовцов.)

Театр. Невеста. Комическая опера в трех действиях, соч. Скриба, перевод г. Ленского, музыка Обера. – Знакомые незнакомцы. Комедия-водевиль в одном действии. Спектакль на Большом театре, в бенефис г. Бантышева. (Молва. 1831. № 21) // Аксаков С.Т. Собрание сочинений. Т. 3. М. 1956. (Подг. текста и примеч. Машинского). С. 539–543. (Уст. Осовцов.)

Фра-Диаволо, или Разбойники в Терачине. Опера в трех действиях. Соч. Скриба и Варнера, перевед. с франц. г. Зотовым; музыка Обера. – Старый гусар, или Пажи Фридриха II. Опера-водевиль в трех действиях, перевед. с франц. г. Ленским; музыка разных авторов. – Возвращение князя Пожарского в свое поместье. Большой аналогический дивертисман, поставленный г. Глушковским. Спектакль на Большом театре, в бенефис г-жи Над. Репиной. (Молва. 1831. № 23) // Аксаков С.Т. Собрание сочинений. Т. 3. М. 1956. (Подг. текста и примеч. Машинского). С. 544–547. (Уст. Осовцов.)

Деревенский поэт, или Любовь хитра на выдумки. Комедия в трех действиях, пер. с франц. – Зефир и Флора. Балет. Спектакль на М. театре. (Молва. 1831. № 24) // Аксаков С.Т. Собрание сочинений.

нений. Т. 3. М. 1956. (Подг. текста и примеч. Машинского). С. 548–549. (Уст. Осовцов.)

Пово (а) ра дипломаты. Комедия-водевиль в одном действии, соч. Рошефора, Бертелеми и Масона, пер. с франц. А.Н.П. – Братья матросы, или Отец поневоле. Опера-водевиль в одном действии Ф.А. Кони, сюжет заимст. с франц.; музыка разных авторов. – Я – мой брат. Комедия в одном действии с куплетами, перевед. с нем. Ф.А. Кони. – Девишик, или Филаткина свадьба, следствие яма и посиделок. Комическая опера в одном действии, соч. А. Княжнина, музыка А. Титова. Спектакль на Б. театре, в бенефис г. Живокини. (Молва. 1831. № 24) // Аксаков С.Т. Собрание сочинений. Т. 3. М. 1956. (Подг. текста и примеч. Машинского). С. 550–553. (Уст. Осовцов.)

Тереза, или Женевская сирота. Мелодрама в трех действиях. – Три десятки, или Новое двухдневное приключение. Опера в трех действиях, перевед. с франц. А.И. Писаревым; музыка А. Верстовского и А. Алябьева. Спектакль на Б. театре, в бенефис г. Орлова. (Молва. 1831. № 25) // Аксаков С.Т. Собрание сочинений. Т. 3. М. 1956. (Подг. текста и примеч. Машинского). С. 554–558. (Уст. Осовцов.)

Иосиф. Большая опера в трех действиях, соч. Дюваля, перевод Льва Брандта, музыка соч. Мегюля. – Зефир, или Ветреник, сделавшийся постоянным. Балет в одном действии, соч. Дюпора, поставленный Глушковским. На Малом театре. (Молва. 1831. № 30) // Аксаков С.Т. Собрание сочинений. Т. 3. М. 1956. (Подг. текста и примеч. Машинского). С. 559–560. (Уст. Осовцов.)

Театр. (Молва. 1831. № 33) // Аксаков С.Т. Собрание сочинений. Т. 3. М. 1956. (Подг. текста и примеч. Машинского). С. 561–562. (Уст. Осовцов.)

Ночь на Новый год. Новая комедия в трех действиях, перелож. из повести Щокке В. Мещериновым. – Молод и стар, женат и нет. Комедия-водевиль в двух действиях, перевед. с франц. Н.Ф. Павловым. – Сват Гаврилыч, или Сговор на яму. Интермедия с хорами и танцами. Спектакль на Большом театре, в пользу г-жи Кавалеровой. (Молва. 1831. № 38) // Аксаков С.Т. Собрание сочинений. Т. 3. М. 1956. (Подг. текста и примеч. Машинского). С. 563–565. (Уст. Осовцов.)

Фра-Диаволо, или Разбойники в Терачине. Опера в трех действиях, музыка Обера. – Странствующие лекаря. Опера-водевиль в одном действии. Спектакль на Большом театре (Молва. 1831. № 38) // Аксаков С.Т. Собрание сочинений. Т. 3. М. 1956. (Подг. текста и примеч. Машинского). С. 566–567. (Уст. Осовцов.)

Севильский цирюльник. Комедия в четырех действиях. – Две записки. Водевиль в одном действии. Спектакль на Малом театре. (Молва. 1831. № 40) // Аксаков С.Т. Собрание сочинений. Т. 3. М. 1956. (Подг. текста и примеч. Машинского). С. 568–570. (Уст. Осовцов.)

Вольные судьи, или Времена варварства. Историческое представление в (?) в четырех действиях. – Два мужа. Комедия-водевиль в одном действии, перевод г. Ленского. – Нина, или Сумасшедшая от любви. Балет в двух действиях. Спектакль на Б. театре, в пользу г-жи Ришард театре. (Молва. 1831. № 41) // Аксаков С.Т. Собрание сочинений. Т. 3. М. 1956. (Подг. текста и примеч. Машинского). С. 571–573. (Уст. Осовцов.)

Мария Стюарт. Трагедия. – Станислав. Водевиль. На Малом театре. (Молва. 1831. № 43) // Аксаков С.Т. Собрание сочинений. Т. 3. М. 1956. (Подг. текста и примеч. Машинского). С. 574–575. (Уст. Осовцов.)

1958

Письма А.А. Краевскому. Отрывки // Кулешов В.И. «Отечественные записки» и литература 40-х годов XIX века. М.: Моск. ун-т. 1958. С. 18, 357.

«Горе от ума», комедия в четырех действиях А. Грибоедова // А.С. Грибоедов в русской критике. Сборник статей. [Сост., вступ. статья и прим. А.М. Гордина]. М.: Гослитиздат. 1958. С. 60–69.

1959

Письмо неизвестному. Отрывок. (26 авг. 1834). – М.П. Погодину. Б. д. Отрывок // РЛ. 1959. № 4. С. 184, 185. (В статье С. Осовцова «К спорам о псевдониме “П.Щ.”».)

1969

Различие между классическою и романтическою поэзиею, объясняемое из их происхождения. (Отрывок из диссертации). – О настоящем злоупотреблении и искажении романтической поэзии. (Отрывки). – Лекции по археологии. (Отрывки). – Лекции по теории изящных искусств. (Отрывки) // История эстетики. Памятники мировой эстетической мысли. Т. 4. Первый полутом. Русская эстетика XIX века. М. 1969. С. 160–175. (Вступ. текст и сост. З.А. Каменского.)

1972

Литературная критика. Эстетика. М.: Художественная литература. 1972. 575 с. [Вступ. ст. Ю. Манна. «Факультеты Надеждина». С. 3–44]. (Произведения Н.И. Надеждина: Литературные опасения на будущий год. С. 47. – «Борский», соч. А. Подолинского. С. 67. – «Иван Выжигин», нравственно-сатирический роман (Сочинение Фаддея Булгарина). С. 79. – Всем сестрам по серьгам (Новая погудка на старый лад). С. 98. – О происхождении, природе и судьбах поэзии, называемой романтической. С. 124. – «Борис Годунов». Сочинение А. Пушкина. Беседа старых знакомцев. С. 254. – «Рославлев, или Русские в 1812 году». (М.Н. Загоскина) Статья I. С. 271. – «Вечера на хуторе близ Диканьки». Повести, изданные пасичником Рудым Паньком. С. 280. – «Горе от ума». Комедия в четырех действиях, А. Грибоедова. С. 283. – «Марфа Посадница Новгородская». С. 291. – «Всеобщее начертание теории изящных искусств» Бахмана. С. 296. – Летописи отечественной литературы. Повести Михаила Погодина. «Вечера на хуторе близ Диканьки». «Андрей Безымянный». «Досуги инвалида». Часть первая. I. «Матушка-мадам». II. «Марихен». С. 320. – Летописи отечественной литературы. «Русский Жилблаз. Похождение Александра Сибирякова, или Школа жизни. Сочинение Геннадия Симоновского». «Семейство Холмских. Некоторые черты нравов и образа жизни, семейной и одинокой, русских дворян». С. 326. – Летописи отечественной литературы. «Стихотворения Дениса Давыдова». «Замечания на Некрологию Н.Н. Раевского». С. 331. – «Новоселье». С. 337. – Русский театр. Письма в Петербург. С. 346. –

О современном направлении изящных искусств. С. 367. – Обозрение русской словесности за 1833 год. С. 376. – «Новоселье», часть вторая. С. 381. – Письма в Киев (к М., А. М-чу). О русской литературе. С. 388. – Европеизм и народность, в отношении к русской словесности. С. 394. – «История поэзии». Чтение адъюнкта Московского университета Степана Шевырева. С. 445. – Театральная хроника. С. 471–478. – Коммент. Ю. Манна. С. 479–549. – Указ. имен – С. 550. – Список иллюстраций. С. 574. – Содержание. С. 575).

1973

Мысль поэта. (Слова Н. Надеждина. Музыка А.Е. Варламова) // Варламов А.Е. Романсы и песни. Т. 1. Полное собрание: Для голоса в сопровождении фортепиано. (Авт. биогр. справки Н. Листова). М.: Музыка. 1973. С. 63–65.

Письма Н.И. Надеждина к Ф.А. Голубинскому. [4 письма, 1826–1838 гг.]. (Публ. и вступ. ст. Л.А. Ирсетской) // Государственная библиотека СССР им. В.И. Ленина. Записки отдела рукописей. Вып. 34. М. 1973. С. 178–194.

1974

О современном направлении изящных искусств. – Лекции по археологии. – Лекции по теории изящных искусств // Русские эстетические трактаты первой трети XIX века. Т. II. М.: «Искусство». 1974. (Сост., вступ. ст. и примеч. З.А. Каменского. Тексты подгот. к печати Н.В. Пашкова). С. 417–507.

1977

Отрывки из писем Н.И. Надеждина к К.С. Аксакову // ЕРОПД на 1975 год. Л.: Изд. «Наука». 1977. С. 18–19.

1978

Письма Н.И. Надеждина к М.Н. Погодину. [40 писем, 1829–1852 гг.]. (Публ. и вступ. ст. Л.А. Ирсетской) // Государственная

библиотека СССР им. В.И. Ленина. Записки отдела рукописей. Вып. 39. М. 1978. С. 178–224. [В письме № 34 (не ранее апреля 1848) содержится рассказ об истории создания статьи Н.И. Надеждина на немецком языке, опубликованной в журнале «Wiener Jahrbücher», и основные положения этой статьи «об истории русской письменности и русского языка» в виде 16-ти тезисов (С. 214–219).]

1988

[Эпиграммы Н.И. Надеждина]. К портрету Хлопушкина. 1. «Младой певец Фактыдурая!..». – 2. «О Гений гениев! Неслышенное чудо!..» // Русская эпиграмма (XVIII – начало XX века). Сост. М.И. Гилльельсон, К.А. Кумпан. Л.: Советский писатель. Изд. 3. 1988. С. 322.

1989

Два ответа Надеждина Чаадаеву // П.Я. Чаадаев. Сочинения. М.: Изд. «Правда». 1989. С. 533–550 (I); С. 550–554 (II. В чем состоит народная гордость?).

1991

Опыт исторической географии русского мира по Н.И. Надеждину. [Отрывок] // Стерх. 1991. № 1. С. 4–5.

1993

Изображения Божией Матери. (1846). [Отрывок] // Философия русского религиозного искусства. Антология. (Сокровищница русской религиозно-философской мысли. Вып. 1). Сост. Н.К. Гаврюшин. М. 1993. С. 65–70.

1994

Об этнографическом изучении народности русской. Ч. 1–2. (Публ. и предисловие Соловей Т.Д.) // Этнографическое обозрение. 1994. № 1. С. 107–117; № 2. С. 124–139.

1995

О происхождении, существовании и падении итальянских торговых поселений в Тавриде // Брега Тавриды. Симферополь. 1995. № 6 (23). С. 214–268.

2000

Сочинения в двух томах. Под общ. ред. З.А. Каменского. Ин-т философии РАН. СПб.: Изд. Рус. христиан. гуманитар. института. 2000. [Загл. обл.: Эстетика. Философия]. (Содержание: Т. 1: Эстетика; Т. 2: Философия). 973 с. [Содержание: Том 1. Эстетика: З.А. Каменский. Надеждин – эстетик и философ. С. 5. – Статьи и диссертация: Автобиография. С. 33. – О высоком. С. 50. – О происхождении и судьбах поэзии, называемой романтической. С. 93. – Евгений Онегин. Роман в стихах. Глава VII. Сочинение Александра Пушкина. С. 258. – Необходимость, значение и сила эстетического образования. С. 262. – Всеобщее начертание теории изящных искусств Бахмана. Ч. I. С. 275. – Всеобщее начертание теории изящных искусств Бахмана. Ч. II. С. 305. – О современном направлении изящных искусств. С. 307. – Вкус. С. 350. – Лекции: Лекции по Эстетике 1832/1833 учебного года: 1. Психология и философия изящного. С. 361. – 2. Об эстетическом чувстве. С. 363. – 3. Развитие эстетического чувства. С. 368. – 4. Развитие эстетического чувства (2). С. 373. – 5. Идея изящного. С. 379. – 6. Идея и форма. С. 382. – 7. Об эстетических силах, или условиях эстетики. С. 387. – 8. Об эстетических силах, или условиях эстетики. С. 392. – 8 а. Об эстетических силах, или условиях эстетики (3). С. 395. – 9. О высоком. С. 398. – 10. О высоком (2). – 11. О высоком (Продолжение О высоком). С. 408. – 12. Изобретение, расположение и выражение. С. 410. – 13. Изложение или выражение. С. 414. – 14. Архитектоника. С. 419. – 15. О гении. С. 425. – 16. О гении (2). С. 428. – 16 а. О гении (3). С. 431. – 17. О гении и вкусе. С. 433. – 18. О ведущей силе в искусстве. С. 435. – 19. После вкуса о критике. С. 442. – 20. О стилях произведений изящных искусств. С. 446. – Лекции по археологии. С. 451; – Приложения: И.Н. Средний-Камашев. Несколько замечаний на рассуждение Надеждина «О происхождении, свойствах и судьбе

поэзии, называемой романтической». С. 461. – Н. Полевой. Рецензия на диссертацию Н.И. Надеждина. С. 469; – Комментарии и примечания к Первому тому. С. 481.

Том 2. Философия: История философии: Гимны Орфея, Золотые стихи Пифагора. С. 533. – Платон, философ оригинальный, систематический. С. 549. – Идеология по учению Платона. С. 554. – Метафизика Платонова. С. 564. – Сочинения Д.В. Веневитинова. С. 580. – Вещественники, материалисты. С. 583; – DUBIA: Новый курс философии. С. 587; Натурфилософия: Учебная книга натуральной философии Окена. С. 597. – Основания физики Михаила Павлова. Ч. I. С. 614. – Основания физики Михаила Павлова. Ч. I и II. С. 622; – DUBIA: Публичный курс общей физики. С. 642. – Общий очерк природы. С. 647; – Логика: Логика, выбранная из Клейна. С. 659. – Лекции по логике. С. 665; – Философия истории. История России: История русского народа. Сочинение Николая Полевого. С. 707. – Современное направление просвещения. С. 725. – Летописи отечественной словесности. С. 750. – Об исторической истине и достоверности. С. 760. – В чем состоит народная гордость? С. 796. – Сатира Надеждина на отечественную вульгаризацию романтизма и немецкой философии: Литературные опасения на будущий год. С. 803. – Сонмище нигилистов (сцена из литературного балагана). С. 817. – «Борский». Сочинение А. Подолинского. С. 821. – Иван Выжигин. Нравственно-сатирический роман. Сочинение Фадея Булгарина. С. 824. – Всем сестрам по серьгам. С. 827; Полемика Н. Надеждина с С. Шевыревым: История поэзии. Чтения Адъюнкта Московского Университета Степана Шевырева. С. 839. – Для г. Шевырева. С. 842. – Не для г. Шевырева, а для читателей. Последнее слово об истории поэзии. С. 851; – Приложения: Н.И. Надеждин. Рассуждение об опасности излишнего доверия разуму при изъяснении Священного Писания. С. 857. – М.Б. Чистяков. Воспоминания о Н.И. Надеждине. С. 862. – Н.Г. Чернышевский. Из очерков гоголевского периода русской литературы. С. 893; Комментарии и примечания ко второму тому. С. 917. – Содержание. С. 971].

2001

«Всеобщее начертание теории изящных искусств» Бахмана // Фридрих Шеллинг: *Pro et contra* / Сост., вступ. ст. В.Ф. Пустарникова, примеч. М.А. Ходанович. СПб.: РГХИ. 2001. (Русский путь). С. 72–79.

«Основания физики» Михаила Павлова // Фридрих Шеллинг: *pro et contra* / Сост., вступ. ст., В.Ф. Пустарникова, примеч. М.А. Ходанович. СПб.: РГХИ. 2001. (Русский путь). С. 80–82.

2005

«История поэзии». Чтения адъюнкта Московского университета Степана Шевырева (Отрывки) // Московский университет в судьбе русских писателей и журналистов. Воспоминания. Дневники. Письма. Статьи. Речи. М.: Изд. «ВК». 2005. 171–177.

2007

Об этнографическом изучении народности русской: начало // Вестник Общества русской народной культуры «Большая Медведица». Иваново: Изд. Роща Академии. 2007. № 1. С. 12–22.

2008

Мысль поэта = Poetic Thought (Сл. Н.И. Надеждина) // Варламов А.Е. Александр Варламов и его время [Звукозапись]: Романсы, песни и фортепианные пьесы. (Исполн.: М. Филиппова, меццо-сопрано, А. Пуляев, фп.). СПб.: IM Lab. 2008. 1 зв. диск (65 мин.) + прил. (19 с.).

Изображение Божией Матери. [Отрывок] // Трубецкой Е.Н. Иконы России. М.: Эксмо. 2008. 286, [1] с. С. 14–23.

2012

Исследование о скопческой ереси. (Предисл. В.И. Кельсиева). Изд. 2-е. М.: Книжный дом «Либроком». 2012. 348 с. (Репринтное издание.)

2014

Образователь Новороссийского края. Светлейший князь Григорий Потемкин-Таврический. (Вступл. и публ. М.А. Бирюковой и А.Н. Стрижёва) // НКР. 2014. № 10. С. 34–43; № 11. С. 29–40.

Черногорцы. (Вступл. и публ. М.А. Бирюковой и А.Н. Стрижёва) // НКР. 2014. № 12. С. 21–27.

2015

Об исторических трудах в России. – Об исторической истине и достоверности // Взгляд на историю как на науку: Малоизвестные источники по русской историографии (первая половина XIX в.). Сост. Р.А. Киреева, К.Б. Умбрашко. М.; СПб.: Институт российской истории РАН; Центр гуманитарных инициатив. 2015. (Historia Russica). С. 221–254; С. 254–283.

Новороссийские степи. (Вступл. и публ. М.А. Бирюковой и А.Н. Стрижёва) // НКР. 2015. № 1. С. 37–44; № 2. С. 35–44.

Гиржавский монастырь в Бессарабии. Очерк. (Вступл. и публ. М.А. Бирюковой и А.Н. Стрижёва) // НКР. 2015. № 3. С. 41–48.

Великая Россия. Очерк. (Вступл. и публ. М.А. Бирюковой и А.Н. Стрижёва) // НКР. 2015. № 4. С. 38–44; № 5. С. 40–45.

О городах русских. Исследование. (Вступл. и публ. М.А. Бирюковой и А.Н. Стрижёва) // НКР. 2015. № 6. С. 40–46; № 7. С. 36–41; № 8. С. 34–41; № 9. С. 33–41.

С чего должно начинать историю. (Вступл. и публ. М.А. Бирюковой и А.Н. Стрижёва) // НКР. 2015. № 10. С. 34–38; № 11. С. 36–40.

2015–2016

О важности исследования Новороссийского края, преимущественно в отношении к истории и древностям русским. (Вступл. и публ. М.А. Бирюковой и А.Н. Стрижёва) // НКР. 2015. № 12. С. 36–41; 2016. № 1. С. 41–47; № 2. С. 37–39.

2016

О Русских народных мифах и сагах. (Вступл. и публ. М.А. Бирюковой и А.Н. Стрижёва) // НКР. 2016. № 4. С. 32–41; № 5. С. 39–49; № 6. С. 41–48.

Северо-Западный край Империи. (Публ. М.А. Бирюковой и А.Н. Стрижёва) // НКР. 2016. № 7. С. 25–33; № 8. С. 22–31; № 9. С. 28–32.

2017

Русские путешественники к Святым местам. (Публ. М.А. Бирюковой) // НКР. 2017. № 7. С. 18–24; № 8. С. 13–18.

Восточная Кафолическая Церковь. Из «Энциклопедического Лексикона». (Публ. М.А. Бирюковой) // НКР. 2017. № 9. С. 19–25; № 10. С. 20–26; № 11. С. 23–29; № 12. С. 20–23.

**ЛИТЕРАТУРА О Н.И. НАДЕЖДИНЕ,
ПИСЬМА К НЕМУ**

1828

Бенигна И. Новости и перемены в Московской журналистике на 1829 год. [О Вестнике Европы] // МТ. 1828. № 20. С. 489–493.

Бенигна. Литературные опасения кое за что. [По поводу «Литературных Опасений» Вестника Европы]. (Подзаголовок вверху стр. 349–379: «Все на свете суета») // МТ. 1828. № 23. С. 349–380.

1829

Литературная задача. [О «Гимнах Орфея» и «Золотых стихах Пифагора»] // МТ. 1829. № 14. Июль. Смесь. С. 255–258. Подпись: Трофим Трандафель.

Ящик. (Образчик правописания и слога Вестника Европы на 1829 год. – Вопросы Г. Экс-Студенту Недоумке) // СО и СА. 1829. № 11. Раздел VII. Смесь. С. 253–255. Б. п.

Ящик. (Письмо к М.Т. Каченовскому. – О чутье Критика имя-
рек, живущего на Патриарших Прудах. – О молодости лет Г. Кри-
тика с Патриарших Прудов) // СО и СА. 1829. № 12. Раздел VI.
Смесь. С. 317–320. Б. п.

Ящик. (Письмо к издателям) // СО и СА. 1829. № 13. Раздел VI.
Смесь. С. 384. Подпись: Посторонний.

Ящик // СО и СА. 1829. № 19. Раздел VII. Смесь. С. 319–320.
Б. п.

Разные известия, замечания и пр. [«Г. Каченовский наполняет
нынешние книжки Вестника Европы доказательствами...»] // СО
и СА. 1829. № 21. Раздел VI. Смесь. С. 64. Б. п.

Ящик. [О Московских журналах, в том числе о Вестнике Ев-
ропы] // СО и СА. 1829. № 27. Подпись: Арсаланов. 62–63.

О. Сомов. Обозрение Российской Словесности за первую
половину 1829 года. [Рец. на «Вестник Европы»] // Северные Цве-
ты на 1830 год. 1829. СПб. С. 32–34.

А.С. Пушкин. Отрывок из Литературных Летописей // Се-
верные Цветы на 1830 год. 1829. СПб. С. 228–241.

О переводе Орфеевых гимнов // Атеней. 1829. Ч. 4. № 19.
С. 95–103. [Б. п.]

1830

Литературные Прииски. [Рец. на диссертацию Н.И. Надеж-
дина] // МТ. 1830. № 3. Февраль. С. 345–355.

[Заметка о публичной защите Н.И. Надеждина диссера-
тации в Московском Университете] // МТ. 1830. № 8. С. 400–401.
[Б. п.]

[Н. Полевой]. [Рец. на диссертацию Н.И. Надеждина «О нача-
ле, сущности и участи Поэзии, Романтическою называемой»].
Русская литература // МТ. 1830. № 10. Май. Современная библио-
графия. С. 224–238. Подпись: Н.П.

[Рец.] Несколько замечаний на рассуждение Г. Надеждина:
о происхождении, свойствах и судьбе Поэзии, так называемой Ро-
мантической // МВ. 1830. Часть 3. № 9. Критика. С. 44–57. Под-
пись: И. Ср. – Камашев.

Письмо к Никодиму Аристарховичу Надоумке // Галатея. 1830. Ч. 15. Аргус № 4. (Прибавление к Галатее). С. 69–81. Подпись: Ваш В.В.

Правдинин П.С. [Письмо в защиту Н.А. Надоумки, в ответ на письмо В.В.] // Галатея. 1830. Ч. 17. Аргус. С. 83–103.

Объяснения некоторых современных вопросов литературных. Статья II. История Русского Народа. Критики на нее: Вестника Европы, Московского Вестника, Славянина. [Отзыв о рецензии Надеждина] // ЛГ. 1830. Т. I. № 31 (31 мая). С. 250–252. [Б. п.]

Пушкин А.С. [Эпиграммы, адресованные Н.И. Надеждину]: Эпиграмма. «Мальчишка Фебу гимн поднес...». – Эпиграмма. «Седой Свистов! ты царствовал со славой...» // Северные цветы на 1830 год. С. 50. (Подпись: А. Пушкин); С. 97. (Подпись: Арз.).

Аксаков С.Т. Письмо к Издателю. [О критике Надеждина в адрес Пушкина] // Московский Вестник. 1830. № 3. С. 325–331. Подпись: С. А-в.

Письмо к Издателю // ВЕ. 1830. № 21 и 22. Ноябрь. Смесь. С. 110–125. Подпись: Пряников (село Тихомирово).

1831

Мор Московских журналов. (Стихотв.) // Молва. 1831. № 7. С. 1–3. Подпись: Б.

Кораблинский А. Пересмешник. Шарлатан. (Драматическое представление). [О журнале «Телескоп» и «Молва»] // Литературные Прибавления к Русскому Инвалиду. 1831. № 65–66. (15 Авг.). С. 505–509.

Греч Н. Литературные замечания // СО и СА. 1831. № 27. Раздел VI. Смесь. С. 59–68.

1832

К Молве. (Стихотв.) // Молва. 1832. № 1. С. 1. Подпись: (А.Ш.).

«К Н-у, который просил у меня полстихя». («Как вам, Профессор мой, не стыдно...») // Телескоп. 1832. № 12. Раздел II. Изящная словесность. С. 436–437. [Б. п.]

Обозрение современных Русских Журналов [О журнале «Телескоп» и газете «Молва»] // МТ. 1832. № 5. Март. Камер-Обскура. С. 98–104; № 6. Март. Камер-Обскура. С. 124–128; № 7. Апрель. Камер-Обскура. С. 147–152; № 8. Апрель. Камер-Обскура. С. 170–181. (Б. п., № 8 – подпись: Аноним).

Что делать с детьми? [О рецензии Н.Н. в № 7 журнала Телескоп за 1832 г.] // МТ. 1832. № 6. Март. Камер-Обскура. С. 108–113. Подпись: Дорофей Неженатый.

Афоризмы [Из журнала «Телескоп»] // МТ. 1832. № 8. Апрель. Камер-Обскура. С. 155–157. Б. п.

Обозрение современных Русских Журналов [О газете «Молва» и журнале «Телескоп»] // МТ. 1832. № 8. Апрель. Камер-Обскура. С. 170–181. Подпись: Аноним.

Шевырёв С.П. Письмо Н.И. Надеждину. 10 окт. 1832 // Молва. 1832. № 88 (14 окт.). С. 332.

1833

К Молве. (Стихотв.) // Молва. 1833. № 1. С. 1–2. Подпись: О.

[Макаров М.Н.]. Речи, произнесенные в торжественном собрании Императорского Московского Университета, 6-го июля 1831 года. М. 1833, в Унив. Тип. (Речь г. Надеждина: Слово о современном направлении изящных искусств). [Рец.] // СП. 1833. № 208 (15 сент.). Новые книги. С. 829–831; № 209 (16 сент.). Новые книги. С. 833–835. Подпись: Московский житель. Кудрино. 22-го Августа 1833 года.

Речь Г. Надеждина // Дамский Журнал. 1833. № 42. Октябрь. С. 42–47. Подпись: Московский житель. 22-го Августа 1833 года. Кудрино. (Примечание: Перепечатано из «Северной Пчелы».)

[Шевырёв С.П.]. Письмо к Г.П. Щ. // Молва. 1833. № 55 (9 мая). С. 217–220.

Шевырёв С.П. Ответ Г-ну П.Щ. // Молва. 1833. № 60 (20 мая). С. 237–240.

Окончание письма к Г.П. Щ. // Молва. № 61 (23 мая). С. 241–244. Подпись: ...л...

Московские записки // Молва. 1833. № 81 (8 июля). С. 323–324. [Сообщение о торжественном собрании Имп. Московского

Университета, на котором Н.И. Надеждин произнес Слово о современном направлении изящных искусств].

1834

Замечания на Слово Г. профессора Надеждина // СО и СА. 1834. № 1. Раздел III. Критика. С. 41–65. Подпись: Н.К.

Письмо к Издателю. [По поводу рецензии на вторую часть «Новоселья» г. Смирдина] // Молва. Ч. 7. № 24. С. 370–375. Подпись: Житель Сивцева Вражка. Июня 12. 1834.

1835

Молва. (Стихотв.) // Молва. 1835. № 1. Стб. 1–3. Подпись: О.

1836

[Рец.] Сорок одна повесть лучших иностранных писателей (Бальзака, Бальоль, Блюменбаха, докт. Гаррисона, Е. Гино, Гофмана, А. Дюма, Ж. Жанена, Ваш. Ирвинга, Кинда, Крузе, И. Мока, Сентина, Тика, Щокке, Ф. Шаля и др.); изд. Николаем Надеждиным. М.: тип. Н. Степанова. 1836. 12 частей // Современник, литературный журнал, издаваемый Александром Пушкиным. 1836. Том 1. Новые книги. С. 314–315.

[Шевырёв С.П.] [Рец.] Сорок одна повесть лучших иностранных писателей (Бальзака, Бальоль, Блюменбаха, доктора Гаррисона, Е. Гино, Гофмана, А. Дюма, Ж. Жанена, Ваш. Ирвинга, Кинда, Крузе, И. Мока, Сентина, Тика, Щокке, Ф. Шаля и других). Изданы Николаем Надеждиным. Москва, в тип. Степанова. 1836, в-12. Двенадцать частей // БдЧ. 1836. Т. 15. Ч. 1. № 27. Отд. VI. Литературная летопись. С. 7–9. [Б. п.]

[Белинский В.Г.] [Рец.] Сорок одна повесть лучших иностранных писателей... Изданы Николаем Надеждиным. М. 1836. В 12 частях // Молва. 1836. № 6. С. 158–159. Подпись: (В.Б.)

[Пушкин А.С.] Сапожник. (Эпиграмма на Н.И. Надеждина) // Современник. 1836. Т. III. С. 205. [Б. п.]

Белинский В. Ничто о ничем, или Отчет г. издателю «Телескопа» за последнее полугодие /1835/ русской литературы // Телескопа

скоп. 1836. № 1. Раздел III. Критика. С. 155–171; № 2. Раздел V. Критика. С. 341–352; № 3. Раздел IV. Критика. С. 472–493; № 4. Раздел IV. Критика. С. 630–664.

Чаадаев П. Философические письма к Г-же *** /Письмо первое/. (Пер. с фр. А. Норов) // Телескоп. 1836. № 15. Науки и искусства. С. 275–310. (Пер. уст. М. Эльзон.) (По восп. Арсеньева – перевел письмо Кетчер.)

Шевырёв С.П. Ответ Автора Истории Поэзии Г. Издателю Телескопа на его рецензию // МН. 1836. Ч. VI. Апрель. Кн. 2. С. 697–718; Ч. VII. Май. Кн. 2. С. 252–287.

[Шевырёв С.П.] Издатель Телескопа на Аустерлицком мосту // МН. 1836. Ч. VII. Май. Кн. 2. С. 305–313. Б. п.

Шевырёв С.П. Возможно краткий и последний ответ Автора Истории Поэзии Г. Издателю Телескопа // МН. 1836. Ч. VII. Июнь. Кн. 1. 395–407.

Для господина Шевырёва. Пояснения критических замечаний на его «Историю Поэзии». Статья I. Москва, в тип. Степанова, 1836, в-8, стр. 52 // БдЧ. 1836. Т. XVII. Ч. 2. Отд. VI. Литературная летопись. С. 44–45. [Б. п.]

Для г. Шевырёва. Пояснения критических замечаний на его «Историю Поэзии». М. 1836. 52 с. // СП. 1836. № 221. (28 сент.). Новые книги. С. 881–882. Подпись: Ю.Ю. (Сообщено).

1837

Аналитический реестр для первого трехлетия Библиотеки для Чтения от первого до девятнадцатого тома, включительно (1834–1836 гг.). СПб. 1837. С. 67, 129. [Надеждин, Шевырёв.]

1839

Полевой Н. О начале, сущности и участии поэзии, романтической называемой. Рассуждение историко-критико-состязательное. Сочинение Н. Надеждина // Полевой Н. Очерки русской литературы. Ч. II. СПб. 1839. С. 284–298.

[Рец.] Одесский Альманах на 1839 Одесса. 1839. 618 стр. // ОЗ. 1839. Т. 3. Отд. VII. Современная библиографическая хроника. Русские книги. С. 1–3, 18–22. [Б. п.]

[Рец.] Одесский Альманах на 1839 Одесса, в городской тип. 1839. 618 стр. // БдЧ. 1839. Т. 33. Ч. 2. № 64. Отд. VI. Литературная летопись. С. 31–35. [Б. п.]

[Рец.] Новороссийский Календарь на 1839, издаваемый при Ришельевском Лицее. Одесса // ОЗ. 1839. Т. 3. Отд. Критика. С. 64–82. Подпись: М.С., Одесса.

Утренняя Заря. Альманах на 1839 год, изданный В. Владиславлевым. СПб. 1839. В тип. Е. Фишера // МН. 1839. № 2 (Февраль). Литературная хроника. С. 33–67. Б. п. (Примечание: на С. 63–65 рец.: «Народная поэзия у зырян» Н.И. Надеждина, «Зырянской девушки-невесты слезное слово»). Б. п.

Одесский Альманах на 1839 год. Одесса. 1839. В городской тип. // МН. 1839. № 3 (Март). Литературная хроника. С. 13–18. (Примечание: Рец. на «Светлейший князь Потемкин-Таврический», «Русская Алгамбра» Н.И. Надеждина и др.).

1840

[Рец.] Торжественное Собрание Одесского ОИД 4 февраля 1840 года. Одесса 1840. 73 стр. // ОЗ. 1840. Т. 11. Отд. VI. Библиографическая хроника. Русская литература. С. 5–10. Б. п.

1841

Некрасов Н.А. [Рец.] Сто русских литераторов. Булгарин, Вельтман, Веревкин, Загоскин, Каменский, Крылов, Масальский, Надеждин, Панаев, Шишков. СПб. В тип. А. Бородина и комп. С десятью портретами и десятью картинками. Изд. Книгопродавца А. Смирдина // ЛГ. 1841. № 82, 83, 84 (24, 26 и 29 июля). С. 327–328, 331–332 и 335–336. [Б. п.].

М.П. Погодин. [Рец.] О важности исторических и археологических исследований Новороссийского края, преимущественно в отношении к Истории и Древностям Русским. Речь г. Надеждина... 4 февраля, 1840. Одесса. 1840. 73 // Москвитянин. 1841. № 2. С. 547–557.

Шевырев С.П. Сто русских литераторов. Т. 2. СПб. 1841 // Москвитянин. 1841. Ч. 4. № 8. С. 468–484.

Белинский В.Г. Сто русских литераторов. Том второй. Изданье книгопродавца А. Смирдина. Том второй. СПб. 1841 // ОЗ. 1841. Т. XVII. Отд. V. Критика. С. 1–22. Б. п. (Рец. на повесть Н. Надеждина «Сила воли». С. 19–20.)

1843

Адрес-календарь, или Общий штат Российской Империи на 1843 год. Ч. 1. СПб. 1843. С. 179. [«Министерство Внутренних Дел (состояние чинов по 1-е ноября 1842 г.). Состоящие в вед. Министерства: К. Св. Никол. Ив. Надеждин, он же Редакт. Журн. Мин. Вн. дел».]

1844

Учреждение, состав и действия Общества [Одесского Имп. ОИД]. [Члены Действительные: ...13. Н.И. Надеждин] // Записки Одесского Имп. ОИД. Т. 1. Одесса. 1844. Отд. 3. Смесь. Разд. I. Летопись общества. С. 565–568.

1846

Адрес-календарь, или Общий штат Российской Империи на 1846 год. Ч. 1. СПб. 1846. С. 142, 170. [С. 142: «Министерство Внутренних Дел. Редакция Журнала М-ва. Редакт.: Чин. особ. пор. при М-ре, К.С. Никол. Ив. Надеждин». – С. 170. «Общество Любителей Российской Словесности. Действ. Чл. Никол. Ив. Надеждин».]

Состав Русского Географического Общества. [По Отделению этнографии России – Надеждин Н.И., Ст. Сов.] // Записки РГО. 1846. Кн. 1. С. 5.

Погодин М.П. Русская библиография за февраль месяц // Москвитянин. 1846. Ч. 2. № 3. С. 257. [«Г. Надеждин давно занимается Историей расколов».]

1847

Состав Русского Географического Общества по 10 Июля 1847 года. (Н.И. Надеждин – действительный член по Отделению Статистики России и по Отделению Этнографии России) // Записки РГО. Кн. 2. СПб. 1847. С. 346, 348.

1848

Русское Географическое Общество // Географические Известия, издаваемые от РГО под редакциею Н.И. Надеждина, действительного члена и члена Совета Р.Г.О. 1848. Вып. 1. С. 9–11. [О Н.И. Надеждине]; Вып. 4. С. 93–95. [Н.И. Надеждин в составе Комиссии по разработке и установлению «географической терминологии»].

Географические Известия, издаваемые от Русского Географического Общества под редакциею Н.И. Надеждина, действительного члена и члена Совета Р.Г.О. Вып. 1-й. СПб. 1848 // ОЗ. 1848. Т. 58. № 6 (июнь). Отд. VI. Библиографическая хроника. С. 102–104. [Б. п.]

Географические Известия, издаваемые от Русского Географического Общества под редакциею Н.И. Надеждина, действительного члена и члена Совета Р.Г.О. Вып. 3-й. СПб. 1848 // ОЗ. 1848. Т. 61. № 11 (ноябрь). Отд. VI. Библиографическая хроника. С. 28–29. [Б. п.]

Шевырёв С.П. Антикритика. Ответы на рецензии первых двух выпусков книги: История Русской Словесности, преимущественно древней // Москвитянин. 1848. № 1. Критика. С. 103–107, 112–113.

Журナルные заметки. Критические Статьи С.П. Шевырёва и М.П. Погодина (в Москвитянине № 1) // Северное Обозрение. 1848. № II (февраль). Отд. V. Критика и библиография. С. 59–62. Б. п. [О Антикритике на рецензию Истории Русской Словесности, изданной г. Шевырёвым: «В последней много фактов, дельных замечаний и несколько пристрастных выходок, как, например, против Надеждина. Автор вообразил себе, кажется, что разбор его книги в “Сыне Отечества” написал Н.И. Надеждин, и поэтому беспрестанно противупоставляет печатные суждения г. Надеждина

суждениям Сына Отечества. Мы можем однако ж уверить г. Шевырёва, что статья Сына Отечества писана не Н.И. Надеждиным, и он верно будет жалеть о многих выходках, сорвавшихся у него с пера, против этого ученого.]

Белинский В.Г. Взгляд на русскую литературу 1847 г. Статья вторая и последняя // Современник. 1848. Т. 8. Отд. 3. С. 44–45. [По поводу высказываний С.П. Шевырёва в адрес Н.И. Надеждина в «Антикритике».]

Шевырёв С.П. Ответы. Несколько слов Северному Обозрению // Москвитянин. 1848. № 4. С. 124–125. [По поводу высказываний С.П. Шевырёва в адрес Н.И. Надеждина в «Антикритике».]

1849

Русское Географическое Общество // Географические Известия, издаваемые от РГО под редакциею Н.И. Надеждина, действительного члена и члена Совета Р.Г.О. 1849. Вып. 1. С. 1–3, 6–7. [Ю Н.И. Надеждине]; Вып. 5. С. 204. [Читан положительный отзыв Н.И. Надеждина о рукописи покойного Архимандрита Вениамина «Действия Самоедской духовной миссии в 1825–30-х годах»]; Вып. 7. С. 255. [Выступление Н.И. Надеждина на собрании с сообщением статистических сведений «О Еврейском народонаселении в России», доставленных Обществу Н.А. Милотиным (действ. членом Общества), с «длинным импровизированным введением».]

Географические Известия, издаваемые от РГО под редакциею Н.И. Надеждина, действительного члена и члена Совета Р.Г.О. Вып. 4-й. СПб. 1848 // ОЗ. 1849. Т. 62. № 2 (февраль). Отд. VI. Библиографическая хроника. С. 130–134.

Отчет Русского Географического Общества за 1846/47 год // Записки Имп. РГО. 1850. Кн. III. С. 1–3, 12–14.

Адрес-календарь, или Общий штат Российской Империи на 1849 год. Ч. 1. СПб. 1849. С. 149, 158. [С. 149: «Министерство Внутренних Дел. Редакция Журнала М-ства. Редакт.: СС. Никол. Ив. Надеждин». – С. 158. «Русское Географическое Общество. Управл. Отделением Этнографии: СС. Никол. Ив. Надеждин».]

1850

Императорское Русское Географическое Общество // Географические Известия. 1850. С. 7, 16, 149, 153–155, 163–166, 483. [Очередное собрание 15 марта. Чтение по отделению Этнографии. – Заседание Отделения Этнографии 16 марта. – Собрание 12 апреля. Сообщение о возможности напечатания труда В.Н. Латкина «Дневник Путешествия по Печерскому краю» с некоторыми исправлениями. – Записка Н.И. Надеждина об этнографических материалах, поступающих в Отделение, с предложениями по их публикации в изданиях разных Ученых Обществ или Правительственных Мест и Учреждений. – Предложения Н.И. Надеждина о приведении в единообразие наружной формы разных изданий Общества. – Отделение Этнографии. Отчет о работах по изданию в свет этнографических сведений о России. – О смете расходов по части устройства Этнографического Музея Общества.]

Отчет Русского Географического Общества за 1848 год // Записки Имп. РГО. 1850. Кн. IV. С. 284–285, 296–297, 306–309.

1851

Занятия отделений. Отделение Этнографии // Вестник Имп. РГО. 1851. Ч. 1. Кн. 1. Отд. I. С. 115–121.

[Рец.] Журнал Министерства Внутренних Дел // Вестник Имп. РГО. 1851. Ч. 1. Кн. 1–2. Отд. IX. Библиография. С. 40–47. [«В русской литературе первое место по богатству статистических статей и по обилию фактических сведений о нашем Отечестве принадлежит бесспорно, вообще журналам, издаваемым от правительства, и в особенности “Журналу Министерства Внутренних Дел”...»]. [Б. п.]

Занятия отделений. Отделение Этнографии // Вестник Имп. РГО. 1851. Ч. 2. Кн. 3–4. Отд. I. С. 33–40.

[Рец.] Журнал Министерства Внутренних Дел. (Кн. 4. Апрель) // Вестник Имп. РГО. 1851. Ч. 2. Кн. 3–4. Отд. IX. Библиография. С. 32–37.

Отчет Русского Географического Общества за 1849 год // Записки Имп. РГО. 1851. Кн. V. С. 3–4, 16, 25–26.

1852

Заседание Отделения Этнографии 10 ноября 1851 года. [Доклад Н.И. Надеждина о летней поездке в Крым, в Харьков; отзыв о трудах Бейма и Фирковича по истории Караймов в Тавриде; сообщение о беседе с Харьковским епископом Филаретом и о его исследованиях по истории и археологии Харьковской епархии] // Вестник Имп. РГО. 1852. Ч. 4. Кн. 1. Приложения. С. 40–44.

Заседание Отделения Этнографии 5 января 1852 года // Вестник Имп. РГО. 1852. Ч. 4. Кн. 1. Приложения. С. 44–47.

Заседание Отделения Этнографии, 31 января 1852 года. [Принят проект Н.И. Надеждина восстановить по так называемой «Книге Большого Чертежа» древнюю географическую карту России с сопредельными с нею странами] // Вестник Имп. РГО. 1852. Ч. 5. Кн. 1. Приложения. С. 18–22.

Заседание Отделения Этнографии 24 апреля 1852 года // Вестник Имп. РГО. 1852. Ч. 5. Кн. 1. Приложения. С. 22–24.

Заседание Отделения Этнографии 21 мая 1852 года // Вестник Имп. РГО. 1852. Ч. 5. Кн. 2. Приложения. С. 47–49.

1853

Общее собрание Императорского Русского Географического Общества 30 ноября 1852 года. [Чтение Н.И. Надеждина о своем исследовании «О Русских народных мифах и сагах...»] // Вестник Имп. РГО. 1853. Ч. 7. Кн. 1. Приложения. С. 1–7.

Заседание Отделения Этнографии 31 октября 1852 года // Вестник Имп. РГО. 1853. Ч. 7. Кн. 1. Приложения. С. 20–27. (Председатель – Н.И. Надеждин.)

Отчет Императорского Русского Географического Общества за 1852 год. [Этнографический Сборник. Т. 1. – Перевод Риттерова Землеведения. – Частные занятия некоторых членов Общества. – Экспедиция в Восточную Сибирь и др.] // Вестник Имп. РГО. 1853. Ч. 7. Кн. 2. Отд. I. С. 35–36, 57–58, 76, 92 и др. (По указу к Отчету.)

Заседание Совета Общества 4 декабря 1852 года. [Н.И. Надеждин доложил свой отзыв о сочинении цензора Варшавского Цензурного Комитета Франца Собещанского, изъявившего желание

быть избранным в Действительные Члены Общества: «Сочинение Собешанского отличается несомненным ученым достоинством...»] // Вестник Имп. РГО. 1853. Ч. 7. Кн. 2. Приложения. С. 38–39.

Общее собрание Императорского Русского Географического Общества 9 апреля 1853 года // Вестник Имп. РГО. 1853. Ч. 8. Кн. 3. Приложения. С. 1–2. (Сообщение Н.И. Надеждина – извлечения из путевого журнала свящ. Аргентова, по Чукотскому краю.)

Заседание Совета Общества 17 декабря 1852 года. [Доклады по Отделению Этнографии] // Вестник Имп. РГО. 1853. Ч. 8. Кн. 3. Приложения. С. 2–6.

Заседание Отдела Этнографии 31 января 1853 года. [В том числе отзыв Н.И. Надеждина о статье врача Линдегрена «Розыскание причин, располагающих к самоудавлению, развитому преимущественно у Финского племени»: «Сочинение это принадлежит к замечательнейшим из поступивших в Отделение...»] // Вестник Имп. РГО. 1853. Ч. 8. Кн. 3. Приложения. С. 20–25.

Заседание Совета Общества 19 февраля 1853 года. [Отзыв Н.И. Надеждина о статье врача Линдегрена] // Вестник Имп. РГО. 1853. Ч. 8. Кн. 4. Приложения. С. 39–43.

Заседание Отдела Этнографии 7 марта 1853 года. (Председатель – Н.И. Надеждин) // Вестник Имп. РГО. 1853. Ч. 8. Кн. 4. Приложения. С. 53–57.

1854

Заседание Отделения Этнографии 18 мая 1853 года // Вестник Имп. РГО. 1854. Ч. 10. Кн. 1. Приложения. С. 16–21. (Председатель – Н.И. Надеждин.)

Заседание Отделения Этнографии 3 декабря 1853 года // Вестник Имп. РГО. 1854. Ч. 10. Кн. 2. Приложения. С. 42–49. (Председатель – Помощник Председателя И.И. Срезневский.)

Заседание Отделения Этнографии 3 февраля 1854 года // Вестник Имп. РГО. 1854. Ч. 11. Кн. 4. Приложения. С. 47–50. (Председатель – Помощник Председателя И.И. Срезневский.)

Заседание Отделения Этнографии 9 апреля 1854 года. – Заседание Отделения Этнографии 30 апреля 1854 года // Вестник

Имп. РГО. 1854. Ч. 12. Кн. 5. Приложения. С. 9–14. (Председатель – Н.И. Надеждин.)

Заседание Отделения Этнографии 21 октября 1854 года // Вестник Имп. РГО. 1854. Ч. 12. Кн. 6. Приложения. С. 45–50. (Председатель – Н.И. Надеждин.)

1855

История Императорского Московского Университета, написанная к столетнему его юбилею Степаном Шевырёвым. 1755–1855. (Продается в пользу раненых в Севастополе). М.: в Университетской тип. 1855. С. 554, 569.

Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского Московского университета за истекающее столетие, со дня учреждения января 12-го 1755 года по день столетнего юбилея января 12-го 1855 года, составленный трудами профессоров и преподавателей, занимавших кафедры в 1854 году, и расположенный по азбучному порядку. [Ред. о. профессор С. Шевырёв]. М.: в Университетской тип. 1855. Ч. 2. 1855. [10], 673, [2] с. С. 153–155.

Заседание Отделения Этнографии 11 декабря 1854 года. [Положительный отзыв Н.И. Надеждина о статье священника М. Павлова «Слобода Трех-Избянская, Старобельского уезда Харьковской губернии】 // Вестник Имп. РГО. 1855. Ч. 13. Кн. 1. Приложения. С. 9–11.

Заседание Отделения Этнографии 8 января 1855 года // Вестник Имп. РГО. 1855. Ч. 13. Кн. 2. Приложения. С. 32–33. (Председатель – Н.И. Надеждин.)

Заседание Отделения Этнографии 6 мая 1855 года // Вестник Имп. РГО. 1855. Ч. 15. Кн. 6. Приложения. С. 7–8. (Председатель – Н.И. Надеждин.)

Некролог. Николай Иванович Надеждин. – Статьи Н.И. Надеждина [Перечень – 25 статей] // Вестник Имп. РГО. 1855. Ч. 15. Кн. 6. Отд. V. Географические известия и смесь. С. 108–110. [Б. п.]

1856

Надеждин Николай Иванович. Некролог // ОЗ. 1856. Т. 104. Отд. VI. Современная хроника. С. 116–117.

Срезневский И.И. Воспоминания о Н.И. Надеждине. (Читано в заседании Общества 27 янв. 1856 г.) // Вестник Имп. РГО. 1856. Часть 16. Кн. 1. Раздел V. Географические известия и смесь. С. 1–16.

Геннади Г.Н. Список сочинений и изданий Н.И. Надеждина // Вестник Имп. РГО. 1856. Кн. 1. Часть 16. Раздел V. Географические известия и смесь. С. 16–19.

Заседание Отделения Этнографии 8 октября 1855 года // Вестник Имп. РГО. 1856. Ч. 16. Кн. 1. Приложения. С. 16. (Председатель – Н.И. Надеждин.)

Общее собрание Императорского Русского Географического Общества 27 января 1856 года // Вестник Имп. РГО. 1856. Ч. 16. Кн. 2. Приложения. С. 19–20. (Выступления памяти Н.И. Надеждина.)

Заседание Отделения Этнографии 27 декабря 1855 года // Вестник Имп. РГО. 1856. Ч. 16. Кн. 2. Приложения. С. 30–34. (Председатель – Н.И. Надеждин.)

Заседание Отделения Этнографии 31 января 1856 года // Вестник Имп. РГО. 1856. Ч. 17. Кн. 3. Приложения. С. 14–15. (Сообщения о заслугах Н.И. Надеждина и о найденных в его документах рукописях.)

Неизданные сочинения Н.И. Надеждина // Вестник Имп. РГО. 1856. Ч. 18. Кн. 6. Отд. V. Географические известия и смесь. С. 46. [Б. п.]

Некролог // ЖМВД. 1856. Ч. XVI. С. 1–4. (Отдельная пагинация страниц, после раздела «Смесь»). [Б. п.]

Некролог. Николай Иванович Надеждин. [Извлечение из статьи г. Срезневского] // ЖМНП. 1856. Часть ХС. № 5 (май). Отд. VII. Новости и смесь. С. 75–86. [Б. п.]

Геннади Г.Н. Список сочинений и изданий Н.И. Надеждина. (50 номеров) // ЖМНП. 1856. Часть ХС. № 5 (май). Отд. VII. Новости и смесь. С. 92–96.

Максимович М.А. Воспоминание о Н.И. Надеждине. – Письмо К. Неволина М.А. Максимовичу о Н.И. Надеждине от 18 мая 1854 г. // Москвитянин. 1856. Т. 1. № 1–4. С. 225–234.

Литературные утраты. Н.И. Надеждин // Пантеон. 1856. Кн. I. Петербургский вестник. С. 21–22. Б. п.

Лавдовский Н. К воспоминанию о Н.И. Надеждине // Московские Ведомости. 1856. № 81 (7 июля). С. 342–343.

Сидонский Ф. Речь при отпевании тела Действительного Статского Советника Николая Ивановича Надеждина. Произнесена Казанского Собора Ключарем, Священником Ф. Сидонским, 14-го января 1856 года, в Кладбищенской Церкви Смоленской Божией Матери // СП. 1856. № 30 (7 февр.). С. 160.

Чернышевский Н.Г. Очерки гоголевского периода русской литературы // Современник. 1856. Т. LVI. № 4. Отд. III. С. 39–41, 62–67. (Отд. изд. – СПб. 1892; также Чернышевский Н.Г. ПСС. Т. III. М.: Гослитиздат. 1947. С. 140–170, 177–196, 763–764).

1857

Савельев П.С. Об отличительных признаках и наречиях русского языка, по системе Надеждина // ЖМНП. 1857. Февраль. Ч. XCIII. Отд. II. С. 302–314.

Неизданные сочинения Н.И. Надеждина // ЖМНП. 1857. Ч. XCIV. № 6 (июнь). Отд. VII. Новости и смесь. С. 124–125. [Б. п.]

Анненков П.В. Николай Владимирович Станкевич. Переписка его и биография. М.: в тип. Каткова и Ко. 1857. С. 33–35, 49, 71–73, 94–95, 103–104, 135, 141, 149. [О Н.И. Надеждине, публикациях в «Телескопе» и «Молве».]

[Аксаков С.Т.] Письмо к редактору Молвы // Молва. 1857. № 1 (13 апр.). Смесь. С. 10–11. Подпись: Сотрудник Молвы 1832 года. [С. 10: «П.Щ. этими буквами подписывал иногда Надеждин полемические свои статьи, хотя немножко семинарски, но едко написанные. П.Щ. – начальные буквы имени и фамилии короткого приятеля Надеждина, всем известного тогда, достойного и почтенного профессора, Павла Степановича Щепкина.】

1858

Савельев П.С. Участие Надеждина в трудах Московского Общества любителей Российской словесности // Библиографические Записки. 1858. № 17. Сентябрь. Стб. 541–544.

Лонгинов М.Н. Общество любителей Российской словесности при Императорском Московском Университете // Русский Вестник. 1858. Т. 15. Июнь. Кн. 2. С. 596–612. (Н.И. Надеждин упоминается на С. 609.)

1859

Погодин М.П. Об университетских экзаменах // Русская Газета. 1859. № 2 (11 ноября). (Выпуск 54-й). С. 2–3. [«Новые экзамены в следующем [1832] году поручены были ректору, у которого правою рукою был секретарь, профессор Надеждин. Надеждин – это человек с большими способностями, и, кроме ученых достоинств, был отличный редактор, логичный, последовательный. Это был в полном смысле государственный секретарь, в роде Сперанского, которого имя, т.е. в русском переводе, получил от Рязанского архиепископа Феофилакта. <...> Надеждин сочинил правила для приема студентов, господствующие до сих пор в наших учебных заведениях...». 4 ноября 1859.]

Варадинов Н. Тридцатилетие журнала Министерства внутренних дел. СПб.: в тип. Министерства внутренних дел. 1859. С. 50–94.

Прозоров П. Белинский и Московский Университет в его время. [Воспоминания о Н.И. Надеждине] // БдЧ. 1859. № 12. С. 1–14. (Отд. пагинация страниц.)

1861

Григорьев В.В. [Гл. VIII. Надеждинский круг и влияние его на Савельева... Гл. XII. Жизнь и занятия с конца 1856 по 1859 год: приготовление к изданию сочинений Надеждина...] // Григорьев В.В. Жизнь и труды П.С. Савельева, преимущественно по воспоминаниям и переписке с ним. (С приложением портрета П.С. Савельева

и снимка с его почерка.) СПб.: Имп. Археол. О-во. 1861. С. 81–87, 115–127, 151–154, 171, 201.

Полуденский М.П., сост. Указатель к «Вестнику Европы». 1802–1830. М.: Унив. тип. 1861. [4], XVI, 268, XVI с.

1862

Григорьев А.А. Мои литературные и нравственные скитальчества. (Посвящ. М.М. Достоевскому) // Время. 1862. № 11 (Ноябрь). С. 5–6.

Варадинов Н. История Министерства Внутренних Дел. Часть III, книга 3. СПб. 1862. [14], 725, [8] с.; Часть III, книга 4. СПб. 1862. [4], 224 с. [История деятельности МВД в период 1843–1855 гг.]

1863

Варадинов Н. История Министерства Внутренних Дел. Книга восьмая, дополнительная. История распоряжений по расколу. СПб. 1863. С. 506–526 и др. [Н.И. Надеждин руководит исследованиями по расколу в МВД; Исследование о скопческой ереси Н.И. Надеждина.]

1864

Григорьев А.А. Мои литературные и нравственные скитальчества. Гл. III–VI // Эпоха. 1864. № 3 (Март). С. 127, 141, 154–155.

1865

Указатель к повременным изданиям Министерства Народного просвещения с 1803 по июнь 1864 года. II. Часть неофициальная. СПб.: в тип. Ф.С. Сущинского. 1865. С. 145.

Указатель к повременным изданиям Министерства Народного просвещения с 1803 по июнь 1864 года. II. Часть неофициальная. СПб.: в тип. Ф.С. Сущинского. 1865. С. 200–201.

Фортунатов Ф.Н. Заметки и дополнения вологжанина к статье об А.П. Мельгунове. [Воспоминания о Н.И. Надеждине в Вологодской губернии] // РА. 1865. № 12. Ст. 1498–1499.

1868

Письмо Н.А. Супонева к Н.И. Надеждину // Дело о скопце, камергере Еленском. (Из «Чтений в О-ве истории и древностей рос. при Моск. ун-те». 1867 г. Кн. 4.) Публ. И.П. Липранди. М.: Унив. тип. 1868. [2], 20 с.

Письмо князя П.А. Вяземского (ХХ) к И.И. Дмитриеву (СПб., 1836 г. 15 марта). [Шутка И.И. Дмитриева о Н.И. Надеждине] // РА. 1868. № 4 и 5. Ст. 646.

Свербеев Д. Воспоминания о Петре Яковлевиче Чаадаеве [О публикации «Философического письма» в «Телескопе»] // РА. 1868. № 6. Ст. 984–988.

Суворов Н. Николай Иванович Надеждин // К истории г. Вологды: О пребывании в Вологде царственных особ и других замечательных лиц исторических. Вологда. 1868. С. 56–60.

Весин С.Н. И. Надеждин // Семейные Вечера. (Старший возраст). 1868. № 11 (ноябрь). С. 684–692; № 12 (декабрь). С. 724–729.

Мельников П.И. [Андрей Печерский]. Счисление раскольников // Русский Вестник. 1868. № 2 (февраль). С. 422–427. [«Во время министерства графа Перовского дела по расколу, как и теперь, заведывались департаментом общих дел министерства. <...> Дела же большей важности, как, например, о только что возникшей в то время Белокриницкой митрополии, по исследованиям скопческой секты и хлыстов, по собранию сведений для истории раскола и самое составление ее, словом, все работы, требовавшие не только знания канцелярского порядка, но и научной подготовки, – поручены были известному ученому, бывшему пред тем профессором Московского университета и редактором журнала “Телескоп”, покойному Н.И. Надеждину*. (* – Под его руководством в сороковых годах работали: действительный статский советник Липранди и несколько молодых людей, в числе которых находились недавно бывший московским губернатором граф А.К. Сиверс, нынешний (1868) Одесский градоначальник М.Н. Шидловский и др. Принимали в этих работах участие В.И. Даль, заведывавший тогда особыю канцелярией графа Перовского, и товарищ министра, покойный И.Г. Сенявин. Дела, порученные Надеждину, производились помимо департамента.) Надеждин был редактором и “Записки о расколе [в 1825–1850-х годах]”, представленной императору

Николаю Павловичу во время совершившегося двадцатипятилетия его царствования. Получив повеление привести в возможную ясность число раскольников, граф Перовский и это дело возложил на Надеждина, поручив ему придумать средства к исполнению государевой воли и выбрать способных на то людей как из министерских чиновников, так и из лиц посторонних...».]

1869

Хмыров М.Д. Надеждин, Николай Иванович // Портретная галерея русских деятелей. Т. 2: Сто биографий. Изд. А. Мюнстера. СПб.: Тип. А. Мюнстера. 1869. [2], 295 с. С. 237–240.

1870

Вигель Ф.Ф., Митрополит Серафим. (1. Письмо Вигеля к митрополиту Серафиму о статье Чаадаева и журнале «Телескоп» 21-го октября 1836 года. – 2. Письмо митрополита Серафима к графу Бенкendorфу о статье Чаадаева, напечатанной в журнале «Телескоп») // РС. 1870. Т. I (янв. – июнь). С. 574–578. Сообщил о. М.Я. Морошкин.

1871

Жихарев М. Петр Яковлевич Чаадаев. Из воспоминаний современника. Статья 2 // ВЕ. 1871. № 9 (сентябрь). С. 29–41. [О «Философическом письме», напечатанном в «Телескопе».]

1872

Н.И. С[убботи]н. По поводу записи Надеждина о Венедикте Кралевиче // Русский Вестник. 1872. Т. 98. Март. VIII. С. 322–330. Подпись: С-н Н.

Майков Л.Н. Обозрение деятельности Императорского Русского географического общества по Отделению Этнографии // Двадцатипятилетие Императорского Русского географического общества 13 января 1871 года. СПб.: тип. Майкова. 1872. (III, 260, VIII с. 25). С. 47–58.

Артемьев А.И. Обозрение трудов Императорского Русского географического общества по исторической географии // Двадцатипятилетие Императорского Русского географического общества 13 января 1871 года. СПб.: тип. Майкова. 1872. Приложение 1. С. 89–98, 106–109, 135–143.

Обзор путешествий Русских людей в чужие земли. – Обзор сказаний иностранцев о Русской земле // Двадцатипятилетие Императорского Русского географического общества 13 января 1871 года. СПб.: тип. Майкова. 1872. С. 205–218, С. 223–227.

1873

Письма Платона Атанацковича, Вука Караджича, Миклошича и Коллара к Н.И. Надеждину. (32 письма). (Вступ. заметка и ком. Н. Попова) // РА. 1873. № 7. С. 1131–1221. (Письма: Атанацковича П. (3). 1847; Караджича В.С. (27). 1848–1851; Коллара Я. 6 июня 1850; Миклошича Ф. 29 июня – 11 июля 1848).

Свящ. Стефан И. Опатович. Смоленское кладбище в С.-Петербурге. Исторический очерк // РС. 1873. № 8 (август). С. 168–200. (Примечание: Н.И. Надеждин упоминается на С. 199.)

Н.Ив. Стардубский. Артисты Семеновы // РС. 1873. Т. 7 (янв. – июнь). С. 265–269. (Примечание: Н.И. Надеждин упоминается на С. 267.)

1874

Герцен А.И., Н.Х. К[етчер]. («Былое и Думы» – ко Второй части). [Распускающиеся слухи о неудавшемся побеге любимой девушки Н.И. Надеждина из родительского дома] // Сборник посмертных статей Александра Ивановича Герцена. Издание второе. Geneve – Bale – Lyon: H. Georg (тип. Трусова в Женеве). 1874. С. 7–8.

1876

Панаев И.И. Литературные воспоминания и воспоминания о Белинском. СПб.: Издание В. Ковалевского. 1876. С. 84–85, 149–158, 301, 324, 338, 402–403.

Пыпин А.Н. Виссарион Григорьевич Белинский, его жизнь и переписка. Т. 1. СПб.: тип. М.М. Стасюлевича. 1876. С. 49, 66–69, 77–80, 85, 90–102, 116, 142–154, 239–242.

Дм. Протопопов. Несколько слов о Сперанском. Из письма к академику Я.К. Гроту. [Заметка о Н.И. Надеждине в Духовной Академии] // РА. 1876. № 6. С. 228–229.

1877

Василий Коптев. Очерк жизни Д.И. Коптева. [Заметка о Н.И. Надеждине и его занятиях с учениками, начало 1830-х гг.] // РА. 1877. № 12. С. 357.

1878

Иннокентий, Архиепископ Херсонский и Таврический. 1800–1857 гг. // РС. 1878. Т. 21. Кн. 1–4 (янв. – апр.). С. 547–572. (Примечание: Н.И. Надеждин упоминается на С. 554, 564, 565. На С. 565 приведен отрывок из письма Н.И. Надеждина М.А. Максимовичу из Вологды, написанного в феврале 1838 г., с отзывом об издании «Воскресное Чтение».)

Подарок ученым на MDCCCXXXIV (1834) год. О царе Горохе; когда царствовал государь царь Горох; где он царствовал, и как царь Горох перешел, в преданиях народов, до отдаленного потомства. М.: в Универститеской тип., 1834. 35 стр. [«Шутка-сатира одного из воспитанников Московского Университета 1834 года на более выдающихся профессоров Московского Университета 1830-х годов [в том числе на Н.И. Надеждина], а также на русских журналистов того времени»] // РС. 1878. Т. 22. Кн. 5–8 (май – авг.). С. 347–368.

Письма к С.П. Шевырёву [С.Т. Аксакова от 12 мая 1830 г. – Князя В.Ф. Одоевского, 1836 г.] // РА. 1878. № 5. С. 52–58.

1879

Смирнов С.К. История Московской духовной академии до ее преобразования. (1814–1870). М.: Унив. тип. (М. Катков), 1879. [4], 632, XIX с. С. 18, 483–484.

Филарет (Гумилевский), Архиепископ Черниговский. Николай Иванов. Надеждин // Филарет (Гумилевский), Архиепископ Черниговский. Обзор Русской духовной литературы. Кн. 2. Изд. 3, с поправками и дополнениями автора. СПб.: Изд. Книгопродавца И.Л. Тузова. 1884. С. 480–482.

Мельников П.И. Воспоминание о графе С.С. Ланском. [Заметка о работе Н.И. Надеждина в Министерстве Внутренних Дел] // РА. 1879. № 2. С. 251. [«Всеподданнейшие отчеты о внутреннем состоянии России, на основании Учреждения Министерств (Св. Зак. Т. I) должны представляться ежегодно министром внутренних дел. Прежде их составляли особые чиновники, избираемые непосредственно самим министром. Так, при графе Перовском составлял их покойный Надеждин, бывший перед тем профессором Московского университета и редактором “Телескопа” <...> Работа была многосложная. Надобно было сообразить отчеты шести департаментов и около семидесяти отчетов генерал-губернаторов, губернаторов и разных отдельных управлений и комитетов (Карантинного, Остзейского комитета, католической духовной коллегии, лютеранских консисторий и т.д.), сгруппировать представляемые ими факты и объяснить их значение».]

Вяземский П.А. О Московских журналах (1830) // ПСС князя П.А. Вяземского. Т. II. СПб. 1879. С. 127–132.

Письма О.М. Бодянского к М.П. Погодину из Славянских земель (От 20 авг. 1840, от 3 февр. 1841. Под ред. Н. Попова). [О путешествии Н.И. Надеждина по Славянским землям] // Чтения в Императорском Обществе Истории и Древностей Российских. 1879 г. № 1. С. 117–118, 123.

1880

Даль В.И. О наречиях русского языка // Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Втрое издание, исправленное и значительно умноженное по рукописи автора. Т. 1. М.: М.О. Вольф. 1880. А – З. [4], LXXXIV, 723 с. С. XXXVI–XXXVIII. [«Обращаюсь к изложению своего взгляда на великорусские наречия, который, впрочем, только дополняет более или менее положения Н.И. Надеждина и М.А. Максимовича...»].

Попов Н.Н. И. Надеждин на службе в Московском университете. 1832–1835 // ЖМНП. 1880. № 1. Отд. II. С. 1–43.

1881

[Рец.] Очерки истории русской журналистики двадцатых и тридцатых годов. С. Весина. СПб. 1881 г. // Ист. Вестн. 1881. Т. 5. Критика и библиография. С. 166–171. Подпись: А. С-кий.

1882

Пыпин А.Н. Н.И. Надеждин // ВЕ. 1882. № 6. С. 624–662.

Письма М.П. Погодина к С.П. Шевырёву. (С предисловием и объяснениями Н.П. Барсукова) // РА. 1882. № 5. С. 74–88, 99, 118–129, 153–164, 178–193.

1884

Письмо А.С. Пушкина к П.Я. Чаадаеву. По поводу его «Философических писем». – Всеподданнейшая докладная записка министра народного просвещения Уварова, от 20 октября 1836 года, о статье «Философические письма», в журнале «Телескоп». – Отрывки из писем Бенкendorфа к Уварову от 4 и 30 декабря 1836 г. – П. Бартенев. [Философические письма, П.Я. Чаадаев, Надеждин и Болдырев] // РА. 1884. № 4. С. 453–461.

Гончаров И.А. Из Университетских воспоминаний. Как нас учили 50 лет назад // ВЕ. 1884. № 4 (апрель). С. 506–509.

1885

[П. Бартенев]. К биографии профессора Н.И. Надеждина. [По материалам Рязанской Ученой Архивной Комиссии, письмам Н.И. Надеждина с объяснением П.И. Доброклонского] // РА. 1885. № 8. С. 573–583.

1886

Систематический Указатель статей, помещенных в ниже-поименованных изданиях с 1830 по 1884 год. Сост. фл.-адъют.

полковник Попов. Отдел общий. СПб.: Изд. книжного магазина А.Ф. Цинзерлинга. 1886. 261 с. (По Указ. – Надеждин.)

Галахов А.Д. Мое сотрудничество в журналах. (Отрывок из записок) // ИВ. 1886. № 11. С. 312–315.

Пономарев С.И. К изданию Илиады в переводе Гнедича. СПб.: тип. Акад. наук. 1886. [4], 144 с. С. 142. [Приведен перевод Надеждина из Шиллера: «Илиада, эпиграмма на Вольфистов».]

1887

Гончаров И.А. Из университетских воспоминаний. Как нас учили 50 лет назад // ВЕ. 1887. № 4. Апрель. С. 506–511.

Костенецкий Я.И. Воспоминания из моей студенческой жизни // РА. 1887. № 3. С. 346.

Кетчер Н.Х. Воспоминания А.В. Станкевича. [О переводе Кетчером на русский язык «Философического письма» Чаадаева] // РА. 1887. № 3. С. 365.

Веселовский Н.И. Василий Васильевич Григорьев по его письмам и трудам, 1816–1881. СПб.: Имп. Рус. археол. о-во. 1887. [4], 288, 105 с., 1 л. портр., 2 л. факс. С. 37–42, 51–54, 58–59, 67–68, 81–83, 91–92, 113–123, 130, 140–154, 159; Приложения: С. 078.

Арсеньев И.А. Слово живое о неживых. (Из моих воспоминаний) // ИВ. 1887. Т. XVII. № 1 (янв.). С. 80; № 3 (март). Гл. VIII. Николай Иванович Надеждин. С. 555–556.

Полевой К.А. Записки Ксенофона Алексеевича Полевого // ИВ. 1887. Т. XXVIII. № 4–6. С. 554–556; Т. XXIX. № 7–9. С. 56–60. (Также: Записки Ксенофона Алексеевича Полевого. СПб.: А.С. Суворин. 1888. VIII, 588 с., 2 л. портр. По указ.)

Сахаров Ф.Г. Литература истории и обличения русского раскола: Сист. указ. кн., брошюры и ст. о расколе находящихся в духов. и свет. период. изд. Вып. 1. Тамбов: тип. Губ. правл. 1887. 201 с. разд. паг. С. I–II, 42.

1887–1889

Мурзакевич Н.Н. Записки // РС. 1887. № 6 (июнь). С. 661–662; № 12 (декабрь). С. 650–664; 1889. № 1. (янв.). С. 235–236.

1888

[Сборник бумаг и рукописей Н.И. Надеждина]. Охранный каталог рукописей А.А. Титова. Выпуск третий. М.: тип. Э. Лисснера и Ю. Романа. 1888. (Краткое описание славяно-русских рукописей А.А. Титова (№ по порядку их приобретения). Составлено в 1886 г.). С. 76–81. («№ 2312. Сборник бумаг Надеждина и Липранди, разных почерков скорописью XIX в., в лист, на 128 листах. – № 2315. Исследование о скопческой ереси Надеждина. Скорописью XIX в., в лист, на 256 листах. С большою разницею против печатного и с дополнениями. – № 2336. Своеручные записки Надеждина о расколе. Скорописью XIX в., в лист, на 94 листах. – № 2353 и 2354. Бумаги Надеждина. Разные письма, донесения и записки по делам и исследованию раскола с 1846 по 1852 г. Разных почерков скорописью XIX в., в лист, на 230 и 229 листах. – № 2355. Исследование о скопцах Надеждина. Разн. почерк. скорописью XIX в., в лист, на 135 листах. На л. 98: Записка о ересях и скопцах, поданная Импер. Николаю I, с своеручными поправками Мельникова»).

Шляпкин И.Н. И. Надеждин. К запискам Н.Н. Мурзакевича // РС. 1888. № 2. С. 407.

1889

Агицев Д. История Рязанской духовной семинарии. 1724–1840 гг. Рязань. 1889. С. 178, 197, 250. [«Наставники: ...13. Николай Надеждин (Ряз. сем.), магистр Москов. Акад.; с 20 Октябр. 1824 г. – профессор церков. истории и греч. языка в Ряз. сем.; с 13 Ноябр. 1824 г. по 20 Сент. 1826 г. – библиотекарь; в 1826 г. Уволился от училищной службы и впоследствии сделался известнейшим литератором.】

Трубачев С.С. Предшественник и учитель Белинского // ИВ. 1889. Т. 37. № 8. С. 307–330; № 9. С. 499–527. (Также: Трубачев С.С. Пушкин в русской критике. СПб.: А.С. Суворин. 1889. XII, 404 с.)

Колюпанов Н.П. [О стихотворениях и статьях Н.И. Надеждина в «Вестнике Европы»] // Колюпанов Н.П. Биография Алек-

сандря Ивановича Кошелева. Т. 1. М.: Изд. О.Ф. Кошелевой. 1889. VIII, 584 с. С. 513–516, 521–529.

Дневник Александра Васильевича Никитенко [Чаадаев – Надеждин. Октябрь – декабрь 1836 г.] // РС. 1889. Т. LXIII. С. 544–546.

Осип Максимович Бодянский в его дневнике 1849–1852 гг. // РС. 1889. Т. LXIV. С. 124, 137–138.

1889–1910

Барсуков Н. Жизнь и труды М.П. Погодина. Кн. 2–17. СПб. 1889–1901. (Надеждин Н.И. – по Указ. в книге: Барсуков Н. Жизнь и труды М.П. Погодина. Кн. 22. СПб. 1910. С. 236–238.)

1890

Буслаев Ф. Мои воспоминания. (Посвящ. моим ученикам и ученицам) // ВЕ. 1890. № 10. Октябрь. С. 662–664.

Пыпин А.Н. Н.И. Надеждин // Пыпин А.Н. История русской этнографии. Том I. Общий обзор изучения народности и этнография великорусская. СПб.: тип. М.М. Стасюлевича. 1890. С. 233–275.

1892

Скабичевский А.М. Очерки истории русской цензуры. (1700–1863 гг.). СПб. 1892. С. 244–247. [Погром «Телескопа» Надеждина].

1894

Филиппов М.М. Судьбы русской философии. (V. Московские университетские влияния. И.И. Давыдов. – VI. Московские университетские влияния. – Н.И. Надеждин и его отношения к Белинскому) // Русское Богатство. 1894. № 8 (авг.). С. 109–146. (Примечание: Н.И. Надеждин упоминается на С. 139); № 9 (сент.). Отд. 1. С. 149–176.

Ростиславов Д.И. Записки Д.И. Ростиславова, профессора СПб. Духовной академии. Гл. XXXVI. О Николае Ивановиче Надеждине // РС. 1894. № 6. Июнь. С. 95–111.

1895

Милюков П.Н. Главные течения русской исторической мысли XVIII и XIX столетий. (II.) // Русская Мысль. 1895. № 4. Апрель. С. 73–88.

Скабичевский А.М. Сорок лет русской критики // Скабичевский А.М. Собрание сочинений. Т. I. Пб. 1895. С. 285–291. (Изд. 3-е. Пб. 1903. С. 263–269.)

1896

Волынский А.Л. [Философские и эстетические теории Надеждина]. В.Г. Белинский. Статья вторая // Волынский А.Л. Русские критики. Литературные очерки. СПб.: тип. М. Меркушева (б. Н. Лебедева). 1896. [4], IV, IV, 827 с. С. 69–80.

История полувековой деятельности Императорского Русского географического общества, 1845–1895. Сост. по поручению Совета Имп. РГО вице-председатель о-ва П.П. Семенов, при содействии действительного чл. А.А. Достоевского. СПб. 1896. (Гл. V. Исследования и работы по этнографии и статистике в Европейской России). С. 37–42.

Письмо Плетнева Гроту (25 ноября 1844). – Письмо Грота Плетневу (22 ноября 1945) // Переписка Я.К. Грота с П.А. Плетневым. Т. 2. СПб. 1896. С. 365, 632, 921. [С. 365: «23 ноября... Никитенко дал мне экземпляр некролога о Д. Княжевиче Надеждина. Много живого и интересного». – С. 632. Отзыв о статье «Светлый Князь Потемкин-Таврический».]

1897

Иванов Ив.И. История русской критики. Часть вторая. XVIII–XXXI // Мир Божий. 1897. № 8. История русской критики. Август. С. 105–142; № 9. Сентябрь. С. 124–158.

Буслаев Ф.И. Мои воспоминания. М.: Тип. Г. Лисснепа и А. Гешеля. 1897. 387 с. (Н.И. Надеждин – С. 103, 123–124.)

Надеждин Николай Иванович // Энциклопедический словарь. Изд. Ф.А. Брокгауз. И.А. Ефрон. Т. XX. Московский Университет – Наказания Исправительные. СПб. 1897. С. 432–434. [Б. п.]

1898

Мельников П.И. (Андрей Печерский). Тайные секты. – Счисление раскольников // Мельников П.И. (Андрей Печерский). ПСС. (Первое посмертное полное издание, дополненное, сверенное и вновь просмотренное по рукописям). Т. 14. СПб. – М.: Издание Товарищества М.О. Вольф. 1898. С. 279–395.

Письмо И.И. Дмитриева к князю П.А. Вяземскому (Москва, 1836, марта 3 дня). [Отзыв о статьях Н.И. Надеждина.] (Из Остафьевского архива; с примечаниями Н.П. Барсукова) // Старина и новизна. Исторический сборник, издаваемый при Обществе ревнителей исторического просвещения в память императора Александра III. СПб.: Тип. М. Стасюлевича. Кн. 2. 1898. [12], 384, [1] с. С. 184–185, 246–252.

1900

Венгеров С.А. Предисловие // ПСС В.Г. Белинского в двенадцати томах. (Под ред. и с примеч. С.А. Венгерова). СПб.: тип. М.М. Стасюлевича. Т. I. 1900. С. X–XI. [О Н.И. Надеждине.]

Гиппиус В.В. Пушкин и журнальная полемика его времени // Памяти А.С. Пушкина. Сборник статей преподавателей и слушателей историко-филологического факультета Имп. С.-Петербургского университета. СПб. 1900. С. 227–328.

1901

Письмо А.В. Кольцова В.Г. Белинскому (20 ноября 1836, Воронеж). [Отзыв о «Телескопе» Надеждина: «Мне жаль до смерти лишиться “Телескопа”: я его люблю душою】 // Кольцов А.В. Стихотворения и письма А.В. Кольцова. Полн. собр.: Вновь испр.

и значит. доп. изд. под ред. Арс. И. Введенского. 2-е изд. СПб.: А.Ф. Маркс. 1901. С. 178–179.

Богучарский В.Я. Петр Яковлевич Чаадаев. – Философические письма Чаадаева и его «Апология сумасшедшего». [«Философическое письмо» Чаадаева и закрытие «Телескопа】 // Богучарский В.Я. Три западника сороковых годов: (П.Я. Чаадаев, В.Г. Белинский и А.И. Герцен). (Историко-литературные очерки). СПб.: Н.О. Попова. 1901. V, [3], 394 с. С. 16–46.

Аксаков С.Т. Письма Н.И. Надеждину (2). 1853 // Литературный Вестник. 1901. № 4. С. 437–438.

Воскресенский Е.И. Литературные чтения: Пушкин. Гоголь. Белинский. М.: К.И. Тихомиров. 1901. 128 с. С. 120. [«Критика профессора А.Ф. Мерзлякова <...> была критика чисто эстетическая, равно как и серьезная критика профессора Надеждина, который впервые стал рассматривать – “понята ли и прочувствована идея произведения, есть ли в нем художественное единство, выдержаны ли и верны ли человеческой природе, условиям времени и народности характеры действующих лиц”».]

Флоринский Н.И., протоиерей. Из студенческих воспоминаний. (Посвящ. студентам духовных академий). М.: Унив. тип. 1901. [2], 34 с. (Отд. оттиск из «Душеполезного чтения» 1900–1901 г.) С. 4. [«Благодаря наставникам нашим в семинариях, мы прочитывали с великою для ума и сердца пользою такие драгоценные книги, как “Торжество Евангелия”, “История восточной и западной церкви” в Энциклопедическом лексиконе незабвенного нашего ученого Николая Ивановича Надеждина». На самом деле эти статьи Надеждина в «Энциклопедическом Лексиконе» называются: «Вселенские Соборы» и «Восточная кафолическая Церковь» – примечание М.Б.].

1902

Милюков П.Н. Надеждин и первые критические статьи Белинского // Милюков П.Н. Из истории русской интеллигенции. Сборник статей и этюдов. СПб. 1902. С. 188–211. (Изд. 2. 1903.)

Энгельгардт Н.А. История русской литературы XIX столетия. Т. 1. 1800–1850. [Николай Иванович Надеждин. – Вестник

Европы. – Журнал Телескоп. – Генетическая связь Белинского с Надеждиным и др.]. СПб. 1902. С. 301–307, 409–429, 439–444.

Надеждин, Н.И. // Мезиер А.В., сост. Русская словесность с XI по XIX столетия включительно. (Библиографический указатель произведений русской словесности в связи с историей литературы и критикой). Ч. II. СПб. 1902. С. 240–241. (пп. 12431–12447).

1903

Козмин Н.К. Очерки из истории русского романтизма. Н.А. Полевой как выразитель литературных направлений современной ему эпохи // Записки историко-филологического факультета Имп. СПб. университета. Часть LXX. СПб. 1903. 575 с. (Надеждин Н.И. – по Указ.).

Замотин И.И. Романтизм двадцатых годов XIX столетия в русской литературе. Т. 1. Варшава: тип. Варшав. учеб. окр. [6], VIII, 378, XXVI, [1] с. (Надеждин Н.И. – по Указ.).

Лобов Л.Н. И. Надеждин в русской критике // ЖМНП. 1903. Т. CCCXXXIX. № 9. Отд. II. С. 29–44.

Цензура в царствование императора Николая I // РС. 1903. № 2 (февраль). С. 310, 312, 322–324; № 3 (март). С. 572–584. [Б. п.]

1904

Василенко Н.П. [Участие О.М. Бодянского в Телескопе Надеждина. (Сочувственное отношение Надеждина к «появлению счастливых опытов литературной обработки малороссийского наречия»] // Василенко Н.П. О.М. Бодянский и его заслуги для изучения Малороссии. Киев: тип. Имп. Университета св. Владимира, акц. О-ва Н.Т. Корчак-Новицкого. 1904. [2], II, 231 с. С. 57–59.

Каллаш Вл.Г. Поборник народности (Памяти Н.И. Надеждина) // Русская Мысль. 1904. Кн. 12. Отд. I. С. 89–93.

Богучарский В. Из прошлого русского общества. СПб. 1904. С. 317–327. (По Указ.).

1905

Лемке Мих. Чаадаев и Надеждин. (По неизданным материалам) // Мир Божий. 1905. № 9. Отд. 1. С. 1–33; № 10. С. 122–156; № 11. С. 137–162; № 12. С. 91–109. [Приведены следственные показания Надеждина по делу о запрещении «Телескопа».]

Козмин Н.К. Надеждин и его отношения к Белинскому. (Новые материалы) // Известия ОРЯС Имп. АН. 1905. Т. X. № 4. С. 303–311. (Также отд. оттиск: Пб. 1906. 9 с.)

1906

Козмин Н.К. Детство и юность Н.И. Надеждина. СПб.: тип. Имп. Акад. Наук. 1906. 24 с.

Козмин Н.К. Надеждин и его отношения к Белинскому: (Новые материалы). СПб.: Тип. Имп. Акад. Наук. 1906. 9 с.

Козмин Н.К. Н.И. Надеждин и Е.В. Сухово-Кобылина (Е. Тур) // ЖМНП. 1906. Кн. 2. Отд. II. С. 272–303. (Вариант: Записки ист.-филолог. факультета Имп. Петербургского университета. 1912. Ч. CXI. С. 457–506, 524, 525.)

Козмин Н.К. [Рец.] М.К. Лемке. Чаадаев и Надеждин. («Мир Божий», 1905, № 9–12) // ЖМНП. 1906. № 7. Отд. II. С. 158–162.

Милюков П.Н. Надеждин и первые критические статьи Белинского. (По поводу нового изд. соч. Белинского под ред. С.А. Венгерова) // На славном посту. 1860–1900. Литературный сборник, посвященный Н.К. Михайловскому. Ч. II. Пб. 1906. С. 409–430. (Изд. 1. [1901].)

1907

[О «Философическом письме» Чаадаева]. В чем состоит народная гордость? (Вступ. заметка Н. Козмина) // РС. 1907. № 8. С. 237–258.

Козмин Н.К. Н.И. Надеждин – профессор Московского Университета // ЖМНП. 1907. Ч. IX. Май. С. 124–137; Ч. IX. Июнь. С. 281–325. [Лекции по археологии]; Ч. X. Июль. С. 26–71. [Лекции по теории изящных искусств].

1908

Геннади Г.Н. Надеждин, Никол. Ив. // Геннади Г.Н., сост. Справочный словарь о русских писателях и ученых, умерших в XVIII и XIX столетиях, и Список русских книг с 1725 по 1825 г. М. 1908. Т. 3: Н – Р. (С предисл. А. Титова. 291 с. С. 7–8.)

Козмин Н.К. Н.И. Надеждин – сотрудник Вестника Европы. СПб: Тип. Имп. Акад. Наук. 1908. 112 с.

Козмин Н.К. Из эпохи романтизма. (Вопрос о древней и новой поэзии) // ЖМНП. 1909. Ноябрь–декабрь. № 11–12. С. 42–80.

Чистяков В. Новые материалы о Н.И. Надеждине. (К биографии) // РС. 1908. № 2. С. 407–417. (Приведены аттестаты Надеждина об окончании Рязанской духовной семинарии и Московской духовной академии.)

Замотин И.И. Литературные течения и литературная критика 30-х годов // История русской литературы XIX в. Т. I. Под ред. Д.Н. Овсянико-Куликовского. М.: «Мир». 1908. С. 316–329.

1909

Бобров Е.А. И.А. Гончаров о Н.И. Надеждине // Известия ОРЯС Имп. АН. 1909. Т. XIV. № 1. С. 114–124. (Также: Бобров Е.А. Из истории русской литературы XVIII и XIX столетий. Пб. 1909. С. 117–127.)

Козмин Н.К. Научная деятельность Н.И. Надеждина в освещении проф. Е.А. Боброва // Известия ОРЯС Имп. АН. Т. 14. 1909. Кн. 4. С. 102–105.

Лемке Мих. Чаадаев и Надеждин // Лемке М. Николаевские жандармы и литература 1826–1855 гг. По подлинным делам третьего отделения собств. Е.И. Величества канцелярии. Изд. 2. СПб.: С.В. Бунин. 1909. С. 361–464. (Примечание: в тексте М. Лемке допущен ряд фактических ошибок, относящихся к биографии Н.И. Надеждина. См. также рецензию Н.К. Козмина в Журнале Министерства Народного Просвещения (1906, № 7).)

Козмин Н.К. Диссертация Н.И. Надеждина: «De poësi romantica» // ЖМНП. 1909. Сентябрь. № 9. С. 79–149.

1910

Биографический словарь писателей, ученых и художников, уроженцев (преимущественно) Рязанской губернии. Составлен о. И.В. Добролюбовым, дополнен С.Д. Яхонтовым. Рязань: Губернская тип. (Изд. Рязанской архивной Комиссии). 1910. С. 154–158. (Список трудов Н.И. Надеждина – 70 ед., список неизданных сочинений – 4 ед., литература о нем – 2 ед.)

Козмин Н.К. Научная деятельность Н.И. Надеждина в освещении проф. Е.А. Боброва. СПб: Тип. Имп. Акад. Наук. 1910. [2], 4 с. (Отд. отт. из «Известия ОРЯС Имп. АН». 1909. Кн. 4.)

Козмин Н.К. Н.И. Надеждин – издатель «Телескопа» // ЖМНП. 1910. Октябрь. № 10. С. 272–360.

1911

Аксаков К.С. Воспоминание студенчества 1832–1835 годов. СПб.: Огни. 1911. С. 17–30. (Впервые опубликовано в газете «День». 1862. № 39, 40.)

Данилов В.В. Н.И. Надеждин в Одессе в 1838–1842 гг. // Русский филологический вестник. 1911. № 2. С. 339–360.

Словарь членов Общества любителей Российской словесности при Московском Университете, 1811–1911. М.: Печатня А. Снегиревой. 1911. II, 342, [2] с. С. 199–200.

[Примечание Иванова-Разумника к статье Белинского В.Г. Сочинения Александра Пушкина. Статья пятая. (1844 г.)] // Белинский В.Г. Статьи о Пушкине. (Со вступ. ст. и примеч. Иванова-Разумника). Ч. 2. СПб. 1911. С. 66. [«Фраза из диссертации Надеждина: *ubi vita, ibi poësis* (где жизнь, там и поэзия – лат.) – проходит через все статьи Белинского, от первых до последних.】

1912

Козмин Н.К. Николай Иванович Надеждин: Жизнь и научно-литературная деятельность, 1804–1836. СПб.: Тип. М.А. Александрова. 1912. («Записки Историко-Филологического Факультета Санкт-Петербургского университета», CXI). 561 с.

Аксаков С.Т. Письма Н.И. Надеждину (2). Отрывки. 18–28 марта 1835 // Козьмин Н.К. Н.И. Надеждин. Жизнь и научно-литературная деятельность. Пб. 1912. С. 482, 483, 489, 490.

Надеждин, Николай Иванович // Сайтов В.И. Петербургский Некрополь. Том 3. (М – Р). Изд. Вел. Кн. Николай Михайлович. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича. 1912. С. 204.

1913

Милюков П. Главные течения русской исторической мысли. 3-е изд. М. 1913. С. 267–268.

Методология истории русской литературы. Киев: типо-лит. «Труд». 1913. [1], 95 с. С. 56. [«По вопросу о народной литературе работал проф. Надеждин. <...> Взгляд Надеждина важен в том отношении, что он указывал, что именно надо подразумевать под народностью и как ее изучать.】

Суперанский М.Ф. И.А. Гончаров и Н.И. Надеждин // Современник. 1913. № 5. С. 156–176.

Трубицын Н. [Рец. на книгу Н.К. Козмина «Н.И. Надеждин. Жизнь и научно-литературная деятельность»] // Журн. Министерства народного просвещения. 1913. № 9. Отд. II. С. 136–162.

Клевенский М. [Рец. на книгу Н.К. Козмина «Н.И. Надеждин. Жизнь и научно-литературная деятельность»] // Голос минувшего. 1914. № 5. С. 296–299.

Котляревский Н.А. Отзыв о сочинении Н.К. Козмина «Н.И. Надеждин. Жизнь и научно-литературная деятельность» // Отчет о пятнадцатом присуждении премий митрополита Макария. СПб. 1915. С. 33–39.

Владиславлев И.В. Надеждин Ник. Ив. // Владиславлев И.В. Русские писатели XIX–XX ст. Опыт библиографического пособия по новейшей русской литературе. Изд. 2-е переработ. и дополн. М.: «Наука». 1913. С. 185. (Изд. 3. М., 1918. – Изд. 4. Л., 1924.)

[Журнал] 10 июня 1913 г. [Мнение] Ординарного профессора С.С. Глаголева [О сочинении студента Андреева Федора на тему «Юрий Федорович Самарин, как богослов и философ», об отношении Самарина к Надеждину] // Журналы собраний Совета Императорской Московской духовной академии за 1913 год. [Сергиев Посад]: Свято-Троицкая Сергиева Лавра. 1914. 712 с. С. 187–189.

[«Надеждин был крупной личностью... Пушкин в конце концов усмотрел в Надеждине не зоила и педанта, а друга и тонкого критика. Надеждин сделал очень много и в очень различных областях, и еще на студенческой скамье он был замечен Ф.А. Голубинским, который и начал руководить его в изучении немецкой философии.】

1914

Надеждин, Николай Иванович // Русский биографический словарь. Под наблюдением А.А. Половцова. СПб.: Тип. Гл. упр. Уделов. 1914. Т. 11: Нааке-Накенский – Николай Николаевич Старший. С. 19–34. Подпись: -нъ. [С библиографией 1828–1903 гг. (80 номеров).]

Надеждин, Николай Иванович // Энциклопедический словарь Гранат. 7-е изд. Т. 29. Минеральные воды – Наугейм. М.: Изд. тов. «Бр. А. и И. Гранат и К°». 1914. Стб. 519–521. [Б. п.]

Соловьев И.М. Русские университеты в их уставах и воспоминаниях современников. СПб. 1914. С. 147.

Из записок московского протоиерея Н.И. Надеждина (1832–1833 гг.). Сообщил А. Надеждин // У Троицы в Академии. 1814–1914 гг.: Юбилейный сборник ист. материалов. М.: Изд. бывш. воспитанников Московской духовной академии. 1914. С. 43, 56.

1915

Котляревский Н.А. Отзыв о сочинении Н.К. Козмина: «Н.И. Надеждин, жизнь и научно-литературная деятельность 1804–1836», СПб., 1912 г., составленный академиком Н.А. Котляревским. Пг.: тип. Акад. Наук. 1915. 33–39 с.

Молва, журнал мод и новостей, издаваемый Ник. Ив. Надеждиным. – Телескоп, журнал современного просвещения, издаваемый Ник. Ив. Надеждиным. – Журнал Министерства Внутренних Дел. (1829–1861). – Географические Известия, издаваемые от Русского Географического Общества. – Этнографический Сборник, издаваемый Императорским Русским Географическим Обществом. Вып. I // Лисовский Н.М. Библиография Русской периодической

печати 1703–1900 гг. (Материалы для истории русской журналистики). Пг. 1915. С. 75, 78–79, 114, 122.

1917

Венгеров С.А. Надеждин, Николай Иванович // Венгеров С.А. Источники словаря русских писателей. Т. IV. Лоначевский – Некрасов. Пг. 1917. С. 474–477.

1922

Шпет Г. Очерк развития русской философии. Ч. I. Пг.: «Колос». 1922. С. 284–286, 299, 300, 339, 340.

1929

Сакулин П.Н. Русская литература. Ч. 2. Новая литература. М. 1929. 640 с. (Н.И. Надеждин – по Указ.)

Коган П.С. Н.И. Надеждин // Очерки по истории русской критики. [Сборник. Под ред. А. Луначарского и Вал. Полянского]. М.–Л.: ГИЗ. 1929. Т. I. С. 172–187.

1930

Надеждин, Николай Иванович // Малая советская энциклопедия [в 10 т.] (Гл. ред. Н.Л. Мещеряков). М.: АО «Советская энциклопедия». Т. 5: Массикот – Огнев. 1930. Стб. 513–514.

1931

Эпиграммы на Н.И. Надеждина: Е. Боратынский. «В восторженном невежестве своем...». – П. Вяземский. «Неустршимый самохвал...»; «Двуличен он! Избави Боже?...»; «Прочь с презренною толпою...» // Эпиграмма и сатира: Из истории литературной борьбы XIX века. М., Л.: Academia. 1931. Т. 1. 576 с. (По Указ.)

1934

Цявловский М. Пушкин по документам архива М.П. Погодина // ЛН. 1934. Т. 16. С. 679–724. (По Указ.)

Надеждин Николай Иванович // Литературная энциклопедия. (Гл. ред. А.В. Луначарский). Т. 7. М.: Изд. «Советская энциклопедия». 1934. Стб. 566–569.

1938–1940

Пушкин А.С. <Роман в письмах>. – Путешествие в Арзрум во время похода 1829 года // Пушкин. ПСС. Изд. АН СССР. Т. 8. 1938–1940. С. 50, 483, 567.

1939

Н.И. Надеждин // Литературная учеба. 1939. № 11. С. 90–95.
[Б. п.]

1941

Головчинер В., Дьяконов П., Козьмин Б. Письма А.И. Герцена разным лицам. [Письмо А.И. Герцена Е.В. Салиас-де-Турнемир (23 июня 1863 г.). – Письмо Е.В. Салиас сыну Е.А. Салиас относительно написания ею воспоминаний о Н.И. Надеждине. – Примечания и комментарии] // ЛН. Т. 39. 1941. С. 257–261.

Пушкин А.С. Письма М.П. Погодину (20 мая – 6 июня 1830, 3 янв. 1831). – Письмо П.А. Вяземскому (2 янв. 1831). – Письмо Н.В. Гоголю (25 авг. 1831) // Пушкин. ПСС. Изд. АН СССР. Т. 14. 1941. Переписка 1828–1831. С. 96, 97, 139, 140, 215.

Письмо Н.В. Гоголя А.С. Пушкину (21 авг. 1831) // Пушкин. ПСС. Изд. АН СССР. Т. 14. 1941. Переписка 1828–1831. С. 211.

1946

Берг Л.С. Всесоюзное географическое общество за сто лет // М., Л.: Изд. АН СССР. 1946. С. 43–55, 144–151. (Н.И. Надеждин – по Указ.)

1947

Чернышевский Н.Г. Очерки гоголевского периода русской литературы // Чернышевский Н.Г. ПСС. В 15 т. М.: Гослитиздат. 1947. Т. 3. С. 46–51, 134–240.

Бюллетени Рукописного отдела. Вып. 1. М., Л. 1947. АН СССР. Институт литературы (Пушкинский дом). Изд. АН СССР. С. 6, 24, 74. (По Указ.)

1948

Богаевская К., Жирмунский В. Неизвестные страницы Белинского в «Мольве», «Литературной газете» и «Отечественных Записках» // ЛН. Т. 55. 1948. С. 297–406. (По Указ.)

Ланский Л. Библиотека Белинского // ЛН. Т. 55. 1948. С. 431–572. (По Указ.)

Соколов Н.А. Надеждин и Белинский. Тезисы дис. на соискание учен. степени кандидата филол. Ленинград: Тип. ЛГОЛУ. 1948. 3 с.

Пушкин А.С. [Эпиграммы на Н.И. Надеждина]. <На Надеждина>. «Надеясь на мое презренье...». – Сапожник. (Притча). – <На Надеждина>. «В журнал совсем не европейский...». – Эпиграмма. «Седой Свистов! ты царствовал со славой...». – Эпиграмма. «Мальчишка Фебу гимн поднес...» // Пушкин. ПСС. Изд. АН СССР. Т. 3. 1948. С. 172, 174, 175, 186, 187, 744–746, 748–751, 771.

Пушкин А.С. Письма: И.В. Киреевскому (11 июля 1832). – М.П. Погодину (11 июля 1832; первая половина сентября 1832) // Пушкин. ПСС. Изд. АН СССР. Т. 15. 1948. Переписка 1832–1834. С. 26–29.

Письмо Н.В. Гоголя Пушкину (23 дек. 1833) // Пушкин. ПСС. Изд. АН СССР. Т. 15. 1948. Переписка 1832–1834. С. 100–101.

1949

Лаврецкий А. Историко-литературная концепция Белинского, ее предшественники, последователи и критики // Белинский – историк и теоретик литературы. М.–Л.: АН СССР. 1949. С. 49–51.

Пушкин А.С. Отрывок из Литературных летописей (1829). – <Общество Московских литераторов> (1829). – <О журнальной критике> (1830). – <О новейших блестителях нравственности> (1830). – Детская книжка. 3. «Ванюша, сын приходского дьячка...» (1830). – <Опровержение на критики> (1830). – <Возражение критикам «Полтавы»> (1830). – Опыт отражения некоторых нелитературных обвинений. – Несколько слов о мизинце г. Булгарина и о прочем // Пушкин. ПСС. Изд. АН СССР. Т. 11. 1949. Критика и публицистика 1819–1834. С. 78–79, 85–86, 89, 98, 102, 151, 155, 164, 169, 211, 347, 371, 374–375, 397.

Пушкин А.С. Table-talk. «Я встретился с Надеждиным у Погодина...» // Пушкин. ПСС. Изд. АН СССР. Т. 12. 1949. Критика. Автобиография. С. 159, 398.

Пушкин А.С. Письмо М.П. Погодину (14 апр. 1836) // Пушкин. ПСС. Изд. АН СССР. Т. 16. 1949. Переписка 1835–1837. С. 103–104.

Письма А.С. Пушкину: П.В. Нащокина (1836), Д.В. Давыдова (23 ноября 1836) // Пушкин. ПСС. Изд. АН СССР. Т. 16. 1949. Переписка 1835–1837. С. 181, 194.

1950

Панаев И.И. Литературные воспоминания. [Ред. текста, вступ. ст. и примеч. И. Ямпольского]. М.: Гослитиздат. 1950. (Л.: Тип. «Печ. двор»). LVI, 472 с., 7 л. ил. (Серия литературных мемуаров. Под общ. ред. Н.Л. Бродского и др.). (По Указ.)

Мордовченко Н.И. Н.И. Надеждин. «Телескоп» и «Молва». – Журналистика и критика 1826–1840 гг. // Очерки по истории русской журналистики и критики. Т. I. XVIII век и первая половина XIX века. Л. 1950. С. 239–255, 342–369.

Гиппиус В.В. «Вестник Европы» // Очерки по истории русской журналистики и критики. Т. I. XVIII век и первая половина XIX века. Л. 1950. С. 177–193.

Комаров А.И. «Московский Вестник» // Очерки по истории русской журналистики и критики. Т. I. XVIII век и первая половина XIX века. Л. 1950. С. 300–309.

Осокин А., Барановская М., Бродский Н. Белинский в неизданной переписке современников (1834–1848): выдержки из писем // ЛН. Т. 56. 1950. С. 87–200. (По Указ.)

Оксман Ю. Переписка Белинского. Критико-библиографический обзор // ЛН. Т. 56. 1950. С. 201–254. (По Указ.)

Малова М. Из воспоминаний И.А. Гончарова о Белинском: письма Гончарова Кавелину и А.Н. Пыпину // ЛН. Т. 56. 1950. С. 257–269. (По Указ.)

Бродский Н. Из воспоминаний Н.Х. Кетчера о Белинском: страницы из дневника И.К. Бабста // ЛН. Т. 56. 1950. С. 270–272.

Поляков М. Студенческие годы Белинского // ЛН. Т. 56. 1950. С. 303–436. (По Указ.)

1951

Мордовченко Н. Переписка Белинского с родными: сорок одно письмо Белинского (1829–1835) и сто двадцать семь писем к Белинскому (1829–1848 гг.). (Публ. Аскарянц А., Ланского Л., Мордовченко Н.) // ЛН. 1951. Т. 57. С. 27–240. (По Указ.)

Цявловский М.А. Эпиграмма «Седой Свистов...» // Звенья. Т. IX. М.: Госкультпросветиздат. 1951. С. 163–167. (Эпиграмма Пушкина, направленная против Надеждина.)

Гура В.В. Русские писатели в Вологодской области. Вологда. 1951. 208 с. (Н.И. Надеждин – по Указ.)

1952

Сергиевский И., Ланский Л. Гоголь в неизданной переписке современников. [Переписка: Н.А. Мельгунов – Н.М. Языкову (12 июля 1841 г.) – М.Г. Карташевская – В.С. Аксаковой (14 ноября 1842 г. и др.)] // ЛН. 1952. Т. 58. С. 606, 641–642, 647. (Н.И. Надеждин – по Указ.)

1953

Осовцов С.М. Разгадка П.Щ. (По следам известного инкогнито) // Театр. 1953. № 9 (сентябрь). С. 149–159. («П.Щ.» – псевдоним Надеждина.)

Козьмин Б. Письма Огарева к Е.В. Салиас де Турнемир // ЛН. 1953. Т. 61. С. 797–844. (По Указ.)

Рудницкая Е. Из писем к М.Л. Огаревой. [Об отце Н.И. Надеждина, священнике] // ЛН. 1953. Т. 61. С. 850–858.

Белинский В.Г. Ничто о ничем, или Ответ г. издателю «Телескопа» за последнее полугодие (1835) русской литературы. (Телескоп, 1836, ч. XXXI, № 1). – Сорок одна повесть лучших иностранных писателей (Бальзака, Бальоль, Блюменбаха, доктора Гаррисона, Е. Гино, Гофмана, А. Дюма, Ж. Жанена, Вашингтона Ирвинга, Кинда, Крузе, И. Люка, Сентина, Тика, Щокке, Ф. Шаля и других). Изданы Николаем Надеждиным. Москва. В тип. Н. Степанова. 1836. В двенадцати частях // Белинский В.Г. ПСС. В 13 томах. М.: АН СССР. 1953. Т. 2. С. 7–50; С. 121–122.

1953–1959

Белинский В.Г. Утренняя заря. Альманах на 1839 год. (МН. 1839. Ч. I. № 2.) [Рец. на статью Надеждина «Народная поэзия у Зырян»] – Одесский альманах на 1839 год. (МН. Ч. II. № 3) // Белинский В.Г. ПСС. В 13 томах. М.: АН СССР. 1953. Т. 3. С. 66–67, 106–110.

1954

Белинский В.Г. Сто русских литераторов. Том второй. Издание книгопродавца А. Смирдина. СПб. 1841. (ОЗ. 1841. Т. XVII. № 7) // Белинский В.Г. ПСС. В 13 томах. М. 1954. Т. 5. С. 186–217. (Рец. на повесть Н. Надеждина «Сила воли» – С. 213–214.)

Нечаева В.С. В.Г. Белинский. Учение в университете и работы в «Телескопе» и «Молве». 1829–1836. М. 1954. 488 с.

Нечаева В.С. Станкевич и Надеждин // Нечаева В.С. В.Г. Белинский. Т. II. М.: АН СССР. 1954. С. 177–202.

Гончаров И.А. Воспоминания // Собрание сочинений. Т. VII. М.: Гослитиздат. 1954. С. 211.

1955

Бюллетени Рукописного отдела Пушкинского дома. Вып. V. М., Л.: Изд. АН СССР. 1955. С. 25, 42. (По Указ.) [«Лекция Г-на Профессора Надеждина (1832 года Марта 14). Составлял Н. Огарев».]

1956

Аксаков С.Т. Письмо к Издателю [Московского Вестника] (1830 г.). [О критике Надеждина в адрес Пушкина] // Аксаков С.Т. Собрание сочинений. Т. 3. М. 1956. (Подг. текста и примеч. Машинского). С. 517–519.

Аксаков С.Т. Письмо к Издателю Молвы. [О принадлежности псевдонима П.Щ. Надеждину] // Аксаков С.Т. Собрание сочинений. Т. 3. М. 1956. (Подг. текста и примеч. Машинского). С. 621–623.

Деркачев И.З. Очерк эстетики Н.И. Надеждина // Ученые записки Ульяновского пед. ин-та. 1956. Вып. 8. С. 431–447.

Мезенцев П.А. Н.И. Надеждин и В.Г. Белинский // Ученые записки Кишиневского ун-та. 1956. Т. XXII. С. 15–34.

Нечаева В.С. Кому принадлежат статьи, подписанные П.Щ. // Известия АН СССР, Отд. лит. и яз. 1956. Т. XV. Вып. 1. С. 38–51. (Утверждается авторство С. Аксакова, Надеждин может быть признан соавтором статей (1 и 7 в 1833 г.))

Масанов И.Ф. Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей. М.: Изд. Всесоюз. книжной палаты. Т. 1. А – И. 1956. С. 322 («-джд-»). (По Указ.)

1957

Масанов И.Ф. Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей. М.: Изд-во Всесоюз. книжной палаты. Т. 2. 1957. С. 207, 225 («Н.», «Н.Н.»). (По Указ.)

Осовцов С.М. Предшественник В.Г. Белинского // Ученые записки Ленингр. пед. ин-та [им. А.И. Герцена]. 1957. Т. CXXXIV. С. 113–127.

Гукасова А.Г. Из истории литературно-журнальной борьбы второй половины 20-х годов XIX века // Ученые записки Моск. пед. ин-та им. В.И. Ленина. 1957. Т. CXV. Вып. 7. С. 23–30. (Надеждин о творчестве Пушкина.)

Бюллетени Рукописного отдела Пушкинского дома. Вып. VII. М., Л.: Изд. АН СССР. 1957. С. 151. (По Указ.) [Стазич Андрей, учитель. – Письмо к Н.И. Надеждину с сообщением о составленной автором письма сербской грамматике для итальянцев. Задар (Зара), 10 августа 1852 г., на хорв. яз.]

1958

Жегалкина Е.П. Надеждин – критик Пушкина // Ученые записки Московского педагогического ин-та им. Н.К. Крупской. М. 1958. Т. LXVI. Вып. 4. С. 79–101, 333–344.

Масанов И.Ф. Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей. М.: Изд. Всесоюз. книжной палаты. Т. 3. 1958. С. 267, 323. («Экс-студент Никодим Аристархович Надоумко», «Н.Н.»). (По Указ.)

Кийко Е.И. Надеждин // История русской критики. Т. I. М.–Л.: АН СССР. 1958. С. 262–278. (Институт русской литературы.)

Кулешов В.И. «Отечественные записки» и литература 40-х годов XIX века. М.: Моск. ун-т. 1958. С. 18, 23, 29, 65, 277, 357, 361. (По Указ.) [Н.И. Надеждин сотрудничал в отделе «Науки», участвовал в составлении статьи «Русская литература в 1838 году», помещенной в «Отечественных Записках».]

1958–1963

Азадовский М.К. История русской фольклористики. (Под общ. ред. Э.В. Померанцевой). М.: Учпедгиз. 1958–1963. Т. 1. С. 158, 240, 253, 290, 315–322, 352, 360, 433. – Т. 2. С. 3–17, 91, 111, 218, 234–235. (По Указ.)

1959

Земенков Б.С. Памятные места Москвы. Страницы жизни деятелей науки и культуры. М.: Московский рабочий. 1959. С. 144–145, 150, 170, 239–240. (Н.И. Надеждин – по Указ.)

Осовцов С. К спорам о псевдониме «П.Щ.» // РЛ. 1959. № 4. С. 174–185. (Автор доказывает, что «П.Щ.» – это псевдоним Н.И. Надеждина.)

1960

Гришунин А.Л. Опыт об исследовании употребительных языковых дуплетов в целях атрибуции // Вопросы текстологии. Сборник статей. Вып. 2. М.: Изд. АН СССР. 1960. С. 184. [О несомненном участии Надеждина в написании статей под псевдонимом «П.Щ.».]

Масанов И.Ф. Словарь псевдонимов русских писателей, научных и общественных деятелей. М.: Изд-во Всесоюз. книжной палаты. Т. 4. 1960. С. 330. («Надеждин Николай Иванович» – 16 псевдонимов.)

1962

Березина В. К участию В.Г. Белинского в изданиях Н.И. Надеждина (1833–1834) // РЛ. 1962. № 3. С. 51–74.

Осовцов С.А. Б.В. и другие // РЛ. 1962. № 3. С. 75–101. (Приводится ряд доказательств, что «А.Б.В.» – псевдоним Н.И. Надеждина.)

Манн Ю.Н. И. Надеждин – предшественник Белинского // ВЛ. 1962. № 6. С. 143–166.

Надеждин Николай Иванович // История русской литературы XIX века. Библиографический указатель. Под ред. К.Д. Муратовой. М.–Л.: Изд. АН СССР. 1962. Надеждин Н.И. – по Указ. (С. 472–474, 917 и др. по Указ.)

Цявловский М.А. Эпиграмма «Седой Свистов!..» // Цявловский М.А. Статьи о Пушкине / АН СССР. Отд-ние лит. и яз. М.: Изд-во АН СССР. 1962. С. 390–394.

1963

Осовцов С.С. Т. Аксаков или Н.И. Надеждин? // РЛ. 1963. № 3. С. 93–104. (Автор доказывает принадлежность Н.И. Надеждину псевдонимов: «Истома Романов», «Азбукин», «А. Букин»,

«Бррр-ус», «Иван Дергунов», «Геннадий Самоучкин», «Читаев», «-нский», «Я. Незакулисный», «Пилад Белугин 2», «Юст Ижинцин», «Анемподист Щупальце», «Марфа Ивановна Выжимкина», «Литературный бутошник».)

Осовцов С.М. Н.И. Надеждин об актерском искусстве // Труды. Л.: ЛГБИ. 1963. Т. 13. С. 209–229.

Осовцов С.М. Чьи инициалы А.Б.В.? (К 100-летию со дня смерти М.С. Щепкина) // Советская культура. 1963. № 103. 24 авг. С. 4.

1964

Осовцов С. Щепкин и Надеждин // Театральная жизнь. 1964. № 3. С. 30–31.

Осовцов С. Знакомы? (Лермонтов и Надеждин) // Литературная Россия. 1964. № 42. (16 окт.). С. 10–11.

Попова Т.Н. Неизвестные письма В.Ст. Караджича Н.И. Надеждину // Вестник Московского Университета. Серия VII. Филология, журналистика. 1964. № 4. С. 55–66.

Надеждин Николай Иванович // Театральная энциклопедия. Т. III. Кетчер – Нежданова. (Гл. ред. П.А. Марков). М.: Изд. «Советская энциклопедия». 1964. С. 1038. Подпись: А. Шн.

Манн Ю. Надеждин Николай Иванович // Философская энциклопедия. Т. 3. Коммунизм – Наука. (Гл. ред. Ф.В. Константинов). М.: Изд. «Советская энциклопедия». 1964. С. 530–531.

1965

Березина В.Г. Русская журналистика второй четверти XIX века. Л. 1965. С. 65.

Осовцов С.М. С.Т. Аксаков и Н.И. Надеждин в театрально-критическом отделе «Молвы» // РЛ. 1965. № 2. С. 134–148.

1966

Осовцов С.М. Н.И. Надеждин – театральный критик. (Автореферат диссертации на соискание учен. степени кандидата искусствоведения / Ленингр. гос. ин-т театра, музыки и кинематографии).

фии). Л. 1966. 23 с. [«К диссертации прилагается библиография театральных статей, рецензий Надеждина». Библиография в конце текста автореферата – 16 публикаций С.М. Осовцова по теме диссертации.]

Осовцов С. Кто был автором «Литературной летописи Одессы»? // РЛ. 1966. № 1. С. 145–150. (Устанавливается авторство Н.И. Надеждина. На с. 149–150 приведено письмо Н.И. Надеждина А.А. Краевскому, из Одессы от 29 января 1840 г.)

Токарев С.А. История русской этнографии (Дооктябрьский период). (АН СССР, Ин-т этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая). М.: Наука. 1966. 452, [1] с. (Гл. 6. Русская этнография в 1840–1860-х годах). С. 207–281. (По Указ.)

1967

Осовцов С. Из истории эпиграмматических дуэлей Пушкина // РЛ. 1967. № 1. С. 198–200. (Об эпиграмматической дуэли между Пушкиным и Надеждиным; о принадлежности Надеждину псевдонимов: «Л.С.», «Львино-Зубов», «Орлино-Когтев».)

Андроников И.Л. О диссертации С.М. Осовцова «Надеждин – театральный критик» // Театр. 1967. № 5. С. 101–105. [С.М. Осовцов «убедительнейшим образом доказал, что Надеждину принадлежат девяносто девять анонимных и псевдонимных статей и рецензий на спектакли московских театров... (еще 14 рецензий С.М. Осовцов отнес в отдел не вполне достоверных)... По существу, Осовцов заново открыл нам Надеждина, и открытие это составляет существенный вклад в изучение не только театра прошлого века, но и нашей литературы».]

1968

Прийма Ф.Я. Н.И. Надеждин и славяне // Славянские литературные связи: Сборник науч. статей. (Отв. ред. акад. М.П. Алексеев). Институт русской литературы (Пушкинский дом) АН СССР. Л.: Наука. 1968. С. 5–28.

Полянина Т.В. Вопросы истории и культуры Закарпатья и Галичины в трудах первых русских славистов (Н.И. Надеждин и

И.И. Срезневский) // Вопросы русской литературы. Львов. 1968. Вып. 2. С. 66–74.

Манн Ю.В. Надеждин, Николай Иванович // Краткая литературная энциклопедия. Т. 5. Мурари – Припев. М.: Изд. «Советская энциклопедия». 1968. Стб. 70–72.

Машинский С.И. Еще раз о таинственном криптониме «П.Щ.» // Писатель и время. Сборник историко-литературных, теоретических и критических статей. Вып. 5. М. 1968. С. 121–134.

1969

Манн Ю.В. Н.И. Надеждин – предшественник Белинского // Русская философская эстетика (1820–1830-е годы). М. 1969. С. 43–75.

Манн Ю.В. Статья Надеждина на немецком языке // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. 1969. Том XXVIII. Вып. 4 (июль – август). С. 330–338.

1971

Черная Т.К. Литературно-критические взгляды Н.И. Надеждина, предшественника Белинского. (Автореф. диссертации на соискание учен. степени канд. филол. наук: (640) / Моск. гос. пед. ин-т им. В.И. Ленина). М. 1971. 23 с.

1972

Манн Ю. «Факультеты Надеждина». (Вступ. статья). – Комментарии // Надеждин Н.И. Литературная критика. Эстетика. М.: Художественная литература. 1972. 575 с. С. 3–44; С. 479–549.

1973

Жаворонкова З. Человек энциклопедических знаний // Гордость земли Рязанской. [Сборник]. М.: Моск. Рабочий. 1973. 383 с., ил. (Н.И. Надеждин – по Указ.)

Л.А. Ирсетская. Письма Н.И. Надеждина к Ф.А. Голубинскому. [4 письма, 1826–1838 гг.] // Государственная библиотека

СССР им. В.И. Ленина. Записки отдела рукописей. Вып. 34. М. 1973. С. 178–194.

1974

Коган Л.А. Из предыстории гегельянства в России // Гегель и философия в России. 30-е годы XIX в. – 20-е годы XX в. М. 1974. С. 53–68.

Маймин Е. Первое собрание сочинений Н.И. Надеждина // ВЛ. 1974. № 1. С. 274–278.

Надеждин Николай Иванович // Большая Советская Энциклопедия. (Гл. ред. А.М. Прохоров). Т. 17. Моршин – Никиш. Изд. третье. М.: Изд. «Советская энциклопедия». С. 205. [Б. п.]

Каменский З.А. Русская эстетика первой трети XIX века. Романтизм. Эстетические идеи декабризма. Вступительная статья // Русские эстетические трактаты первой трети XIX века. Т. II. М.: «Искусство». 1974. (Редкол.: предс. Овсянников М.Ф. и др. Сост., вступ. ст. и примеч. З.А. Каменского). С. 47–61.

1975

Манн Ю.В. Проблема историзма в философской критике. Н.И. Надеждин. – Историческое направление литературоведческой мысли. (1830–1840-е годы) // Возникновение русской науки о литературе. М.: Наука. 1975. С. 272–332. (По Указ.)

1976

Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского дома на 1973 год. Л.: Изд. «Наука». 1976. С. 80, 81, 90. (По Указ.) [В письмах К.С. Аксакова и В.П. Боткина.]

Осовцов С.М. М.П. Погодин – рецензент Пушкина // РЛ. 1976. № 2. С. 105–109. [О принадлежности М.П. Погодину рецензии на «Повести Белкина» А.С. Пушкина, опубликованной в «Телескопе» (1831 г.) за подпись «N.N.», автором которой ранее считали Н.И. Надеждина.]

1977

Гречишkin С.С. Архив А.М. Ремизова. [«Особый интерес представляют письма Н.И. Надеждина (1839)...»] // ЕРОПД на 1975 год. Л.: Изд. «Наука». 1977. С. 18–19.

1978

«Странная судьба». (Из дневников А.В. Сухово-Кобылина). Публ. Н.Б. Волковой // Встречи с прошлым. Сборник материалов ЦГАЛИ. Вып. 3. С. 22–24.

Языков Н.М. Письма к родным. Публ. А.А. Карпова // ЕРОПД на 1976 год. Л.: Изд. «Наука». 1978. С. 159–175. (По Указ.)

Ирсетская Л.А. Письма Н.И. Надеждина к М.Н. Погодину. [40 писем, 1829–1852 гг.] // Государственная библиотека СССР им. В.И. Ленина. Записки отдела рукописей. Вып. 39. М. 1978. С. 178–224.

1979

Каменский З.А. Курс логики Н.И. Надеждина в Московском университете (по архивным источникам). К 175-летию со дня рождения Н.И. Надеждина // Философские науки. 1979. № 4. С. 123–128.

1980

В.П. Боткин. Письма к М.А. Бакунину. Публикация Б.Ф. Егорова // ЕРОПД на 1978 год. Л.: Изд. «Наука». 1980. С. 117–118.

1981

Нечаева В.С. Мой труд многолетний... [Виссарион Григорьевич Белинский. От первых архивных разысканий – к созданию четырехтомной монографии] // Альманах библиофила. Выпуск XI. М.: «Книга». 1981. С. 297–299.

Каменский З.А. Курс эстетики Н.И. Надеждина в Московском университете (по архивным источникам) // ФН. 1981. № 2. С. 138–142.

1981

Каменский З.А. Курс эстетики Н.И. Надеждина в Московском Университете (по архивным источникам) // ФН. 1981. № 2. С. 138–142.

Сводный каталог русской нелегальной и запрещенной печати XIX века. Книги и периодические издания. [В 3 ч.] 2-е доп. и перераб. изд. М.: ГБЛ. 1981. Ч. 2: Книги. Н – Я. Периодические издания (1159–2576). [Подгот. под рук. С.С. Левиной и Л.Н. Петровой]. 1982. 230, [2] с. С. 3. (Н.И. Надеждин. Исследование о скопческой ереси.)

1982

Эльзон М.Д. Кем переведено «Философическое письмо»? (К истории закрытия «Телескопа») // РЛ. 1982. № 1. С. 168–176.

1983

Семенов Е.П. Русская эстетика в памятниках и документах // РЛ. 1983. № 2. С. 220–232.

1984

Каменский З.А. Н.И. Надеждин: Очерк философских и эстетических взглядов (1828–1836). М.: Искусство. 1984. 208 с. (Примечания: Соч. Н.И. Надеждина: С. 198–200; Библиогр.: С. 200–207.)

1985

Радченко Е.К. Эстетические взгляды Н.И. Надеждина: Автограф. дис. на соиск. учен. степ. канд. филос. наук. М.: Изд-во МГУ. 1985. 24 с.

Наволоцкая Н.И. Библиографическое описание журнала «Телескоп» (1831–1836). 1. Указатель содержания. М.: МГУ им. М.В. Ломоносова. Ф-т журналистики. 1985. 122 с. (От составителя. С. 3–20; Хронологическая роспись статей. С. 21–122.)

Махов А.Е. Журнал «Телескоп» и русская литература 1830-х годов: диссертация... кандидата филологических наук: 10.01.01. М. 1985. 227 с., ил.

Кошелев В. «Вологодская история» Никодима Надоумко // Вологодские давности: Литературно-краеведческие очерки. Архангельск. 1985. С. 166–180.

1986

Гилльсон М.И. Славная смерть «Телескопа» // Вацуро В.Э., Гилльсон М.И. Сквозь «умственные плотины». М.: «Книга». 1986. С. 165–183, 366–367.

1988

Аполлон Григорьев. Воспоминания. [Мои литературные и нравственные скитальчества. Посвящ. М.М. Достоевскому]. М.: «Наука». 1988. С. 6, 39, 50, 60–61. (По Указ.)

[Эпиграммы на Н.И. Надеждина]. Пушкин А.С.: 1. Сапожник. (Пригода). – 2. «Седой Свистов! ты царствовал со славой...». – 3. «Мальчишка Фебу гимн поднес...». – 4. «В журнал совсем не европейский...». – 5. На Надеждина. «Надеясь на мое презренье...». – Шевырёв С.П.: <На Н.И. Надеждина>. «Наследник Лессигов по важности предмета...» // Русская эпиграмма (XVIII – начало XX века). Сост. М.И. Гилльсон, К.А. Кумпан. Л.: Советский писатель. Изд. 3. 1988. С. 252–253, 255, 330.

1989

Некрасов Н.А. [Рец.] Сто русских литераторов. Булгарин, Вельтман, Веревкин, Загоскин, Каменский, Крылов, Масальский, Надеждин, Панаев, Шишков. СПб. В тип. А. Бородина и комп. С десятью портретами и десятью картинками. Изд. книгопродавца А. Смирдина // Н.А. Некрасов. ПСС и писем в пятнадцати томах.

Т. 11. Кн. 1. Критика. Публицистика (1840–1849). Л.: Наука. 1989.
С. 13–26, 368.

1991

Зеленин Д.К. Восточнославянская этнография. [Пер. с нем.].
М.: Наука. 1991. (Этнографическая библиотека). 507, [4] с., ил.
С. 12–13.

1994

Соловей Т.Д. Николай Иванович Надеждин. У истоков отечественной этнологической науки. [Предисловие к статье Н.И. Надеждина «Об этнографическом изучении народности русской»] // Этнографическое обозрение. 1994. № 1. С. 103–107.

Н.В. Гоголь. Собрание Сочинений. Т. 9. М.: «Русская книга». 1994. С. 50, 64, 540, 545, 633, 654. (Н.И. Надеждин – по Указ.)

1995

Самошина Н.В. Мировоззрение Н.И. Надеждина. Автореф. дис. на соиск. учен. степ. к. ист. н. Орел. 1995. 22 с.

Сапова Л., Сапов В. Обидчик России. Дело о запрещении журнала «Телескоп». (Новые документы о П.Я. Чаадаеве) // ВЛ. 1995. № 1. С. 113–153; № 2. С. 56–110.

Осовцов С.М. О родословной Феофилакта Косичкина // Нева. 1995. № 6. С. 200–204. (Литературная полемика Н. Надеждина, Ф. Булгарина и Пушкина. Роль биографии и взглядов Надеждина в рождении псевдонима.)

Орехова Л.А. В Бахчисарае после Пушкина: (Записки Н.И. Надеждина) // Пушкин и славянский мир: Пятые Крымские Пушкинские международные чтения (Алупка, 11–15 сент. 1995 г.): Материалы. (Отв. ред. В.П. Казарин). Симферополь: Крым, архив. 1995. С. 54–55.

1996

Афанасьев А.Н. Рецензия на 1-й выпуск «Этнографического сборника» // Афанасьев А.Н. Происхождение мифа: Статьи по

фольклору, этнографии и мифологии. [Сост., подгот. текста, послесл. и ком. А.Л. Топоркова]. М.: Индрик. 1996. 638 с. С. 208–233, 411, 594. (По Указ.)

1997

Каменский З.А. Шеллингианская школа диалектического идеализма в русской философии начала XIX века // Шеллинг и философия в России. М. 1997.

Третьякова Е.Ю. Николай Иванович Надеждин: своеобразие публицистического творчества. Материалы к спецкурсу / М-во общ. и проф. образования РФ. Кубан. гос. ун-т. Отд-ние журналистики. Краснодар. 1997. 36 с.

Рак В.Д. Рецензия Н.И. Надеждина «Современное состояние сатиры во Франции» // РЛ. 1997. № 2. С. 123–131.

Орехова Л.А. По следам А.С. Пушкина: Н.И. Надеждин в Бахчисарае: «Скажи, фонтан Бахчисарай...» // Четвертая международная Пушкинская конференция (авг. 1997. СПб.; Н. Новгород). Материалы. СПб. 1997. С. 195–198.

Освцов С.М. «Выступление и наказание». (О закрытии журнала «Телескоп» Н.И. Надеждина за напечатание «Философического письма» П.Я. Чаадаева в 1836 г.) // Нева. 1997. № 1. С. 197–204.

1998

Манн Ю.В. Русская философская эстетика. М.: МАЛП. 1998. 381 с. С. 50–109. (Гл. 2. Факультеты Надеждина.)

Дмитриев М.А. Главы из воспоминаний моей жизни / Подгот. текста и примеч. К.Г. Боленко, Е.Э. Ляминой и Т.Ф. Нешумовой. М.: Новое литературное обозрение. 1998. С. 214, 363–369, 439, 458–459, 624, 672, 679–680, 694. (По Указ.)

Зыкова Г.В. Журнал Московского университета «Вестник Европы» (1805–1830 гг.): разночинцы в эпоху дворянской культуры. М.: Диалог-МГУ. 1998. 129 с. (Н.И. Надеждин – по Указ.)

Родюкова М.В. История Русской Православной церкви в документах Рукописного отдела // ЕРОПД на 1994 год. СПб.: Гуманитарное агентство «Академический проект». 1998. С. 4–13.

1999

Манн Ю.В. Надеждин Николай Иванович // Русские писатели. 1800–1917. Библиографический словарь. (Гл. ред. П.А. Николаев). М.: Научное изд. «Большая Российская Энциклопедия» – Научно-внедренческое предприятие Фианит. 1999. Т. 4: М – П. С. 206–213.

Черейский Л.А. Современники Пушкина. Документальные очерки. М. 1999. С. 180–182.

Шилов Л.А. «Обновленный» Н.И. Надеждин и библиотекарь Публичной библиотеки Н.А. Шлегель // РЛ. 1999. № 3. С. 163–167. (О настоящем авторе пересказов былин, опубликованных в нескольких изданиях книги «Богатыри и витязи Русской земли», – Надежде Алексеевне Шлегель, подписывавшей свои работы псевдонимом «Н. Надеждин».)

2000

Голубева О.В. Русская литературная критика конца 1810-х – начала 1830-х годов: основные направления и специфика: Автограф. дис. ... канд. филол. н. [Моск. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова]. М. 2000. 21 с.

Горбунов Б.В. Надеждин, Николай Иванович // Рязанская энциклопедия. [Гл. ред. В.Н. Федоткин]. Рязань: Пресса. Т. 2. Н – Я. 2000. 719 с., ил. С. 8–9.

Ласкина М.Н. П.С. Мочалов. Летопись жизни и творчества. М. 2000. 589, [1] с., ил. (Библиотека Малого театра). (Н.И. Надеждин – по Указ.)

Рудаков Л.И. Социальная философия П.Я. Чаадаева и русская философская и общественная мысль XIX века: Дис. ... д-ра филос. н.: 09.00.03, 09.00.11. СПб. 2000. 282 с.

Каменский З.А. Надеждин – эстетик и философ // Н.И. Надеждин. Эстетика. Философия. Соч.: в 2 т. Под общ. ред. З.А. Каменского. Ин-т философии РАН. СПб. 2000. Т. 1. С. 5–30.

Средний-Камашев И.Н. Несколько замечаний на рассуждение Надеждина «О происхождении, свойствах и судьбе поэзии так называемой романтической» // Н.И. Надеждин. Эстетика. Филосо-

фия. Соч.: в 2 т. Под общ. ред. З.А. Каменского. Ин-т философии РАН. СПб. 2000. Т. 1. Приложения. С. 461–468.

Полевой Н.А. Рецензия на диссертацию Н.И. Надеждина // Н.И. Надеждин. Эстетика. Философия. Соч.: в 2 т. Под общ. ред. З.А. Каменского. Ин-т философии РАН. СПб. 2000. Т. 1. Приложения. С. 469–478.

Чистяков М.Б. Воспоминания о Н.И. Надеждине // Н.И. Надеждин. Эстетика. Философия. Соч.: в 2 т. Под общ. ред. З.А. Каменского. Ин-т философии РАН. СПб. 2000. Т. 2. Приложения. С. 862–892.

Чернышевский Н.Г. Из очерков гоголевского периода русской литературы // Н.И. Надеждин. Эстетика. Философия. Соч.: в 2 т. Под общ. ред. З.А. Каменского. Ин-т философии РАН. СПб. 2000. Т. 2. Приложения. С. 893–913.

2001

Калоева И.А. Изучение южных славян в России в XVIII – первой половине XIX в. / РАН. ИНИОН. Фундам. б-ка. Отд. науч.-библиогр. инф. Отв. ред. Слива А.И. М. 2001. 116 с. С. 73–75.

2002

Николай Греч. Записки о моей жизни. М.: изд. И. Захаров. 2002. С. 390–407. [История первого Энциклопедического лексикона в России.]

2003

Орехова Л.А. Север и Юг в биографии Н.И. Надеждина: мифологический и архивно-фактографический аспекты // Северный текст в русской культуре: Материалы международной конференции. Северодвинск, 25–27 июня 2003. – Архангельск: Поморский ун-т, 2003. С. 47–57.

2004

Досталь М.Ю. Н.И. Надеждин – критик и практик романтизма (историко-славистический аспект) // Мир романтизма. 2004. № 10. С. 116–122.

2005

Орехова Л.А. Мистификация литературная – мистификация биографическая (из наблюдений над прозой Н.И. Надеждина) // Науковий вісник Ізмаїльського державного університету. Вип. 18. Ізмаїл. 2005. С. 113–119.

Московский университет в судьбе русских писателей и журналистов. Воспоминания. Дневники. Письма. Статьи. Речи. М.: Изд. «ВК». 2005. 716 с. По Указ.

2006

Мельгунов Б.В. Неизвестная эпиграмма на Н.И. Надеждина и В.Г. Белинчского // ЕРОПД на 2002 год. СПб. 2006. С. 58–63, 614.

Кошиенко И.В. Из наблюдений над рукописью: Об эпиграфе в статье «Отрывок из Литературных летописей» А.С. Пушкина // ЕРОПД на 2002 год. СПб. 2006. С. 53–57.

2007

Срезневский И.И. Воспоминания о Н.И. Надеждине // Вестник Общества русской народной культуры «Большая Медведица». Иваново: Изд. Роща Академии. 2007. № 1. С. 23–31.

2008

Попрыгин Р. «Соединяя полезное с приятным» (Н.И. Надеждин как популяризатор литературы) // Акценты: альманах. Воронеж. 2008. В. 3–4 (74–75). С. 47–53.

Самошина Н.В. Общественно-политические взгляды Н.И. Надеждина // Булгаковские чтения. 2008. Т. 2. № 2. С. 253–260.

2009

Махонина С.Я. Журнал «Вестник Европы». 1802–1830 гг. М.: Фак. журналистики Московского гос. университета им. М.В. Ломоносова. 2009. 105 с.

2010

Громова Т.Ю. «Поэзия действительности»: Литературно-критические и эстетические взгляды Н.И. Надеждина // Гуманитарные исследования. 2010. № 3. С. 119–122.

Досталь М.Ю. Н.И. Надеждин на пути к романтизму (пародоксы и славистические опыты) // Славянский альманах. 2010. Т. 2009. С. 166–175.

Ваганова Г.Л. Надеждин Николай Иванович // Новая философская энциклопедия. Т. 3. Н – С. М.: «Мысль». 2010. С. 9–10.

2011

Плужникова Ю.А. Формирование художественной концепции И.А. Гончарова в контексте идей Н.И. Надеждина // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2011. № 4 (96). С. 188–190.

2012

Васкул А.И. Этнографическая программа Русского географического общества // Русский фольклор. Материалы и исследования / ИРЛИ (Пушкинский дом) РАН. Отв. ред. М.В. Рейли. СПб.: Наука. 2012. Т. 36. С. 460–471.

Орехова Л.А. Загадка крымского путешествия Н.И. Надеждина: мотивация и интерпретация // В зеркале путешествий: Материалы международной научной конференции «Родная земля глазами стороннего наблюдателя. Заметки путешественников о Тверском krae». (Ред.-сост. Е.Г. Милогина, М.В. Строганов). Тверь – Ржев, 14–17 сентября 2012 года. Тверь. 2012. С. 49–57.

Надеждин Николай Иванович // Орлов А.С., Георгиева Н.Г., Георгиев В.А. Исторический словарь. 2-е изд. М. 2012. С. 340–341.

Подвойский Л.Я. Н.И. Надеждин о таинстве Платоновой мудрости // Каспийский регион: Политика, экономика, культура. 2012. № 1. С. 203–212.

Скороходова С.И. Воспитание Ю.Ф. Самарина как исток мировоззрения // Наука и школа. 2012. № 2. С. 168–172.

Салиас де Турнемир Е.В. [Евгения Тур]. Воспоминания о войне 1877–1878 гг. Предисл., примеч. Н.Н. Воробьевой. Харьков: «Фолио». 2012. 159 с. С. 12, 120–121.

2013

Строганова Е.Н. Е.В. Салиас де Турнемир и А.В. Сухово-Кобылин // Культура и текст. 2013. № 2 (15). С. 84–91.

Азадовский М.К. История русской фольклористики. Изд. 2-е. Т. 2. М.: Российский гос. гуманитарный ун-т. 2013. С. 566–575.

2014

Анnotatedенный список фондов отдела рукописей РНБ. СПб.: РНБ. 2014. С. 49. [Ф. № 507. Надеждин Н.И. 10 ед. хр. (1828–1855 гг.).]

Селезнёв Ф. Особые поручения чиновника Мельникова // Родина. 2014. № 2. С. 37–40.

Чуркина И.В. Вук Караджич и Н.И. Надеждин. (К 150-летию кончины сербского ученого) // Славянский мир в третьем тысячелетии. 2014. № 9. С. 11–26.

2015

Бирюкова М.А., Стрижев А.Н. Евгения Тур (1815–1892): Материалы к библиографии // Литературоведческий журнал. 2015. № 36. С. 257–310.

Измаил Срезневский. Незаменимый. [О Н.И. Надеждине]. (Публ. М.А. Бирюковой и А.Н. Стрижёва) // НКР. 2015. № 1. С. 23–28.

Михаил Максимович. Незаменимый. [О Н.И. Надеждине]. (Публ. М.А. Бирюковой и А.Н. Стрижёва) // НКР. 2015. № 2. С. 22–25.

Строганова Е. «Что-то странное со мною. Зачем родилась? Зачем любила? Зачем живу?». К биографии Е. Салиас де Турнемир // ВЛ. 2015. № 2. С. 217–244.

Симосато Т.Н. И. Надеждин: От эстетики и литературной критики к этнографическому изучению культуры // Вестник Московского университета. Серия 7: Философия. 2015. С. 16–28.

Смирнов К.В. «Теперь я решительно живу в прошедшем». (О Вологодском периоде жизни и творчества Н.И. Надеждина) // Вологодский текст в русской культуре. Сб. ст. по материалам конференции. 2015. С. 245–250.

Токарев С.А. История русской этнографии. (Сост. и отв. ред. О.А. Платонов). М.: Институт русской цивилизации. 2015. 656 с. С. 294–380. (По Указ.)

Эмир-велиева Я.С. Авторское мифотворчество в автобиографической и художественной прозе (на материале историко-литературного мифа о Н.И. Надеждине и Е.В. Сухово-Кобылиной). Ст. 2 // Мировая литература на перекрестье культур и цивилизаций. 2015. № 4 (12). С. 79–91.

Чапаева Л.Г. Оппозиции свой ~ чужой, народный ~ европейский, русский ~ церковнославянский в концепции Н.И. Надеждина // Текст: Структура, семантика, стилистика. Сб. ст. по итогам Международной конференции памяти доктора филологических наук, профессора Е.И. Дибровой. В 2 частях. 2015. С. 155–162.

Пашков С.В. Дискуссия М.П. Погодина и Н.И. Надеждина по варяго-русскому вопросу // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. 2015. Т. 33. № 1 (198). С. 86–89.

Орехова Л.А. «Бахчисарайский фонтан» А.С. Пушкина в литературе путешествий по Крыму: Проблемы интерпретации // Вестник Псковского государственного университета. Серия «Социально-гуманитарные науки». Вып. 1. Псков. 2015. С. 258–265.

2016

Чапаева Л.Г. «Европеизм» в лингвистической концепции Н.И. Надеждина // Известия Южного федерального университета. 2016. № 2. С. 132–138.

Капранова И.В. Литературно-эстетическая концепция Н.И. Надеждина // Слово. Словесность. Словесник. (Материалы межрегиональной научно-практической конференции преподавателей и студентов). Отв. ред. А.А. Решетова, Т.В. Федосеева. 2016. С. 144–146.

2017

Гаан А.С. Судьба Николая Ивановича Надеждина // Студент. Аспирант. Исследователь. 2017. № 1 (19). С. 3–8.

Чуркина И.В. Русские ученые и Вук Стефанович Караджич // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2017. Т. 19. № 3–1. С. 132–138.

Список принятых сокращений:

- АН – Академия наук
БдЧ – «Библиотека для чтения»
ВЕ – «Вестник Европы»
ВЛ – «Вопросы литературы»
ЕРОПД – «Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского дома»
ЖМВД – «Журнал Министерства Внутренних Дел»
ЖМНП – «Журнал Министерства Народного Просвещения»
Имп. РГО – Императорское Русское Географическое Общество
ИВ – «Исторический Вестник»
ЛГ – «Литературная Газета»
ЛН – «Литературное наследство»
МВ – «Московский Вестник»
МН – «Московский Наблюдатель»
МТ – «Московский Телеграф»
НКР – «Новая книга России»
ОЗ – «Отечественные Записки»
Одесское Императорское Общество истории и древностей – Одесское Имп. ОИД
ОРЯС – Отделение русского языка и словесности
ПСС – Полное собрание сочинений

РА – «Русский Архив»

РБ – «Русская Беседа»

РГО – Русское Географическое Общество

РЛ – «Русская литература»

РС – «Русская Старина»

СО – «Сын Отечества»

СО и СА – «Сын Отечества и Северный Архив»

СП – «Северная Пчела»

ФН – «Философские науки»

*Составление и вступительное слово
М.А. Бирюковой и А.Н. Стрижёва*

КОРОТКО ОБ АВТОРАХ

Бирюкова Маргарита Анатольевна, писатель, библиограф, краевед. Окончила МХТИ им. Д.И. Менделеева (1992). Совместно с А.Н. Стрижёвым опубликованы библиографические разыскания о незаслуженно забытых русских писательницах Евгении Тур и М.Ф. Львовой-Ростовской.

E-mail: rittabiruikova@mail.ru

Душенко Константин Васильевич (р. 1946), канд. истор. наук, ст. науч. сотрудник Отдела культурологии ИНИОН РАН. Составитель справочников цитат и крылатых выражений, антологий афоризмов: «Мастера афоризмов от Возрождения до наших дней» (3-е изд., 2006), «Цитаты из всемирной литературы от Гомера до наших дней» (2007), «Цитаты из русской литературы от “Слова о полку...” до Пелевина» (2-е изд., 2007), «Всемирная история в изречениях и цитатах» (2-е изд., 2008), «Большой словарь цитат и крылатых слов» (2011), «Большая книга афоризмов» (2012), «Большой словарь латинских цитат и выражений» (в соавт., 2013), «Последние слова знаменитых людей: Легенды и факты» (2016) и др.

E-mail: kdushenko@nln.ru

Логвинова Ирина Владимировна, канд. филол. наук, ст. науч. сотрудник Института культурологии образования РАО. Автор работ по истории юенского романтизма, русской литературе.

E-mail: logrina@gmail.com, Lo-grina@yandex.ru

Николюкин Александр Николаевич (р. 1928), д-р филол. наук, гл. научный сотрудник ИНИОН РАН. Автор 12 монографий по американистике и истории русской литературы.

E-mail: anikolyukin1928@yandex.ru

Олейник Виталий Трофимович (р. 1946), канд. филол. наук, переводчик; сотрудник издательства «Весь мир», медиакомпании Hearst Shkulev Media. Автор статей по английской и русской литературе, литературной критике.

E-mail: oleynik4646@bk.ru

Ранчин Андрей Михайлович (р. 1964), д-р филол. наук, профессор МГУ, специалист по древнерусской литературе и литературе Нового времени. Автор монографий: «На пиру Мнемозины: (Интертексты Бродского)» (2001), «Вертоград Златословный» (2007), «Борис и Глеб» (2012) и др.

E-mail: aranchin@mail.ru

Стрижёв Александр Николаевич (р. 1934), писатель, библиограф. Сфера научных интересов – библиография рус. писателей, в том числе Е.И. Замятиня, Л.Ф. Зурова, В.К. Тредиаковского, М.М. Хераскова, А.С. Шишкова, А.Ф. Лабзина и мн. др. Научно-исследовательские работы собраны в кн.: Собрание сочинений: в 5 т. (2007). Совместно с М.А. Бирюковой опубликованы разыскания о Евгении Тур и М.Ф. Львовой-Ростовской.

E-mail: astrizhev.mbirukova@mail.ru

Хлебников Георгий Владимирович (р. 1949), канд. филос. наук, зав. Отделом философии ИНИОН РАН. Область научных интересов: история философии, теология, литература и литературная критика. Автор книг: «Аристотель Онassis» (1998), «Античная философская теология» (2014).

E-mail: gwvoloshin@mail.com

ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

2018 – № 43

Рукописи представляются в редакцию в печатном и электронном виде. К тексту статьи прилагаются: краткая аннотация на русском и английском языках и список ключевых слов, а также справка об авторе с указанием ученой степени, должности, места работы и контактной информации. Публикуемые рукописи рецензируются.

Корректор Я.А. Кузьменко
Компьютерная верстка Н.М. Власова

Свидетельство о регистрации журнала № 003610 от 25.02.2000
Адрес редакции: 117418, Москва, Нахимовский просп., 51/21,
ИНИОН РАН. Отдел литературоведения
liter@inion.ru

Гигиеническое заключение
№ 77.99.6.953.0.5008.8.99 от 23.08.1999 г.
Подписано к печати 18/VII-2018 г. Формат 60x84/16
Бум. офсетная № 1 Печать офсетная
Усл. печ. л. 19,25 Уч.-изд. л. 14,5
Тираж 400 экз. (1 – 150 экз. – 1-й завод)
Заказ № 40

**Институт научной информации
по общественным наукам РАН,**
Нахимовский проспект, д. 51/21
Москва, В-418, ГСП-7, 117997

**Отдел маркетинга и распространения
информационных изданий**
Тел./Факс +7(925) 517-3691
E-mail: inion@bk.ru

Отпечатано по гранкам ИНИОН РАН
ООО «Амирит»
410004, Саратовская обл.,
г. Саратов, ул. Чернышевского, д. 88, литера У